

СЛАБОСТЬ ВИКТОРИИ БЕРГМАН

Эрик Аксл Сунд

Девочка-ворона

18+

CoRpus

САМАЯ КРУПНАЯ СКАНДИНАВСКАЯ СЕНСАЦИЯ
СО ВРЕМЕН СТИГА ЛАРССОНА

Annotation

Криминальный роман-трилогия «Слабость Виктории Бергман» – литературный дебют двух шведов, Иеркера Эрикссона и Хокана Аксландера Сундквиста, пишущих под псевдонимом Эрик Аксл Сунд. Часть первая, «Девочка-ворона», до глубины души поразила читателей и критиков. Европейская пресса сходится во мнении, что ошеломляющий успех Сунда сравним разве что с успехом великого Стига Ларссона. Полиция Стокгольма находит в городе изуродованные трупы мальчиков. Поскольку жертвы – нелегальные иммигранты, чья судьба почти никого не волнует, полицейское начальство не поощряет стараний следственной группы. Но комиссар Жанетт Чильберг упорно ищет убийцу-садиста.

Психотерапевт София Цеттерлунд специализируется на пациентах, перенесших тяжелые травмы в детстве. Ее самые интересные клиенты – загадочная Виктория Бергман и Самуэль Баи, бывший ребенок-солдат из Сьерра-Леоне.

Когда пути двух женщин пересекаются, в их жизни наступает драматический перелом, обещающий мгновения счастья и недели тяжелейших испытаний.

-
- [Эрик Аксл Сунд](#)
 -
 -
 - [Дом](#)
 - [Гамла Эншеде\[1\]](#)
 - [Турильдсплан](#)
 - [Аэропорт](#)
 - [Турильдсплан](#)
 - [Квартал Крунуберг\[4\]](#)
 - [Патологоанатомическое отделение](#)
 - [Квартал Крунуберг](#)
 - [Мыльный дворец\[6\]](#)
 - [Больница в Худдинге](#)
 - [Мыльный дворец](#)
 - [Квартал Крунуберг](#)
 - [Гамла Эншеде](#)
 - [Белые горы\[17\]](#)

- [Монумент](#)
- [Мыльный дворец](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Патологоанатомическое отделение](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Центральный мост](#)
- [Мыльный дворец](#)
- [Монумент](#)
- [Больница в Худдинге](#)
- [X2000\[29\]](#)
- [Свартшёландет](#)
- [Патологоанатомическое отделение](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Больница в Худдинге](#)
- [Мыльный дворец](#)
- [Гостиная](#)
- [Harvest Home\[45\]](#)
- [Бундегатан](#)
- [Монумент](#)
- [Дверь](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [“Индира”](#)
- [Кухня](#)
- [Данвикстуль – Данвикская таможня\[51\]](#)
- [Патологоанатомическое отделение](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Хаммарбюхёйден](#)
- [Черрторп\[52\]](#)
- [Пластикат](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Мыльный дворец](#)

- [Монумент](#)
- [Дорога](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Мыльный дворец](#)
- [Стадион “Цинкенсдамм”](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Монумент](#)
- [Патологоанатомическое отделение](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Мыльный дворец](#)
- [Мыльный дворец](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Белые горы](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Улица Всех Святых](#)
- [Раньше, Боргместаргатан](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Белые горы](#)
- [Белые горы](#)
- [Грисслинге](#)
- [Грисслинге](#)
- [Грисслинге](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Хаммарбю Шёстад\[86\]](#)
- [Сканстуль – Крепостная таможня\[87\]](#)
- [Белые горы](#)
- [Стокгольм](#)
- [Белые горы](#)
- [Квартал Крунуберг](#)
- [Белые горы](#)
- [Гамла Эншеде](#)
- [Часовня Святого Креста](#)
- [Свободное падение](#)
- [Благодарность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)

- [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
-

Эрик Аксл Сунд

Девочка-ворона

Издательство CORPUS ®

Памяти Сестры

Мрачна наша жизнь. Велико наше врожденное разочарование – отчего столь много сказок и расцветает в лесах Скандинавии, – мрачно обращается в уголь голодный огонь нашего сердца. Многие обречены следить за обугливанием собственного сердца; точно проклятые калеки, прикладывать ухо и слушать, как оно с шипением сгорает.

Харри Мартинсон

Крапива цветет

Дом

построили более ста лет назад, и он обладал основательными каменными стенами, следовательно, заниматься их изоляцией ей, вероятно, не требовалось, но хотелось подстраховаться.

Слева от гостиной находилась маленькая угловая комната, которую она раньше использовала в качестве кабинета или комнаты для гостей.

При комнате имелись туалет и просторная гардеробная.

Комната подходила идеально: одно-единственное окно, этажом выше пустующий, необустроенный чердак.

Довольно легкомыслия, отныне не принимать ничего как данность.

Ни в чем нельзя полагаться на волю случая. Случайность – весьма опасный и ненадежный спутник. Временами друг, но столь же часто непредсказуемый враг.

столовый гарнитур

она отодвинула к стене, освободив большое пространство в центре гостиной.

Теперь оставалось только ждать.

Первая партия пенопласта прибыла в соответствии с договоренностью в десять часов, и четверо мужчин занесли его в дом. Трое из них были лет пятидесяти, четвертому хорошо, если исполнилось двадцать. Бритоголовый парень в черной футболке с двумя перекрещенными шведскими флагами на груди под надписью: “Моя Родина”. На локтях татуировка в виде паутины, а на руках какой-то сюжет из каменного века.

Снова оставшись одна, она уселась на диван и принялась планировать работу. Решила начать с пола, поскольку проблемы могли возникнуть только из-за него. Жившие внизу пожилые супруги, правда, были глуховаты, да и она за все годы не слышала от них ни звука, но тем не менее эта деталь представлялась важной.

Она зашла в спальню.

Мальчик по-прежнему спал крепким сном.

Просто удивительно – когда они встретились в электричке, он сразу взял ее за руку, встал и послушно пошел с ней, ей даже не потребовалось ничего говорить.

Словно было предreshено, что выбор падет на него.

Молниеносное озарение, как при рождении ребенка, когда женщина

сразу понимает, что он принадлежит ей.

Она заполучила ученика, которого искала, и ребенка, которого ей не суждено было иметь.

Она положила руку ему на лоб, убедилась, что температура спала, а затем посчитала пульс.

Все нормально.

Она подобрала правильную дозу морфия.

кабинет

имел на полу толстое белое ковровое покрытие, которое всегда казалось ей страшным и негигиеничным, но в то же время приятным для ног. Теперь оно еще и пригодится для ее целей.

Она принялась разрезать пенопласт острым разделочным ножом и накрепко приклеивать куски толстым слоем клея для пола.

От сильного запаха у нее довольно быстро закружилась голова, и пришлось открыть выходящее на улицу окно. Оно было с тройным стеклом и с внешней стороны имело еще дополнительное звуконепроницаемое стекло.

Случайность обернулась другом.

Она улыбнулась.

Уплотнение пола заняло весь день, но она регулярно заглядывала к мальчику.

Когда весь пол был готов, она проклеила стыки серебристым скотчем.

В последующие дни доставляли новый строительный материал, и она занималась стенами. К пятнице оставался только потолок, отнявший немного больше времени, поскольку ей приходилось сперва намазывать пенопласт клеем, а затем прикреплять пластину к потолку при помощи реек.

Пока клей подсыхал, она на место предварительно снятых дверей прибила гвоздями несколько старых одеял. Дверь в гостиную она заклеила четырьмя слоями пенопласта, как раз заполнившими полуметровой глубины дверную коробку.

Взяв старую простыню, она повесила ее на единственное окно. Оконный проем на всякий случай обработала двойным слоем изоляции. Когда комната была готова, она покрыла пол и стены водоотталкивающим брезентом.

Во всех этих хлопотах присутствовал некий элемент медитации, и когда она потом уселась и обозрела содеянное, то испытала гордость.

комната

за последующую неделю стала еще лучше. Она купила четыре маленьких резиновых колесика, крючок, десять метров электрического кабеля, несколько метров деревянных реек, торшер и коробку электрических лампочек. Заказала с доставкой на дом набор гантелей, штангу и самый обычный велотренажер.

Она освободила один из стеллажей гостиной от книг, поставила его на бок и крепко привинтила колесики – по одному на каждый угол. Затем прикрепила с передней стороны деревянную рейку, чтобы скрыть колесики, и установила стеллаж перед дверью в потайную комнату.

Прочно привинтив стеллаж к двери, она попробовала ее открыть.

Дверь беззвучно заскользила на колесиках – все работало идеально.

Прибив крючок, она заперла дверь и установила торшер так, чтобы он скрывал незамысловатое запирающее устройство.

В завершение она поставила на место книги и отнесла в комнату тонкий матрас с одной из кроватей спальни.

Вечером она перенесла спящего мальчика в помещение, которому предстояло стать его новым домом.

Гамла Эншеде^[1]

Странно было не то, что мальчик мертв, а скорее то, что он прожил так долго. Судя по количеству ран и их характеру, он должен был бы умереть гораздо раньше предварительно установленного времени смерти. Однако что-то поддерживало в нем жизнь, когда нормальному человеку уже давно пришел бы конец.

Выезжая задним ходом из гаража, комиссар уголовной полиции Жанетт Чильберг еще ничего об этом не знала. И уж тем более не подозревала, что данное дело станет первым в череде событий, которые кардинально изменят ее жизнь.

В окне кухни она заметила Оке и помахала ему, но он был поглощен разговором по телефону и не увидел ее. Первую половину дня ему предстояло посвятить стирке недельной порции пропотевших футболок, перепачканных песком носков и грязного нижнего белья. При наличии жены и сына, питавших жгучий интерес к футболу, приходилось минимум пять раз в неделю до предела напрягать их старую стиральную машину – неотъемлемая часть семейных будней.

Жанетт знала, что в ожидании, пока машина достраивает, он поднимется в оборудованное на чердаке маленькое ателье и продолжит работу над одной из незаконченных картин маслом, которыми постоянно занимается. Он был романтиком, мечтателем, неспособным поставить в начатом “последнюю точку”, хотя Жанетт неоднократно уговаривала его связаться с кем-нибудь из галеристов, вообще-то проявлявших интерес к его работам. Но он вечно отмахивался, утверждая, что еще не полностью закончил. Пока не полностью, но скоро.

И тогда все изменится.

Он добьется успеха, деньги потекут рекой, и они наконец смогут осуществить все, о чем мечтали. От выкупа дома до любого путешествия.

Почти двадцать лет спустя она начала сомневаться в том, что это когда-нибудь произойдет.

Выехав на Нюнесвэген, Жанетт услышала настораживающее постукивание возле левого переднего колеса. Даже будучи полным профаном в технике, она смогла понять, что со старенькой “ауди” что-то не так и что придется снова сдавать ее на станцию обслуживания. Наученная горьким опытом, Жанетт знала, что бесплатно машину ей не починят, хоть серб возле площади Булиденплан и делает все хорошо и недорого.

Накануне она сняла со счета остаток денег, чтобы заплатить последний из целой череды амортизационных взносов за дом, квитанции на которые с садистической пунктуальностью приходили раз в квартал, и надеялась, что на этот раз сможет починить машину в кредит. Прежде ей такое удавалось.

От мощного вибрирования в кармане куртки, сопровождаемого Девятой симфонией Бетховена, Жанетт чуть не съехала с дороги и едва не выскочила на тротуар.

– Да, Чильберг слушает.

– Привет, Жан, у нас тут имеется кое-какое дельце на площади Турильдсплан.

Голос принадлежал ее коллеге Йенсу Хуртигу.

– Надо немедленно ехать туда. Ты где? – донеслось из телефона с такой громкостью, что ей пришлось отодвинуть трубку от уха сантиметров на десять, чтобы не лишиться слуха.

Она ненавидела, когда ее называли Жан, и чувствовала нарастающее раздражение. Это ласкательное имя возникло в шутку на корпоративе три года назад, но со временем распространилось по всему полицейскому управлению.

– Я возле Ошты, как раз сворачиваю на Эссингледен. Что там произошло?

– В кустах возле метро, неподалеку от Педагогического института, обнаружили мертвого парня, и Биллинг хочет, чтобы ты ехала туда как можно быстрее. Он, похоже, чертовски взволнован. Судя по всему, речь идет об убийстве.

Жанетт Чильберг слышала, что постукивание усиливается, и опасалась, как бы не пришлось съезжать на обочину и вызывать буксировщика, а потом просить кого-нибудь ее подвезти.

– Если только эта чертова тачка не развалится, я буду на месте через пять-десять минут и хочу, чтобы ты тоже приехал.

Машина накренилась, и Жанетт на всякий случай перестроилась в правый ряд.

– Само собой. Я уже выезжаю и, вероятно, опережу тебя.

Хуртиг повесил трубку, и Жанетт засунула телефон в карман куртки.

Брошенный в кустах мертвый парень – для Жанетт это звучало скорее как избиение, повлекшее за собой смерть, и, следовательно, его надо квалифицировать как непредумышленное убийство.

Бытовое убийство, размышляла она, чувствуя, как у нее дернулся руль, – это когда женщину убивает дома ревнивый муж после того, как та сообщила, что хочет с ним развестись.

По крайней мере, чаще всего.

Однако времена меняются, и то, чему ее когда-то учили в Полицейской академии, стало теперь не только неактуальным, но и ошибочным. Рабочие методы подверглись реформированию, и работа полицейских сегодня во многих отношениях сложнее, чем была двадцать лет назад.

Жанетт помнила свои первые годы службы в патруле и тесное взаимодействие с обычными людьми. Как общественность помогала им и вообще доверяла полиции. Сейчас, думала она, о квартирных кражах заявляют только потому, что этого требует страховая компания. Не потому, что люди надеются на раскрытие преступления.

Чего она ожидала, когда бросила учебу на социального работника и решила стать полицейским? Что сумеет что-то изменить? Помочь? Во всяком случае, именно это она заявила отцу в тот день, когда с гордостью продемонстрировала документ о приеме в академию. Да, так и было. Ей хотелось оказываться между попавшим в беду и виновником беды.

Хотелось быть настоящим человеком.

А служба в полиции это подразумевала.

Все детство она, затаив дыхание, слушала, как отец с дедом обсуждали полицейские дела. В любые праздники разговоры за столом все равно, так или иначе, касались жестоких грабителей банков, симпатичных воришек и хитроумных обманщиков. Анекдотов и воспоминаний о темной стороне жизни.

Так же как запах запеченного рождественского окорока создавал атмосферу надежды, тихое журчание мужских голосов на заднем плане вызывало ощущение надежности.

Она улыбнулась, вспомнив равнодушие и скепсис дедушки по отношению к новым техническим вспомогательным средствам. Металлические наручники, видите ли, для упрощения работы заменили текстильными. Однажды он сказал, что анализ ДНК – всего лишь дань моде и долго не продержится.

Профессия полицейского – это умение видеть разницу, а не упрощать, думала она. Работу необходимо корректировать в соответствии с меняющимися общественными условиями.

Полицейский должен хотеть помочь, проявлять заинтересованность. Не просто сидеть за тонированными стеклами в бронированной патрульной машине и беспомощно таращиться по сторонам.

Турильдсплан

Иво Андрич специализировался именно на таких редких и экстремальных смертных случаях. Он был родом из Боснии, в течение почти четырехлетней сербской блокады работал врачом в Сараево и в результате так посмотрелся на мертвых детей, что временами сожалел о том, что стал судмедэкспертом.

В Сараево было убито почти две тысячи детей в возрасте до четырнадцати лет, в том числе две дочери Иво. Он нередко задумывался о том, как выглядела бы его жизнь, останься он в деревне под Прозором. Однако теперь рассуждать на эту тему уже не имело смысла. Сербы сожгли их дом и убили его родителей и троих братьев.

Полицейское управление Стокгольма вызвало его рано утром, и поскольку держать район вокруг станции метро оцепленным дольше необходимого не хотели, ему следовало закончить работу как можно быстрее.

Наклонившись поближе, он стал рассматривать мертвого мальчика и отметил, что внешность у того не шведская – арабская, палестинская или, возможно, индусская или пакистанская.

В том, что парень подвергся жестокому избиению, сомневаться не приходилось, однако удивляло полное отсутствие характерных травм, получаемых обычно при самообороне. Все синяки и кровоизлияния наводили на мысль о боксере. О боксере, который, будучи не в состоянии защищаться, все же провел двенадцать раундов, и его исколотили так, что под конец он потерял сознание.

Обследование места преступления много не дало, поскольку смерть наступила относительно давно и не здесь. Тело довольно хорошо просматривалось в кустах, всего в нескольких метрах от спуска в метро на площади Турильдсплан и поэтому не могло долго оставаться незамеченным.

Аэропорт

был столь же серым и холодным, как это зимнее утро. Он прилетел на самолете авиакомпании *Air China* в страну, о которой раньше никогда не слышал. Он знал, что до него сюда аналогичным образом уже прибыло несколько сотен детей, и так же, как они, имел хорошо отрепетированную историю для полицейских на паспортном контроле. Не запнувшись ни на одном слогe, он выдал рассказ, который твердил месяцами, пока не выучил наизусть.

Во время строительства одного из огромных олимпийских стадионов ему удалось получить работу – он подносил кирпичи и строительный раствор. Его дядя, бедный рабочий, помог ему с жильем, но потом, когда дядя получил серьезное увечье и попал в больницу, заботиться о нем стало некому. Его родители к тому времени уже умерли, братьев и сестер или каких-либо других родственников, к которым он мог бы обратиться за помощью, у него не было.

На полицейском допросе он рассказал, что с ним и с дядей обращались, как с рабами, эксплуатируя их в условиях, сопоставимых с апартеидом. Он проработал на стройке пять месяцев, но даже не мог помыслить о том, чтобы когда-нибудь стать полноправным гражданином города.

В соответствии со старой системой “хукоу”^[2] он был прописан у себя в деревне, далеко от города, и поэтому по месту жительства и работы оказался почти совершенно бесправным.

Из-за этого ему и пришлось отправиться в Швецию, где находятся единственные оставшиеся у него родственники. Где именно они живут, он не знает, но, по словам дяди, они обещали связаться с ним, как только он приедет.

В новую страну он прибыл, имея при себе лишь надетую на нем одежду, мобильный телефон и пятьдесят американских долларов. Никаких номеров, эс-эм-эс или фотографий, способных что-либо о нем сообщить, в телефоне не было.

Телефон был попросту совершенно новым, им еще ни разу не пользовались.

Однако кое-что от полиции мальчик утаил: номер телефона, записанный на клочке бумаги и спрятанный в левом ботинке. Номер, по которому ему следовало позвонить, как только он сумеет сбежать из лагеря.

страна,

в которой он оказался, на Китай не походила. Все было таким чистым и пустым. Идя по окончании допроса в сопровождении двоих полицейских по пустынным коридорам аэропорта, он гадал: неужели Европа так и выглядит?

Мужчина, сочинивший ему прошлое, давший номер телефона и снабдивший его деньгами и трубкой, говорил, что за последние четыре года благополучно переправил более семидесяти детей в разные части Европы.

Он сказал, что большинство контактов у него в стране под названием Бельгия, где можно заработать много денег. Работа заключается в прислуживании богатым людям, и если ты проявляешь осторожность и ответственно относишься к своим обязанностям, то можешь разбогатеть и сам. Однако в Бельгии существует риск, там нельзя слишком привлекать к себе внимание.

Вообще нельзя показываться на улице.

Швеция надежнее. Там чаще всего работают в ресторане и можно свободно перемещаться. Платят, правда, похуже, но, если повезет, там тоже можно заработать много денег, в зависимости от того, на какие услуги будет спрос.

В Швеции имеются люди, желающие того же, что и люди в Бельгии.

лагерь

располагался не очень далеко от аэропорта, и полицейские доставили его туда на обычной машине. Он остался в лагере на ночь, и его поместили в комнате с чернокожим мальчиком, который не знал ни китайского, ни английского.

Матрас, на котором он спал, был чистым, но пах чем-то затхлым.

Уже на следующий день он позвонил по телефону на бумажке, и женский голос объяснил ему, как добраться до станции, чтобы сесть на поезд, идущий в Стокгольм. По прибытии ему следовало снова позвонить для получения дальнейших инструкций.

поезд

показался ему теплым и уютным. Он быстро и почти беззвучно помчал мальчика через белый от снега город. Однако то ли случаю, то ли судьбе было угодно иное – до Центрального вокзала Стокгольма он так и не доехал.

Через несколько станций напротив него села красивая блондинка. Она

долго смотрела на него, и он понял: ей известно, что он один. Не только в поезде, но и в целом мире.

Когда поезд остановился в следующий раз, блондинка встала и взяла его за руку. Она кивнула в сторону выхода, и он не воспротивился.

Его словно бы коснулся ангел, и он последовал за ней, как в трансе.

Они взяли такси и поехали по городу. Он увидел, что город окружен водой, и ему это показалось красивым. Транспорта не так много, как дома. Чище и, наверное, легче дышать.

Он задумался о судьбе и случайности, на мгновение задавшись вопросом, почему он сидит здесь с этой женщиной. Но когда она повернулась к нему и улыбнулась, вопрос сразу отпал.

Дома его обычно спрашивали, что он умеет, щупали его руки, чтобы определить, достаточно ли у него сил. Задавали вопросы, которые он лишь делал вид, что понимает.

Поначалу всегда сомневались. Потом иногда все-таки выбирали его.

А женщина выбрала его, хоть он для нее ничего не сделал, – так еще не поступал никто.

комната,

куда она его привела, была белой, и там стояла широкая кровать. Женщина уложила его в постель и дала выпить чего-то теплого. На вкус напиток напоминал чай у него дома, и он уснул, даже не успев опустошить чашку.

Проснувшись, он не знал, как долго проспал, но увидел, что находится уже в другом помещении. Окна в новой комнате отсутствовали, а потолок и стены были покрыты пластиком.

Встав, чтобы подойти к двери, он обнаружил, что пол мягкий и коварный. Он подергал дверную ручку, но дверь оказалась заперта.

Его одежда и телефон исчезли.

Он нагишом улегся на матрас и снова заснул.

Этой комнате и предстояло стать его новым миром.

Турильдсплан

Жанетт чувствовала, как руль норовит утянуть ее вправо и вся машина движется словно поперек дороги. Последний километр Жанетт проползла на скорости шестьдесят, а свернув на улицу, ведущую к станции метро, поняла, что ее пятнадцатилетняя машина, похоже, свое отработала.

Она припарковалась и пошла в сторону ограждения, где сразу заметила Хуртига. На голову выше всех остальных, типичный скандинавский блондин, плотный, но без лишнего жира.

Проработав с ним почти четыре года, Жанетт научилась понимать язык его жестов и отметила, что вид у него озабоченный.

Почти удрученный.

Однако, увидев ее, он просиял, пошел ей навстречу и приподнял ленту ограждения.

– Машина, как я вижу, не подвела, – ухмыльнулся он. – Не понимаю, как ты можешь ездить на этой старой развалине.

– Я тоже, и если ты сумеешь организовать мне прибавку к зарплате, я приобрету маленький кабриолет “мерседес” и буду разъезжать на нем.

Если бы только Оке устроился на приличную работу с приличной зарплатой, я бы смогла позволить себе приличную машину, думала она, заходя вслед за Хуртигом на огороженную территорию.

– Есть какие-нибудь отпечатки шин? – спросила она одну из двух женщин-криминалисток, сидевших на корточках возле гравиевой дорожки.

– Да, много разных, – ответила та, поднимая взгляд на Жанетт. – Думаю, часть из них принадлежит уборочным машинам, которые собирают здесь мусор из урн. Но есть и следы от более узких колес.

Раз Жанетт прибыла на место преступления, то теперь являлась здесь главной и официально отвечала за обследование.

Вечером ей предстояло докладывать своему шефу – начальнику полицейского управления Деннису Биллингу, который, в свою очередь, проинформирует прокурора фон Квиста. Эти двое совместно решают, что следует делать, независимо от ее соображений. Такова субординация.

– Ладно, рассказывай. Кто его обнаружил? – обратилась Жанетт к Хуртигу.

– Это нам неизвестно, – пожал плечами Хуртиг.

– То есть как?

– На пульт дежурного поступил анонимный звонок... – он посмотрел

на часы, – чуть более трех часов назад, и звонивший сообщил, что возле спуска в метро лежит мертвый парень. Все.

– Но разговор записали на пленку?

– Разумеется.

– А почему нас сразу не оповестили? – Жанетт почувствовала первые признаки раздражения.

– Дежурные поначалу подумали, что это шутка, поскольку звонивший, как им показалось, был под градусом. Бормотал и... Что они там еще сказали? Не вызывал доверия.

– Они проследили звонок?

– Незарегистрированная сим-карта, – закатил глаза Хуртиг.

– Черт!

– Но мы вскоре узнаем, откуда шло соединение.

– Ладно, ладно. Прослушаем пленку, когда вернемся.

Жанетт обошла полицейских, расспрашивая, что им известно и удалось ли обнаружить что-нибудь представляющее интерес.

– А как насчет свидетелей? Есть такие, кто что-нибудь видел или слышал? – спросила она, призывно оглядывая сотрудников, но те только качали головами.

– Кто-то ведь должен был привезти парня сюда, – продолжила Жанетт с нарастающим отчаянием. Она знала, что, если им в ближайшие часы не удастся найти никаких зацепок, работа усложнится. – Конечно, на метро трупы, скорее всего, не возят, но я все равно хочу иметь копии записей с камер наблюдения.

Рядом с ней тут же возник Хуртиг.

– Я уже посадил одного парня с ними разбираться, так что к вечеру мы их получим.

– Отлично. Поскольку тело, вероятно, привезли сюда на машине, мне нужен список всех автомобилей, пересекавших за последние дни границы центра города.

– Разумеется, – ответил Хуртиг, доставая мобильный телефон и собираясь куда-то отойти. – Я устрою так, что мы получим их как можно скорее.

– Не спеши. Я еще не закончила. Нельзя исключить, что тело принесли сюда или привезли на велосипедном прицепе или чем-то подобном. Узнай в институте, нет ли у них камер наружного наблюдения.

Хуртиг кивнул и ушел.

Жанетт вздохнула.

– Ничего необычного? – обратилась она к сотруднице, обследующей

траву между кустами.

– Пока нет, – покачала головой криминалист. – Следы ног, конечно, имеются, и мы снимем наиболее четкие отпечатки, но на них возлагать особых надежд не стоит.

Жанетт медленно приблизилась к кустарнику, в котором обнаружили труп, запакованный в черный мешок для мусора. Раздетый догола мальчик застыл в сидячем положении. Обхватившие колени руки были стянуты серебристым скотчем. Кожа на лице приобрела желтовато-коричневый цвет и с виду напоминала пергамент.

Руки, напротив, были почти черными.

– Какие-нибудь признаки сексуального насилия? – обратилась Жанетт к сидящему на корточках Иво Андричу.

– Точно сказать пока не могу. Но исключить этого нельзя. Не хочу делать поспешных выводов, но по опыту знаю, что столь тяжкие повреждения крайне редко не сопровождаются сексуальным насилием.

Жанетт кивнула.

Полицейские приложили максимум усилий, стараясь отгородить место преступления строительным забором и брезентом, но местность здесь была неровная, и если стоять чуть поодаль, то заглянуть за ограждение не составляло труда. По другую сторону ограждения бродили несколько фотографов с большими телеобъективами, и Жанетт их даже почти пожалела. Они двадцать четыре часа в сутки слушают полицейскую радиостанцию в ожидании чего-нибудь сенсационного.

Зато журналистов она не заметила. У газет, вероятно, больше нет средств, чтобы посылать своих людей.

– Ну и ну, – покачал головой один из полицейских, взглянув на тело. – Как, черт возьми, такое могло получиться? – Свой вопрос он адресовал Иво Андричу.

Тело почти полностью превратилось в мумию – для Иво Андрича это означало, что оно долго хранилось в очень сухом месте и, следовательно, не лежало на открытом воздухе слякотной стокгольмской зимой.

– Именно это, Шварц, нам и надо постараться выяснить, – ответил он, поднимая взгляд.

– Да, но парень-то, черт возьми, мумифицирован. Как какой-нибудь проклятый фараон. За обеденный перерыв ведь таким не сделаешься! Я видал по “Дискавери”, как обследовали того типа, что нашли в Альпах. Кажись, его звали Этци.

Иво Андрич утвердительно кивнул.

– Или того, что нашли в болоте где-то на юге.

– Ты имеешь в виду Человека из Бокстена^[3], – уточнил Иво Андрич, которому уже начала надоедать болтовня Шварца. – А теперь дай-ка мне спокойно поработать, чтобы мы смогли двинуться дальше, – сказал он, тотчас пожалевав о том, что попытался столь откровенно его прогнать.

– Продвинуться-то будет трудновато, – проговорил Шварц. – Знаешь, в таких кустах полно собачьего дерьма и всякого хлама. Если что-то из этого мусора и имеет отношение к преступнику, то как, черт возьми, можно узнать, что именно? Со следами та же история.

Он озадаченно покачал головой и принял задумчивый вид.

Хотя Иво Андрич был человеком искушенным и повидал много ужасов, за всю свою долгую и разнообразную профессиональную карьеру он никогда не встречал подобного тому, что находилось перед ним в данный момент.

На руках и по всему туловищу у мальчика имелись сотни отметин, более твердых, чем окружающие ткани, а это в совокупности означало, что его при жизни беспощадно избивали. По вдавленным костяшкам пальцев можно было предположить, что он не только получил, но и сам нанес немало ударов.

С этим все было ясно.

Но на мумифицированной спине мальчика присутствовало еще много глубоких ран, как от кнута.

Иво Андрич усиленно пытался представить себе, что же произошло. Мальчик бился не на жизнь, а на смерть, а когда он совсем обессилел, кто-то отстегал его кнутом. Иво знал, что в пригородах, где живут в основном иммигранты, устраиваются подпольные собачьи бои. Может, и тут случилось нечто подобное, с той кардинальной разницей, что борьбу за жизнь вели не собаки, а подростки.

Ну по крайней мере один из них был подростком.

О личности его противника оставалось только догадываться.

А вдобавок он еще умер позднее, чем должен бы был. Можно надеяться, что вскрытие покажет остатки наркотиков или медицинских препаратов – рогипнола, возможно, фенциклидина. Иво Андрич решил, что всерьез к работе он сможет приступить только в патологоанатомическом отделении Каролинской больницы.

Теперь же он собирался пойти пообедать.

Около полудня тело наконец положили в серый пластиковый мешок и занесли в специальную машину для транспортировки в больницу. Жанетт Чильберг здесь свою работу закончила и собралась ехать в полицейское

управление. Когда она двинулась в сторону парковки, начал накрапывать дождь.

– Дьявол! – громко выругалась Жанетт, и Олунд, один из младших коллег, обернувшись, посмотрел на нее вопросительно.

– А-а, моя машина. Я совсем забыла, ведь по пути сюда она разваливалась. Наверное, придется вызывать эвакуатор.

– Где она стоит? – спросил коллега.

– Там. – Она показала на красную, проржавевшую и грязную “ауди” в двадцати метрах от них. – А ты что, разбираешься в машинах?

– Просто маленькое хобби. Нет такой машины, которую я не смог бы сдвинуть с места. Дай мне ключи, и я, скорее всего, скажу тебе, в чем проблема.

Жанетт отдала ему ключи и встала на тротуар. Дождь усилился, и ее охватила дрожь.

Олунд завел машину и выехал на улицу. Снаружи постукивание и скрежет слышались еще отчетливее, и Жанетт поняла, что придется позвонить отцу, попросить небольшую сумму в долг. Он сперва откажет, мотивируя тем, что она уже и так задолжала ему слишком много, потом посоветуется с мамой, которая даст добро.

В завершение разговора отец спросит, начал ли Оке работать, и она будет вынуждена объяснять, что безработному художнику приходится нелегко, но что скоро все изменится.

Каждый раз одно и то же. Приходится брать всю вину на себя, прикрывая Оке.

Как было бы просто, думала она, сумеи он подавить гордость и взяться за какую-нибудь временную работу. Хотя бы для того, чтобы проявить внимание, показать, что он понимает, насколько ее беспокоит их финансовое положение. Что замечает, как трудно ей бывает заснуть накануне дня оплаты счетов.

Объехав квартал, молодой коллега выпрыгнул из машины с торжествующей улыбкой.

– Шаровая опора или рулевая колонка или и то и другое. Если ты дашь мне машину, я вечером разберусь. Получишь обратно через несколько дней, с тебя стоимость деталей и пузырь виски. Идет?

– Олунд, ты ангел. Забирай ее и делай с ней все, что угодно. Если тебе удастся ее собрать, получишь два пузыря и доброе слово, когда захочешь продвинуться по службе.

Жанетт Чильберг направилась к патрульной машине.

Корпоративный дух, думала она.

Квартал Крунуберг^[4]

На первом совещании Жанетт распределяла задания.

Группа полицейских-новичков отправилась во второй половине дня обходить дома в районе обнаружения трупа, и Жанетт связывала с этим определенные надежды.

Шварцу досталась неблагоприятная работа – изучать списки пересекших границу центра машин, почти восемьсот тысяч штук, а Олунд просматривал записи с камер наружного наблюдения, полученные из Педагогического института и со станции метро.

Жанетт не больно скучала по годам ученичества и монотонной следственной работы, чаще всего выпадавшей на долю неопытных полицейских.

Первым делом требовалось установить личность мальчика, и Хуртигу Жанетт поручила связаться с расположенными в стокгольмском регионе лагерями для беженцев. Самой ей предстояло поговорить с Иво Андричем.

После совещания она вернулась к себе в кабинет и позвонила домой. Часы показывали уже начало седьмого, а сегодня была ее очередь готовить ужин.

– Привет! Как у тебя прошел день? – Несмотря на стресс и усталость, она изо всех сил старалась говорить весело.

Конечно, им во многом удалось достичь равноправия. Они распределили между собой хозяйственные дела: он отвечал за стирку, она – за уборку. Приготовление еды осуществлялось по скользящему графику, с привлечением Юхана. Тем не менее бремя финансового обеспечения семьи лежало на ней.

– Час назад закончил стирку. А так все в порядке. Юхан только что пришел и говорит, что ты обещала отвезти его вечером на матч. Успеешь?

– Нет, не выйдет, – вздохнула Жанетт. – У меня по пути в город сломалась машина. Юхану придется поехать на велосипеде, но это не так уж далеко.

Жанетт бросила взгляд на семейный портрет, прикрепленный у нее на пробковой доске рядом со столом. На фотографии Юхан казался очень маленьким, а на саму себя ей вообще было смотреть противно.

– Я должна задержаться еще на несколько часов, а потом придется добираться домой на метро, если никто не согласится меня подбросить. Позвони и закажи пиццу. У тебя есть деньги?

– Да, да, – вздохнул Оке. – В крайнем случае, наверное, можно взять из банки.

– Да, – подумав, сказала Жанетт, – я вчера положила туда пятьсот крон. Ну, пока.

Оке не ответил, и она положила трубку, а затем откинулась на спинку кресла.

Пять минут на отдых.

Она закрыла глаза.

Патологоанатомическое отделение

Мертвый мальчик лежал на секционном столе из нержавеющей стали, и Иво Андрич видел, что, помимо сотен небольших уплотнений, его руки сплошь исколоты шприцами. Будь следы от уколов сконцентрированы у локтевых сгибов, Иво, возможно, предположил бы, что мальчик, невзирая на юный возраст, злоупотреблял наркотиками. Но следы присутствовали на обеих руках и к тому же располагались беспорядочно, как будто мальчик оказывал сопротивление. Это подтверждал и обломок иглы, обнаруженный в левой кисти.

Однако самым поразительным было то, что у мальчика отсутствовали гениталии.

Иво Андрич отметил, что их отрезали очень острым ножом.

Возможно, скальпелем или бритвой.

После первого обследования в патологоанатомическом отделении в Сольне^[5] Иво Андричу стало совершенно ясно, что ему потребуется помощь коллег из Государственной судебно-химической лаборатории.

Тело, вероятно, сильно накачено отравляющими веществами – он понял, что ночь ему предстоит долгая.

Квартал Крунуберг

В кабинете Жанетт возник Хуртиг со взятой у дежурных записью загадочного утреннего разговора. Он протянул ей диск и сел.

– Ты поговорил с теми, кто нашел мальчика? – спросила она, потирая полусонные глаза.

– Разумеется. Его нашли двое коллег, которые, согласно рапорту, прибыли на место часа через два после поступления сигнала. Дежурные не спешили с вызовом, поскольку заподозрили, что это шутка.

Жанетт вынула диск из чехла и вставила его в компьютер. Разговор продолжался двадцать секунд.

– 112, что у вас случилось?

Раздался треск, но голоса было не слышно.

– Алло! 112, что у вас случилось?

Телефонистка выжидала. И вот стало слышно, как кто-то напряженно дышит.

– Я только хочу сообщить, что в кустах на Турильдсплан лежит мертвый парень.

Язык у мужчины заплетался – он явно находился под воздействием алкоголя или наркотиков, отметила про себя Жанетт.

– Как вас зовут? – спросила телефонистка.

– Не важно. Но ты понимаешь, что я говорю?

– Да, я поняла, вы говорите, что на Булидеплан лежит мертвый человек.

– Я сказал Турильдсплан! – возмутился мужчина. – Труп в кустах у спуска в метро на Турильдсплан.

Все стихло.

– Алло? Алло? – с сомнением повторяла телефонистка.

– Не надо быть Эйнштейном, чтобы предположить, что звонили откуда-то поблизости от метро, – нахмурившись, произнесла Жанетт.

– Естественно. Но в случае...

– В каком еще случае? – Жанетт сама услышала, сколько раздражения прозвучало в ее голосе, но она так надеялась, что запись разговора даст ответ хоть на какой-нибудь вопрос. Снабдит ее чем-нибудь, что можно бросить в пасти начальника полиции и прокурора.

– Извини, – сказала она, но Хуртиг лишь пожал плечами.

– Поговорим об этом завтра. – Он встал и направился к двери. – Лучше

поезжай домой, к Юхану и Оке.

– Спокойной ночи, до завтра, – отозвалась Жанетт с благодарной улыбкой.

Когда за Хуртигом закрылась дверь, она набрала номер своего шефа Денниса Биллинга.

Начальник управления снял трубку после четырех сигналов.

Жанетт рассказала о покойнике, мумифицированном мальчике, об анонимном звонке и о том, что удалось выяснить в течение дня и вечера.

Иными словами, ничего существенного она сказать не могла.

– Посмотрим, что даст обход домов, и еще я жду, к какому заключению придет Иво Андрич. Хуртиг поговорит с отделом по борьбе с насилием, ну, как обычно.

– Ты, конечно, понимаешь, что лучше всего будет, если мы раскроем это дело как можно скорее. И для тебя, и для меня.

Хоть он и был ее начальником, Жанетт с трудом переносила его надменный тон, который, как она знала, объяснялся тем простым фактом, что она – женщина.

Деннис Биллинг принадлежал к числу тех, кому не нравилось, что Жанетт получила звание комиссара и стала руководителем следственной группы. Он, при негласной поддержке прокурора фон Квиста, отстаивал другую кандидатуру, естественно, мужского пола.

Несмотря на его откровенное сопротивление, должность она все-таки получила, но его неприязнь к ней наложила отпечаток на их дальнейшие отношения.

– Естественно, мы сделаем все, что в наших силах, и я позвоню завтра, когда буду знать больше.

– Да, мне надо обсудить с тобой кое-что еще, – кашлянув, сказал Деннис Биллинг.

– Что же?

– Ну, дело вообще-то конфиденциальное, но мне придется немного отступить от правил. Мне потребуется одолжить твою группу.

– Нет, это невозможно. Вы ведь сами понимаете?

– С завтрашнего вечера, на одни сутки. Потом ты получишь их обратно. Невзирая на создавшуюся ситуацию, это, к сожалению, необходимо.

Жанетт чувствовала себя бессильной и слишком усталой, чтобы протестовать.

– Подкрепление требуется Миккельсену, – продолжал Деннис Биллинг. – Им предстоит послезавтра проводить обыск у нескольких

человек, подозреваемых в преотуплении, связанном с детской порнографией, и ему нужна помощь. Я уже поговорил с Хуртигом, Олундом и Шварцем. Завтра они работают, как обычно, а потом присоединяются к Миккельсену. Теперь ты в курсе.

Жанетт посчитала, что больше говорить не о чем.

Что ей больше нечего добавить.

Они положили трубки.

В половине десятого Жанетт вышла из управления и двинулась к метро. На площади Фридхемсплан она посмотрела в сторону небоскреба газеты “Дагенс нюхетер” и осознала, что человек, которого она сейчас ищет, вполне может находиться поблизости.

Что же это за человек, если он способен совершить то, что она видела?

На своей станции она вышла и направилась домой. Когда их желтый домик уже показался в поле зрения, ей на лоб упала капля дождя.

Мыльный дворец^[6]

В кровавом восемнадцатом веке король Адольф Фредрик дал свое имя площади, которая сегодня называется Мариаторгет, с условием, что здесь никогда не будут проводиться казни. С тех пор на этой площади распрощалось с жизнью аж сто сорок восемь человек при обстоятельствах, более или менее напоминающих казнь. Называлась площадь именем Адольфа Фредрика или Мариаторгет, никакого отношения к делу не имело.

Многие из этих ста сорока восьми убийств произошли всего метрах в двадцати от здания, где теперь находился частный кабинет психотерапевта Софии Цеттерлунд. Кабинет располагался на верхнем этаже дома на улице Сант-Паульсгатан, совсем рядом с Мыльным дворцом. Три квартиры этого этажа перестроили под офисы и сдавали двум практикующим дантистам, пластическому хирургу, адвокату и еще одному психотерапевту.

Интерьер приемной создавался с некоторой претензией на современность, и приглашенный дизайнер купил две большие картины Адама Дизеля-Франка, выполненные в тех же серых тонах, что и диван и два кресла.

В углу стояла бронзовая скульптура немецкой художницы Нади Ушаковой, представлявшая собой большую вазу с розами, часть которых уже начала увядать. К одному из стеблей была прикреплена литая карточка с надписью по-немецки: *DIE MYTHEN SIND GREIFBAR*.

Смысл цитаты обсуждался на церемонии открытия, но никому так и не удалось предложить убедительное объяснение.

“Мифы материальны”.

Благодаря светлым стенам, дорогому ковру и авторским произведениям искусства в помещении создавалась атмосфера изысканности и достатка.

По результатам ряда собеседований на должность администратора взяли Анн-Бритт Эрикссон, работавшую и прежде секретарем у врача. В ее обязанности входила запись пациентов и прочая организационная деятельность.

– Для меня есть какие-нибудь важные новости? – спросила София Цеттерлунд, появившись на работе, как обычно, ровно в восемь часов утра.

Анн-Бритт оторвалась от лежавшей перед нею раскрытой газеты.

– Да, звонили из больницы в Худдинге^[7] и просили перенести встречу с Тюррой Мякеля на одиннадцать. Я пообещала, что вы им перезвоните и

подтвердите.

– Хорошо, я сейчас же позвоню. – София направилась к своему кабинету. – Что-нибудь еще?

– Да, – ответила Анн-Бритт. – Только что звонил Микаэль и сказал, что, вероятно, не успеет на дневной рейс и прилетит в Стокгольм только завтра рано утром. Он просил передать, что ему было бы приятно, если бы вы сегодня переночевали в его квартире. Тогда вы сможете утром немного пообщаться.

София остановилась, положив руку на дверной косяк.

– Мм, когда у меня сегодня первый пациент?

Ее огорчило, что придется менять планы. Она собиралась устроить Микаэлю сюрприз – пригласить на ужин в ресторан “Гондола”, а он, как всегда, внес свои коррективы.

– В девять часов, а потом еще два во второй половине дня.

– Кто первый?

– Каролина Гланц. Судя по газете, ей предложили вести программу, она будет разъезжать по миру и брать интервью у знаменитостей. Разве не странно? – Анн-Бритт покачала головой и глубоко вздохнула.

Каролина Гланц добилась громкого успеха в одной из многочисленных ищущих новые таланты передач, которыми напичканы программы телевидения. Особенно хорошим певческим голосом она, правда, не отличалась, но, по мнению жюри, обладала необходимыми для звезды задатками. В течение зимы и весны Каролина ездила по мелким ночным клубам и выступала под фонограмму, записанную девушкой менее красивой, но с более сильным голосом. Имя Каролины не сходило со страниц вечерних газет, и связанные с нею скандалы сменяли друг друга.

Когда же интерес прессы перекинулся на новый объект, Каролина лишилась уверенности в себе и в правильности выбора карьеры.

София не любила консультировать псевдознаменитостей и с трудом находила в себе моральные силы для таких бесед, хотя чисто экономически они имели для нее большое значение. Она ощущала, что тратит время понапрасну, поскольку понимала, что ее знания приносят гораздо больше пользы клиентам, которые действительно нуждаются в ее помощи.

Ей хотелось иметь дело с настоящими людьми.

София уселась за письменный стол и сразу позвонила в Худдинге. Перенос встречи означал, что на подготовку у Софии оставалось чуть меньше часа, и, закончив разговор, она достала имевшиеся у нее материалы о Тюре Мякеля.

Она углубилась в содержимое папок. Заключение врачей, полицейские

допросы и судебно-психиатрическая экспертиза, к которой ее привлекли для получения дополнительного заключения. В общей сложности почти пятьсот страниц – кипа бумаг, которая, она знала, до закрытия дела увеличится минимум вдвое.

София дважды прочла заключение комиссии от корки до корки и сконцентрировалась на главном.

Психическое состояние Тюры Мякеля.

Мнения членов комиссии разделились. Руководивший обследованием психиатр настаивал на тюрьме, социальные работники и один из психологов тоже. Однако два психолога воспротивились и рекомендовали принудительное психиатрическое лечение.

Задача Софии состояла в том, чтобы заставить комиссию прийти к единому окончательному решению, но она понимала, что это будет нелегко.

Тюру Мякеля вместе с мужем осудили за убийство одиннадцатилетнего приемного сына – мальчика с синдромом ломкой Х-хромосомы, с отставанием в развитии, проявлявшимся как в физических, так и в психических симптомах. Мальчик оказался беспомощной жертвой, и у Софии становилось тяжело на душе при одной мысли об этом деле.

Семья жила изолированно, в загородном доме. Технические доказательства отчетливо свидетельствовали о жестоком обращении, которому подвергался мальчик. Следы фекалий в легких и желудке, ожоги от сигарет, избиение шлангом от пылесоса.

Труп обнаружили в лесу, неподалеку от дома.

Дело получило широкую огласку в СМИ, особенно потому, что в нем была замешана мать. Общественность, возглавляемая несколькими громкоголосыми и влиятельными политиками и журналистами, почти единодушно требовала самого сурового из предусмотренных законом наказаний. Тюру Мякеля хотели посадить в тюрьму Хинсеберг на максимально возможное количество лет.

Однако София знала, что в случае принудительного лечения осужденный чаще всего оказывается изолирован от общества на более долгий срок, чем при тюремном заключении.

Была ли Тюра Мякеля психически вменяема в период жестокого обращения с мальчиком? В материалах утверждалось, что пытки длились не менее трех лет.

Проблемы настоящих людей, подумала София.

Она пунктиром набрасывала вопросы, которые хотела обсудить с осужденной за убийство женщиной, но из размышлений ее вырвало появление Каролины Гланц – та вплыла в кабинет в красных сапогах до

середины бедра, в коротенькой красной лаковой юбке и черной кожаной куртке.

Больница в Худдинге

София приехала в Худдинге около половины одиннадцатого и припарковалась прямо перед крупным больничным комплексом.

Отделанное серой и голубой плиткой здание резко контрастировало с прилегающими домами, выкрашенными в яркие цвета. София слышала, что во время Второй мировой войны это должно было защитить больницу от возможных бомбежек. Предполагалось, что с воздуха больница будет восприниматься как озеро, а дома вокруг – создавать иллюзию полей и лугов.

Перед тем как войти в саму больницу, София завернула в кафетерий и купила кофе, бутерброд и утренние газеты.

Она заперла ценные вещи в одном из шкафчиков, прошла через металлодетектор и двинулась дальше по длинному коридору. Первым на ее пути располагалось отделение 113, и она, как обычно, услышала, как там ругаются и дерутся. Здесь находились тяжелые пациенты, сильно накачанные лекарствами и ожидающие транспортировки в провинциальные медицинские учреждения для душевнобольных.

София прошла прямо, свернула направо в отделение 112 и вскоре очутилась в общем конференц-зале, которым пользовались психологи. Бросив взгляд на часы, она констатировала, что у нее в запасе еще пятнадцать минут.

Она закрыла дверь, села за стол и стала сравнивать первые страницы газет.

ЖУТКАЯ НАХОДКА В ЦЕНТРЕ СТОКГОЛЬМА.

МУМИЯ, НАЙДЕННАЯ В КУСТАХ!

София откусила от бутерброда и пригубила горячий кофе. На Турильдсплан обнаружили мумифицированный труп мальчика.

Мертвые дети, подумала она.

В статье проводилась параллель с делом Мякеля, и София почувствовала мучительную тяжесть в груди.

Когда в дверь постучали, бутерброд был уже доеден, кофе выпит.

– Войдите, – сказала она.

Дверь открылась, и показался высокорослый санитар.

– Привет, София.

– Привет, Карл Еустав. Все в порядке?

– Да, не считая того, что несколько минут назад поступил сигнал

тревоги из курилки и нам пришлось утихомиривать одного бедолагу, который бросался стульями. Злобный мерзавец с кучей дерьма и в крови, и на совести.

– Да, я проходила мимо и слышала изрядную шумиху.

– Привел тут тебе одну поболтать. – Он небрежно махнул рукой через плечо.

Манеры санитаров Софии не нравились. Хотя речь и шла о преступниках, это все же не повод их оскорблять и унижать.

– Пусть заходит, а ты оставь нас одних.

Мыльный дворец

В два часа София Цеттерлунд вернулась в центр города, к себе в приемную. До окончания рабочего дня оставалось еще два посетителя, а София чувствовала, что вновь сосредоточиться после визита в Худдинге будет трудно.

Она села за письменный стол, чтобы сформулировать обоснование для рекомендации принудительного психиатрического лечения Тюры Мякеля. В результате дополнительного обсуждения с членами комиссии психиатр частично пересмотрел свое отношение к мере наказания, и у Софии появилась надежда на скорое принятие окончательного решения.

Хотя бы ради Тюры Мякеля.

Женщина нуждалась в лечении.

София представила комиссии краткую справку о ее истории и чертах характера. Тюра Мякеля дважды пыталась покончить с собой, еще в четырнадцать лет она намеренно приняла завышенную дозу лекарств, а в двадцать лет ее из-за регулярных депрессий отправили на досрочную пенсию. Пятнадцать лет совместной жизни с садистом Харри Мякеля вылились в еще одну попытку самоубийства, а затем в убийство их приемного сына.

По мнению Софии, время, проведенное с мужем, признанным, кстати, достаточно здоровым для отбывания наказания в тюрьме, усугубило болезненное состояние женщины.

София пришла к заключению, что в годы жестокого обращения с ребенком Тюра Мякеля действительно страдала повторяющимися психозами. Ее точку зрения подкрепляли документы, свидетельствующие о том, что за последний год Тюра Мякеля дважды проходила курс лечения у психиатра. В обоих случаях женщину находили блуждающей по поселку и насильно отправляли в больницу, откуда ее выписывали только через несколько дней.

В вопросе участия Тюры Мякеля в преступлениях против мальчика София усмотрела еще ряд неясностей. На женщину со столь низким коэффициентом умственных способностей в принципе нельзя возлагать ответственность за убийство – суд это, похоже, учесть не потрудился. По мнению Софии, Тюра, находясь под постоянным воздействием алкоголя, идеализировала мужа с его затеями. В силу полной пассивности ее, скажем, можно было рассматривать как соучастницу истязаний, но в то же время

из-за своего психического состояния она была не способна вмешаться.

Приговор вынесен судом высшей инстанции, и оставалось определить меру наказания.

Тюре Мякеля требовалось лечение. Ее преступление необратимо, но тюрьма еще никому не помогала.

Они не должны принимать решение под впечатлением от жестокости содеянного.

За вторую половину дня София составила свое заключение о Тюре Мякеля и разобралась с назначенными на три и четыре часа пациентами. С переутомившимся руководителем предприятия и стареющей актрисой, которой больше не давали ролей, из-за чего она пребывала в глубокой депрессии.

Когда около пяти София собралась идти домой, у стойки администратора ее остановила Анн-Бритт.

– Вы помните, что в субботу едете в Гётеборг? Билет на поезд уже у меня, а жить вы будете в отеле “Скандик”.

Анн-Бритт положила на стойку папочку.

– Разумеется, – ответила София.

Ей предстояла встреча в издательстве, которое подготовило к изданию новый перевод книги бывшего мальчика-солдата Ишмаэля Биха “Завтра я иду убивать”^[8]. Поскольку София обладала опытом работы с получившими психическую травму детьми, издательство хотело, чтобы она помогла им с проверкой фактов.

– В котором часу я еду?

– Рано. Время отправления указано на билете.

– 05:12?

София со вздохом отправилась обратно в кабинет, чтобы поискать отчет, написанный ею семь лет назад для ЮНИСЕФ.

Снова усевшись за стол и достав документы, она задумалась: хватит ли у нее сил воскресить в памяти впечатления тех лет?

Семь лет, думала она.

Неужели это действительно было так давно?

ПРОШЛОЕ

По склонам между океаном и дорогой на два километра с севера на юг протянулся “железный” город. Джип едет по неровной грунтовой дороге

почти девяносто километров в час, красная пыль от латеритной почвы клубится у нее перед глазами.

“Он дорогу-то хоть видит?” – думает она, косясь на молоденького водителя. Он – один из пятнадцати тысяч с лишним бывших детей-солдат, которых правительственные войска подкупом переманили на свою сторону.

Она смотрит через окно на лачуги внизу, крепко держась за ручку дверцы.

Она пробыла здесь почти два месяца. Сперва в качестве волонтера правозащитной организации “Хьюман Райтс Вотч”, а затем, скоро уже шесть недель, по неофициальному заданию ЮНИСЕФ.

Ну, считается задание официальным или нет? Ей на самом деле неизвестно.

Здесь повсюду царит хаос.

Дороги разрушены отрядами милиции, которые по-прежнему активны, а если не разрушены, то на них полно заграждений, установленных *road workers*, дорожными рабочими – мальчиками лет десяти, которые требуют денег за проезд.

Отчет, который она должна представить, сильно запаздывает.

Две недели назад она вместе с помощником-нигерийцем пыталась добраться до лагеря, но примерно на полпути оставила эту затею, столкнувшись с необходимостью на первых трех километрах миновать почти двадцать дорожных заграждений.

На этот раз дело, похоже, шло лучше.

– *Were here, lady!*^[9] – восклицает юноша с водительского сиденья.

Он останавливает джип возле проржавевшей бензоколонки и с улыбкой поворачивается к ней:

– *Road stops here. Cant go any further.*

– *Dollar?*

– *Yes, five dollars fine!*^[10]

Когда он протягивает руку, она видит шрам от татуировки. ОРФ, Объединенный революционный фронт. Ей вспоминается, что, как она слышала, для уничтожения татуировок часто используют горящий порошок. Другой, не менее болезненный метод – вырезать их с помощью острого стекла. В любом случае татуировка навсегда сохранит ему воспоминание о том, кем он когда-то был. Убийцей.

Ребенком, наделенным властью над взрослыми.

– *Ain't got some petrol among that bags?*^[11] – спрашивает он, показывая на ее багаж.

Ей известно, что бутылка бензина порой ценится больше, чем несколько жалких долларов.

– *No, I'm sorry*^[12]. – Она протягивает ему еще две мятых купюры.

– *Good luck, lady, whatever you re up to!*^[13]

Она благодарит его за то, что подвез, забирает вещи и покидает джип. У нее с собой большой рюкзак и две небольшие сумки, их она вешает на шею. При такой жаре идти с этими сумками станет невыносимо уже примерно через километр.

Она медленно бредет по красной, пыльной дороге. Справа открывается потрясающий вид на побережье, на широкий берег цвета мела. Если бы не ад, царящий среди жестяных лачуг внизу, вид напоминал бы картинку из туристской брошюры.

Восемьдесят тысяч убитых из числа гражданского населения, два миллиона беженцев и средняя продолжительность жизни, едва достигающая тридцати пяти лет. А ведь эта страна могла бы стать самой богатой в мире. Страна, обладающая крупнейшими в мире залежами алмазов, но разграбленная алчными гангстерами и торговцами из Западной Европы. Страна убийц, контрабандистов, искалеченных детей и изнасилованных женщин.

Она знает, что временами проявляет определенную политическую наивность, но вместе с тем понимает, что истинными преступниками являются не палачи или солдаты, а те, кто находится на другом конце производственной цепочки. Директора банков, алмазные короли мафии и женщины, которые никак не могут насытиться блеском, даже не задумываясь при этом, откуда он берется.

Некоторым ради ваших украшений отрубают руки и головы, думает она.

Временный лагерь в Дакке, под Фритауном, соорудили под контролем западноафриканских миротворческих сил в начале июня, всего за несколько дней.

Над жестяными бараками нависает красный смог. Она сворачивает на главную дорогу, кишущую беженцами и солдатами. Чуть поодаль виден потрепанный флаг, принадлежащий Красному Кресту, какие-либо другие опознавательные знаки миротворческих организаций отсутствуют.

Она останавливается возле белого грязного грузовика, на котором синей краской из баллончика написано: *Cold Water* – холодная вода. Она платит безрукому мальчику несколько монет за пластиковый мешочек с теплой водой, который тот держит в зубах.

Ей вспоминаются рассказы детей-солдат из Порт-Локо. Когда мятежники из ОРФ, накачанные кокаином, героином или алкоголем, совершали рейды по деревням провинции и пригородам Фритауна, они обычно разрешали своим жертвам выбирать между коротким рукавом и длинным.

Короткий рукав означал, что руки отрубались выше локтя, длинный рукав – у запястья.

В тени за грузовиком в маленькой игрушечной коляске сидит мальчик. Его талию окутывает одеяло, запихнутое в деревянную колясочку вместе с несколькими пустыми бутылками, и она понимает, что ноги у него отсутствуют.

Она смотрит на мальчиков возле грузовика – безрукого и безногого.

“Сколько же страданий человек способен причинить другим, прежде чем он превращается из человека в монстра?” – думает она.

Громкий гудок заставляет ее вздрогнуть, и, обернувшись, она видит впереди, на расстоянии метров пятидесяти, приближающийся по главной дороге военный автобус. На крыше стоит высокий, мускулистый мужчина и орет в мегафон. Мужчина обмотан в сине-бело-зеленый флаг Сьерра-Леоне, и выкрикивает он что-то на языке менде, что именно – она не понимает, хотя вообще-то говорит на этом местном наречии почти свободно.

В толпе возникает паника, и когда кто-то кидает большой камень, разбивающий ветровое стекло автобуса, несколько мужчин высовываются и без предупреждения стреляют прямо по скоплению людей.

Она слышит вокруг себя свист пуль, бросается на землю и быстро заползает под грузовик, чтобы защититься. Безрукий мальчик сидит на корточках рядом с ней, а безногий неподвижно лежит на земле, сраженный несколькими пулями.

Военный автобус продолжает движение вглубь лагеря, но тут группа солдат, спрятавшихся за одним из барачков на другой стороне дороги, открывает ответный огонь. Стоявший на крыше мужчина падает навзничь прямо на землю, и флаг, в который он обернут, окрашивается кровью. Автобус едет вперед, с грохотом врежется в один из барачков, мотор глохнет, стрельба прекращается.

Внезапно все замирает.

Красная пыль окрашивает воздух, со всех сторон слышатся всхлипывания. Дорога пуста, если не считать убитого мужчины, который лежит в нескольких метрах от военного автобуса. Ему попали прямо в лицо, и левая щека у него отстрелена.

Хотя лагерь в Дакке считается гораздо более безопасным местом, чем большая часть тех, где она уже побывала, ей впервые довелось пережить вооруженное нападение со смертельным исходом.

Она пытается подняться, но у нее почему-то не получается. Вероятно, повредила ногу, когда бросилась на землю.

Какой-то раненый мужчина, хромая, удаляется прочь, а несколько куриц разгуливают так, будто ничего не произошло.

Сквозь пыль она видит, как горстка солдат обыскивает автобус. Выкрикиваются приказы, а чуть поодаль куда-то тащат мужчину с флагом. Он еще жив, но не оказывает никакого сопротивления.

Она снова пытается встать, но боль в ноге внезапно становится невыносимой, и она понимает, что нога, вероятно, сломана.

“Черт!” – думает она.

Безрукий мальчик смотрит на нее с улыбкой:

– *Think you need help. You wait here so nobody steal water. I still have my legs left so I run for help.*

– *How about your friend?*^[14] – Она кивает в сторону безногого, который по-прежнему неподвижно лежит всего в метре от нее.

– *Dead. Not my friend. No problem. But you have pain. No good so I run for help, okay?*^[15]

Она благодарит мальчика, и он тотчас убегает.

Через десять минут он возвращается с двумя врачами, которые представляются ей на ломаном английском. После беглого осмотра они подхватывают ее с двух сторон и несут в лагерь Красного Креста.

Прежде чем покинуть безрукого мальчика, она снова благодарит его.

Он с беспечным видом легонько целует ее в щеку.

– *No problem, ma'am*^[16].

Квартал Крунуберг

На следующий день комиссар Жанетт Чильберг последовательно изучила документы, собранные сержантом Йенсом Хуртигом: протоколы допросов, материалы следствий и приговоры. Все они касались избиений или убийств, сопряженных с садистическим насилием, и Жанетт констатировала, что во всех случаях, кроме одного, преступником являлся мужчина.

Исключение составляла Тюра Мякеля, которую только что, вместе с мужем, признали виновной в убийстве их приемного сына.

Ни с чем, хоть отдаленно напоминавшим увиденное на месте преступления на Турильдсплан, Жанетт прежде не сталкивалась и чувствовала, что ей требуется помощь.

Она сняла трубку и позвонила Ларсу Миккельсену из Государственной криминальной полиции, которая занималась преступлениями насильственного или полового характера, совершенными по отношению к детям. Описание она решила свести к минимуму. Если окажется, что Миккельсен может ей помочь, она углубится в детали.

Какое гнусное занятие, думала она, ожидая ответа.

Допрашивать и выводить на чистую воду педофилов. Какой же силой должен обладать человек, чтобы быть в состоянии просмотреть тысячи часов записей насилия и несколько миллионов фотографий истерзанных детей? Надо полагать, это вызывает ощущение безнадежности.

Можно ли после такого заводить собственных детей?

После разговора с Миккельсеном Жанетт Чильберг созвала следственную группу на новое совещание, где они пытались обобщить имеющиеся факты. Задача оказалась не из легких, поскольку зацепок на данный момент у них было не слишком много.

– Звонок на пульт дежурного поступил из района поблизости от небоскреба “Дагенс нюхетер”, – сообщил Олунд, размахивая листом бумаги. – Я это только что получил, и скоро мы будем знать точнее.

– Насколько точно? – кивнув, спросила Жанетт.

– Техники сказали, плюс-минус десять метров. В худшем случае... – Олунд умолк.

– А в лучшем случае? – ухмыльнулся Шварц. – Я имею в виду...

– Нам этого достаточно, – перебила его Жанетт. – С лихвой.

Выждав, чтобы завладеть их вниманием, она встала и подошла к

доске, где висел десяток фотографий мертвого мальчика.

– Итак, что мы имеем? – обратилась она к Хуртигу.

– На газоне, где обнаружили труп, мы сняли отпечатки следов колес детской коляски и небольшого автомобиля. Автомобильный след принадлежит уборочной машине, но мы поговорили с уборщиком, и этот след можно отбросить.

– Значит, для перевозки туда трупа кто-то воспользовался коляской.

– Точно.

– А мальчика не могли туда принести? – спросил Олунд.

– Если человек достаточно силен, вполне возможно. Мальчик весил не более сорока пяти килограммов.

В комнате повисло молчание, и Жанетт предположила, что остальные, как и она сама, представляют себе, как кто-то разгуливает с упакованным в черный мешок для мусора трупом на руках.

– Когда я увидел, насколько мальчик изувечен, – нарушил молчание Олунд, – я сразу подумал о Харри Мякеля, и, не зная я, что он сидит в тюрьме...

– Тогда бы что? – с улыбочкой перебил его Шварц.

– Ну, я бы решил, что его-то мы и разыскиваем.

– Вот как? А тебе не приходит в голову, что все остальные уже успели об этом подумать?

– Прекратите препираться! – Жанетт углубилась в свои бумаги. – Забудьте о Мякеля. Зато я получила от Ларса Миккельсена из Государственной уголовной полиции сведения о некоем Джимми Фюрюгорде.

– Кто такой Фюрюгорд? – спросил Хуртиг.

– Бывший солдат сил ООН. Два года в Косово, потом год в Афганистане. Ушел в отставку три года назад с неоднозначной характеристикой.

– Чем он интересен для нас? – Хуртиг открыл блокнот и отыскал чистый лист.

– У Джимми Фюрюгорда несколько судимостей за изнасилования и жестокое избиение. В большинстве случаев жертвами избиения становились иммигранты или гомосексуалисты, но еще Фюрюгорд, похоже, имеет привычку набрасываться на своих подружек. Три случая изнасилования. Дважды осужден, один раз оправдан.

Хуртиг, Шварц и Олунд, переглянувшись, согласно кивнули.

Заинтересовались, подумала Жанетт, но едва ли убеждены.

– Ага, и почему же этот боевой хрен уволился из частей ООН? –

спросил Олунд.

Шварц вытаращился на него.

– Насколько я вижу, в связи с тем, что получил выговор за неоднократное использование проституток в Кабуле. Но детали отсутствуют.

– Значит, он не в заключении? – уточнил Шварц.

– Нет, освобожден в конце сентября прошлого года.

– Но неужели мы действительно ищем насильника? – вставил Хуртиг. – И как могло получиться, что Миккельсен его упомянул? Он сам ведь не занимается преступлениями против детей?

– Успокойся, – продолжила Жанетт. – Для нашего расследования могут представлять интерес любые виды сексуального насилия. Этот Джимми Фюрюгорд, похоже, не самый симпатичный тип и вроде не гнушается детьми тоже. По крайней мере, однажды его подозревали в избиении и попытке изнасилования мальчика.

– Где он сейчас? – спросил Хуртиг.

– По сведениям Миккельсена, он бесследно исчез, и я направила фон Квисту мейл с просьбой объявить его в розыск, но ответа пока не получила. Вероятно, ему нужны более весомые аргументы.

Хуртиг вздохнул:

– Досадно, у нас так мало зацепок в деле, а фон Квист не самый отзывчивый из...

– Пока, – прервала его Жанетт, – займемся обычной рутинной и подождем, что скажут криминалисты. Будем работать методично, без предвзятости. Вопросы есть?

Все покачали головами.

– Отлично. Тогда приступаем каждый к своему делу.

Она ненадолго погрузилась в размышления, постукивая карандашом по столу.

Джимми Фюрюгорд, думала она, натура, вероятно, противоречивая. Гомосексуалистом себя, наверное, не считает и борется со своими желаниями. Винит самого себя и испытывает угрызения совести.

Что-то не сходится.

Жанетт раскрыла одну из двух вечерних газет, которые купила по пути на работу, но прочесть не успела. Она уже видела, что первые страницы обеих газет по большому счету одинаковы, за исключением заголовков.

Прикрыв глаза, она сосчитала до ста, а затем сняла трубку и позвонила прокурору фон Квисту.

– Здравствуйте, вы прочитали мой мейл? – начала Жанетт.

– К сожалению, да, и по-прежнему пытаюсь понять ход твоих мыслей.
– Что вы имеете в виду?
– Только то, что ты, похоже, совсем утратила способность к здравомыслию!

Жанетт слышала, насколько он возмущен.

– Я не понимаю...

– Джимми Фьюрюгорд не твой человек. Больше тебе знать незачем!

– То есть?.. – Жанетт начала злиться.

– Джимми Фьюрюгорд талантливый и популярный солдат ООН. Он имеет несколько наград и...

– Читать я тоже умею, – перебила Жанетт. – Но этот парень нацист и несколько раз был осужден за изнасилования и жестокое избиение. Он посещал в Афганистане проституток и...

Жанетт осеклась. Она поняла, что ее взгляды не найдут поддержки у прокурора. Каким бы ошибочным она ни считала его мнение.

– Мне пора. – Жанетт вновь обрела контроль над голосом. – Нам просто-напросто надо искать в другом месте. Спасибо, что уделили мне время. До свидания.

Она повесила трубку, положила руки на стол и закрыла глаза.

За прошедшие годы ей пришлось усвоить, что людей можно насиловать, избивать, унижать и убивать бесчисленным количеством способов. Сжав кулаки, она осознала, что существует столько же способов развалить расследование и что прокурор имеет возможность блокировать следственную работу по сомнительным причинам.

Жанетт встала и прошла по коридору до кабинета Хуртига. Тот разговаривал по телефону, но жестом показал ей, чтобы она садилась. Она огляделась.

Кабинет Хуртига являл собой полную противоположность ее собственному. Пронумерованные папки на книжных полках, аккуратные стопки бумаг на письменном столе. Даже цветы на окне выглядят ухоженными.

Хуртиг закончил разговор и отложил телефон.

– Что сказал фон Квист?

– Что Фьюрюгорд не наш человек, – проговорила Жанетт, усаживаясь.

– Возможно, он прав.

Жанетт не ответила, а Хуртиг, перед тем как продолжить, отодвинул кипу бумаг.

– Ты знаешь о том, что мы завтра появимся чуть позже? Жанетт показалось, что у него пристыженный вид.

– Ничего страшного. Вы только поможете разобраться с несколькими компьютерами с детским порно и вернетесь.

Хуртиг улыбнулся.

Гамла Эншеде

Вечером следующего дня после обнаружения трупa на Турильдсплан Жанетт Чильберг вышла из здания полиции в начале девятого.

Хуртиг предлагал подвезти ее до дома, но она отказалась под предлогом того, что хочет прогуляться до Центрального вокзала пешком, прежде чем нырять в метро.

Ей требовалось немного побыть одной.

Пятнадцатиминутная прогулка. Никаких мыслей о работе или финансовой ситуации. Просто ненадолго отпустить мысли в свободное плавание, расслабиться.

Когда она спускалась по ступенькам к набережной, из телефона прозвучал сигнал, что получена эс-эм-эска. Как оказалось, от отца.

“Привет! – писал он. – У тебя все в порядке?”

Отец управлялся с мобильным телефоном с большим трудом, и то, что он вдруг предпочел связаться с ней при помощи эс-эм-эс, очень удивило Жанетт. Обычно он всегда звонил. А тут написал два предложения, пусть коротеньких, но совершенно понятных.

Невероятно, подумала она.

“Все хорошо, – написала она в ответ. – Не продохнуть. Иду по следу”.

Жанетт улыбнулась: этой формулировкой отец сам обычно пользовался, приходя домой после рабочего дня.

Когда она приблизилась к виадуку, ее мысли вновь вернулись к работе.

Три поколения полицейских в семье: дед, отец и теперь вот она. Бабушка и мама были домохозяйками.

И Оке, думала она, художник. И домохозяйка.

После того как отец понял, что она подумывает пойти по его стопам, ей пришлось выслушать множество историй, имевших целью отпугнуть ее.

Надломленные люди. Наркоманы и алкоголики. Бессмысленная жестокость. То, что раньше лежачего не били, – миф. Всегда били и бить будут.

Но особенно он ненавидел одну часть работы.

Когда он служил в пригороде к югу от Стокгольма, в непосредственной близости от метро и электрички, ему как минимум раз в год приходилось спускаться на рельсы, чтобы собирать в кучу останки человека. Голова. Рука. Нога.

Грудная клетка.

Каждый раз, когда это случалось, отец приходил в отчаяние.

Он не хотел, чтобы ей пришлось видеть все то, что довелось повидать ему, и его главная мысль легко сводилась к одному предложению: “Будь кем хочешь, только не полицейским”.

Однако ничто из рассказанного им не заставило ее передумать. Напротив, его истории лишь придали ей уверенности.

Первым препятствием для поступления в Полицейскую академию стало слабое зрение в левом глазу. На операцию ушли все ее сбережения, и, кроме того, она в течение полугода почти ежедневно работала сверхурочно, чтобы скопить недостающие средства.

Вторая проблема возникла, когда ей сообщили, что она слишком маленького роста.

Решением стало обращение к хиропрактору, который двенадцать недель “колдовал” над ее спиной и сумел-таки увеличить длину тела на недостающие два сантиметра.

По пути на вступительные испытания она лежала в машине, поскольку знала, что от долгого сидения тело может сжаться.

“Что произойдет, если я утрачу мотивацию?” – думала она.

Вечера в начале лета были прохладными, и Жанетт, вместо того чтобы идти по улице Васагатан, решила пройти в метро через Центральный автовокзал.

Этого нельзя допускать, постановила она, войдя в тепло. Главное – не останавливаться.

Она прошла через автобусный вокзал к железнодорожному, спустилась вниз по эскалатору и оказалась в толпе, движущейся по переходу между электричкой и метро.

Попрошайки и торговцы навели Жанетт на мысль о деньгах.

Она открыла бумажник: две мятые купюры по сто крон, тридцать уйдет на билет до дома. Хотелось бы верить, что у Оке осталось что-нибудь из денег, выданных ему в начале недели на хозяйственные расходы. Даже если Олунду удастся починить машину, это, по ее подсчетам, все равно обойдется в пару тысяч.

Работа и финансы, думала она.

Куда, черт возьми, от этого денешься?

Когда Юхан отправился спать, Жанетт с Оке, взяв по чашке чаю, уселись в гостиной. Чемпионат Европы по футболу входил в решающую стадию, и по телевизору “Спортивные известия” подробно разбирали шансы сборной Швеции. Как всегда, говорилось о четвертьфинале – как

минимум о надеждах на полуфинал и, возможно, даже на золото.

– Кстати, звонил твой отец, – произнес Оке, не сводя глаз с экрана.

– Что-нибудь важное?

– Как обычно. Интересовался твоим здоровьем, Юханом и его делами в школе. Меня же он спросил, нашел ли я какой-нибудь способ зарабатывать на жизнь.

Жанетт знала, что отец не выносит Оке. Однажды он назвал ее мужа болтуном. В другой раз бездельником. Лентяй. Дармод. Список негативных эпитетов отличался как разнообразием, так и длиной. Случалось также, что отец бросал их Оке в лицо, в присутствии всей семьи.

В большинстве случаев ей становилось жаль Оке, и она сразу принимала его сторону, но все чаще ловила себя на мысли, что согласна с критикой.

Черт возьми, ведь у нас дома ничего не меняется, думала она.

Он часто говорит, что ему нравится быть при ней домохозяйкой, но, по сути, она в такой же степени является домохозяйкой при нем. Ладно бы еще он действительно сделал что-нибудь путное со своими картинами, но, по правде говоря, особого движения там не наблюдалось.

– Оке...

Муж ее не слышал. По телевизору показывали репортаж о главных тренерах сборной, и его внимание было приковано к экрану.

– У нас с деньгами, называя вещи своими именами, совсем хреново, – сказала она. – Мне стыдно, что опять придется звонить папе.

Он не ответил. Игнорирует?

– Оке? – снова попыталась она. – Ты меня слышишь?

– Да, да, – завздыхал он, по-прежнему не отрываясь от телевизора. – Но ведь у тебя есть повод ему позвонить.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, он же звонил, – с явным раздражением ответил Оке. – Наверное, теперь ждет, что ты ему перезвонишь?

Черт, это уже ни в какие ворота, подумала Жанетт.

Она почувствовала, что начинает злиться, и, стремясь избежать ссоры, встала с дивана и отправилась на кухню.

Гора грязной посуды. Оке с Юханом ели блины, чему имелось наглядное подтверждение.

Нет, мыть посуду она не собирается. Пусть себе стоит и дожидается его. Жанетт села за кухонный стол и набрала номер родителей.

Черт возьми, в последний раз, подумала она.

После разговора Жанетт вернулась в гостиную, снова уселась на диван и стала терпеливо дожидаться конца программы. Она очень любила футбол, вероятно, больше Оке, но передачи такого рода ее не интересовали. Слишком много пустой болтовни.

– Я позвонила папе, – сказала она, когда пошли титры. – Он положит на мой счет пять тысяч, так что до конца месяца мы протянем.

Оке кивнул с отсутствующим видом.

– Но больше это не повторится, – продолжила Жанетт. – Я хочу сказать, что это в последний раз. Ты меня понимаешь?

Муж заерзал на диване.

– Да, да, понимаю.

Посмотрим, подумала Жанетт.

Белые горы^[17]

Эту квартиру София и ее бывший муж Лассе получили путем сложного тройного обмена принадлежавшей Софии маленькой двушки на Лундагатан и трешки Лассе на площади Мосебакке, и в результате София теперь оказалась владелицей просторной пятикомнатной квартиры неподалеку от площади Нютorget и Парка белых гор.

Она вошла в прихожую, сняла плащ, отнесла в гостиную пакет с готовой индийской едой и сходила на кухню за прибором и стаканом воды.

Включив телевизор, она уселась на диван и стала есть.

Софии редко хватало спокойствия, чтобы полностью сконцентрироваться на еде, поэтому она всегда следила за тем, чтобы иметь во время ужина что-нибудь под рукой: книгу, газету или, как сейчас, телевизор. Хоть какая-то компания.

Горючее, думала она.

Чтобы тело функционировало, его необходимо заправлять.

Ужин в одиночестве нагонял на нее тоску, поэтому она ела быстро, непрерывно переключая каналы. Детская программа, американский комедийный сериал, реклама, образовательная передача.

Взглянув на часы, София увидела, что скоро начнутся новости, и отложила пульт, но тут у нее запищал телефон.

Пришло сообщение от Микаэля: “Как дела? Скучаю...”

Она проглотила последний кусок и ответила: “Истосковалась. Собираюсь вечером немного поработать дома. Обнимаю”.

Работа позволяла Софии преодолевать временами охватывающую скуку. А с некоторых пор ее стала все больше и больше интересовать человеческая личность.

У Софии вошло в привычку каждый вечер просматривать что-нибудь из своих записей, и она всякий раз надеялась увидеть нечто новое или ключевое.

Она решила после новостей посидеть часок в кабинете.

София встала, пошла на кухню и выбросила в мусорный пакет остатки еды. Из гостиной донеслось перечисление сюжетов программы новостей, главной новостью второй день подряд являлось убийство на Турильдсплан.

Диктор рассказал, что полиция обнародовала принятый дежурным накануне утром разговор.

Софии подумалось, что звонивший был сильно пьян.

Она достала из сумки флешку, подсоединила ее к компьютеру и открыла папку с материалами о Виктории Бергман.

Складывалось впечатление, будто в личности Виктории Бергман не хватает нескольких фрагментов. Во время их бесед выяснилось, что в детстве и отрочестве у Виктории было много травмирующих переживаний, которые ей требовалось преодолеть. Некоторые из их встреч выливались в длинные монологи, которые, строго говоря, едва ли можно было назвать беседами.

Часто София даже чуть не засыпала от непрерывной монотонной речи Виктории. Ее монологи действовали как своего рода автогипноз, вызывавший провалы в памяти и сонливость, причем у Софии тоже, и ей было трудно запомнить все детали рассказов Виктории. Когда она обмолвилась об этом коллеге, тот напомнил ей о возможности аудиозаписи и в обмен на бутылку хорошего вина одолжил маленький диктофон.

София помечала на кассетах время и дату, и теперь у нее на работе в сейфе для документов скопилось двадцать пять маленьких пленок. Отрывки, которые она сочла особо интересными, она переписала начисто и заархивировала на флешке.

София открыла папку, названную “ВБ” и содержащую несколько текстовых файлов.

Дважды кликнув по одному из файлов, она прочла на экране:

Некоторые дни бывали лучше других. Мой желудок как будто обладал способностью заранее сообщать мне, когда они начнут ругаться.

София сверилась со своими записями: разговор шел о детстве Виктории, когда ее летом регулярно возили в провинцию Даларна. Почти каждые выходные Бергманы садились в машину и проезжали двести пятьдесят километров до маленького хутора в Дала-Флуда, а во время отпуска, согласно рассказу Виктории, чаще всего проводили там четыре недели подряд.

Она продолжила читать:

Желудок никогда не ошибался, и за несколько часов до начала криков я уже находилась в безопасности, в своей потайной каморке.

Обычно я делала себе бутерброды и разводила бутылку сока, поскольку не могла предугадать, как долго они будут ссориться и хватит ли у мамы времени приготовить еду.

Однажды я видела сквозь редкий забор, как он гонялся за ней по полю. Мама бежала изо всех сил, но он был проворнее и повалил ее ударом в затылок. Когда они потом вернулись во двор, у нее оказался сильно подбит глаз, а он отчаянно рыдал.

Мама его жалела.

Судьба обошлась с ним несправедливо, вынудив его выполнять тяжелую работу – воспитывать своих двух женщин.

Если бы мы с мамой еще хоть слушались его и не оказывали такого сопротивления.

София пометила себе, что именно следует проследить дальше, и закрыла документ.

Потом наобум открыла другую запись и сразу поняла, что это одна из тех встреч, когда Виктория полностью уходила в себя.

Беседа началась, как обычно: София задала вопрос, и Виктория ответила.

С каждым вопросом ответы становились все более пространными и бессвязными. Виктория начинала рассказывать об одном, это вызывало у нее ассоциацию с чем-то совершенно другим и так далее, причем темп речи все возрастал.

София отыскала кассету с записью разговора, вставила в магнитофон, нажала на пуск, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Голос Виктории Бергман:

Тогда я стала есть, чтобы они наконец заткнулись, и они сразу умолкли, увидев, на что я готова ради дружбы с ними. Правда, без лизания задниц. Притвориться, будто люблю их. Заставить их уважать меня. Заставить понять, что у меня все-таки есть мозги и я умею думать, хоть временами, когда я отправляюсь гулять в одиночестве, так и не кажется.

София открыла глаза, прочла надпись на футляре от кассеты и увидела, что разговор записан двумя месяцами раньше. Виктория рассказывала о жизни в интернате в Сигтуне^[18] и о случае изощренного издевательства над младшими школьницами.

Голос продолжал.

Виктория сменила тему:

Когда деревянная хижина была достроена, меня это перестало забавлять, мне расхотелось лежать там с ним и читать комиксы, поэтому, когда он уснул, я вышла, спустилась к лодке, притащила один из деревянных настилов, прислонила его к входному отверстию и стала вколачивать гвозди, пока он там внутри не проснулся и не поинтересовался, чем я занимаюсь. Лежи на месте, сказала я, продолжая забивать гвозди, пока коробочка не опустела...

Голос исчез, и София поняла, что засыпает.

...а окошко было слишком маленьким, чтоб через него вылезти, и пока он плакал внутри, я притащила доски и заколотила окошко тоже. Может,

попозже я его выпущу, может, нет, но пусть пока подумает в темноте над тем, насколько сильно я ему нравлюсь...

София выключила магнитофон, встала и посмотрела на часы.

Целый час?

Не может быть, подумала она. Вероятно, я задремала.

Монумент

Около девяти часов София решила поступить так, как хотел Микаэль, и пойти к нему домой, в квартиру на Эландсгатан в квартале Монумент. По пути она купила еды на завтрак, поскольку знала, что его холодильник наверняка окажется пуст.

В квартире Микаэля она в полном изнеможении заснула на диване и проснулась от того, что Микаэль целовал ее в лоб.

– Привет, дорогая. Сюрприз, – тихо сказал он.

Она растерянно огляделась, почесывая то место, где ее пощекотала его жесткая черная борода.

– Привет, откуда ты взялся? Который час?

– Половина первого. Я успел на последний рейс.

Он положил на стол большой букет красных роз и ушел на кухню. София с отвращением посмотрела на цветы, встала, пересекла большую гостиную и последовала за ним. Он уже успел открыть холодильник и достать масло, хлеб и сыр.

– Хочешь? – спросил он. – Чашечку чаю с бутербродом?

София кивнула, усаживаясь за кухонный стол.

– Как у тебя прошла неделя? – продолжил он. – У меня кошмарно! Какому-то журналисту взбрело в голову, что наш препарат имеет опасные побочные действия, и об этом раструбили газеты и телевидение. Тут у нас что-нибудь писали?

Он поставил на стол две тарелки с бутербродами и подошел к плите, где вовсю кипела вода для чая.

– Насколько мне известно, нет. Но вполне возможно. – Она еще не до конца проснулась и никак не могла прийти в себя от его неожиданного появления. – А мне пришлось сегодня выслушивать женщину, которая считает, что с ней жестоко обошлась пресса...

– Понимаю. Звучит не ахти, – перебил он, протягивая ей чашку дымящегося черничного чая. – Ничего, пройдет. Мы узнали, что этот журналист – какой-то активист-эколог, участник акции против норковой фермы. Когда это станет известно... – Он захохотал и приложил руку к горлу, показывая, что бывает с тем, кто осмеливается противостоять крупной фармацевтической компании.

Софии не понравилось его высокомерие, но ввязываться в дискуссию в такой поздний час у нее не было сил. Она встала, убрала со стола,

сполоснула чашки, а потом пошла в ванную, чтобы почистить зубы.

Впервые больше чем за неделю Микаэль заснул рядом с ней, и София осознала, как сильно все-таки по нему скучала.

Высокий, поджарый, хотя за последнее время и прибавил несколько килограммов. Большой, волосатый и теплый. Она уткнулась носом ему в затылок.

Он напоминал ей Лассе.

София проснулась оттого, что потолок осветили фары проезжавшей машины. Поначалу она не понимала, где находится, но, сев в постели, узнала спальню Микаэля, посмотрела на часы радиоприемника и увидела, что проспала не более часа.

Аккуратно прикрыв за собой дверь спальни, София вышла в гостиную. У нее было такое ощущение, будто она что-то забыла.

Она открыла окно и закурила. В комнату пахнуло теплым ветром, а дым от сигареты стал растворяться где-то в темноте за спиной. Покуривая, она наблюдала за белым пластиковым пакетом, который тащило ветром по улице, а потом загнало в лужу возле тротуара напротив.

С Викторией Бергман надо начинать все сначала, думала она. Я что-то упустила.

Ее сумка стояла возле дивана. София села, достала ноутбук и положила его на столик перед собой.

Она открыла документ, в котором пунктиром набросала краткий обзор личности Виктории Бергман.

Родилась в 1970 году.

Не замужем. Детей нет.

Идет на контакт, фокусируясь на травматических переживаниях детства.

Детство: единственный ребенок Бенгта Бергмана, ревизора организации СИДА и ей подобных, и Биргитты Бергман, домохозяйки. Самые ранние воспоминания: запах отцовского пота и летние месяцы в провинции Даларна.

Препубертатный возраст: выросла в местечке Грисслинге, на острове Вермдё в Стокгольмских шхерах. Лето проводила в Дала-Флуда, в провинции Даларна. Обладает отличными способностями. С девяти лет занималась с частными преподавателями. Поступила в школу на год раньше положенного, после седьмого класса была переведена сразу в девятый. Много путешествовала с родителями. С раннего препубертатного возраста подвергалась сексуальному насилию (со стороны отца? других

мужчин?). Воспоминания фрагментарны, возникают в череде бессвязных ассоциаций.

Годы юности: демонстрирует крайне рискованное поведение, мысли о самоубийстве (с 14–15 лет?). Ранние подростковые годы описываются как “слабые”. Здесь тоже воспоминания пересказываются фрагментарно. Гимназия – интернат в Сигтуне. Повторяющиеся саморазрушающие действия.

София понимала, что годы гимназии явились для Виктории Бергман периодом, полным конфликтов. Когда девочка поступила в гимназию, она была на два года младше одноклассниц и значительно менее развита эмоционально и телесно, чем остальные.

София по собственному опыту знала, насколько агрессивно могут вести себя девочки-подростки в раздевалке после уроков физкультуры. К тому же Виктория оказалась полностью во власти того, что называют воспитанием учеников.

Однако чего-то недостает.

Взрослая жизнь: Профессиональные успехи описываются как “не имеющие значения”. Ограниченный круг общения. Мало интересов.

Ключевые темы/вопросы: Травмы. Что Виктории Бергман довелось пережить? Отношения с отцом? Фрагментарные воспоминания. Диссоциативные расстройства?

София сообразила, что есть еще один ключевой вопрос, с которым надо работать, и добавила новую запись.

“Что означает “слабость”?” – приписала она с краю.

Она видела у Виктории Бергман сильный страх и глубокое чувство вины.

Не исключено, что вместе им со временем удастся прокопаться вглубь и получить возможность распутать несколько узлов.

Но уверенности нет.

Многое указывало на то, что Виктория Бергман страдает какой-то формой диссоциативного расстройства, а София знала, что в таких случаях проблемы на девяносто девять процентов вызваны неоднократным половым принуждением или подобными повторяющимися травмами. София и раньше сталкивалась со многими людьми, испытывавшими травмирующие переживания и на первый взгляд совершенно неспособными их вспомнить. Иногда Виктория Бергман рассказывала о случаях жуткого насилия, а иногда словно бы вовсе ничего такого не помнила.

Вообще-то реакция вполне логичная, думала София. Психика

защищает себя от того, что воспринимается как встряска, и чтобы нормально функционировать, Виктория Бергман вытесняет впечатления от этих событий и создает альтернативные воспоминания.

Но что именно Виктория Бергман называет своей слабостью?

Считает слабой личность, которую подвергали насилию?

София закрыла документ и выключила компьютер.

Она задумалась над собственными действиями во время бесед. Однажды она дала Виктории Бергман упаковку пароксетина из собственных запасов, откровенно превысив свои полномочия. Это было не просто противозаконно, но и неэтично и непрофессионально. Тем не менее она убедила себя в необходимости отступить от предписаний. Вреда лекарство не причинило. Напротив, какое-то время Виктория Бергман чувствовала себя намного лучше, и София решила, что все же поступила правильно. Виктория нуждалась в лекарстве, а это все-таки самое главное.

Наряду с диссоциативными элементами присутствовали симптомы компульсивного поведения, София даже отметила некоторые признаки синдрома саванта. Однажды Виктория Бергман прокомментировала привычку Софии курить. “Ты выкурила уже почти две пачки, – сказала она, указывая на пепельницу. – Тридцать девять окурков”.

Оставшись одна, София, естественно, пересчитала окурки и обнаружила, что Виктория не ошиблась. Но это ведь могло быть случайностью.

В целом личность Виктории Бергман представлялась исключительной и самой сложной из всех, встретившихся Софии за десять лет работы частным психотерапевтом.

София проснулась первой, потянулась и запустила пальцы в волосы Микаэля, а потом провела рукой по его бороде. Заметила, что он начинает сидеть, и улыбнулась.

Часы на приемнике показывали полседьмого. Микаэль зашевелился, повернулся к ней и, перекинув руку ей через грудь, дотянулся до ее пальцев.

На утро у нее никто назначен не был, и София решила, что пойдет на работу попозже.

Микаэль пребывал в прекрасном настроении и рассказывал, как он за эту неделю, наряду с добыванием компрометирующих фактов о журналисте, заключил очень выгодную сделку с больницей в Берлине. Бонус, который он ожидал получить, мог бы профинансировать роскошное путешествие в любую страну по ее выбору.

София задумалась, но не могла придумать ни одного места, куда бы ей действительно хотелось.

– Что скажешь насчет Нью-Йорка? Небольшой шопинг в крупных универмагах? “Завтрак у Тиффани” и все такое? Я навел справки о нескольких дорогущих отелях на Манхэттене. Можем взять “все включено”, с массажем и процедурами для лица.

Нью-Йорк, подумала она, содрогнувшись от воспоминания. Почему он предложил именно это? Ему что-то известно? Нет, наверняка просто совпадение.

Они с Лассе летали в Нью-Йорк меньше чем за месяц до того, как все рухнуло.

Ей было бы слишком тяжело беречь старые раны.

– Или предпочитаешь отдохнуть на солнце? Обычный тур?

София заметила, насколько он воодушевлен, но, как ни старалась, все же не могла заразиться его энтузиазмом. Она ощущала невероятную тяжесть во всем теле.

Внезапно перед ней возникло лицо Виктории Бергман.

Как Виктория во время их бесед иногда впадала в апатичное состояние, подобно героинисту, не выказывая ни малейших признаков эмоциональной реакции. София чувствовала себя сейчас точно так же и подумала, что при следующем визите к врачу надо бы попросить увеличить дозу пароксетина.

– Не знаю, что со мной такое. – Она поцеловала его в губы. – Мне очень хочется, но в данный момент у меня, похоже, нет на это сил. Возможно, слишком много нерешенных проблем на работе.

– Ну тогда отпуск просто необходим. Нам необязательно уезжать надолго. Например, на выходные?

Он перевернулся и, глядя на нее, провел рукой по ее животу.

– Я люблю тебя, – прошептал он.

София, пребывавшая где-то в другом месте, не откликнулась, но отметила его раздражение, когда он внезапно отбросил одеяло и встал. Она отключилась, а он отреагировал так быстро и импульсивно.

– Прости, дорогой. Не сердись.

Микаэль вздохнул, надел трусы и пошел на кухню.

Почему она чувствует себя виноватой перед ним? Неужели это правильно, почему она должна испытывать угрызения совести? Что дает ему такое право? Чувство вины, вероятно, одна из самых отвратительных выдумок человечества, подумала София.

Она подавила в себе злость и пошла за ним. Он заряжал кофеварку и

через плечо бросил на Софию сердитый взгляд. Тут на нее внезапно нахлынула волна нежности к нему. Ведь он не виноват, что он такой, как есть.

Она прильнула к нему сзади и поцеловала в затылок, сбросив на пол распахнувшийся халат. Ему ничего не оставалось, как овладеть ею прямо возле мойки, после чего она направилась в душ.

Ну с меня ведь не ubyло, подумала она.

Мыльный дворец

Когда София закончила все дела и уже собиралась ехать домой, зазвонил телефон.

– Здравствуйте, меня зовут Роз-Мари Бьёрн, я звоню из социальной службы Хессельбю. У вас найдется минутка?

София взглянула на часы – почти половина шестого. Никакого желания разговаривать у нее не было, но она ответила, что может поговорить, только недолго.

– Нет-нет, много времени я у вас не займу. – Голос женщины звучал очень любезно. – Меня интересует только, правда ли, что у вас есть опыт работы с детьми, получившими психическую травму во время войны?

София откашлялась.

– Да, все верно. Что вы хотите узнать?

– Дело в том, что у нас в Хессельбю есть семья, приемному сыну которой требуется пообщаться с кем-нибудь, кто лучше разберется в его жизненном опыте. И когда я окольными путями узнала о вас, то решила попробовать с вами связаться.

На Софию навалилась усталость. Больше всего ей хотелось поскорее закончить разговор.

– Вообще-то у меня довольно много пациентов. Сколько ему лет?

– Шестнадцать, его зовут Самуэль. Самуэль Баи, из Сьерра-Леоне.

София быстро взвесила все за и против.

Забавное совпадение, размышляла она. Я не думала о Сьерра-Леоне несколько лет, и тут вдруг сразу два предложения работы, как-то связанной с этим местом. – Пожалуй, я все-таки смогу выкроить время, – сказала она наконец. – Как скоро вы хотите, чтобы я с ним встретилась?

Они договорились, что мальчик приедет на первую диагностическую беседу через неделю, и, после того как социальный работник пообещала ознакомить Софию с их заключением о ребенке, повесили трубки.

Перед выходом с работы София сменила обувь – надела красные туфли от Джимми Чу, сознавая, что ранка на пятке начнет кровоточить уже в лифте.

Она дышит в мешке, который сама наполнила моментальным клеем. Сначала начинает гудеть в голове, потом все окружающие звуки раздваиваются. Под конец Девочка-ворона видит саму себя сверху.

На подъезде к местечку Больста он сворачивает с шоссе. Все утро она боялась того момента, когда он остановится на обочине и заглушит мотор. Она закрывает глаза, стараясь не думать, а он берет ее руку и кладет на то самое место, и сразу чувствуется, что он уже затвердел.

– Ты же знаешь, Виктория, про мои потребности, – говорит он. – Ничего странного тут нет. Они имеются у всех мужчин, и совершенно естественно, что ты помогаешь мне расслабиться, чтобы мы смогли ехать дальше.

Она не отвечает, продолжает сидеть с закрытыми глазами, когда он, глядя ее одной рукой по щеке, другой расстегивает ширинку.

– Помогай, не упрямься. Много времени это не займет.

Его тело пахнет потом, дыхание отдает кислым молоком.

Она делает то, чему он ее научил.

Со временем у нее стало получаться все более ловко, и когда он хвалил ее, она почти гордилась: она что-то умеет, причем хорошо.

Когда он кончает, она берет возле рычага коробки передач рулон бумаги и обтирает липкие руки.

– Как ты смотришь на то, чтобы заехать в Энчэпинг на большой рынок и купить тебе что-нибудь красивое? – спрашивает он, улыбаясь, глядя на нее с нежностью.

– Ну, пожалуй, можно, – бормочет она, потому что всегда отвечает на его предложения бормотанием. Ведь никогда не известно, что они на самом деле означают.

Они направляются на хутор в Дала-Флуда.

Все выходные они будут один на один.

Она и он.

Ехать с ним она не хотела.

За завтраком она сказала, что не хочет ехать, а лучше останется дома. Тогда он встал из-за стола, открыл холодильник и достал неоткрытую коробку молока.

Потом встал позади нее, вскрыл упаковку и, не торопясь, вылил на дочь холодную жидкость. Молоко текло у нее по голове, волосам, лицу и дальше – по коленям. На полу образовалась большая белая лужа.

Мама ничего не сказала, просто отвернулась, а он молча отправился в гараж грузить вещи в машину.

И вот теперь она едет через по-летнему зеленую провинцию Даларна с огромной черной тревогой внутри.

За все выходные он ее ни разу не касается.

Правда, смотрел, как она переодевается в ночную рубашку, но в постель к ней не залезал.

Лежа без сна и прислушиваясь к его шагам, она притворяется, будто она часы. Ложится на живот, и получается шесть часов, потом поворачивается по часовой стрелке, оказываясь на левом боку, и получается девять.

Еще четверть поворота, и она уже на спине – часы бьют двенадцать.

Затем на правую сторону – три часа.

Снова на живот – шесть часов.

На левый бок – девять, на спину – полночь.

Если научиться управлять часами, то он перепутает время и не придет к ней.

Она не знает, в этом ли дело, но он ее не трогает.

В воскресенье утром, когда надо ехать обратно на остров Вермдё, пока он варит кашу, она излагает ему свою идею. Говорит, что у нее летние каникулы и она бы с удовольствием здесь ненадолго задержалась.

Его первая реакция: она слишком мала, чтобы прожить в одиночестве целую неделю. Она рассказывает, что уже спросила тетю Эльсу из соседнего дома, нельзя ли пожить у нее, и та страшно обрадовалась.

Когда она усаживается за кухонный стол, каша уже совсем остыла. Ее подташнивает при мысли об этой серой массе, которая еще разрастется во рту и в которую, будто она не была достаточно сладкой изначально, он вмешал полстакана песку.

Чтобы смягчить вкус размокшей, разварившейся, холодной овсяной крупы, она выпивает глоток молока и пытается ее проглотить. Однако это трудно, каша все время рвется наверх.

Он пристально смотрит на нее через стол.

Оба выжидают – и он, и она.

– Ладно, договорились. Ты остаешься. Но не забывай, что ты все равно всегда будешь папиной малышкой, – говорит он, взъерошивая ей волосы.

Она понимает, что он никогда не позволит ей стать взрослой.

Она навсегда принадлежит ему.

Он обещает съездить в магазин, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Когда он возвращается, они забрасывают покупки к тете Эльсе, затем он везет ее пятьдесят метров обратно к собственному дому, чтобы она забрала маленькую сумку с одеждой, и когда останавливается у калитки, она поспешно целует его в небритую щеку и быстро выскакивает из машины. Она видела, как его руки уже потянулись к ней, и постаралась опередить его.

Может, он удовольствуется поцелуем?

– Береги себя, – говорит он, захлопывая дверцу машины.

Как минимум две минуты он сидит не двигаясь. Она забирает сумку и усаживается на лесенке перед домом. Только тут он отводит взгляд, и машина трогается с места.

Над двором мелькают ласточки, вдали на пастбище позади темно-красного хлева пасутся молочные коровы Андерса Петуха.

Она смотрит, как он выворачивает на большую дорогу и едет через лес, и не сомневается, что он скоро вернется под предлогом, будто что-то забыл.

С той же неколебимой уверенностью она знает, что именно он заставит ее делать.

Он так предсказуем, и все это повторится минимум дважды, прежде чем он уедет по-настоящему. Возможно, чтобы обрести спокойствие, ему потребуется возвращаться три раза.

Стиснув зубы, она смотрит вдаль, на лесную опушку, где между деревьями виднеется озеро. Три минуты спустя она видит, как появляется белая “вольво”, и идет обратно домой.

На этот раз все заканчивается через десять минут. Он тяжело садится в машину, прощается и поворачивает ключ.

Виктория снова видит, как “вольво” скрывается за деревьями. Звуки мотора все отдаляются, но она сидит на месте и ждет, в постоянном напряжении, чтобы не обрадоваться слишком рано. Ей известно, каким тяжелым будет иначе разочарование.

Но он больше не возвращается.

Осознав это, она идет к колодцу, чтобы помыться. С большим трудом вытягивает ведро ледяной воды и, дрожа всем телом, оттирается дочиста перед тем, как пойти к тете Эльсе обедать и играть в карты.

Теперь можно начинать дышать.

После еды она решает пойти к озеру выкупаться. Тропинка узкая, усыпанная хвоей. Босыми ногами ступать по ней мягко. Из леса доносится громкий писк, и Виктория понимает, что где-то шумят птенцы в ожидании,

пока родители принесут им чего-нибудь поесть. Писк раздается совсем близко, она останавливается и оглядывается.

Небольшое дупло в старой сосне на высоте метров двух выдает, где именно находится гнездо.

Спустившись к озеру, она ложится на спину в лодке и неотрывно смотрит в небо.

Середина июня, воздух еще довольно прохладный.

В такт с плеском волн под спиной туда-сюда пробегает холодная вода. Небо напоминает грязное молоко с огненными брызгами, в вышине жалобно кричит большая гагара.

Виктория обдумывает, не дать ли волнам унести ее в реку, на открытый простор, на волю, подальше от всего. Ей хочется спать, но в глубине души она уже давно знает, что не может заснуть достаточно глубоко, чтобы полностью отключиться. Ее голова подобна лампе, по забывчивости оставленной гореть в тихом, темном доме. На холодный электрический свет всегда слетаются ночные бабочки, их сухие крылышки мелькают у нее в глазах.

Она, как обычно, четыре раза проплывает отрезок между мостками и большим камнем, выступающим из озера на расстоянии метров пятидесяти, а затем ложится в траву неподалеку от узкой полосы белого песка. Рыбки притаились в засаде, а комары вьются над водой вместе со стрекозами и водомерками.

Виктория закрывает глаза и наслаждается одиночеством, которое никто не может нарушить, но вдруг из леса доносятся голоса.

По тропинке приближаются мужчина и женщина, а впереди них бежит маленький мальчик с длинными светлыми кудряшками.

Они здороваются с Викторией и спрашивают, частный ли это пляж. Она отвечает, что не совсем уверена, но, насколько ей известно, здесь может находиться кто угодно. Она, во всяком случае, всегда тут купается.

– Вот как. Ты, похоже, живешь здесь уже давно, – с улыбкой говорит мужчина.

Малыш деловито бежит к воде, и женщина бросается за ним.

– Это ваш дом там виднеется? – спрашивает мужчина, указывая на просматривающийся между деревьями хутор.

– Точно. Мама с папой сейчас в городе, им надо работать, поэтому я целую неделю пробуду одна.

Она лжет, поскольку хочет посмотреть, как он отреагирует. У нее имеется готовый ответ на этот вопрос, и ей хочется узнать, верен ли он.

– Значит, ты девочка самостоятельная?

Она видит, как женщина на берегу помогает малышу снять одежду.

– Довольно-таки, – отвечает она, оборачиваясь к мужчине.

Тот смотрит на нее с явным интересом.

– Сколько же тебе лет?

– Десять.

Он улыбается и начинает снимать рубашку.

– Десять лет и целую неделю одна. Прямо как Пеппи Длинныйчулок.

Она отклоняется назад, запускает пальцы в волосы и смотрит мужчине прямо в глаза.

– Ну и что тут особенного?

Мужчина, к ее разочарованию, вовсе не выглядит удивленным. Он не отвечает, а переводит взгляд на свое семейство.

Мальчик направляется в воду, а женщина следует за ним в закатанных до колен джинсах.

– Bravo, Мартин! – с гордостью восклицает мужчина.

Потом снимает ботинки и начинает расстегивать брюки. Под джинсами у него оказываются плотно облегающие купальные шорты, разукрашенные под американский флаг. Все тело у него равномерно загорелое, и он кажется ей красивым. Не то что папа, тот вечно серовато-белый, с круглым животом.

Мужчина окидывает ее взглядом.

– Ты, похоже, хоть и маленькая, но очень боевая.

Она не отвечает, но на секунду усматривает в его глазах нечто вроде знакомое. Нечто такое, что ей не нравится.

– Ну, пора окунуться, – говорит он, поворачиваясь к ней спиной.

Затем идет к берегу и пробует воду. Виктория встает и собирает свои вещи.

– Может, как-нибудь еще увидимся, – произносит мужчина и машет ей рукой. – До свидания!

– До свидания, – отвечает она, уже не радуясь одиночеству.

Шагая по ведущей в лес и к хутору тропинке, она пытается вычислить, сколько пройдет времени, прежде чем он к ней наведается.

Наверное, придет уже завтра, думает она, и попросит одолжить газонокосилку.

О безопасности можно забыть.

Гамла Эншеде

Стокгольм отличается неверностью, он словно гулящая девка, которая начиная с тринадцатого века расположилась в солоноватых водах и завлекает своими островами и шхерами, своей невинной наружностью. Она столь же прекрасна, сколь вероломна, а ее история окрашена кровавыми банями, пожарами и анафемами.

И разбитыми надеждами.

Когда Жанетт утром шла от дома к станции метро, в воздухе висела прохладная дымка, почти туман, а на газонах вокруг вилл поблескивала ночная роса.

Начало шведского лета, думала Жанетт. Долгие светлые ночи и зелень, непредсказуемые перепады температуры от жары к холоду. Вообще-то это время года она любила, но сейчас оно навевало ощущение одиночества. Существует неписаное коллективное требование: пользоваться этим коротким периодом. Радоваться жизни, давать волю эмоциям, ловить момент. Только при этом не учитывается, что от подобных требований возникает стресс.

Начало лета в этом городе коварно, думала она.

Поезд метро в утренний час пик был заполнен почти до отказа. Из-за ограничений движения, связанных с ремонтом путей, и какого-то технического сбоя поезда опаздывали. Жанетт пришлось стоять в толпе, скопившейся в углу возле одной из дверей.

Технический сбой? Она предположила, что кто-нибудь спрыгнул перед поездом на рельсы.

Она огляделась.

Против обыкновения много улыбок. Вероятно, потому, что осталось всего несколько недель до отпуска.

Жанетт задумалась над тем, как ее воспринимают коллеги по работе. Иногда угрюмой занудой, подозревала она. Грубоватой. Властной? Возможно. Временами вспыльчивой.

Вообще-то она не сильно отличается от многих других начальников следственных групп. Работа требует определенного авторитета и решительности, а ответственность иногда влечет за собой излишнюю требовательность к подчиненным. Порой теряешь терпение и выходишь из себя. Нравится ли она тем, с кем работает?

Иене Хуртиг относится к ней хорошо – это она знала. Олунд ее

уважает. Про Шварца не скажешь ни того ни другого. А про остальных, вероятно, и то и другое сказать можно.

Однако одна вещь ее задевала.

Большинство из них называли ее Жан, а она не сомневалась, что всем известно: ей это не нравится.

Это все-таки указывало на некоторый недостаток уважения.

Их можно разделить на два лагеря. Во главе лагеря “Жан” стоит Шварц, при котором имеется еще целый ряд коллег. Лагерь “Жанетт” состоит из Хуртига с Олундом, хоть они иногда и оговариваются, и оставшейся горстки коллег или новичков, видевших ее имя только на бумаге.

Почему она не пользуется таким же уважением, как остальные начальники? У нее ведь послужной список значительно лучше и показатели раскрываемости преступлений выше, чем у большинства из них. Каждый год при аудиторской проверке заработной платы ей черным по белому демонстрировали, что она по-прежнему получает меньше средней зарплаты начальников ее категории. Когда назначались новые руководители, претендовавшие на высокий оклад, десятилетний опыт забывался, и по службе продвигались другие.

Неужели в основе недостатка уважения лежит чисто половая причина и все дело в том, что она – женщина?

Поезд остановился на станции “Гульмарсплан”. Вышло много народу, и пока заходили новые пассажиры, она села на освободившееся место в самом конце вагона.

Она – женщина, занимающая одну из должностей, традиционно принадлежащих мужчинам, и ее называют, нередко снисходительно, Жаном.

Ей известно, что многие считают ее мужеподобной. Женщины не бывают шефами в полиции. Они не командуют ни на рабочем месте, ни на футбольном поле. Они не бывают такими, как она, – авторитетными, грубоватыми или властными, что ни возьми.

Поезд дернулся, покинул “Гульмарсплан” и выехал на мост Сканстүүлсбрун.

Жан, думала она. Свой парень.

Патологоанатомическое отделение

Работа по установлению личности жертвы шла медленно. Внешне мальчик не походил на шведа. Все зубы удалены, поэтому приглашать судебного одонтолога для идентификации зубной карты не имело смысла.

В патологоанатомическом отделении больницы в Сольне Иво Андрич снял с полки потрепанный шведский фармацевтический справочник.

Предварительные анализы показали, что в теле мертвого мальчика с Турильдсплан присутствует большое количество препарата ксилокаин адреналин. Иво Андрич прочел, что данный препарат является средством для местного обезболивания с активными субстанциями лидокаина и адреналина. Это одно из самых обычных обезболивающих, применяемых в Швеции зубными врачами, и весьма популярное, поскольку адреналин продлевает время действия обезболивания.

Зубной врач, подумал он. Почему бы и нет? Все возможно. Но зачем же понадобилось до отказа накачивать мальчика средствами местного обезболивания?

Напрашивался ответ: чтобы ему не было больно.

Иво Андричу вспомнились собачьи бои, и в голове возникла чудовищно страшная картина. Предчувствие чего-то большего, нежели просто злоба.

Он усматривал здесь некую цель.

Квартал Крунуберг

На третий день после обнаружения трупа по-прежнему не появилось ничего нового, что позволило бы продвинуться в расследовании, и Жанетт очень нервничала. Прокурор фон Квист не изменил своей позиции в отношении Джимми Фюрюгорда, и об объявлении в розыск пока не было и речи.

Позвонив и сверившись с регистром пропавших детей, Жанетт узнала, что там нет никого, чье поверхностное описание совпадало бы с мертвым мальчиком. Конечно, в Швеции находятся сотни, возможно, тысячи детей без документов, но неофициальные источники в церкви и Армии спасения сообщили, что не знают никого, похожего на их жертву.

Стокгольмская миссионерская организация в Старом городе тоже не смогла предоставить необходимой информации. Зато один из сотрудников, дежурящих там по ночам, рассказал, что множество детей обычно обитает под Центральным мостом.

– Эти ребята безумно пугливы, – с огорчением добавил он. – Когда мы там появляемся, они подходят, хватают по бутерброду и чашке бульона и сразу удаляются, самым откровенным образом показывая, что вообще-то не хотят иметь с нами дела.

– Неужели социальная служба не может ничего сделать? – спросила Жанетт, хотя знала ответ заранее.

– Крайне сомнительно. Я знаю, что они приезжали туда с месяц назад, но все ребята разбежались и еще несколько недель не возвращались обратно.

Жанетт Чильберг поблагодарила за информацию, подумав, что визит под мост, возможно, мог бы что-нибудь дать, если только ей удастся добиться, чтобы дети стали с ней разговаривать.

Обход квартир в районе вокруг Педагогического института оказался совершенно безрезультатным, а требующая больших временных затрат работа по связи с лагерями беженцев разрослась до масштабов всей Средней Швеции.

Ниоткуда не пропадал ребенок, подходивший под описание мальчика, найденного мумифицированным в кустах метрах в десяти от спуска в метро. Олунд просмотрел многочасовые записи с камер наблюдения на станции и на расположенном в непосредственной близости Пединституте, но ничего необычного не обнаружил.

В половине одиннадцатого Жанетт позвонила Иво Андричу в судебно-медицинский центр в Сольне.

– Скажи, что у тебя для меня что-то есть! Мы в полном тупике.

– Ну... – Андрич сделал глубокий вдох. – Дело обстоит так. В первых, тело полностью иссушено, то есть мумифицировано...

Он замолчал, и Жанетт стала ждать продолжения.

– Я начну заново. Как тебе лучше изложить? На профессиональном языке или по-человечески?

– Излагай, как считаешь нужным. Если я чего-нибудь не пойму, то спрошу, и ты объяснишь.

– Ладно. Значит, так: если мертвое тело находится в сухой среде с высокой температурой и относительно быстрой циркуляцией воздуха, оно довольно скоро высыхает. То есть разложения не происходит. При масштабном высыхании, как в данном случае, трудно, чтобы не сказать невозможно, отделить кожу, особенно на голове. Кожа лица засохла, и ее просто-напросто не снять с...

– Прости, пожалуйста, – нетерпеливо перебила Жанетт. – Не хочу показаться настырной, но меня прежде всего интересует, как он умер и когда это произошло. То, что он засушен, смогла разглядеть даже я.

– Да, конечно. Я, вероятно, немного отклонился. Пойми, определить, когда наступила смерть, почти невозможно, однако я могу сказать, что он мертв не более полугода. Мумифицирование тоже требует времени, поэтому я предполагаю, что он умер где-то между ноябрем и январем.

– Но это все-таки довольно большой временной промежуток. Вам удалось получить ДНК?

– Да, мы взяли ДНК у жертвы, а также из мочи на пластиковом мешке.

– Что? Ты хочешь сказать, что на мешок кто-то пописал?

– Да, но ведь это не обязательно убийца?

– Верно.

– Правда, на размножение информации по ДНК и получение более детальных данных потребуется около недели. Там имеются кое-какие загвоздки.

– Хорошо. У тебя есть какие-нибудь соображения о том, где могло храниться тело?

– Ну, как я уже сказал... где-то в сухом месте.

В трубке ненадолго замолчали.

– Значит, в принципе, где угодно? – немного подумав, продолжила Жанетт. – А я могла бы, например, сотворить такое у себя дома?

Она представила себе эту отвратительную и совершенно абсурдную картину: мертвый мальчик, который с каждой неделей становится все более засохшим и мумифицированным, у нее дома, в Эншеде.

– Не знаю, как именно ты живешь, но подошла бы даже обычная квартира. Поначалу, возможно, чуть-чуть пахивало бы, но если бы ты имела доступ к маленькому кондиционеру с теплым воздухом и поместила труп в замкнутое пространство, все наверняка получилось бы и даже обошлось бы без жалоб соседей.

– Ты имеешь в виду шкаф?

– Необязательно такое маленькое пространство. Подошли бы гардеробная, ванная комната или нечто подобное.

– Зацепиться тут особенно не за что, – произнесла Жанетт, чувствуя нарастающее раздражение.

– Да, понимаю. Но сейчас я подхожу к тому, что, возможно, тебе чуть-чуть поможет.

Жанетт вся обратилась в слух.

– Предварительный химический анализ показал, что тело буквально напичкано химикалиями.

Наконец хоть что-то, подумала она.

– Во-первых, присутствует амфетамин. Мы обнаружили следы в желудке и венах. Значит, парень ел его или пил, но многое указывает на то, что еще делались инъекции.

– Наркоман?

Жанетт очень надеялась на положительный ответ, поскольку, если речь идет о наркомане, умершем в каком-нибудь притоне и со временем совершенно высохшем, все станет намного проще. Можно будет закрыть дело, сделав вывод, что кто-то из накачанных приятелей юноши, будучи в полной растерянности, отделался от тела, бросив его в кусты.

– Нет, не думаю. Судя по всему, его инъекции производились насильно. Следы от уколов разбросаны по всему телу, и в большинстве случаев иглы даже не попадали в вены.

– Тьфу, черт!

– Да, такие слова напрашиваются.

– И ты совершенно уверен, что он не вводил себе наркотики сам?

– Увереннее некуда. Однако амфетамин не самое интересное, примечательно то, что в теле присутствуют обезболивающие средства. А точнее, препарат под названием ксилокаин адреналин, шведское изобретение сороковых годов. Поначалу компания “АстраЗенека” продавала ксилокаин как эксклюзивное лекарство, им лечили папу Пия XII

от икоты и президента Эйзенхауэра от ипохондрии. Сегодня препарат является стандартным болеутоляющим, его тебе вводят в десну, когда ты просишь зубного врача обезболить.

– Но... Я уже ничего не понимаю.

– Да, у мальчика этот препарат не во рту, а во всем теле. Очень странно, если хочешь знать мое мнение.

– И вдобавок его еще жестоко избивали?

– Да, досталось ему очень здорово, но обезболивающее средство его поддерживало. Под конец, после нескольких часов страданий, наркотики парализовали ему сердце и легкие. Долгая и чертовски мучительная смерть. Бедняга...

Жанетт почувствовала головокружение.

– Но почему? – спросила она со слабой надеждой, что у Иво имеется разумное объяснение.

– Если не возражаешь, я бы поделился кое-какими соображениями..

– Конечно, давай.

– Первое, что мне чисто инстинктивно пришло в голову, – это организованные собачьи бои. Знаешь, когда два питбуля дерутся, пока один из них не умрет. Так иногда развлекаются в пригородах.

– Звучит чертовски маловероятно, – возразила Жанетт, инстинктивно отмахиваясь от чудовищной мысли, хоть и не была до конца уверена, что права. С годами она научилась не отвергать даже самое невероятное. Много раз, когда правда выходила наружу, оказывалось, что жестокая реальность превосходила вымысел. Ей вспомнился немецкий каннибал, который через интернет вступил в контакт с женщиной, и тот добровольно дал себя съесть.

– Да, но я просто рассуждаю, – продолжал Иво Андрич. – Другой вариант, возможно, более вероятен.

– Какой же?

– Ну, что кто-то избил его до неузнаваемости и не остановился перед тем, что мальчик уже умирал. Он напичкал его препаратами и продолжил истязание.

– Помнишь хоккеиста из Вестероса, которому нанесли почти сотню ножевых ударов? – спросила Жанетт, оживившись.

– Не могу припомнить. Наверное, это было до моего приезда в Швецию.

– Да, дело было довольно давно. В середине девяностых. Преступником оказался скинхед, сидевший на рогипноле. Хоккеист не скрывал, что он гомосексуалист, а нацист ненавидел гомиков. Он

продолжал пырять ножом мертвое тело, хотя ему уже давно должно было бы свести руку судорогой.

– Да, нечто подобное я и имею в виду. Съехавший с катушек псих, преисполненный безумной ненависти и, да... рогипнол или, возможно, анаболические стероиды.

Полного удовлетворения Жанетт не испытывала, но все-таки теперь у нее появилось больше зацепок.

– Спасибо, Иво. Если у тебя возникнут хоть какие-то соображения или идеи, сразу звони.

– Разумеется. Позвоню, если всплывет что-нибудь новое или когда получу более точные результаты химического анализа. Удачи тебе.

Жанетт положила трубку. Она почувствовала, что голодна, и, взглянув на часы, решила позволить себе обстоятельно пообедать в ресторане здания полиции. Она выберет кабинку в глубине зала, чтобы ее как можно дольше никто не тревожил. Через час ресторан заполнится народом, а ей хотелось побыть одной.

Прежде чем поставить поднос с едой на стол, Жанетт прихватила забытую кем-то вечернюю газету. Обычно она избегала читать, что пишут газеты о делах, к которым она имела непосредственное отношение, поскольку считала, что это может повлиять на ее работу, хотя предположения газетчиков чаще всего бывали до смешного маловероятными.

Почти сразу она поняла, что “источником в полиции” является кто-то из ее ближайшего окружения, так как некоторые фрагменты статьи строились на фактах, известных только человеку, хорошо знакомому с расследованием, а поскольку в Хуртиге она не сомневалась, оставались Олунд или Шварц.

– Так вот где ты притаилась?

Жанетт оторвала взгляд от газеты.

Рядом с ней, ухмыляясь, стоял Хуртиг.

– Не возражаешь, если я присяду? – Он кивнул на свободное место напротив.

– Ты уже вернулся? – Жанетт жестом показала, что он может сесть.

– Да, мы закончили около часа назад. Дандерюд^[19]. Шишка в строительной отрасли, а жесткий диск полон детского порно. Жуткая тоска. – Хуртиг обошел вокруг стола, поставил свой поднос и сел. – Жена пребывала на грани срыва, а дочка, лет четырнадцати, просто стояла и смотрела, как мы забираем папашу.

– Фу. – Жанетт покачала головой. – А Олунд и Шварц? Они тоже

вернулись?

– Конечно, они тоже собирались перекусить.

Хуртиг принялся за еду, а Жанетт отметила, что вид у него немного усталый. Сколько же часов ему удалось поспать?

Вероятно, не больше двух.

– А в остальном все нормально? – спросила она.

– Утром звонила мать, – сказал он, не переставая жевать. – Отец покалечился и лежит в больнице в Йелливаре.

Жанетт отложила нож и вилку и посмотрела на него:

– Что-нибудь серьезное?

– Самое невероятное. – Хуртиг покачал головой. – Он, очевидно, угодил правой рукой под дисковую пилу, мать сказала, что большинство пальцев смогут спасти. Она отыскала их и сунула в мешок с кусочками льда.

– О господи.

– Но большой палец она не нашла. – Хуртиг ухмыльнулся. – Вероятно, достался коту. Но не волнуйся, правая рука для отца это нестрашно. Он любит столярничать и играть на скрипке, а в обоих случаях левая рука важнее.

Жанетт задумалась над тем, что она вообще знает о своем коллеге, и призналась себе, что не слишком многое.

Детство Хуртиг провел в Квиккйокке, окончил школу в Йоккмокке, а гимназию – в Будене^[20]. Потом точно несколько лет работал, но она не помнила кем, а когда в университете Умео начали готовить полицейских, он поступил в первую же группу. После практики в полиции Лулео перевелся в Стокгольм. Голые факты, думала она, из личного – только что у него есть квартира в районе Сёдер^[21], живет один. Девушка? Возможно.

– Но почему больница в Йелливаре? – спросила она. – Они ведь по-прежнему живут в Квиккйокке?

Он перестал жевать и посмотрел на нее.

– Ты полагаешь, там есть больница? В деревне, где живет от силы пятьдесят человек?

– Она такая маленькая? Тогда понятно. Значит, твоей матери пришлось везти отца в Йелливаре? Это, наверное, несколько десятков километров.

– До больницы в Йелливаре двести километров, на машине обычно чуть больше четырех часов.

– Надо же, – произнесла Жанетт, устыдившись пробелов в знании географии.

– А-а... Это не так-то просто. Чертовы кулички под названием Лапландия велики. Прямо-таки офигенного размера.

– Как ты думаешь, он вкусный? – немного помолчав, спросил Хуртиг.

– Что значит “вкусный”? – Жанетт посмотрела на него с удивлением.

– Большой палец отца, – ухмыльнулся он. – Как по-твоему, кот его оценит? Хотя особенно много мяса на мозолистом пальце старого паразита-лопаря ведь быть не может? Как тебе кажется?

Саам, подумала она, и об этом я тоже не имела понятия. Она решила в следующий раз, когда Хуртиг пригласит ее выпить с ним пива, обязательно согласиться. Если хочешь быть хорошим начальником, а не просто притворяться таковым, то пора познакомиться с подчиненными поближе.

Жанетт встала, взяла свой поднос и пошла принести две кружки кофе. Прихватив заодно несколько печений, она вернулась.

– Есть что-нибудь новое о телефонном разговоре?

– Да, я получил отчет прямо перед уходом сюда, – проглотив еду, ответил Хуртиг.

– И?.. – Жанетт отхлебнула горячего кофе.

Хуртиг опустил нож и вилку.

– Как мы и думали. Звонивший находился неподалеку от небоскреба “Дагенс нюхетер”, а точнее, на Роламбсвэген. А у тебя? – Хуртиг взял печенье и обмакнул его в кружку с кофе. – Что ты сделала за первую половину дня?

– Плодотворно побеседовала с Иво Андричем. Похоже, парень до отказа накачан химикалиями.

– Что? – Хуртиг посмотрел на нее вопросительно.

– Обезболивающими средствами в огромных количествах. Путем инъекций. – Жанетт набрала воздуха. – Судя по всему, насильно.

– Тьфу, дьявол!

После обеда Жанетт попыталась связаться с прокурором фон Квистом, но его секретарша сообщила, что в настоящее время прокурор находится в Гётеборге, где ему предстоит участвовать в какой-то дискуссионной программе, и что он вернется только завтра.

Жанетт зашла на сайт телевизионной программы и прочла, что дискуссия в прямом эфире будет посвящена возросшему насилию в пригородах. Кеннету фон Квисту, отстаивавшему ужесточение принимаемых мер и более долгое тюремное наказание, предстояло, в частности, сразиться с бывшим министром юстиции.

По пути домой Жанетт заглянула к Хуртигу, и они условились

встретиться на Центральном вокзале в десять часов. Было важно как можно скорее поговорить с кем-нибудь из детей, обитающих под мостом.

Гамла Эншеде

В половине пятого движение на площади Санкт-Эриксплан было совершенно хаотичным.

Старая “ауди” обошлась Жанетт в восемьсот крон – за детали и две бутылки “Джеймсона”, – но она считала, что дело того стоило. После произведенного Олундом ремонта машина шла идеально, как часы.

Туристы из провинции, непривычные к суматохе большого города, пытались поделить с более опытным местным населением ограниченное пространство. Получалось неважно.

Стокгольмская дорожная сеть выстраивалась в то время, когда поток автомобилей был меньше, и, откровенно говоря, подходила скорее для небольшого провинциального городка, чем для миллионного мегаполиса, когда-то претендовавшего на проведение летних Олимпийских игр. Не улучшало ситуацию и закрытие на ремонтные работы одной полосы на мосту Вестербрун, и чтобы добраться до Гамла Эншеде, Жанетт потребовалось больше часа.

При удачном стечении обстоятельств она доезжала меньше чем за пятнадцать минут.

Войдя в дом, она столкнулась с Юханом и Оке. Они собирались на футбол и были одеты в одинаковые форменные футболки с соответствующими зелено-белыми шарфами. Их вид явно свидетельствовал о предвкушении победы, но Жанетт знала по опыту, что через несколько часов они вернутся разочарованные и подавленные. Стишок о том, что их команда не способна победить, который обычно издевательски скандировали фанаты противников, уже много раз себя оправдывал.

– Сегодня мы победим! – Оке быстро чмокнул ее в щеку и подтолкнул Юхана к выходу. – До скорого!

– Меня, наверное, не будет дома, когда вы вернетесь. – Жанетт видела, что Оке расстроился. – Мне надо на работу, вернусь где-нибудь после полуночи.

Оке пожал плечами, закатил глаза и вышел вслед за Юханом.

Закрыв за ними дверь, Жанетт сбросила туфли и пошла в гостиную, где улеглась на диван в надежде немного отдохнуть. Примерно через три часа нужно ехать обратно, и ей хотелось попробовать чуть-чуть вздремнуть.

В голове хаотично вертелись обрывки мыслей, и задачи, связанные с исследованием, перемешивались с практическими заботами. Нужно подстричь траву, написать письма и провести допросы. Надо быть хорошей матерью, способной заниматься своим ребенком. Научиться любить и испытывать страсть.

Наряду с этим нужно успевать жить.

Или как раз этим она и занимается? Живет.

Сон без сновидений, без настоящего отдыха. Маленький перерыв в постоянно продолжающемся движении. Кратковременная свобода от бесконечного, длиною в жизнь перемещения собственного тела.

Сизиф, подумала она.

Центральный мост

Транспортные пробки рассосались, и, паркуясь, Жанетт увидела, что часы у входа на Центральный вокзал показывают без двадцати десять. Она вышла, захлопнула дверцу и заперла машину. Хуртиг стоял возле небольшого киоска, держа в каждой руке по сосиске. Увидев Жанетт, он улыбнулся почти смущенно, будто занимался чем-то запретным.

– Ужин? – Жанетт кивнула на увесистые сосиски.

– На, возьми одну.

– Ты не видел, есть ли там ребята? – Взяв протянутое угощение, Жанетт указала в сторону Центрального моста.

– Я видел по пути одну из машин миссионеров. Пойдем пообщаемся, – предложил он, стряхивая салфеткой прилипшую к щеке капельку креветочного салата.

Они миновали парковку, расположенную под съездом с моста: слева транспортная развязка и отель “Шератон”. Два мира на площади не больше футбольного поля, подумала Жанетт и тут же увидела группу людей, стоящих в темноте возле серых бетонных опор моста.

Вокруг автофургона с эмблемами Стокгольмской миссионерской организации толпилось человек двадцать молодых людей, некоторые – почти дети.

Увидев двоих незнакомцев, несколько детей отпрянули и скрылись в глубине под мостом.

Двое сотрудников миссионерской организации не смогли добавить никакой новой информации. Дети возникают и исчезают, и хотя являются сюда почти каждый вечер, лишь единицы идут на разговор. Безымянные лица сменяют друг друга. Одни уезжают обратно домой, другие отправляются дальше, и немалая часть умирает.

Таковы факты.

Передозировки наркотиками или самоубийства.

Общая проблема у всех ребят – деньги или, вернее, их отсутствие. Один из миссионеров рассказал, что есть ресторан, где детям периодически разрешают помогать мыть посуду. За полный рабочий день – двенадцать часов – им один раз дают горячую еду и платят сто крон. Некоторые из детей, кроме того, оказывают сексуальные услуги, что отнюдь не удивило Жанетт.

Девочка лет пятнадцати отважилась подойти к ней и спросить, кто они

такие. Когда она улыбнулась, Жанетт увидела, что у нее не хватает нескольких зубов.

Прежде чем ответить, Жанетт задумалась. Лгать явно не стоило. Если уж устанавливать доверительные отношения, то лучше сказать, как есть.

– Меня зовут Жанетт, я из полиции, – начала она. – Это мой коллега Иене.

Хуртиг улыбнулся и протянул руку, чтобы поздороваться.

– Вот как, и что вам надо? – Девочка смотрела Жанетт прямо в глаза, притворяясь, будто не замечает протянутой руки Хуртига.

Жанетт рассказала об убийстве мальчика и что им требуется помощь для установления его личности. Она показала рисунок, сделанный полицейским художником.

Девочка, которую звали Атифа, сказала, что обычно обитает в центре. По словам сотрудников-миссионеров, ее образ жизни вполне типичен. Она приехала из Эритреи с мамой и папой, которые в настоящее время безработные. Вместе с родителями и шестью братьями и сестрами она живет в съемной квартире в пригороде Хувудста. Четыре комнаты и кухня.

Ни Атифа, ни ее друзья убитого мальчика не опознали и ничего сказать о нем не смогли. Через два часа Жанетт с Хуртигом сдались и двинулись обратно к парковке.

– Маленькие взрослые, – покачал головой Хуртиг, доставая ключи от машины. – Ведь это, черт возьми, дети. Они должны играть и строить шалаши.

Жанетт видела, что он сильно расстроен.

– Да, а они явно могут с легкостью исчезать, и никто их не хватится.

Мимо проехала “скорая помощь” с мигающими синими огнями, но без сирены. От транспортной развязки она свернула налево и скрылась в туннеле.

Удручающая безысходность стала ощущаться физически, и Жанетт плотнее запахнула куртку.

Оке храпел на диване, она укутала его пледом, а затем поднялась в спальню, разделась догола и нырнула под одеяло. Погасила свет и лежала в темноте с открытыми глазами.

Слышались удары ветра в оконное стекло, шелест деревьев в саду и отдаленное шуршание колес по шоссе.

На душе было тяжело.

Спать ей не хотелось.

Хотелось понять.

Мыльный дворец

Покидая Худдинге, София чувствовала безумную усталость. Разговор с Тюррой Мякеля отнял много сил, а она к тому же согласилась взяться еще за одно дело, которое, вероятно, потребует определенного напряжения. Ларе Миккельсен попросил ее принять участие в обследовании педофила, обвиняемого в посягательствах на половую неприкосновенность собственной дочери и распространении детской порнографии. Во время задержания мужчина все признал.

Конца этому, черт возьми, не видно, думала она, с огромной тяжестью на душе выворачивая на шоссе.

Было такое чувство, будто ей пришлось взвалить на себя все переживания Тюры Мякеля. Воспоминания об унижении, которое зарубцевалось где-то внутри и все время пытается вырваться наружу и обнажить ее собственное ничтожество. Но рубец накрепко заперт где-то в глубине грудной клетки и только временами дает о себе знать подобно пульсирующей боли. Сознание того, какую боль один человек способен причинить другому, становится ничем не пробиваемой броней.

Ничего не выпускающей наружу.

Тяжесть сопровождала Софию всю дорогу до приемной, где предстояла обещанная социальной службе из Хессельбю встреча. Встреча с бывшим ребенком-солдатом Самуэлем Баи из Сьерра-Леоне.

Разговор, который – она знала – будет вертеться вокруг безудержного, омерзительного насилия.

Обед в такие дни исключался. Вместо него – тишина в комнате отдыха. Закрытые глаза и полный покой в горизонтальном положении с целью попытаться вновь обрести душевное равновесие.

Самуэль Баи оказался высоким, мускулистым юношей. Поначалу он занимал выжидательную позицию и не проявлял никакого интереса к встрече с Софией. Однако когда та предложила перейти с английского языка на крио, юноша сразу стал разговорчивым.

За проведенные в Сьерра-Леоне три месяца София выучила этот западноафриканский язык, и они долго беседовали о жизни во Фритауне и знакомых им обоим местах и зданиях. В процессе разговора, когда Самуэль заметил, что она способна понять кое-что из пережитого им, его доверие к ней стало возрастать.

Через двадцать минут у нее появилась надежда как-то ему помочь.

Проблемы Самуэля Баи с вовлеченностью в разговор и концентрацией, неспособность усидеть на месте более полуминуты, а также трудности со сдерживанием внезапных порывов и выбросов эмоций напоминали синдром дефицита внимания и гиперактивности, с доминированием последнего, и расстройство контроля импульсов.

Однако, похоже, все не так просто.

Она обратила внимание на то, что в зависимости от темы разговора высота голоса, интонация и язык жестов у Самуэля менялись. Иногда он внезапно переходил с крио на английский, а порой говорил на варианте крио, который Софии слышать не доводилось. Вместе с речью и положением тела у него менялось выражение глаз. Он то сидел распрямив спину, пристально смотрел ей в глаза и громко и четко говорил о том, как в будущем хочет открыть в городе ресторан, то весь съеживался и с усталым взглядом бормотал на этом странном диалекте.

Если у Виктории Бергман София отмечала лишь некоторые признаки диссоциативного расстройства, то у Самуэля Баи таковые, похоже, были представлены в полном объеме. Она подозревала, что вследствие пережитых в детстве мерзостей Самуэль испытывает посттравматический стресс, обусловивший диссоциативное расстройство идентичности. Он демонстрировал признаки наличия внутри нескольких разных личностей и, видимо, непроизвольно переключался с одной на другую.

Этот феномен иногда называют “расстройством множественной личности”, но София предпочитала термин “диссоциативное расстройство”.

Она знала, что такие люди очень плохо поддаются лечению.

Во-первых, лечение требует долгого времени, как при каждой беседе, так и в целом. София прикинула, что обычного сеанса – от сорока пяти минут до часа – будет недостаточно. Ей придется продлить каждую беседу с Самуэлем до полутора часов и предложить социальной службе минимум три визита в неделю.

Во-вторых, сложность лечения заключается в том, что требует от терапевта полной включенности.

Во время первого разговора с Самуэлем Баи она сразу узнала то, с чем столкнулась в монологах Виктории Бергман. Самуэль, как и Виктория, прекрасно владел искусством автогипноза, и его сонное состояние заражало Софию.

Она знала, что сможет помочь Самуэлю, только если будет выкладываться полностью.

В отличие от работы в судебной психиатрии, где вовсе не шла речь о лечении людей, с которыми ей приходилось встречаться, здесь она чувствовала, что способна помочь.

Они проговорили больше часа, и после ухода Самуэля Софии показалось, что картина его поврежденной психики начала проясняться.

Она очень устала, но знала, что рабочий день не закончен, поскольку ей надо завершить дело Тюры Мякеля, а кроме того, подготовиться к проверке фактов в книге мальчика-солдата. В рассказе о том, что происходит, когда детей наделяют властью убивать.

София достала имеющийся у нее материал и немного полистала английскую версию книги. Издательство прислало ей ряд вопросов, на которые надеялось получить ответы во время встречи в Гётеборге, однако она быстро осознала, что с ходу ответить на них не сможет.

Это слишком сложно.

Книга уже переведена, и ей предстояло помочь лишь с техническими деталями.

А книга Самуэля Баи еще не написана. Она находится прямо перед ней.

Пожалуй, я на это наплюю, подумала София.

Она велела Анн-Бритт сдать билет на поезд и отказаться от гостиницы в Гётеборге. Пусть издательство думает, что хочет.

Иногда импульсивные решения оказываются наиболее правильными.

Прежде чем уйти с работы, она завершила дело Тюры Мякеля, отправив следственной группе в Худдинге свое окончательное заключение по электронной почте.

По сути дела, лишь еще одна техническая деталь.

Они сошлись на том, что Тюру Мякеля следует приговорить к принудительному психиатрическому лечению, как и рекомендовала София.

Но она чувствовала, что ей удалось изменить ситуацию. Повлиять.

Монумент

После ужина София с Микаэлем вместе убрали со стола и загрузили посуду в машину. Микаэль сказал, что хочет просто отдохнуть перед телевизором, и София сочла это удачей, поскольку собиралась немного поработать. Она пошла в его кабинет и села за письменный стол. На улице снова пошел дождь. София закрыла маленькое окно и открыла ноутбук.

Она достала из сумки кассету, помеченную “Виктория Бергман 14”, и вставила ее в магнитофон.

Ей вспомнилось, что во время этой встречи Виктория Бергман была расстроена, что у нее явно что-то произошло, но в ответ на вопрос об этом Виктория лишь покачала головой.

София услышала собственный голос:

“Можешь рассказывать все что угодно. Если предпочитаешь помолчать, мы можем посидеть молча”.

“Мм, возможно, я и предпочла бы, но считаю, что тишина-то как раз и бывает безумно неприятной. Невероятно интимной”.

Голос Виктории Бергман стал хрипловатым, София откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

У меня сохранилось воспоминание с тех пор, когда мне было десять лет. Дело происходило в Даларна. Я искала гнездо и, обнаружив маленькое дупло, осторожно подкралась к дереву. Подойдя вплотную, я сильно ударила по стволу рукой, и писк внутри смолк. Не знаю, почему я так поступила, но мне это показалось правильным. Потом я отошла на несколько шагов, уселась в черничнике и стала ждать. Через несколько минут прилетела маленькая птичка и села на край дупла. Она заползла внутрь, и писк возобновился. Помню, я рассердилась. Когда птичка вылетела, я отыскала старый пенек и подтащила его к дереву. Взяла достаточно большую палку и влезла на пенек. Затем я принялась сильно колотить палкой чуть наискосок вниз и продолжала до тех пор, пока писк не прекратился. Я снова слезла с пня и стала поджидать птицу, которая должна была скоро вернуться. Мне хотелось посмотреть, как она отреагирует, обнаружив своих птенцов мертвыми.

София почувствовала, что у нее пересохло во рту, встала и пошла на кухню. Наполнила стакан водой и выпила.

Что-то в рассказе Виктории показалось ей знакомым.

Он ей что-то напоминал.

Может быть, сон? Да, наверное, так и есть. Сон.

Она вернулась в кабинет. Магнитофон продолжал работать – она его не выключила.

Голос Виктории Бергман казался зловеще скрипучим. Сухим.

Когда пленка закончилась, София вздрогнула. Полусонно огляделась. Время уже перевалило за полночь.

За окном все стихло, Эландсгатан опустела. Дождь прекратился, но мостовая по-прежнему оставалась мокрой и поблескивала в свете уличных фонарей.

София выключила компьютер и вышла в гостиную. Микаэль уже отправился спать, и она осторожно улеглась у него за спиной.

Она долго не смыкала глаз и думала о Виктории Бергман.

Самое удивительное, что после монологов Виктория незамедлительно возвращалась к своему обычному, собранному “я”.

Будто переключалась на другую программу. Одно нажатие кнопки на пульте – и опять новый канал.

Другой голос.

Так же ли происходит с Самуэлем Баи? Разные голоса, сменяющие друг друга? Вероятно.

София заметила, что Микаэль еще не уснул, и поцеловала его в плечо.

– Я не хотел тебя будить, – сказал он. – Ты там так замечательно смотрелась. Даже разговаривала во сне.

Около трех часов она встала с кровати, достала одну из кассет, включила магнитофон, откинулась на спинку кресла и отдалась во власть голоса.

Фрагменты личности Виктории Бергман стали распределяться по своим местам, и Софии показалось, что она начинает понимать. Может испытывать симпатию.

Видит картины, которые Виктория Бергман рисует словами, столь же отчетливо, как если бы смотрела фильм.

Однако беспросветное горе Виктории ее пугало.

Было слишком велико для понимания.

Бездонная боль, с годами все глубже проникающая в ее плоть.

Вероятно, она день за днем прокручивала в голове воспоминания, создав собственный внутренний мир, где она то утешала себя, то корила за случившееся.

София содрогнулась при звуке рокочущего голоса Виктории Бергман.

Временами шепчущего, временами настолько возбужденного, что

брызгала слюна.

София уснула и проснулась, только когда Микаэль постучал в дверь и сказал, что уже утро.

– Ты просидела здесь всю ночь?

– Ну почти. Я сегодня встречаюсь с клиенткой и должна понять, как мне с ней себя вести.

– О'кей. Мне надо бежать. Вечером увидимся?

– Да, я позвоню.

Он закрыл дверь, а София решила послушать дальше и перевернула кассету. Она услышала собственное дыхание, когда Виктория сделала паузу. Когда та вновь заговорила, ее голос звучал уравновешенно.

...он покрылся потом и хотел, чтобы мы обнимались, хотя было очень жарко, а он еще продолжал поливать агрегат водой. Когда он наклонялся, чтобы зачерпнуть из деревянной лохани воды, мне был виден мешочек у него между ног, и мне хотелось толкнуть его так, чтобы он упал на раскаленные камни. На камни, которые никогда не остывали, а каждую среду грели теплом, все равно не прогревавшим до костей. Я просто сидела, не говоря ни слова, тихо, как мышка, и все время видела, как он на меня смотрит. Как глаза у него делались странными и он начинал тяжело дышать, а потом мне позволялось пойти в душ и отмыться после игры. Хотя я знала, что никогда не смогу стать чистой. Мне следовало быть благодарной за то, что он показал мне так много тайн, подготовив к тому дню, когда мне предстояло встретить парней, которые, возможно, окажутся ужасно неловкими и торопливыми, каковым он уж точно не был, поскольку всю жизнь упражнялся и впитал науку бабушки и ее брата, причем это ему нисколько не повредило, а, напротив, сделало его сильным и выносливым. Он сотню раз, не пикнув, бегал Васалоппет^[22] со сломанными ребрами и выбитыми коленями, хотя на середине дистанции его рвало. Остававшиеся у меня внизу царапины, после того как он вдоволь наигрывался на банной скамье и вытаскивал пальцы, не считались поводом для нытья. Когда он, закончив со мной, запирает дверь бани, я думала о самке паука, которая после спаривания съедает маленьких самцов...

София вздрогнула. Почувствовала приступ дурноты.

Она явно опять уснула, и ей снилось множество отвратительных вещей, наверняка из-за работавшего магнитофона. Ее мыслями и снами управлял монотонный голос.

Бормотание Виктории Бергман проникло ей в подсознание.

ПРОШЛОЕ

Крылья мухи безнадежно прилипли к жевательной резинке. Трепыхайся не трепыхайся, думает Девочка-ворона, тебе больше не летать. Завтра солнце будет сиять, как всегда, но на тебя оно светить уже не будет.

Когда отец Мартина коснулся ее спины, она инстинктивно отпрянула. Он слез с велосипеда, и теперь они стоят рядышком на гравийной дороге перед домом тети Эльсы.

– Мартин уже несколько раз спрашивал про тебя. Ему ведь не с кем играть.

Он протягивает руку и ласково прикасается к ее щеке.

– Хорошо бы ты как-нибудь пошла вместе с нами купаться.

Виктория отводит взгляд. Она привыкла к прикосновениям и точно знает, к чему они ведут.

Она видит это по его глазам, когда он кивает, прощается и едет дальше. В точности как она и подозревала, он останавливается и оборачивается:

– И кстати, нельзя ли у вас одолжить газонокосилку? Он такой же, как другие, думает она.

– Она стоит возле сарая, – говорит Виктория, махая на прощание рукой.

Интересно, когда он вернется за косилкой?

При мысли об этом у нее в груди все сжимается, поскольку она знает, что тогда он снова коснется ее.

Знает, но тем не менее не может удержаться и не выйти на пляж.

Она не понимает почему, но ей все-таки приятно находиться в обществе этой семьи, особенно Мартина.

Разговаривает он еще плохо, но его немногословные и временами неразборчивые объяснения в любви все равно принадлежат к числу самого замечательного, что ей когда-либо говорили. При каждой новой встрече он подбегает к ней с блеском в глазах и крепко обнимает ее.

Они играли, купались и гуляли по лесу. Нетвердо ступая по труднопроходимой местности, Мартин указывал на разные предметы, и Виктория терпеливо объясняла ему, как они называются.

“Гриб”, говорила она, “сосна” или “мокрица”, и Мартин старался

повторять за ней все звуки.

Она знакомит его с лесом.

Первым делом Виктория сбрасывает обувь, чувствуя, как песок проникает между пальцами и осторожно щекочет. Она снимает футболку и чувствует, как солнце бережно прогревает кожу. Несущие свежесть и прохладу волны касаются ее ног, и она бросается в воду.

Она лежит в воде так долго, что кожа сморщивается, и ей хочется, чтобы кожа стала рыхлой или отслоилась, тогда у нее сможет появиться совершенно новая, никем не тронутая кожа.

Ей слышно, как на тропинке появляется семья. Увидев ее, Мартин издает радостный возглас. Он мчится к берегу, и Виктория бросается ему навстречу, чтобы он не успел добежать до воды и замочить одежду.

– Моя Пеппи, – произносит он, обнимая ее.

– Мартин, ты же знаешь, что мы решили остаться здесь до начала занятий в школе, – вставляет папа, глядя на Викторию. – Поэтому тебе незачем душить ее в объятиях именно сегодня.

Виктория, в свою очередь, обнимает Мартина, но внезапно до нее доходит.

Как мало времени.

– Если бы мы были только вдвоем, ты и я, – шепчет она Мартину на ушко.

– Ты и я, – повторяет он.

Он нуждается в ней, и она все больше нуждается в нем. Она решает во что бы то ни стало упросить отца разрешить ей остаться здесь как можно дольше.

Виктория надевает футболку прямо на мокрый купальник и залезает в босоножки. Потом берет Мартина за руку и ведет вдоль берега. Прямо под сверкающей гладью воды она видит ползущего по дну рака.

– Помнишь, как называется это растение? – спрашивает она, чтобы отвлечь внимание Мартина на папоротник, а сама тянется за раком. Крепко обхватывает его за жесткий покров и прячет за спиной.

– Папоротник? – Мартин смотрит на нее вопросительно.

Виктория смеется, Мартин тоже.

– Папоротник, – повторяет он.

Продолжая смеяться, Виктория достает из-за спины рака и сует малышу под нос. Она видит, как его лицо перекашивается от испуга и он раздражается истерическим плачем. В качестве извинения она бросает рака на землю и топчет до тех пор, пока клешни не перестают сжиматься. Потом

обнимает мальчика, но тот безутешен.

Виктория чувствует, что утратила над ним контроль, просто быть с ним самой собой уже недостаточно. Требуется нечто большее, но что именно, она не знает.

Утратить контроль над ним – это все равно что утратить контроль над собой.

Впервые его доверие к ней поколебалось. Он подумал, что она хочет ему зла, что она, оказывается, из тех, кто причиняет зло.

Ей хочется находиться рядом с Мартином вечно, но она знает, что в воскресенье приедет отец и заберет ее.

Ей хочется остаться на хуторе навсегда.

Быть с Мартином. Всегда.

Она полностью поглощена им. Может сидеть и смотреть на него, когда он спит, наблюдать, как у него бегают глаза под закрытыми веками, прислушиваться к тому, как он тихонько поскуливает. Мартин показал ей, как выглядит спокойный сон, что таковой существует.

Однако неумолимо наступает суббота.

Они, как обычно, на берегу. Мартин сидит на кончике пледа у ног дремлющих родителей и рассеянно играет с двумя деревянными лошадками, купленными в магазине.

Небо все больше затягивается облаками, и послеполуденное солнце выглядывает лишь изредка.

Виктория знает, что мгновение, которого она страшится, приближается семимильными шагами. Прощание.

– Ну, нам, пожалуй, пора домой, – говорит мама, поднимая голову с руки мужа. Она встает и начинает упаковывать вещи в корзинку для пикника. Забирает у Мартина лошадок, и тот с удивлением смотрит на свои пустые ручки.

Папа встряхивает плед и сворачивает его.

В том месте, где они лежали, трава примялась и выглядит чуть темнее. Виктория представляет себе, как трава вскоре опять потянется к небу и при следующем взгляде на это место покажется, будто семьи тут никогда и не было.

– Виктория, ты не хочешь прийти сегодня к нам поужинать? – спрашивает мама. – Заодно испробовали бы новый крокет. Вы с Мартином будете в одной команде.

У нее внутри все содрогается. Больше времени, думает она. Я получу дополнительное время.

Она понимает, что тетя Эльса расстроится, если не провести последний вечер вместе с ней, но все равно не может отказаться. Просто не может.

Когда семейство удаляется в сторону тропинки, Викторию охватывает чувство спокойного предвкушения.

Полная надежд, она собирает в мешок купальные принадлежности, но не идет прямо домой, а задерживается у озера, возле бревенчатых сараев, наслаждаясь покоем и одиночеством.

Проводит руками по гладкой древесине и думает о пережитом бревнами времени, о многочисленных руках, которые их касались, обрабатывали, использовали, преодолевая любое сопротивление. Похоже, их уже больше ничто не волнует.

Ей хотелось стать как бревна, такой же безразличной ко всему.

Она несколько часов бродит по лесу, наблюдает, как изогнулись стволы, чтобы их кроны достигали солнца, или как их согнуло ветром, как их атаковали мох или паразиты. Но в глубине каждого ствола существует идеальное бревно. Его только надо отыскать, думает она, напевая себе под нос:

На великах мчимся по миру,
В красивых футболках и кедах.
Играем на всем, чем попало.
Даже на наших велосипедах.

Тут она выходит из лесу на поляну.

Посреди плотной растительности леса открывается место, где свет струится сквозь кроны деревьев на худенькие сосенки и мягкий мох.

Прямо мечта.

Позже она несколько дней посвятит поискам этой поляны, но так и не сможет вновь отыскать ее и даже засомневается, существовала ли поляна на самом деле.

Но сейчас Виктория там, и это место столь же реально, как она сама.

Подойдя к крыльцу тети Эльсы, Виктория вдруг ощущает беспокойство. Разочарованные люди способны, сами того не желая, причинять вред. Это она уже усвоила.

Она открывает дверь и слышит приближающееся шарканье тапок тети Эльсы. При ее появлении в прихожей Виктория видит, что спина у тети

Эльсы чуть более сторбленная, чем обычно, а лицо чуть более бледное.

– Привет, солнышко, – произносит тетя Эльса, но Виктория не отвечает.

– Заходи, и пойдем присядем, поговорим немного, – продолжает тетя Эльса, направляясь в сторону кухни.

Виктория снимает обувь, идет следом за тетей на кухню и садится на стул напротив нее. За этим самым столом они обычно играют в японский вист. Каждый раз, когда тетя Эльса проигрывает, она всегда хохочет так, что ее смех эхом отдается в лампе под потолком, а потом протягивает морщинистые руки к Виктории и ласково берет ее руки в свои. “Моя непобедимая королева виста, – обычно говорит она. – Называй любое вознаграждение, и ты его получишь”.

Вознаграждением всегда бывает холодный шоколад и подогретые булочки с маслом.

Но сейчас явно что-то не так.

В глазах Эльсы Виктория видит усталость, губы поджаты, уголки рта устремлены вниз.

– Ласточка моя, – начинает Эльса, пытаясь улыбнуться.

Виктория видит, что глаза у тети блестят, как будто она плакала.

– Я знаю, что сегодня твой последний вечер, – продолжает Эльса, – и мне больше всего хотелось бы приготовить праздничный ужин и весь вечер играть в карты... но, понимаешь ли, я не совсем здорова.

Виктория вздыхает с облегчением, но тут же замечает в глазах Эльсы чувство вины. Оно ей знакомо по собственному опыту. Как если бы Эльса тоже все время боялась, что ей выльют на голову холодное молоко, что ее заставят есть чечевицу, пока ее не стошнит, что ей не подарят на день рождения подарок, если она разговаривала не тем тоном, что ее накажут за любую оплошность.

Виктории кажется, будто в глазах тети Эльсы она видит, что та тоже усвоила: стараться изо всех сил всегда недостаточно.

– Я могу заварить чай, – воодушевленно говорит Виктория, – и укутать тебя одеялом, и даже почитать тебе перед сном.

Лицо Эльсы смягчается, губы расплываются в улыбке, приоткрываются, и вырывается смех.

– Какая ты милая, – произносит она, поглаживая Викторию по щеке. – Но тогда у нас не получится торжественного прощального ужина, и чем ты будешь заниматься, когда я усну? Ведь не слишком весело сидеть в темноте в полном одиночестве?

– Ничего страшного, – отвечает Виктория. – Родители Мартина

приглашали меня к ним, чтобы его убаюкать, и говорили, что тогда я смогу заодно у них поужинать. Так что я сперва уложу тебя, а потом Мартина и в придачу наемся.

Эльса радостно кивает:

– Давай сделаем салат, и ты сможешь взять его с собой.

Они встают рядышком возле мойки и крошат овощи.

Каждый раз, подходя к Эльсе слишком близко, Виктория ощущает едкий запах мочи, напоминающий ей об отце.

Этот запах вызывает у нее тошноту. Ей слишком хорошо известно, каков “затвердевший отец” на вкус.

У тети Эльсы имеются апельсиновые карамельки, которые Виктории разрешено брать без спросу. Они лежат в железной баночке на кухонном столе. Виктория открывает баночку, когда хочет отвлечься от мыслей об отце. Она не знает заранее, когда на нее вдруг нахлынет воспоминание о нем, и поэтому никогда не раскусывает карамельки, даже если остается острый, как лезвие, кусочек. Лучше поранить нёбо, чем оказаться безоружной перед воспоминанием.

Нарезая огурец ровными, не слишком толстыми ломтиками, она сосет карамельку. На листьях салата, хоть Эльса их тщательно помыла, осталось чуть-чуть земли, но Виктория ничего не говорит, поскольку понимает, что глаза у Эльсы слишком старые, чтобы заметить эту малость.

Обвинять Эльсу она не собирается, но не собирается и есть салат, считая, что у нее внутри уже достаточно грязи.

Она укутывает Эльсу одеялом, как и обещала, но ее мысли заняты Мартином.

– Ты хорошая девочка. Не забывай об этом, – говорит Эльса перед тем, как Виктория закрывает за собой дверь.

Виктория берет салат и с миской в руках отправляется к дому Мартина, поглощенная предвкушением встречи.

Она думает о том, как здорово было бы, если бы ей удалось уговорить отца оставить ее еще на недельку-другую. Это было бы хорошо для всех. И здесь вокруг есть еще так много интересных вещей, которые она пока не успела показать Мартину.

Идиллию омрачают только мысли о папе Мартина. Виктории кажется, что его взгляды стали более пристальными, смех более сердечным, а руки задерживаются на ее плечах чуть дольше обычного. Но она готова мириться с этим, лишь бы избегать собственного отца еще неделю. В первые разы обычно бывает не так уж страшно, думает она. Они осмеливаются действовать чуть менее осторожно, только когда начинают

воспринимать ее как данность.

Свернув к дому, она слышит, как внутри кто-то весело покрикивает. По звуку похоже на папу – она замедляет шаги. Дверь приоткрыта, и из дома доносится плеск воды.

Виктория подходит к двери, распахивает ее и в движении случайно задевает висящий в дверном проеме старый дверной колокольчик. Тот издает глухой звук.

– Это ты, Пеппи? – кричит из кухни папа. – Заходи, заходи.

В прихожей вкусно пахнет.

Виктория входит в кухню. На полу в тазу стоит Мартин. Мама сидит у окна в кресле-качалке и сосредоточенно вяжет. Она обращена к остальным спиной, но поворачивает голову и быстро кивает Виктории. Папа сидит на полу возле таза Мартина, голый до пояса и в шортах.

Увидев, чем он занимается, Виктория холодеет.

Мартин стоит весь в мыле, а папа улыбается ей во весь рот. Одной рукой он обхватил Мартина за попку, а другой моет его.

Виктория вытаращила глаза.

– У нас тут произошло маленькое несчастье, – говорит папа. – Когда мы играли в лесу, Мартин наделал в штанишки.

– Понимаешь, тебя надо хорошенько отмыть, – поясняет он мальчику, старательно подмывая его.

Виктория видит, как папа берется указательным и большим пальцами за маленькую письку, а другой рукой аккуратно протирает красновато-сиреневатые детали.

Эта картина ей знакома: папа с ребенком, а мама в той же комнате, спиной к ним.

Внезапно миска оказывается настолько тяжелой, что выскальзывает у нее из рук. Помидоры, огурцы, лук и листья салата разлетаются по полу. Мартин начинает плакать. Мама откладывает вязанье и вскакивает с кресла-качалки.

Виктория пятится к двери.

Прихожую она пересекает, уже переходя на бег.

Мчится вниз с крыльца, спотыкается и неловко падает на гравий, но сразу вскакивает и бежит дальше. Она выскакивает из калитки, что есть мочи несется по дороге в сторону дома и влетает к себе во двор. С плачем распахивает дверь и бросается на кровать.

Внутри у нее все клоочет. Она понимает, что Мартина испортят, он вырастет, станет мужчиной и будет таким же, как все остальные. Ей хотелось защитить его, пожертвовать собой ради его спасения. Но она

понимает, что опоздала.

Всему прекрасному пришел конец, и вина лежит на ней.

Тут раздается осторожный стук в дверь. Виктория слышит снаружи голос папы Мартина. Она подползает к двери и запирает ее.

– Виктория, что-нибудь случилось? Почему ты так разволновалась?

Она пытается подняться, но скрип половиц так и норовит выдать, что она здесь, всего в нескольких жалких сантиметрах от двери.

– Виктория, дорогая, может быть, ты нас все-такипустишь? Мы ведь слышим, что ты там.

Ей ясно, что сейчас отпирать дверь нельзя. Это было бы слишком неловко.

Она крадется в спальню, открывает выходящее на заднюю сторону дома окно и вылезает наружу. Потом делает большой крюк, огибает сарай и выходит на гравиевую дорожку. Услышав ее шаги, они оборачиваются и устремляются ей навстречу.

– Вот ты где, а мы думали, ты внутри. Куда ты убежала? Она чувствует, что сейчас рассмеется.

Мама и папа с закутанным в полотенце ребенком на руках.

Вид у них глупый. Перепуганный.

– Мне очень захотелось какать, – лжет она, не понимая, откуда берутся слова, но звучат они хорошо.

Они подхватывают ее смех, обнимают ее.

Мама несет ее обратно к их дому, и Виктория не видит в этом ничего странного.

Ее руки как раз такие надежные, какими обычно бывают руки, когда снова все хорошо.

Тогда бояться нечего.

Ноги Виктории ударяют маму по бедрам при каждом ее шаге, но ее это, похоже, совсем не волнует. Она решительно идет дальше. Как будто Виктории самое место у них дома.

– Вы приедете опять следующим летом? – спрашивает она, чувствуя, как щека мамы касается ее щеки.

– Да, конечно, – шепчет мама. – Мы будем каждое лето возвращаться к тебе.

Тем летом Мартину оставалось жить шесть лет.

Больница в Худдинге

Против Карла Лундстрёма выдвигалось обвинение в изготовлении и распространении детской порнографии, а также в понуждении дочери Линнеи к действиям сексуального характера. Сворачивая к больнице, София Цеттерлунд обдумывала, что ей известно о его прошлом.

Карлу Лундстрёму сорок четыре года, и он занимает высокую должность в компании “Сканска”, отвечает за несколько крупных строительных проектов на территории Швеции. Его жене Аннет сорок один год, а их дочери Линнее четырнадцать. За последние десять лет семья переезжала раз шесть, от Умео на севере до Мальмё на юге, и в настоящее время проживала в большой вилле, постройки рубежа веков, возле залива Эдсвикен в пригородном районе Дандерюд. Полиция сейчас усиленно занималась выявлением вероятного круга педофилов, в который Лундстрём, возможно, входил.

Постоянные переезды, думала София, въезжая на парковку. Типично для педофилов. Переезжают, чтобы избежать разоблачения и отделаться от подозрений в нарушении норм семейной жизни.

Жена Аннет Лундстрём и дочь Линнея обе не хотели признавать случившегося. Мать пребывала в отчаянии и все отрицала, а дочь впала в апатическое состояние и хранила полное молчание.

София припарковала машину перед главным входом и зашла в больницу. По пути вверх она решила еще раз просмотреть материалы.

Из протоколов полицейских допросов и документов начальной стадии судебно-психиатрической экспертизы следовало, что Карл Лундстрём чрезвычайно противоречив.

Записи допросов велись дословно, и он, в частности, рассказал, как взаимодействовал с другими мужчинами, входящими в вероятный круг педофилов.

По словам Лундстрёма, такие мужчины находили друг друга повсюду, подмечая друг у друга знакомое по собственному опыту особое отношение к детям. Он говорил о физической тяге к детям, которую редко улавливают другие, а педофилы чисто инстинктивно фиксируют друг у друга. Иногда, если все сходится, им не требуется слов, они способны подтвердить наклонности друг друга одними взглядами и жестами.

На первый взгляд он хорошо вписывался в определенный тип мужчин с педофилическими или эфеболическими личностными отклонениями, с

которым Софии неоднократно доводилось сталкиваться.

Их главным оружием являлась способность подчинять, манипулировать, устанавливать доверительные отношения и вселять в свои жертвы чувство долга и покорности. В конечном итоге речь шла попросту о некой взаимозависимости между жертвой и преступником.

Их объединял не только интерес к детям, но и общий взгляд на женщин. Жены им полностью повиновались, они понимали, что происходит, но никогда не вмешивались.

София засунула документы в сумку.

– Ну тогда лучше покончим с этим побыстрее. Вы должны оценить мою психическую вменяемость. Что вас интересует?

София смотрела на сидящего перед ней мужчину.

Волосы светлые, тонкие, уже чуть тронутые сединой. Глаза усталые, немного опухшие, а взгляд, как ей показалось, излучает какую-то печальную серьезность.

– Я хотела бы поговорить о ваших отношениях с дочерью, – сказала она. Лучше сразу перейти прямо к делу.

Он провел рукой по щетине.

– Я люблю Линнею, но она меня не любит. Я посягал на нее и признался в этом, чтобы облегчить ситуацию всем нам, то есть в семье. Я люблю свою семью.

Его голос звучал устало и безразлично, а апатичный тон придавал его словам фальшивую ноту.

Его арестовали после долгой слежки, и обнаруженный у него в компьютере порнографический материал содержал несколько фотографий и видеосъемок его дочери. Что же ему оставалось, кроме как признаться?

– Каким образом, вы полагаете, это облегчит их ситуацию?

– Их необходимо защитить. От меня и от других.

Это заявление показалось ей настолько странным, что явно подводило к уточняющему вопросу.

– Защитить от других? Кого вы имеете в виду?

– Тех, от кого защитить их могу только я.

Он повел рукой, и она почувствовала, что от него пахнет потом. Вероятно, не мылся несколько дней.

– Поскольку я рассказал полиции, как обстоит дело, Аннет и Линнея могут рассчитывать на конфиденциальность. Они просто слишком много знают. Существуют люди, которые могут представлять для них опасность. Человеческая жизнь для них ничто. Поверьте, я знаю. Этих людей рука Господня не касалась, они не его дети.

София поняла, что Карл Лундстрём имеет в виду торговцев детским сексом. На допросах в полиции он подробно объяснял, что Организация – русская мафия – неоднократно угрожала ему и что он опасается за жизнь своей семьи. София поговорила с Ларсом Миккельсеном, и тот утверждал, что Карл Лундстрём лжет. Русская мафия не работает таким образом, как он описывает, да и в его сведениях полно противоречий. Кроме того, он смог представить полиции лишь одно вещественное доказательство, подтверждающее угрозы в его адрес.

Миккельсен считал, что Карл Лундстрём добивается засекречивания личных данных членов своей семьи лишь для того, чтобы избавить их от стыда.

София подозревала, что дело, возможно, в том, что Карл Лундстрём пытается создать себе смягчающие обстоятельства. Предстать в некой героической роли, контрастирующей с тем, что произошло в действительности.

– Вы рассказываете в содеянном? – Этот вопрос ей все равно рано или поздно задать пришлось бы.

Он, казалось, ее не слышал.

– Рассказываюсь? – произнес он, немного помолчав. – Это сложно... Простите, как вас зовут? София?

– София Цеттерлунд.

– Да, конечно. София означает “мудрость”. Хорошее имя для психолога... Простите. Дело обстоит так... – Он набрал воздуха. – Мы... то есть я и остальные, мы свободно менялись друг с другом женами и детьми. Думаю, под конец это происходило с молчаливого согласия Аннет. И остальных жен... Таким же образом, как мы – мужчины, инстинктивно находим друг друга, мы подбирали себе и женщин. Мы встречались в доме теней, если вы понимаете, что я имею в виду?

“Дом теней?” – подумала София. Это выражение было ей знакомо по материалам предварительного обследования.

– У Аннет как бы отключен мозг, – продолжил он, не дожидаясь ответа. – Она не глупа, но предпочитает не видеть того, что ей не нравится. Это ее самозащита.

София знала, что этот феномен достаточно обычен. Пассивность ближайшего окружения часто предопределяет возможность продолжения насильственных действий.

Однако Карл Лундстрём ушел в сторону. Она ведь спросила, рассказывает ли он.

– Вам никогда не казалось, что вы поступаете, мягко говоря,

неправильно? – попыталась она поставить вопрос иначе.

Немного помолчав, он снова вздохнул и наклонился над столом.

– Если хотите, чтобы я понял, что вы имеете в виду, вам придется определить слово “неправильно”. Неправильно в каком плане? В культурном, в социальном или еще в каком-то?

Он явно очнулся. Во взгляде появилась решимость, осанка стала увереннее.

– Карл, попытайтесь объяснить, что такое “неправильно” своими словами, не чьими-то чужими.

– Я вовсе не утверждал, что поступал неправильно. Я лишь поддавался инстинкту, который на самом деле присутствует у всех мужчин, но подавляется.

София поняла, что началась защитная речь.

– Разве вы не читаете книг? – продолжал он. – Существует красная нить, идущая от Античности до наших дней. Почитайте Архилоха...^[23] “Своей прекрасной розе с веткой миртовой она так радовалась... Тенью волосы на плечи ниспадали ей и на спину. Старик влюбился бы в ту грудь, в те миррой пахнущие волосы...”^[24] Об этом писали греки. Хоровая лирика Алкмана^[25] воспекает чувственность ребенка. “Детей лишенный жизнь ведет одинокую и горестно по ним тоскует. И от тоски своей изведшись, вступает он в дом теней...” В двадцатом веке о том же писали, например, Набоков и Пазолини. Правда, Пазолини писал о мальчиках.

София узнала еще некоторые формулировки из допросов.

– Что вы имели в виду, говоря, что вы могли встречаться в доме теней? – спросила она.

Он улыбнулся ей:

– Это всего лишь образ. Метафора для тайного, запретного места. Если хочешь почувствовать, что тебя понимают, можешь бесконечно черпать утешение в поэзии, психологии, этнологии и философии. Ведь я не одинок, но складывается впечатление, будто в своем времени я один. Ну почему же то, чего я жажду, неправильно?

София поняла, что это – вопрос, с которым он борется уже давно. Она знала, что педофилические отклонения практически неизлечимы. Речь скорее идет о том, чтобы заставить педофила понять, что его извращение неприемлемо и наносит вред другим. Однако прерывать его она не стала, поскольку хотела подробнее изучить ход его мыслей.

– Это не является неправильным по сути, не является таковым для меня и даже, думаю, для Линнеи. Это лишь искусственно созданное

представление о неправильности, в социальном или культурном плане. *Ergo*^[26]: здесь нельзя говорить о неправильности в прямом смысле слова. Два тысячелетия назад существовали те же мысли и чувства, что и сейчас, но правильное, в культурном отношении, стало теперь неправильным. Нас просто приучили к тому, что это неправильно.

София сочла его рассуждение вызывающе иррациональным.

– Значит, по-вашему, произвести переоценку старого представления невозможно?

– Да, если она противоречит природе, – ответил он с неколебимым видом.

Карл Лундстрём скрестил руки на груди, внезапно приобретя враждебный вид.

– Бог – это природа... – пробормотал он.

София молчала, ожидая продолжения, но поскольку его не последовало, она решила перевести разговор в другое русло.

Вернуться к стыду.

– Вы говорите о том, что хотите защитить семью от каких-то людей. Я ознакомилась с полицейскими допросами и прочла, что вы утверждаете, будто вам угрожает русская мафия.

Он кивнул.

– Существуют ли другие причины, по которым вы хотите, чтобы личные данные Аннет и Линнеи засекретили?

– Нет, – коротко ответил он.

Его уверенная осанка ее не убедила. Нежелание рассуждать выдавало, вопреки его намерению, наличие сомнений. Этому мужчине не чуждо чувство стыда, хоть оно и скрыто глубоко внутри.

– Вы признаете, что современное общество осуждает ваши действия? – предприняла она новую попытку.

Он сердито кивнул.

– Как вы считаете, ваша семья может стыдиться того, что вы сделали?

Он вздохнул, но не ответил.

– Вы также сказали, что сознаете, что причинили дочери вред, поскольку в современном правовом государстве ваши действия не признаются...

– Я содержал их, – перебил он. – Они никогда ни в чем не нуждались, и как отец и главе семьи мне нечего стыдиться.

Он опять подался вперед. Его взгляд вновь стал пристальным, и она отпрянула, почувствовав идущий от него запах.

И не только пота. Его дыхание пахло ацетоном.

– У вас хватает наглости спрашивать меня о стыде? – продолжил он. – Я расскажу вам кое-что, чего не говорил полицейским...

Его быстрые смены настроения начали беспокоить Софию. Запах ацетона мог быть признаком недостатка калорий и питания, того, что он не ест. Может, он живет на лекарствах?

– Нас окружают мужчины, самые обыкновенные мужчины, это может быть кто-нибудь из ваших коллег или родственников, не знаю. Я никогда не покупал ребенка, а эти мужчины покупали...

Зрачки у него казались нормальными, но знание действия психофармакологических препаратов подсказывало ей: что-то не так.

– Что вы имеете в виду?

Он снова откинулся на спинку стула и, похоже, немного расслабился.

– Полиция нашла у меня в компьютере компрометирующие материалы, но если они хотят найти действительно серьезные вещи, им надо искать гораздо дальше на севере, в домике в местечке Онге. Там есть человек по имени Андерс Викстрём. Полиции следует проверить его погреб.

Взгляд Лундстрёма блуждал по комнате, и София засомневалась в правдивости его слов.

– Андерс Викстрём покупал детей у Организации. Они называют себя как-то вроде “Третьей бригады” или “Солнцевской братвы”. Там в одном шкафчике есть два видеофильма. На первой пленке мальчик четырех лет и мужчина, педиатр из Южной Швеции. Лица мужчины нигде не видно, но на бедре у него имеется родимое пятно, похожее на лист клевера, по которому его легко вычислить. На второй пленке семилетняя девочка с Андерсом, еще двое мужчин и девушка из Таиланда. Второй фильм снят прошлым летом, и он более жуткий, чем первый.

Карл Лундстрём дышал носом, и когда он говорил, кадык у него ходил вверх и вниз. Его вид вызывал у Софии физическое отвращение. Ей не очень-то хотелось слушать дальше, она чувствовала, что ей трудно воспринимать его рассказ профессионально.

Впрочем, что бы она ни думала, слушать его и пытаться понять являлось ее обязанностью.

– Это происходило прошлым летом?

– Да... Андерс Викстрём – это жирный мужик в фильме. Двое других участников не захотели назвать себя, но видно, что тайская девушка находится там не по собственной воле. Она пила много спиртного, а однажды, когда она не выполнила распоряжение Андерса, тот вlepил ей пощечину.

София не знала, что и думать.

– Ясно, что вы видели эти фильмы, – закинула она удочку. – Но откуда вам известны детали съемок?

– Я был там, когда их снимали.

София знала, что ей придется сообщить полиции о том, что он ей сейчас рассказал.

– Вам доводилось присутствовать при других подобных случаях насилия?

– Я объясню вам, как это происходит, – начал Карл Лундстрём с печальным видом. – В настоящий момент примерно пятьсот тысяч человек сидят в интернете и обмениваются детской порнографией в форме снимков или фильмов. Получение доступа к материалу предполагает “ответную услугу” в виде собственного вклада. Если имеешь нужные контакты, это несложно. Тогда ты можешь даже заказать себе по интернету ребенка. За сто пятьдесят тысяч тебе предоставят латиноамериканского мальчика, которого ты заберешь в надежном месте. Официально мальчика не существует, и, стало быть, он твой. Следовательно, ты можешь использовать его как угодно, и чаще всего дело, естественно, кончается его исчезновением. За это тебе тоже придется заплатить, если у тебя не хватит мужества лишить его жизни самому, но на такое почти никто не решается. Стоит это, как правило, больше уже заплаченных тобою ста пятидесяти тысяч, возможно, вдвое, и торговаться с людьми такого рода не имеет смысла.

Ничего нового София не услышала. Эти сведения имелись в протоколах допросов. Тем не менее она почувствовала приступ тошноты – желудок сдавило, в горле пересохло.

– Значит, вы сами *покупали* ребенка?

– Нет, – ответил Карл Лундстрём с усмешкой. – Но, как я уже говорил, я знаю людей, которые покупали. Андерс Викстрём купил детей, заснятых в фильмах, про которые я только что рассказывал.

София сглотнула. В горле жгло, руки дрожали.

– Какие у вас возникали ощущения от подобного зрелища?

– Я возбуждался. – Он снова усмехнулся. – А вы как думали?

– Вы сами участвовали?

Он засмеялся.

– Нет, я только смотрел... Бог свидетель.

София наблюдала за ним. Ртом он по-прежнему улыбался, но глаза казались печально пустыми.

– Вы часто возвращаетесь к Богу. Расскажите поподробнее о вашей

вере.

Он пожал плечами и вопросительно поднял брови:

– О моей вере?

– Да.

Снова вздох. Когда он продолжил, голос его звучал подавленно.

– Я верю в божественную истину. В Бога, который существует за пределами нашего понимания. В Бога, который был близок человеку в доисторические времена, но чей голос за прошедшие столетия стал стихать в нас. Чем больше вокруг Бога возникало человеческих изобретений, таких как церковь и священники, тем меньше оставалось от изначального.

– А что является изначальным?

– Гнозис^[27]. Чистота и мудрость. Когда Линнея была маленькой, я думал, что Бог присутствует в ней, и... думал, что обрел его. Но не знаю, вероятно, я ошибался. Сегодня ребенок менее чист при рождении. Уже в утробе матери его отравляет гул окружающего мира. Примитивный гул земной фальши и мелочности, бессмысленных слов и мыслей о материальных, бранных вещах...

Они немного посидели молча. София обдумывала услышанное.

Ее интересовало, могут ли религиозные суждения Карла Лундстрёма объяснить, почему он посягнул на собственную дочь, и она почувствовала, что вынуждена приблизиться к центральной теме беседы.

– Когда вы впервые покусились на половую неприкосновенность Линнеи?

– Когда? Ну... ей было три, – с ходу ответил он. – Мне следовало бы еще с годик подождать, но так уж вышло... Можно сказать, случайно.

– Опишите, что вы почувствовали в тот раз. И скажите, как вы смотрите на этот случай сегодня.

– Ну... не знаю. Это трудно.

Лундстрём заерзал на стуле, несколько раз попытался начать рассказ. Его рот открывался и снова закрывался, а адамово яблоко шевелилось, когда он сглатывал.

– Это вышло... как я сказал, более или менее случайно, – выговорил он наконец. – Ситуация была вообще-то неподходящей, поскольку мы тогда жили на вилле в центре Кристианстада. Прямо посреди города, любой мог увидеть, что происходит.

Он остановился и, похоже, задумался.

– Я купал ее у нас на участке. У нее был надувной бассейн, и я спросил, можно ли мне тоже искупаться, она согласилась. Вода показалась мне холодноватой, и я прихватил с собой шланг, чтобы добавить теплой. На

конце у него была такая старая металлическая насадка с шариком сверху. Шланг весь день пролежал на солнце, и насадка была теплая, приятная на ощупь. Тогда она сказала, что это писька...

Он, казалось, смутился. София кивком показала ему продолжать.

– Я понял, что она думает о моей, или даже не знаю...

– Как вы себя при этом почувствовали?

– У меня прямо в голове помутилось... Во рту появился привкус железа, немного похожий на кровь. Может, это исходит от сердца? Ведь вся кровь оттуда.

Он умолк.

– Значит, вы засунули в нее насадку от шланга и не считаете, что поступили неправильно? – Софию подташнивало, она из последних сил скрывала отвращение.

Карл Лундстрём сидел с усталым видом и не отвечал.

Она решила двигаться дальше.

– Вы говорили, что думали, будто обнаружили в Линнее Бога. Это как-то связано с тем, что произошло в Кристианстаде? С вашими мыслями о том, что правильно, а что нет?

– Вы не понимаете... – Он медленно покачал головой.

Теперь он смотрел Софии прямо в глаза и, не торопясь, развивал свое рассуждение:

– Наше общество строится на сконструированной морали... Почему человек не идеален, если он создан по образу и подобию Бога?

Он развел руками и ответил на вопрос сам:

– Потому что Библию написал не Бог, а люди... Истинный Бог находится вне ощущений правильного и неправильного, вне Библии...

София поняла, что сейчас он пойдет по кругу в своих разглагольствованиях о правильном и неправильном.

Может, она с самого начала задала не тот вопрос?

– В Ветхом Завете Бог непредсказуем и завистлив, поскольку он на самом деле человек. Существует изначальная истина о человеческой сущности, которая библейскому Богу неизвестна.

Взглянув на часы, она увидела, что их время на исходе, и не стала его прерывать.

– Гнозис. Истина и мудрость. Вам бы следовало это знать, поскольку вас зовут София. Имя греческое и означает мудрость. В гностической мысли София олицетворяет женское начало, которое является причиной падения.

Когда Лундстрёма забрали и увезли обратно в следственный изолятор, София продолжала сидеть, погрузившись в размышления. У нее не выходила из головы дочь Лундстрёма, Линнея. Едва достигнув подросткового возраста, девочка уже ранена настолько глубоко, что это наложит отпечаток на всю ее дальнейшую жизнь. Что с ней будет? Станет ли Линнея преступницей так же, как Тюра Мякеля? Сколько может выдержать человек, прежде чем окажется совершенно сломленным и превратится в чудовище?

София принялась просматривать свои бумаги в поисках фактов о дочери Лундстрёма. Однако там имелись лишь скудные сведения о ее учебе в школе. Первый год в интернате в Сигтуне. Хорошие оценки. Прежде всего талантливая спортсменка. Чемпионка школы в беге на 800 метров.

Девочка, способная убежать от большинства, подумала София.

ПРОШЛОЕ

Мужик просто первый встречный, прежде она его никогда не видела. Тем не менее он явно считает себя вправе комментировать ее одежду. Сама Девочка-ворона находит, что бушлат у него вполне нормальный, а значит, только справедливо будет в ответ плюнуть ему в лицо.

На западном холме Сигтуны располагаются десять ученических общежитий, принадлежащих интернату. Школа, где когда-то учились король Карл XVI Густав, Улоф Пальме и двоюродные братья Петер и Маркус Валленберги^[28], буквально пропитана традициями.

Желтое помпезное главное здание школы по той же причине всегда тщательно оберегали от скандалов.

Первое, что пришлось усвоить Виктории Бергман, – все происходящее в этих стенах не выносится за их пределы. Впрочем, подобный порядок ей уже и так слишком хорошо знаком.

В атмосфере изолированности и немного страха она провела все детство. Это запомнилось отчетливее всего, отчетливее любого отдельного события.

Однако ситуация в Сигтуне не идет ни в какое сравнение.

Лишь только выйдя из машины, Виктория чувствует свободу, какой не

испытывала с тех пор, как жила одна в Дала-Флуда. Она незамедлительно ощущает способность дышать. Осознает, что ей больше не придется прислушиваться к шагам за дверью спальни.

Возле стойки администратора ее знакомят с двумя девочками, с которыми ей предстоит в ближайшем семестре жить в одной комнате.

Их зовут Ханна и Иессика. Они тоже из Стокгольма и кажутся ей тихими и старательными, чтобы не сказать занудами. Им не терпится рассказать ей, что их родители занимают высокие должности в стокгольмских судебных органах, и они намекают, что их будущее уже предопределено: они пойдут по стопам родителей и станут юристами.

Всматриваясь в их наивные голубые глаза, Виктория понимает, что они не представляют для нее никакой опасности.

Они слишком слабые.

Она воспринимает их как безвольных кукол, всегда предоставляющих другим думать и планировать за себя. Они словно тени личностей. Почти ничем не интересуются. Почти не поддаются определению.

В первую же неделю Виктория улавливает, что несколько девочек из выпускного класса что-то замышляют. Она видит, как сидящие в столовой за соседними столами весело переглядываются, подмечает их преувеличенную вежливость и стремление постоянно находиться поблизости от нее и других новичков. Все это вызывает у нее подозрение.

И, как окажется, небезосновательное.

Внимательно понаблюдав за взглядами и движениями, Виктория быстро вычисляет, что неформальным лидером группы является высокая темноволосая девушка по имени Фредрика Грюневальд. Виктории кажется, что продолговатое лицо Фредрики в сочетании с крупными передними зубами делает ее похожей на лошадь.

Во время обеденного перерыва Виктория использует представившийся случай.

Она видит, как Фредрика направляется в туалет, и идет следом за ней.

– Мне известно, как вы собираетесь проучить новичков, – лжет она в лицо удивленной Фредрике. – Даже не надейтесь, что я подставлюсь. – Она скрещивает руки на груди и с вызовом вскидывает голову. – То есть без драки.

Фредрике явно понравились дерзкая прямота Виктории и ее самоуверенная манера держаться. Заговорщически беседуя, они втихаря выкуривают по сигарете, и Виктория излагает план, который, по ее утверждению, задаст планку для всех дальнейших обрядов посвящения.

Ясное дело, разразится скандал, и Фредрику Грюневальд особенно вдохновляет нарисованная Викторией драматическая картина с заголовками вечерних газет: СКАНДАЛ В КОРОЛЕВСКОЙ ШКОЛЕ! ЮНЫЕ ДЕВУШКИ УНИЖЕНЫ ВО ВРЕМЯ РИТУАЛА!

За неделю Виктория еще больше сближается с соседками по комнате – Ханной и Йессикой. Она вызывает их на доверительные разговоры, и за короткое время ей удается с ними подружиться.

В пятницу вечером, когда они собираются у себя в комнате, Виктория с гордой и таинственной улыбкой открывает рюкзак:

– Гляньте-ка, что у меня есть.

Ханна и Йессика, вытаращив глаза, смотрят на три бутылки вина, которые Виктории удалось протащить с собой.

– Хочет ли кто-нибудь присоединиться?

Ханна и Йессика, робко хихикая, косятся друг на друга, затем с готовностью кивают в ответ.

Виктория наливает девочкам по большому стакану, в полной уверенности, что те представления не имеют, сколько они способны выпить.

Они пьют быстро, с любопытством, громко болтая.

Вскоре хихиканье переходит в невнятное бормотание и усталость. К двум часам бутылки пустеют. Ханна отключается прямо на полу, а Йессика с большим трудом добирается до кровати, где сразу тоже засыпает.

Сама же Виктория, выпившая не более пары глотков, укладывается в постель, сгорая от нетерпения.

Она лежит, не смыкая глаз, и ждет.

В соответствии с договоренностью в четыре часа утра появляются старшие девочки. Когда Ханну и Йессику несут по коридору, вниз по лестнице и дальше – через двор к сараю возле жилья завхоза, они просыпаются, но соображают настолько плохо, что совершенно не в силах оказывать сопротивление.

В сарае старшие девочки переодеваются, набрасывают розовые накидки с капюшонами и надевают пороссячьи маски. Маски они сделали из пластиковых стаканчиков и розовой ткани, в которой прорезали дырки для глаз. Нарисовали черным фломастером улыбающиеся рты, а отверстия для рыльца поместили двумя черными точками.

Стаканчики заполнены настриженной алюминиевой фольгой, к голове маски прикрепляются при помощи резинок. Когда все переоделись, одна из девочек достает видеокамеру, а другая начинает говорить. Звук, идущий из

торчащего рыльца, больше напоминает дрожащее металлическое шипение, нежели настоящие слова.

Виктория видит, как одна из старших девочек покидает сарай.

– Свяжите их, – шипит другая.

Девочки в масках набрасываются на Ханну, Йессику и Викторию, усаживают их на стулья, связывают им руки сзади плотным серебристым скотчем и надевают повязки на глаза.

Довольная Виктория сидит, откинувшись назад, и слышит, как в сарай возвращается уходившая девочка.

Викторию поражает сопровождающая девочку вонь.

Позже утром Виктория пытается отчистить кожу от зловония, но оно, похоже, впиталось намертво.

Все вышло хуже, чем она могла предположить.

В лучах рассвета она открывает отмычкой дверь комнаты Фредрики, и когда та просыпается, Виктория сидит на ней верхом.

– Давай сюда видеокассету, – тихо шипит она, чтобы не разбудить соседок пытающейся высвободиться Фредрики.

Виктория крепко держит ее за руки.

– Иди ты к черту, – говорит Фредрика, но Виктория слышит, как она напугана.

– Ты, похоже, забыла, что я знаю ваши имена. Только мне известно, кто скрывался за масками. Тебе хочется, чтобы твой папочка узнал о том, что вы с нами сделали?

Фредрика понимает, что выбора у нее нет.

Виктория поднимается по лестнице в студию и делает две копии кассеты. Первую пленку она опустит в почтовый ящик на автобусном кольце, во франкированном конверте, адресованном ей самой в их дом на Вермдэ, а вторую прибережет, чтобы отправить в газеты, если они еще раз попробуют ей что-нибудь сделать.

Во второй раз меньше чем за две недели Иво Андричу приходилось участвовать в расследовании убийства мальчика. На этот раз он сидел с чашкой кофе в вагоне-ресторане поезда Хюоо, прибывавшего на Центральный вокзал Стокгольма в 13:40. Управление стокгольмской полиции связалось с ним рано утром, и он, по согласованию с начальством, прервал отпуск и выехал первым же поездом.

Он открыл папку с присланными ему фотографиями. Шесть четырехцветных снимков со множеством деталей. Иво огляделся, желая убедиться, что никто посторонний не сможет увидеть того, что он собирается рассматривать.

Первая фотография представляла собой общий план и показывала лежащее на пристани искалеченное тело. Жертвой, как и в прошлый раз, был мальчик, и Иво сообщили, что тело на острове Свартшёландет обнаружила вышедшая рано утром на прогулку пожилая пара. Второй снимок показывал крупным планом спину мальчика, и Иво отметил, что и в этом случае имели место чрезвычайно жестокие насильственные действия.

Остальные снимки, показывавшие крупным планом отдельные детали, не дали ему никакой новой информации по сравнению с предыдущими.

В отличие от мальчика, найденного на Турильдсплан, здесь с большой долей вероятности утверждалось, что жертва идентифицирована.

Мальчика на пристани звали Юрий Крылов – белорус, об исчезновении которого было заявлено в начале марта, когда он сбежал из лагеря для беженцев в Уппланде. По сведениям Государственного эмиграционного управления, никаких родственников, ни в Швеции, ни в Белоруссии, у него не было.

Иво Андрич встал и пошел налить себе еще кофе, но передумал и купил бокал вина. Ведь ему сейчас полагалось бы находиться в отпуске, поэтому он посчитал, что может позволить себе небольшую роскошь. Остаток пути он посвятил чтению первого отчета с карандашом в руках и сравнению двух случаев.

Почти сразу Иво пришел к заключению: велика вероятность, что это дело рук одного и того же преступника и полиции предстоит разбираться с двойным убийством. Скольким еще мальчикам суждено исчезнуть и погибнуть, прежде чем с этим будет покончено?

Свартшёландет

Утром ей позвонил Хуртиг, и Жанетт Чильберг сразу выехала на остров Свартшёландет, чтобы возглавить работу с белорусским мальчиком. Единственными ценными находками оказались два отпечатка обуви – один от большого ботинка, второй от маленького, почти детского, – а также следы колес машины. Криминалисты сделали несколько слепков, которые смогут пригодиться, только когда будет с чем их сравнивать.

Олунд заметил, что в сотне метров от места обнаружения трупа то же транспортное средство зацепило дерево. Следовательно, если это была машина преступника, теперь известно, что она синяя.

Днем прокурор фон Квист принял решение о проведении по делу Юрия Крылова расширенного судебно-медицинского исследования – самой тщательной процедуры вскрытия в Швеции, которая всегда проводится, если дело касается преступлений такого рода.

Жанетт надеялась, что обследованием тела будет заниматься Иво Андрич.

Невзирая на создавшуюся ситуацию, чувствовала она себя довольно хорошо, хоть и испытывала давление со стороны прокурора, желавшего как можно скорее увидеть результаты расследования дел двух убитых мальчиков.

На объявление в розыск Джимми Фюрюгорда он по-прежнему не соглашался.

Проклятый халтурщик, думала Жанетт. Если бы он делал свою работу как следует, мы могли бы либо окончательно забыть о Фюрюгорде, либо заняться им вплотную.

Кто-то похищает детей, которых никто не разыскивает, и избивает их с такой жестокостью, что они умирают. Несмотря на то что во всех крупных газетах напечатали обращение к населению с просьбой о помощи в установлении личности мальчика с Турильдсплан, контактные телефоны молчали.

Зато после сюжета, показанного в программе “Разыскивается”, несколько человек с психическими отклонениями взяли ответственность за злодеяние на себя. Часто подобные сюжеты способны помочь зашедшему в тупик расследованию, но в данном случае это лишь отнимало у них драгоценное время. Даже заранее сознавая, что след опять заведет в тупик, им приходилось все же разговаривать со звонившими людьми.

Звонили им исключительно мужчины, которые, если бы не кое-какие политические решения, сидели бы в уничтоженной больнице для душевнобольных в Лонгбру и получали бы соответствующую помощь. Теперь же они обитали на стокгольмских улицах, усмиряя своих демонов с помощью наркотиков и водки.

Государство всеобщего благоденствия, черт бы его побрал, в ярости думала Жанетт.

Патологоанатомическое отделение

Иво Андрич расстегнул молнию и открыл серый пластиковый мешок с трупом. В нос ударил отвратительный запах. От долгого лежания в воде телесный жир превратился в отдающую тухлятиной, напоминающую замазку массу. Тело пролежало в тростнике возле острова Свартшёландет не менее трех недель и претерпело серьезные повреждения.

Наружный слой кожи на руках и ногах мальчика впитал столько воды, что отслоился, подобно перчаткам или носкам. Правда, папиллярные линии и узоры остались нетронутыми, и отпечатки пальцев снять удалось.

Лежащие в воде тела принимают характерное положение: голова, руки и ноги опущены, туловище приподнято спиной вверх, ноги согнуты в тазобедренных суставах. В результате разложение начинается с головы, поскольку кровь скапливается в сосудах головного мозга.

В легких мальчика не имелось достаточного количества жидкости, чтобы предположить, что он утонул, следовательно, когда его поместили в воду, он, скорее всего, был уже мертв.

Всего через несколько часов после попадания в воду тело атаковали мухи – Иво Андрич отметил желтые и рыжеватые крупинки в уголках глаз, вокруг носа и рта. Он знал, что это яйца мух, которые уже через несколько дней разовьются в личинки или в так называемых трупных червей, отличающихся большой подвижностью и способностью проникать глубоко в мягкие ткани тела, добывая там себе пропитание. Несколько недель спустя они окукливаются и превращаются в новое поколение мух. Иво Андричу доводилось однажды видеть тело, целиком покрытое толстым ползающим слоем бело-желтых личинок.

Нередко на разложившихся в воде телах обнаруживались признаки нападения рыб. Так было и в этом случае.

Глаза мальчика были частично съедены. На лице наблюдались большие гематомы на углах челюстей и кончике подбородка.

У этого мальчика тоже отсутствовали гениталии, и Иво Андрич отметил, что отсечены они с той же аккуратностью, что и в предыдущем случае.

Он взялся за тело и попытался перевернуть его, чтобы осмотреть спину. Ему пришлось проявить максимум осторожности, чтобы не нанести мягкому и хлипкому туловищу лишних повреждений.

По всей спине он увидел длинные полосы подкожных кровоизлияний,

свидетельствующие о том, что этого мальчика тоже били плетью.

Иво Андрича не удивило бы, если бы и здесь оказалось, что в теле обнаружится высокое содержание ксилокаина адреналина, и он надеялся, что в лаборатории быстро проанализируют взятые пробы.

Квартал Крунуберг

– Забудь о Фюрюгорде! – резко приказал фон Квист.

– Что? Что вы имеете в виду? – Жанетт Чильберг встала и подошла к окну. – Парень ведь в высшей степени... Я уже ничего не понимаю.

– У Фюрюгорда есть алиби, и он не имеет к этому никакого отношения. Я совершил большую ошибку, послушав тебя.

Жанетт слышала, насколько прокурор взволнован, и видела перед собой его побагровевшее лицо.

– Фюрюгорд чист, – продолжал он. – У него есть алиби.

– Вот оно что, и какое же?

– То, что я сейчас скажу, засекречено и должно остаться между нами, – немного помолчав, произнес фон Квист. – Я сообщу только один факт. Ясно?

– Да-да, конечно.

– Шведский вооруженный контингент в Судане, большего я сказать не могу.

– И?..

– Фюрюгорда завербовали в Афганистане и на всю весну отправили в Судан. Он невиновен.

Жанетт не знала, что говорить.

– В Судан? – только и смогла переспросить она, почувствовав свое полное бессилие.

Все вернулось на круги своя. Полное отсутствие подозреваемых, есть только имя одной из жертв.

Мальчик с острова Свартшёландет действительно оказался Юрием Крыловым. Сирота из города Молодечно, в часе езды к северо-западу от Минска. Как и почему он приехал в Швецию, оставалось только догадываться, а белорусское посольство особой готовности помочь не проявляло.

Мумифицированный мальчик из кустов возле станции метро Турильдсплан по-прежнему оставался неопознанным, и Жанетт даже связывалась с Европоллом в Гааге в надежде на прояснение ситуации. Результата это, естественно, не принесло. Европа кишела нелегальными беженцами-детьми, не вступавшими в контакт с властями. Повсюду имелись дети, которые появлялись и исчезали, и никто не знал, куда они деваются. А даже если это становилось известно, никто никаких мер не

принимал.

Ведь речь шла всего лишь о детях.

Иво Андрич сообщил ей из Сольны о том, что Юрия Крылова, по всей видимости, кастрировали живым.

Она задумалась над тем, что это может означать. Невероятная жестокость и действия сродни пыткам, судя по опыту, указывали на то, что преступник – мужчина.

Однако во всем этом ощущалось нечто ритуальное, а значит, нельзя исключить того, что злодеяние совершил не один человек, а несколько. Может, тут замешаны торговцы людьми?

В любом случае сейчас необходимо сконцентрироваться на наиболее вероятной версии: действующий в одиночку агрессивный мужчина, который, скорее всего, уже значится в их регистре. Трудность поисков, исходя из таких критериев, заключалась в том, что подобных мужчин очень много.

Жанетт уставилась на кипы бумаг на письменном столе.

Тысячи листов досье на сотни потенциальных преступников.

Она решила еще раз просмотреть кипы судебных решений и записей допросов.

По прошествии трех часов ей удалось обнаружить кое-что интересное. Жанетт встала, вышла в коридор и постучала по косяку двери в кабинет Йенса Хуртига:

– У тебя найдется минутка?

Он обернулся к ней, и она ответила улыбкой на его вопросительный взгляд.

– Пойдем ко мне, – сказала она.

Они уселись с двух сторон от ее письменного стола, и Жанетт протянула Хуртигу папку.

Открыв ее, Хуртиг посмотрел на Жанетт с удивлением:

– Карл Лунд стрём? Так ведь это его мы накрыли с детской порнографией в компьютере. Зачем он нам понадобился?

– Сейчас объясню. Карла Лундстрёма уже допросили в управлении, и в протоколах, которые перед тобой, он подробно описывает, как надо действовать, если хочешь купить ребенка.

– Купить ребенка? – с явным интересом переспросил Хуртиг.

– Да. И Лундстрёму известны все детали. Он называет точные суммы, утверждая, что сам участия в таких делах не принимал, но знает нескольких людей, которые покупали детей.

Хуртиг откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул:

– Черт возьми, любопытно. Какие-нибудь имена есть?

– Нет. Но материал по Лундстрёму еще не полон. Параллельно с допросами проводится судебно-психиатрическая экспертиза. Возможно, психологи, которые как раз сейчас с ним беседуют, сумеют рассказать нам больше.

– Что-нибудь еще? – спросил Хуртиг, просматривая кипы бумаг.

– Да, еще несколько моментов. Карл Лундстрём ратует за кастрацию педофилов и насильников. Однако между строк читается, что он считает это недостаточным. Кастрировать следует всех мужчин.

– Не слишком ли это притянута за уши? – Хуртиг закатил глаза. – Ведь в наших случаях речь идет о маленьких мальчиках.

– Возможно, но есть еще кое-что, почему мне хочется его проверить, – продолжила Жанетт. – Имеется закрытое дело об изнасиловании ребенка, избиении и лишении свободы. Семь лет назад. Заявившей на него девочке было четырнадцать лет, ее зовут Ульрика Вендин. Угадай, кто закрыл дело?

– Полагаю, прокурор Кеннет фон Квист, – ухмыльнулся Хуртиг.

Жанетт кивнула:

– Ульрика Вендин числится проживающей в Хаммарбюхёйден^[30], и я предлагаю как можно скорее поехать туда.

– О'кей... Что еще?

Он смотрел на нее с откровенным нетерпением, и она поддалась искушению помедлить с ответом.

– Жена Карла Лундстрёма работает зубным врачом.

– Зубным врачом? – явно не понимая, переспросил он.

– Ну, жена Лундстрёма зубной врач, иными словами, он мог иметь доступ к лекарствам. Нам известно, что по крайней мере одну из жертв отравили обезболивающим препаратом, используемым зубными врачами. Ксилокаином адреналином. Один к одному. Не удивлюсь, если анализы покажут, что кровь Крылова тоже содержит его следы. Короче говоря, все это вполне может быть взаимосвязано.

Хуртиг отложил папку и встал:

– Ладно, убедила. Лундстрём представляет для нас интерес.

– Я позвоню Биллингу, и будем надеяться, что он сможет убедить прокурора организовать допрос.

Хуртиг остановился в дверях и обернулся:

– Неужели действительно необходимо вовлекать фон Квиста? Мы же пока просто побеседуем для начала, прозондируем почву.

– Увы, – ответила Жанетт, – поскольку он уже возбудил судебное преследование, его надо хотя бы проинформировать.

Хуртиг вздохнул и ушел.

Она позвонила начальнику отделения Деннису Биллингу, тот оказался на удивление сговорчив и пообещал сделать все возможное, чтобы убедить прокурора. Потом она позвонила следователю из Государственного полицейского управления Ларсу Миккельсену.

Жанетт изложила свое дело, но когда она назвала имя Карла Лундстрёма, Миккельсен засмеялся.

– Нет, тут что-то не сходится. Он не убийца. Мне доводилось иметь дело со многими убийцами, я их чувствую. Этот человек болен. Но он не убийца.

– Вполне возможно, – сказала Жанетт. – Но мне надо узнать побольше о его контактах по части торговли детьми.

– Лундстрём изображает, будто знает многое о том, как это происходит, но я не уверен, что ты сможешь добиться от него чего-нибудь путного. Эта деятельность носит международный характер, и даже если ты обратишься в Интерпол, тебе едва ли стоит надеяться на их помощь. Поверь мне, я занимаюсь этим дерьмом уже двадцать лет, и дальше попыток у нас дело не идет.

– Откуда у вас такая уверенность, что Лундстрём не убийца? – спросила она.

Он откашлялся.

– Конечно, все возможно, но если бы ты с ним встретилась, ты бы поняла. Тебе стоит поговорить с психологами из отдела судебной психиатрии. Они обратились за консультацией к некоей Софии Цеттерлунд. Но обследование едва успело начаться, так что тебе лучше денек-другой повременить, прежде чем связываться с Худ д инге.

Они попрощались.

Терять Жанетт было нечего – возможно, психолог и сумеет что-нибудь добавить, пусть даже мелкую деталь. Такое уже случалось. Похоже, действительно стоит позвонить этой Софии Цеттерлунд.

Однако рабочий день уже давно закончился, и Жанетт решила подождать с телефонным разговором. Пора ехать домой.

Гамла Эншеде

Из машины она позвонила Оке и спросила, есть ли дома еда. Выяснилось, что мальчики поели пиццы, а морозилка пуста, поэтому Жанетт остановилась на бензоколонке возле Глобена^[31] и съела две сосиски гриль.

Воздух был теплым, она опустила стекло и впустила свежий ветер, ласково обдувавший ей лицо. Припарковавшись перед домом, она пошла через сад, чувствуя запах свежескошенной травы, а когда завернула за угол, увидела Оке, сидящего на террасе с бутылкой пива. После работы на неровной и каменистой почве он был весь потный и грязный. Жанетт подошла и поцеловала его в небритую щеку.

– Привет, красавчик, – сказала она по старой привычке. – Как ты чудесно все сделал. Это было действительно необходимо! Я видела, как они плятятся из-за забора. – Она кивнула на соседский дом, изобразив, будто ее тошнит. Оке со смехом закивал головой.

– Где Юхан?

– Пошел с приятелями поиграть в футбол.

Он посмотрел на нее, склонил голову набок и улыбнулся:

– У тебя усталый вид, но ты все равно красивая.

Он взял ее за талию и усадил к себе на колени. Она провела рукой по его коротко стриженной голове, высвободилась, встала и направилась к двери террасы, ведущей на кухню.

– У нас дома есть вино? Мне сейчас просто необходим бокал.

– На скамейке стоит еще не открытая коробка, а в холодильнике осталось несколько кусков пиццы. Но поскольку мы еще час будем одни, может, зайдем ненадолго в дом?

Они не занимались любовью несколько недель, и она знала, что он частенько помогает себе сам в туалете, но сегодня она слишком устала, и ей хотелось только сесть с бокалом вина и насладиться чудесным летним вечером. Жанетт обернулась и увидела, что он уже направляется следом за ней.

– О'кей, – согласилась она без малейшего энтузиазма.

Она слышала, как это прозвучало, но была совершенно не в силах притворяться.

– Раз ты говоришь таким тоном, то фиг с ним.

Она обернулась и увидела, что он пошел обратно к садовому креслу и

открыл еще одну бутылку пива.

– Прости, – извинилась она. – Но я так чертовски устала, что хочется только переодеться во что-нибудь полегче и спокойно посидеть, пока не появится Юхан. Мы ведь можем заняться этим перед сном?

– Конечно, конечно. Вполне сойдет. – Он отвел взгляд и помрачнел.

Она глубоко вздохнула, одолеваемая чувством собственной неполноценности.

Потом решительным шагом подошла к Оке и встала перед ним, широко расставив ноги.

– Нет, черт побери, не сойдет! Я хочу, чтобы ты заткнулся, зашел со мной в дом и как следует трахнул меня! Без всякой идиотской болтовни или прелюдий! – Она схватила его за руку и выдернула из кресла. – Пол кухни подойдет идеально!

– Черт, тебе обязательно надо все время провоцировать! – Оке высвободился и пошел к стене дома. – Возьму велосипед и съезжу за Юханом.

О, все эти мужики, думала она, считающие себя вправе предъявлять требования и возлагать вину на нее. Шефы, Оке и еще мерзавцы, поимке которых она посвящает долгие рабочие дни.

Мужчины, так или иначе влияющие на ее жизнь, которая в стольких случаях была бы без них намного легче.

Больница в Худдинге

Когда отец Линнеи Лундстрём, педофил Карл Лундстрём, покинул комнату София почувствовала себя совершенно обессиленной. Хотя он и отрицал это, она понимала, что ему очень даже стыдно. Стыд прятался у него в глазах, когда он рассказывал об эпизоде в Кристианстаде, крылся за его религиозными суждениями и историями о покупке детей для секса.

Разговорами о Боге и преступниках он явно вытеснял стыд.

Вина лежит не на нем, а на совести всего человечества или русской мафии.

Может, его истории – подсознательные выдумки?

София решила сообщить Ларсу Миккельсену всплывшие в процессе разговора сведения, хоть и не думала, что полиции удастся отыскать в Норрланде некоего Андерса Викстрёма, равно как и видеокассеты в шкафчике под лестницей у него в погребе.

Она набрала номер полиции и, когда ее соединили с Миккельсеном, кратко доложила о рассказанном Карлом Лундстрёмом.

– Неужели в одной из крупнейших больниц Швеции нельзя прекратить давать транквилизаторы? – задала она в заключение риторический вопрос.

– Лундстрём был не в себе?

– Да, а при моей работе необходимо, чтобы тот, с кем я разговариваю, был чист.

Уходя из отделения 112 больницы в Худдинге, София размышляла о том, как ей следует относиться к своей работе.

С каким типом пациентов ей действительно хочется работать? Как и когда она приносит больше всего пользы? До какого предела допустимо расплачиваться за это бессонницей и проблемами с желудком?

Ей хотелось работать с такими людьми, как Самуэль Баи и Виктория Бергман, но там уже ясно, что ее усилий недостаточно.

В случае Виктории Бергман она попросту проявила излишнюю заинтересованность и утратила способность судить здраво.

А в остальном?

Она вышла на парковку, достала ключи от машины и окинула беглым взглядом больничный комплекс.

С одной стороны, работа здесь, с мужчинами вроде Карла Лундстрёма. Решение она принимала не в одиночку. Давала заключение при

обследованиях, и в лучшем случае оно превращалось в рекомендацию, которая потом передавалась в суд.

Это напоминало ей игру в испорченный телефон.

Она шептала свое мнение кому-то на ухо, тот шепотом передавал его другому лицу и так далее, пока шепот не достигал судьи, который сообщал окончательное решение диаметрально противоположного содержания, возможно, под давлением какого-то влиятельного судебного заседателя.

Она открыла дверцу машины и опустилась на сиденье.

С другой стороны, работа на приеме, с пациентами вроде Каролины Гланц, где она получала почасовую оплату.

Предопределенные рамки, думала она, заводя машину. Существует готовый контракт с определенными условиями.

Использовать и давать использовать себя другим.

Клиент платит за оговоренное время, рассчитывает на стопроцентную концентрацию на себе и использует терапевта, который за плату позволяет клиенту себя использовать.

Грустная тавтология, констатировала она, выезжая с парковки.

Я прямо как проститутка.

Мыльный дворец

Боксерский клуб “Линнея” в течение многих лет помещался в том же здании на Сант-Паульсгатан, что и приемная Софии Цеттерлунд. Название клуба вызывало споры. Согласно одной истории основатели клуба обычно тренировались на лужайке перед виллой, называвшейся “Линнея”, согласно другой открытие боксерского клуба пришлось на день именин Линнеи. Третья версия строилась на теории, что боксеры были большими поклонниками Эверта Тоба^[32] и окончательное решение комиссии по выбору названия якобы основывалось на личном мнении подвыпившего трубадура о том, какое имя является прекраснейшим на свете, милейшим на земле. Линнея.

Вернувшись в приемную, София чувствовала себя совершенно опустошенной. Оставался час до следующего клиента – женщины средних лет, с которой они уже дважды встречались и чьей главной проблемой было то, что у нее имелись проблемы.

Предстоял разговор, посвященный попыткам разобраться в проблеме, которая изначально таковой не являлась, но становилась проблемой, более или менее незаметно превращаясь в нее в процессе беседы.

София ощущала полную беспомощность. О чем пойдет речь на этот раз? О картине, которая висит дома у женщины криво, потому что муж, уходя на работу, слишком сильно хлопнул дверью? Съехав в сторону, картина символизировала потерпевший неудачу брак и нарушала прямые линии интерьера. В плохом самочувствии женщины виноват муж, хотя в течение двадцати лет она только и делала, что ела шоколадные пастилки, а у детей тем временем ничего не получается, за что бы они ни брались.

София включила компьютер, просмотрела имевшиеся у нее записи и сразу поняла, что ни к одному из разговоров готовиться не надо.

После женщины должен прийти Самуэль Баи.

Проблемы настоящих людей, подумала она. Час.

Виктория Бергман.

София подключила наушники.

Голос Виктории звучал весело.

Ведь это было так просто, что можно было обхохотаться, глядя на их серьезные физиономии, когда я покупала тянучку за десять эре, предварительно набив куртку сладостями, которые затем могла продавать всем участвовавшим в соревновании “Кто осмелится тронуть

меня за грудь или между ног?” и потом смеяться, когда, разозлившись, капала в замок клея, чтобы они опаздывали, а тот бородач ударял меня по башке сводом законов так, что зубы стучали, и заставлял выплевывать жвачку, которая все равно уже утратила вкус и которую я потом прилепляла к мухе...

София поражалась тому, как меняется голос в зависимости от ассоциаций. Будто воспоминания принадлежали нескольким людям, говорившим через медиума. Посреди предложения голос Виктории переходил в печальную тональность.

...к тому же у меня имелся резерв жвачек, и я могла потихоньку сунуть в рот новую, пока он сидел и читал, поглядывая, не подсматриваю ли я слова на ладони, где все сплалось от пота, а писала с ошибками я только от волнения, не потому, что была дурочкой, как другие бедолаги, умевшие тысячу раз подкинуть мяч, но ничего не знавшие о столицах или войнах, а знать бы им следовало, поскольку они были из тех, кто все время начинал войны, не понимая, когда уже хватит, а просто бросался на того, кто немного выделялся, имел брюки не той марки или плохую прическу или был слишком жирным...

Голос ожесточился. София помнила, что Виктория злилась.

...как та большая, толстая девочка, которая все время разъезжала на трехколесном велике, со странным лицом и вечно текущими слюнями, и однажды они велели ей снять одежду, но она поняла их, только когда они стали помогать ей стягивать трусы. Они всегда думали, что она просто крупный ребенок, и удивились, увидев, что низ живота у нее как у взрослой, а еще тебя могли избить только за то, что ты не плакала, когда тебя лупили кулаками в живот, а, наоборот, смеялась и просто продолжала жить дальше, не ябедничая и не жалуясь, была твердой и решительной...

Голос умолк. София слышала собственное дыхание. Почему она не попросила Викторию продолжить?

Она прокрутила пленку вперед. Почти трехминутная тишина. Четыре, пять, шесть минут. Зачем она это записала? Слышались только дыхание и шелест бумаги.

Через семь минут София услышала звук: это она точила карандаш. Потом Виктория прервала молчание.

Я никогда не была Мартина. Никогда!

Виктория почти кричала, и Софии пришлось убавить громкость.

Никогда. Я не предаю. Я ела из-за них дерьмо. Собачье дерьмо. Я, черт меня возьми, привыкла к дерьму! Проклятые сигтунские снобы! Я ела дерьмо ради них!

София сняла наушники.

Она знала, что Виктория путается в своих воспоминаниях и часто забывает, что говорила несколько минут назад.

Но являются ли эти пробелы обычными провалами в памяти?

Перед встречей с Самуэлем она нервничала. Нельзя, чтобы разговор зашел в тупик, а в его последние визиты дело шло именно к этому.

Она должна достучаться до него, пока не поздно, пока он полностью не выскользнул у нее из рук. София знала: для этого разговора ей потребуется вся имеющаяся у нее энергия.

Как обычно, Самуэль Баи появился точно ко времени, в сопровождении социального работника из Хессельбю.

– В половине третьего?

– Думаю, в этот раз мы поговорим подольше, – ответила София. – Вы сможете забрать его в три часа.

Социальный работник удалился в сторону лифта. София посмотрела на Самуэля Баи. Тот присвистнул.

– *Nice meeting you, ma'am*^[33], – сказал он, одарив ее широкой улыбкой.

Поняв, какая из личностей Самуэля перед ней, София испытала облегчение.

Это был Фрэнкли Самуэль, как она называла его в журнальных записях, откровенный, общительный и приятный Самуэль, начинавший каждое второе предложение с *Frankly ma'am, I have to tell'ya...*^[34] Говорил он всегда на каком-то доморощенном английском, который София находила немного забавным.

В последний раз Самуэль превратился в “откровенного” сразу, как только исчез социальный работник и они поздоровались за руку.

Любопытно, что, встречаясь со мной, он избирает “откровенного”, подумала она, приглашая его в кабинет.

Откровенность Фрэнкли Самуэля делала его наиболее интересным из разных Самуэлей, которых София наблюдала в ходе бесед. “Обычный” Самуэль, которого она называла Самуэль Коммен, его основная личность, был закрытым, корректным и не особенно искренним.

Фрэнкли Самуэль представлял ту часть личности, которая рассказывала о кошмарных поступках, совершенных им в детстве. Наблюдения за ним вызвали смешанные чувства. Он мог с не сходящей с лица улыбкой обаятельно расточать Софии комплименты по поводу ее красивых глаз и прекрасной формы бюста, а потом закончить фразу

рассказом о том, как сидел в темном сарае на пляже Ламли-Бич, неподалеку от Фритауна, и аккуратненько отрезал уши маленькой девочке. И тут же раздражался заразительным смехом, напоминавшим ей смех футболиста Златана Ибрагимовича. Издавал веселое, гортанное “хе-хе”, как бы на вдохе, и все лицо у него сияло.

Впрочем, несколько раз у него вспыхивали глаза, и ей думалось, что где-то внутри существует еще один Самуэль, который пока не проявился.

Задача Софии заключалась в том, чтобы собрать эти разные личности в единого человека. Но она знала, что торопиться в таких случаях нельзя. Надо дать пациенту возможность научиться справляться с материалом, который тот носит в душе.

С Викторией Бергман все происходило само собой.

В своих попытках смыть зло с помощью монотонных монологов Виктория напоминала некое человеческое очистное сооружение.

А с Самуэлем дело обстояло иначе.

С ним следовало действовать осторожно, но все-таки добиваясь эффекта.

Рассказывая о пережитом кошмаре, Фрэнкли Самуэль сильных аффективных расстройств не демонстрировал, но у нее складывалось все более стойкое впечатление, что он таит в себе бомбу.

Она попросила его сесть, и Фрэнкли Самуэль скользнул на стул подобно змее. Такой эластичный, извивающийся язык жестов был свойственен данной личности.

София посмотрела на него и осторожно улыбнулась:

– *So... how do you do, Samuel?*^[35]

Он постучал большим серебряным кольцом по краю стола, всматриваясь в нее веселыми глазами. Затем сделал такое движение, будто у него внутри, от плеча к плечу, прокатилась волна.

– *Ma'am, dat has never been better... And frankly, I must tell'y a...*^[36]

Беседовать Фрэнкли Самуэль любил. Он проявлял искренний интерес и к самой Софии, задавал ей личные вопросы и расспрашивал о ее взглядах на разные вещи. Ее это устраивало, поскольку тогда у нее появлялась возможность направить разговор на то, что она считала важным для прорыва в лечении.

Разговор продолжался уже около получаса, когда Самуэль, к разочарованию Софии, внезапно сменил личность на Самуэля Коммен. Какой же она совершила промах?

Они говорили о сегрегации – теме, интересовавшей Фрэнкли Самуэля,

и он спросил, где она живет и на какой станции метро надо выходить, если хочешь ее навестить. Когда она назвала район Сёдермальм и станции “Сканстуль” или “Медборгарплатсен”, улыбка на лице “откровенного” погасла, и он стал более сдержанным.

– У Монументы, вот, че-ерт... – проговорил он на ломаном шведском.

– Самуэль?

– Шо ето? Он плевать мое лицо... пауки на руках. Тату...

София знала, о каком происшествии он вспоминает. В социальной службе Хессельбю ей сообщили, что его избили в подворотне на Эландсгатан. Под “Монументой” он имеет в виду квартал Монумент возле выхода из метро “Скан стул ль”.

Поблизости от квартиры Микаэля, подумала она.

– Смотри мою тату тоже, О означает *united*^[37], Р – революция, Ф – фронт. Вот, смотри!

Он стянул футболку, и на груди обнажилась татуировка.

ОРФ неровными буквами – этот говорящий символ был ей более чем хорошо знаком.

Неужели возвращение к Самуэлю Коммен вызвано воспоминанием о нападениях?

Она ненадолго задумалась над этим вопросом, а он сидел молча, уставившись в стол.

Возможно, Фрэнкли Самуэль не смог справиться с испытанным при нападении унижением и перекинул все это Самуэлю Коммен, занимавшемуся, так сказать, более формальными контактами с полицией и социальной службой. Поэтому Фрэнкли Самуэль и исчез, когда речь зашла о квартале Монумент.

Должно быть, так и есть, подумала она. Язык – психологический носитель символа.

Она сразу же поняла, как ей вернуть Фрэнкли Самуэля.

– Самуэль, ты извинишь, если я на минутку отлучусь?

– Чего?

– Я хочу тебе кое-что показать, – улыбнувшись ему, сказала она. – Подожди здесь. Я сейчас вернусь.

Выйдя из кабинета, она направилась напрямик в приемную дантиста Юханссона, расположенную справа по коридору.

В кабинет дантиста она вошла, даже не постучавшись. Извинилась перед изумленным Юханссоном, который как раз споласкивал рот пожилой даме, и попросила разрешения ненадолго взять стоявшую позади него на полке старую модель мотоцикла.

– Она нужна мне только на час. Я знаю, что вы ее очень бережете, но обещаю обращаться с ней осторожно.

София льстиво улыбнулась шестидесятилетнему дантисту. Она знала, что он к ней равнодушен. Любит заглядываться на молоденьких, отметила она про себя.

– Ох уж эти психологи... – усмехнулся он под маской. Потом встал и снял с полки маленький металлический мотоцикл.

Это была модель старого, покрытого красным лаком “Харлей-Дэвидсона”, очень хорошо выполненная и, по словам Юханссона, произведенная в Штатах в 1959 году из переплавленного металла и резины от настоящего ХД.

Подойдет идеально, подумала София.

Юханссон протянул ей модель, напомнив о ее ценности. Минимум две тысячи на Традере^[38], может, больше, если продать японцу или янки.

Весит, наверное, не меньше килограмма, думала София, пока шла от дантиста обратно к себе в кабинет.

Она вновь извинилась перед Самуэлем и поставила мотоцикл на подоконник, слева от стола.

– Господи Иисусе, мэм! – воскликнул он.

Она не предполагала, что превращение произойдет так быстро.

Глаза Фрэнкли Самуэля горели от нетерпения. Он бросился к окну, и София с радостью наблюдала за ним, пока он очень осторожно поворачивал мотоцикл в разные стороны, что-то нашептывая и повизгивая от восторга.

– *Jeesus, beautiful...*^[39]

Во время предыдущих бесед София отметила страсть Фрэнкли Самуэля. Он регулярно рассказывал ей о мотоциклетном клубе Фритауна, где частенько торчал, восхищаясь длинными рядами мотоциклов. Когда ему было четырнадцать, искушение взяло верх, и он украл ХД, на котором потом гонял по протяженным пляжам.

Самуэль уселся на стул, держа мотоцикл на руках и поглаживая его, будто маленькую собачку. Глаза сияли, через все лицо растянулась широкая улыбка.

– *Freedom, ma'am. Dat is freedom... Dem bikes for me like momma-boobies are for dem little children*^[40].

Он начал рассказывать о своем интересе. Обладание мотоциклом означало для него не только свободу, это производило впечатление на девочек и помогало обзаводиться друзьями.

– Опиши их подробнее. *Your friends.*

– *Which friends? Da cool sick or da cool fresh? Myself prefer da cool freshies! Frankly, I have lots'off dem in Freetown... start with da cool fresh Collin...* [\[41\]](#)

София потихоньку улыбнулась и предоставила ему рассказывать о Коллине и остальных друзьях, один круче другого. Через десять-пятнадцать минут она обнаружила, что он готов просидеть все оставшееся время, рассказывая разные веселые истории и то с восхищением, то хвастливо описывая своих друзей впечатляюще подробным образом.

Она чувствовала, что должна быть начеку. Бурный поток слов и непрерывная жестикуляция Фрэнкли Самуэля нарушали ее концентрацию.

Необходимо перевести разговор на что-нибудь другое.

Тут случилось то, над чем она, правда, уже размышляла, но никак не ожидала, что это произойдет именно в данный момент.

Перед ней предстал еще один Самуэль.

ПРОШЛОЕ

Лагерь Красного Креста в Лакке состоит из трех больших палаток, переполненных больными или ранеными, и маленького каменного домика, используемого в качестве склада медикаментов и разного оборудования.

Каменный домик охраняется двумя хорошо вооруженными солдатами, поскольку лекарства пользуются у повстанцев большим спросом.

Оказалось, что у нее вывихнуто колено, и ей его перевязывают. Когда врачи вправляют колено, становится ужасно больно, но она относится к боли спокойно и отказывается от предложенной ей ампулы морфина.

Считает, что не заслужила.

Когда она просит разрешения посидеть на табуретке, вместо того чтобы лежать на лавке, врач качает головой и говорит, что мученичество в Сьерра-Леоне не принято.

Несмотря на боль в ноге, она сразу засыпает.

Когда она вновь открывает глаза, вокруг темно, светятся только несколько висящих у входа фонарей и стоящая в центре больничной палатки железная печка.

– Ты не спишь? – будит ее хриплый мужской голос. – Меня зовут Маркус, я детский врач ЮНИСЕФ. Завтра я отвезу тебя в аэропорт.

Он протягивает ей стакан воды и смотрит на часы.

– Похоже, здесь тебе больше делать нечего. Пора ехать домой.
Перед тем как уйти из палатки, он наклоняется и гасит лампу.
Меньше чем через неделю Маркус будет мертв.
Убит теми самыми детьми, помогать которым было его призванием.
Маленькие люди с оружием и властью убивать.
Дети-солдаты.

Дорога к расположенному к северу от Фритауна аэропорту временами пролегает через джунгли и очень труднопроходима.

Маркус ведет машину, а она лежит на заднем сиденье джипа с поднятой вверх перевязанной ногой.

На подъезде к Лунги они застревают, поскольку сильный дождь превратил лесную дорогу в глиняную кашу, и становится ясно, что без помощи им с места не сдвинуться.

В тот миг, когда они решают бросить машину и пробираться дальше пешком, они видят свет фар и слышат крики и грохочущую музыку.

Через ветровое стекло ей видно, что машины останавливаются, но из-за сильного дождя и темноты оценить размер группы повстанцев трудно.

Ей слышно, как Маркус пытается объяснить, что они здесь для оказания помощи, а сейчас направляются в аэропорт Лунги. Она осторожно высовывается из окна, чтобы лучше видеть.

Она знает, что их имущество включает ценные товары. Доллары, бензин, два автоматических пистолета, фотоаппараты и кое-какое врачебное снаряжение, в частности большая бутылка дезинфицирующего девяностошестипроцентного спирта. Однако она так же знает, что самый вожаемый товар – они сами.

Предводителю можно дать на вид лет двадцать, остальным по двенадцать, а некоторым даже не более шести или семи. Мальчики явно чем-то сильно накачаны, возможно, амфетамином в сочетании с какой-то формой галлюциногена, и ведут себя так, будто пребывают в коллективном трансе.

Юный лидер смеется и без всякого предупреждения ударяет Маркуса прикладом прямо в лицо. Ее вытаскивают из машины.

От боли она лишается чувств.

Предводитель сильно дергает ее за волосы и разрывает на ней рубашку так, что пуговицы отлетают.

– *Wanna touch her?*^[42] – обращается он к маленьким мальчикам.

Он смеется, наклоняется над ней и крепко сжимает одну грудь. Она видит его улыбающееся лицо, будто в тумане. Перед глазами огонь и

вспышки, но никаких звуков вокруг нет. Слух у нее пропал.

Она словно бы наблюдает себя со стороны, как будто покинула тело. Кроме боли в ноге, она ничего не чувствует, и если концентрируется на ней, то все воспринимается легче.

Дети мстят, думает она.

Кто-то разрезает на ней брюки. Голову отклоняют назад, и чья-то рука заставляет ее широко открыть рот. Она ощущает тошнотворный вкус пальмового вина.

Когда слух возвращается, она слышит барабанную дробь ударов по нефтяной бочке и плач мальчика. Она возвращается обратно в тело, и мозг снова начинает работать.

Мальчик стоит перед ней, расстегивая брюки, а остальные хохочут. Один из старших толкает мальчика в спину, и тот, падая на землю, переворачивается. Она видит у себя на бедрах кровоподтеки, окрасившие брючины в красный цвет.

Она думает, что кричит, но не уверена.

Она вновь открывает глаза только десять минут спустя. Рядом с ней, скрючившись, лежит израненный Маркус. Он почти без сознания, а ей щиплет глаза соль от слез.

Она поднимает голову и видит склонившегося над ней предводителя. Он расстегивает ремень и молнию на брюках.

– *Piss on ya’bitch...* [\[43\]](#)

От горячей струи странно разит чем-то сладким, и пока струя не попадает ей в глаза, она успевает отметить красноватый оттенок.

Мир вокруг перестал быть трехмерным. Стал плоским, как картина.

“Он писает кровью?” – думает она.

Закончив, он крепко хватает ее руками за шею и поднимает, будто куклу, и она чувствует голым животом его мокрый член.

Парень засовывает язык ей в рот, облизывает ей нос и веки. Во рту ощущается странный привкус красной жидкости.

Наверное, он ел свеклу, думает она, теряя сознание и погружаясь в темноту.

Она запрокидывает голову и видит прямо над собой слабый источник света. Лампочка?

Свет струится сквозь грязную ткань, которая колыхается на ветру.

Нет, ей просто видна луна, и когда глаза привыкают к слабому свету, она различает земляные стены и пытается мыслить здраво.

Их с Маркусом сбросили в яму, прикрыв отверстие грубой тканью. Их собираются похоронить заживо?

Она понимает, что надо собраться, озирается, и ситуация начинает проясняться.

Мягкая земляная стена идет немного под уклон, возможно, достаточно, чтобы выползти наверх. До края всего два-три метра. Она предпринимает попытку, но боль опрокидывает ее обратно.

Свет лампочки сквозь ткань. Нет, луна.

В лежащем положении она подползает к ткани. Осторожно приподнимает ее сантиметров на двадцать, чтобы выглянуть наружу.

Снаружи моросит дождь, и в свете луны она видит открытое пространство, где лежит и спит один из детей. Вдруг она слышит, как кто-то громко зовет: *“Mambaa manyani... Mamani manyimi...”* – и поспешно опускает голову обратно.

Жертвы становятся преступниками, думает она.

Взрослые отняли у них детство, и теперь они мстят им. Жертвы сливаются с преступниками. Так, вероятно, и должно быть.

Она выбирается из ямы, находит брошенный на камень плед и заворачивается в него. При помощи локтей она ползет по земле и, только достигнув кустов, где начинаются джунгли, отваживается подняться. Опираясь на ветку дерева, она хромает вниз по склону, но вскоре боль и измождение заставляют ее вновь покинуть тело.

Она смотрит на него со стороны. Видит, как ее ноги двигаются вперед, но не чувствует их.

Ночь близится к концу, она не знает, где находится, едва виднеющаяся за деревьями луна, похоже, бредет куда-то своим путем по черному небу.

Она слышит звук текущей воды и засыпает возле какого-то ручейка.

Сколько проходит дней?

Она не знает.

Когда все останется позади, ей будут вспоминаться только голоса и тени незнакомцев.

Первым раздается звук женских голосов, от которого она просыпается.

Потом возникает голос мужчины, сообщающий, что он из правительственной милиции. Ее везут сквозь тени деревьев – куда, она не знает. Еще голоса. Силуэты снаружи палатки.

Она лежит в постели, и какой-то голос рядом с кроватью говорит, что голову Маркуса обнаружили в коробке на лестнице перед ратушей Фритауна.

Над ней склоняется тень и рассказывает, что волосы на макушке были

сбрнты и наискосок процарапаны три буквы. ОРФ.

Гостиная

освещалась мерцающим светом телевизионного экрана. Канал “Дискавери” проработал всю ночь, и в половине шестого она проснулась на диване от монотонного голоса ведущего:

– “Пла кат” по-тайски означает “плагиат”, но это также название крупной, агрессивной аквариумной бойцовой рыбки^[44], которая используется в Таиланде в турнирных боях. Двух самцов помещают в небольшой аквариум, где в силу природного инстинкта, требующего бороться за личное пространство, они сразу нападают друг на друга. Жестокая, кровавая битва заканчивается лишь тогда, когда в живых остается только одна из рыбок.

Она улыбнулась, села, а затем пошла на кухню, чтобы включить кофеварку.

В ожидании, пока сварится кофе, она встала возле кухонного окна и принялась рассматривать улицу внизу.

парк
и пышные кроны деревьев, припаркованные машины и “ожившие” люди. Стокгольм.

Район Сёдермальм. Дома?

Нет, дома – это нечто совсем другое.

Это состояние. Ощущение, которого ей не дано пережить. Никогда.

Потихоньку, шаг за шагом, у нее стала созревать идея.

Допив кофе, она убрала со стола и вернулась в гостиную.

Отодвинула торшер, откинула крючок и открыла дверь за стеллажом.

Мальчик крепко спал.

стол
в гостиной был завален газетами с прошлой недели. Она ожидала найти там, по крайней мере, маленькую заметку о пропавшем ребенке, хотя вообще-то предполагала, что сообщение появится на плакатах с рекламой газет.

Исчезнувший ребенок – чем не важная новость?

Новость, способная минимум на неделю увеличить вечерним газетам продажи отдельных номеров.

Обычно так и бывало.

Однако ей не удалось обнаружить никаких указаний на то, что мальчика разыскивают. По радио, в объявлениях о розыске, о нем не упоминали, и она начала понимать, что он является даже более идеальным вариантом, чем можно было надеяться.

Раз его никто не разыскивает, значит, он будет держаться за нее до тех пор, пока она удовлетворяет его самые элементарные потребности, а уж на это-то она способна.

Она будет покрывать их с лихвой.

Преобразит его желания так, чтобы они совпадали с ее собственными, и два человека превратятся в одного. Она станет мозгом нового существа, а мальчик – его мускулами.

Сейчас, пока он лежит на матрасе в полубессознательном состоянии, он всего лишь эмбрион. Но когда он научится думать, как она, у них будет только одна, общая правда.

Когда она научит его ощущать себя одновременно жертвой и преступником, он все поймет.

Он сделается животным, а она – тем, кто решает, поддаваться животному своим инстинктам или нет. Вместе они образуют идеального человека, в котором свободная воля управляется одним сознанием, а физические инстинкты другим.

Ее инстинкты смогут находить выход через него, и это будет доставлять ему наслаждение.

Никого из них нельзя будет считать ответственным за поступки другого.

тело

окажется состоящим из двух существ: животного и человека.

Жертва и преступник.

Преступник и жертва.

Свободная воля в сочетании с физическим инстинктом.

Два антипода в одном теле.

комната

оставалась почти совсем темной, и она зажгла лампочку на потолке. Мальчик очнулся, и она дала ему попить, обтерла его потный лоб.

Потом наполнила в маленьком туалете таз теплой водой и вернулась обратно. Маленьким полотенчиком обмыла мальчика водой с мылом и тщательно вытерла.

Перед тем как уйти обратно в квартиру, она сделала ему новый укол

снотворного и подождала, пока он снова вернется в бессознательное состояние.

Он уснул, положив голову ей на грудь.

Посетители, как всегда, представляли собой смесь местных художников, не слишком известных музыкантов или артистов и случайных туристов, пожелавших познакомиться с якобы богемным районом Сёдермальм.

На самом же деле эти кварталы были самыми мещанскими и этнически гомогенными во всей стране, и в этой части города жило больше журналистов, чем в любой другой точке Швеции.

Этот район также принадлежал к рекордсменам по количеству преступлений, но в СМИ его всегда представляли как популярный и интеллектуальный, а не как криминогенный и опасный.

Слабость, подумала Виктория Бергман, презрительно фыркнув. Уже полгода она проходит терапию у Софии Цеттерлунд, а чего они достигли?

Поначалу ей казалось, что беседы ей что-то дают, она могла делиться своими чувствами и мыслями, и София Цеттерлунд ее терпеливо выслушивала. Поначалу.

Потом ей стало казаться, что она ничего не получает взамен. София Цеттерлунд просто сидела с таким видом, будто спит. Когда Виктория действительно откровенничала, София холодно кивала, что-то записывала, перебирала бумаги и с отсутствующим видом теребила маленький магнитофон.

Она достала из сумки пачку сигарет, положила ее перед собой и стала нервно постукивать пальцами по столу. Недовольство сдавило грудь.

Оно накапливалось там давно.

Несколько дней, месяцев. Лет.

Слишком долго для того, чтобы хватало сил с ним справляться.

Виктория сидела в уличном кафе ресторана, на Бундегатан. Переехав в Сёдермальм, она часто ходила сюда выпить бокал вина, а иногда даже два.

С первого же раза Виктория почувствовала себя здесь уютно. Персонал был приятным, без излишнего панибратства. Она терпеть не могла назойливых барменов, которые после нескольких посещений начинают называть тебя по имени. От этого она чувствовала себя человеком, навещающим в заведение слишком часто, чего не допускало ее представление о собственном “я”.

Виктория Бергман видела перед собой вяло-сонное, незаинтересованное лицо Софии Цеттерлунд, и внезапно ей в голову

пришла мысль. Она достала из кармана пиджака ручку и выложила на стол три сигареты.

На одной она написала “СОФИЯ”, на другой – “СЛАБАЯ”, на третьей – “СОННАЯ”.

Затем написала через всю пачку “СОФИЯ ЦЦЦЦЦЦЦЦЦЦ...”

Закурила сигарету с надписью “СОФИЯ”.

Все едино, думала она. С визитами покончено. Чего ради ей идти туда снова? София Цеттерлунд называет себя психотерапевтом, но она слабый человек.

На улицу вышел повар, закурил сигариллу. Кивнул Виктории, как старой знакомой, и она улыбнулась в ответ.

Несмотря на вечер пятницы, ресторанчик был заполнен только наполовину. Вероятно, всему виной погода – пасмурно и прохладно. Или не самый интересный день финальных игр чемпионата Европы по футболу.

Владевшая заведением голландско-шведская пара показывала матчи по телевизору, и несколько дней назад Виктория оказалась здесь, когда Голландия встречалась с Францией. Ресторан был до отказа забит живущими в Стокгольме голландцами.

По стенам висели оранжевые флажки с черным голландским львом, тесно переплетаясь с флагами и гирляндами в шведских цветах.

Декорация еще оставалась на месте и, вероятно, провисит до тех пор, пока одна из команд не окажется настолько слабой, что вылетит.

Виктория думала о Гао. Они с Гао не слабые.

События последнего времени так и стояли у нее перед глазами, вызывая в теле почти эйфорию. Однако, несмотря на возбуждение, которое она по-прежнему испытывала, внутри ощущался какой-то зуд неудовлетворенности, недовольства. Будто ей требовалось больше.

Она понимала, что надо подвергнуть Гао испытанию, с которым тот не справится. Тогда ей, возможно, удастся почувствовать то, что она чувствовала вначале. Она сознавала, что хочет увидеть взгляд Гао, а не чей-нибудь другой. Его глаза в тот момент, когда до него дойдет, что она его предала.

Она знала, что подпитывается предательством, как наркотиком, и прибегает ко лжи ради того, чтобы хорошо себя чувствовать, чтобы иметь в своей власти двух человек и самой решать, кого ласкать, а кого бить. Если проявлять непостоянство и произвольно менять жертвы местами, то оба непременно начнут ненавидеть друг друга и каждый окажется готов на все, чтобы только добиться признания.

Когда они достаточно утратят уверенность, нужно сделать так, чтобы

они захотели убить друг друга.

Гао – ее дитя, ее ответственность, ее все.

До него существовал только один – Мартин.

Виктория пригубила вина и задалась вопросом, виновата ли она в том, что он исчез. Нет, подумала она. Это не ее вина, ведь она тогда была всего лишь ребенком.

Виноват ее собственный отец. Он разрушил ее доверие к взрослым, и папа Мартина стал для нее носителем коллективной вины всех мужчин.

Он просто хорошо ко мне относился, а я неверно истолковывала его прикосновения, думала Виктория.

Она была сбитым с толку ребенком.

Выпив большой глоток вина, Виктория немного полистала меню, хотя знала, что ничего есть не собирается.

Бундегатан

София Цеттерлунд заглянула в магазин шведской моды “Чалламалла” на Бундегатан в надежде найти что-нибудь красивое для пополнения гардероба, но вышла оттуда с маленькой картиной, изображавшей “Вельвет Андеграунд”, старую группу Лу Рида, которой заслушивалась в школьные годы.

Ее удивило, что в магазине продавали также произведения искусства, раньше их там не было. Посчитав картину находкой, она ни секунды не колебалась.

София села за столик уличной веранды при ресторанчике *Harvest Home*, расположенном в нескольких шагах от магазина, и поставила картину на соседний стул.

Шопинг не успокоил ее волнения. Возможно, вино поможет лучше.

Она заказала полграфина белого вина. Официантка узнала ее и улыбнулась, София улыбнулась в ответ, закуривая сигарету.

Она пыталась бросить курить, но все больше убеждалась в том, что ничего не выйдет. Никотин помогал ей думать, и иногда она выкуривала десять или пятнадцать сигарет подряд.

У нее не выходил из головы Самуэль Баи и завершившийся несколько часов назад терапевтический сеанс. При мысли о том, что именно она выпустила наружу и какотреагировала сама, она содрогалась.

Когда он злился, он становился непредсказуемым, приобретал совершенно непроницаемый вид и полностью отключался от всего рационального. София вспомнила, как попыталась внедриться в вопиющее, хаотичное сознание, закрепиться там и сотворить что-нибудь, за что мальчик смог бы ухватиться. Но потерпела неудачу.

Она ослабила шарфик и пощупала ноющую шею. Ей повезло, что она выжила.

Как же она теперь сможет продолжать его лечить?

Все шло хорошо до того мгновения, как проявился новый Самуэль.

Он сидел с принадлежащей дантисту моделью мотоцикла в руках, проникновенно рассказывая об одном из друзей детства, и тут она стала свидетелем устрашающего превращения.

Она знала, что люди с диссоциативными расстройствами способны очень быстро менять личность. Достаточно было одного слова или жеста, чтобы Самуэль преобразился.

В предложении, касавшемся, собственно говоря, друга детства, Самуэль упомянул что-то, именовавшееся *Pademha Road Prison*^[46].

Уже на третьем слове его голос изменился, оно было произнесено с приглушенным шипением: *Prisson...*

Он разразился громким смехом, до смерти ее перепугавшим. Широкая улыбка осталась на месте, но сделалась совершенно пустой, а взгляд – абсолютно черным.

София стряхнула с сигареты пепел. Она чувствовала, что вот-вот расплчется.

Возьми себя в руки. Ты сильнее, чем кажешься.

Воспоминания о том, что произошло потом, были смутными.

Правда, она помнила, как Самуэль встал со стула, толкнув стол так, что банка с карандашами опрокинулась и скатилась ей на колени.

Помнила она и то, что он прошипел ей.

Сперва на крио:

I redi, an a de joyu. If u up le witfaya yugo soori!

Я готов, я здесь, чтобы взять тебя. Если будешь играть с огнем, то пожалеешь.

Потом на языке менде:

Mambaa manyani... Mamani manyimi...

Это прозвучало как детский язык, и грамматика была странной, но содержание слов сомнений не вызывало. Ей уже доводилось слышать это раньше.

Потом он поднял ее, крепко ухватив за горло, будто она была куклой. У нее потемнело в глазах.

С дрожью подняв бокал и поднеся его ко рту, София обнаружила, что плачет. Она вытерла глаза рукавом блузки и поняла, что должна навести порядок в воспоминаниях.

Социальный работник увел его, подумала она.

София помнила, что передала Самуэля его контактному лицу в социальной службе, улыбаясь. Будто ничего необычного не произошло. А что же было до этого?

Самое удивительное, что запомнился ей только уже знакомый аромат духов.

Ими обычно пользовалась Виктория Бергман.

Шок, подумала София, и, пожалуй, недостаток кислорода оттого, что он пытался меня задушить. Вероятно, так.

Впрочем, она знала, что это не вся правда.

Она долила в бокал вина.

Я не в силах отделить своих клиентов друг от друга, цинично констатировала она, отпивая вина. Вот настоящая причина того, почему мне с этим не справиться. Самуэль Баи и Виктория Бергман.

Та же резкая смена личностей.

Вследствие шока и недостатка кислорода она утратила способность к трезвой оценке, поэтому от происхождения с Самуэлем у нее в памяти осталась только Виктория Бергман.

Мне с этим не справиться, тихо повторила она про себя. Недостаточно отменить только ближайшую встречу с ним, надо отменить все. Сейчас я не могу ему помочь.

Так и сделаем, подумала она, сразу испытыв огромное облегчение от принятого решения.

Иногда необходимо позволить себе слабость.

Ее размышления прервал звонок телефона. Номер был незнакомый.

– Да, здравствуйте? – с сомнением произнесла она.

– Меня зовут Жанетт Чильберг, я из стокгольмской полиции. Я разговариваю с Софией Цеттерлунд?

София сообразила, что ответила на звонок непрофессионально.

– Извините, я сижу на совещании и забыла отключить телефон, – проклиная себя, солгала она.

– Хорошо. перезвонить вам позднее?

– Нет, извините, минуточку...

София встала и зашла в ресторан. Там почти никого не было, но она на всякий случай проскользнула в туалет и заперла дверь, чтобы звуки из бара или с кухни не выдали, что она вовсе не сидит на совещании.

– Ну вот, теперь я могу разговаривать спокойно.

– Позднее совещание в пятницу?

– Да... Оно носит... скажем так, административный характер. – Иногда ложь просто лилась сама собой, и София восхитилась собственной находчивости.

– Я звоню по поводу одного из ваших пациентов, Карла Лундстрёма. У нас есть основания полагать, что он может быть замешан в деле, которое я расследую, и Ларе Миккельсен посоветовал мне поговорить с вами, поскольку вы беседовали с Лундстрёмом. Меня интересует, не рассказал ли вам Карл Лундстрём чего-нибудь, что могло бы нам помочь.

– Вопрос, естественно, в том, о чем именно идет речь. Как вам наверняка известно, я обязана соблюдать конфиденциальность, и, если не ошибаюсь, для того чтобы иметь право высказываться о проходящем обследовании, мне требуется санкция прокурора.

– Санкция уже запрошена.

София уселась на стульчак и принялась рассматривать каракули на кафельной стенке.

– Я расследую дела двух мальчиков, которых, перед тем как убить, подвергали пыткам. Полагаю, вы читаете газеты или смотрите новости и едва ли могли это пропустить. Я была бы очень признательна, если бы вы сообщили что-нибудь о Лундстрёме, каким бы незначительным это ни казалось.

Тон женщины Софии не понравился – заискивающий и снисходительный одновременно. Казалось, женщина пытается на свой страх и риск выманить у нее информацию, выдавать которую она не имеет права.

София почувствовала себя оскорбленной. За кого они ее принимают?

– Как я уже говорила, я не могу высказываться, пока вы не предъявите мне постановление прокурора, и к тому же в данный момент у меня нет под рукой материалов о Карле Лундстрёме.

Она услышала в голосе женщины разочарование:

– Понимаю, но если вы передумаете, пожалуйста, позвоните. Я буду признательна за любую информацию.

В дверь туалета постучали, и София сказала, что должна заканчивать разговор.

Монумент

Вечером София с Микаэлем непринужденно беседовали перед телевизором. Микаэль, как обычно, углубился в рассказы о своих успехах на работе. София знала, что он эгоцентричен, и чаще всего не без удовольствия просто слушала его голос. Но в этот вечер она испытывала потребность обсудить с ним то, что ей довелось пережить. Она поправила шарфик, дабы убедиться, что Микаэлю не видны следы удушения.

– Меня сегодня побил пациент.

– Что? – Микаэль посмотрел на нее с удивлением.

– Ничего серьезного, просто пощечина, но... я собираюсь от него отказаться.

София рассказала, как неверно оценила ментальное состояние Самуэля, что раньше никогда не боялась во время их бесед, чувствовала себя с ним уверенно. А на этот раз испугалась. По-настоящему.

Она сказала, что огорчена необходимостью прервать терапию, поскольку питала надежды на успех, да и работать с этим парнем было интересно.

– Но ведь подобное приключается регулярно? – произнес Микаэль, поглаживая ее по руке. – Конечно, нельзя продолжать работу с пациентом, который тебе угрожает.

София попросила обнять ее.

Позже, лежа на плече Микаэля, она в полумраке спальни различала рядом тень от его профиля.

– Несколько недель назад ты спрашивал, не хочу ли я поехать с тобой в Нью-Йорк. Помнишь? – Она погладила его по щеке, и он повернулся к ней.

– Разумеется. Но ты сказала, что не хочешь. Ты передумала? Если хочешь, я прямо завтра раздобуду билеты.

Она слышала, как он оживился, и на мгновение пожалела о своих словах. С другой стороны, возможно, пришло время рассказать ему.

– Мы с Лассе были там в прошлом году и...

– О'кей, понятно. Но мы можем поехать куда-нибудь в другое место. В Лондон или почему бы не в Рим? Я никогда...

– Дорогой, не перебивай меня, – осторожно попросила она. Почему он не понимает, как ей трудно?

– Прости, я просто очень обрадовался. Что ты хотела мне рассказать?

– Ну, в той поездке мы с Лассе всерьез сблизились. Не знаю, как сказать, но казалось, будто мы впервые по-настоящему увидели друг друга. А потом меня кое-что очень напугало. Не то, что произошло тогда, а то, что произошло потом.

– Ты уверена, что мне это будет интересно?

– Не знаю. Но для меня случившееся очень важно. Я хотела иметь от него ребенка, и...

– Вот в чем дело... И это должно меня интересовать? – Микаэль вздохнул.

София рассердилась, скатилась с его плеча и потянулась к прикроватной лампе. Зажгла свет и села, а Микаэль, скорчив гримасу, прикрыл лицо рукой.

– Очень спит, ты не можешь погасить?

Она обиделась на его безразличие, но погасила лампу и заползла ему за спину.

– А ты хочешь ребенка, Микаэль? – спросила она чуть позже.

Он взял ее руку и положил себе на грудь.

– Мм... пожалуй, только не сейчас.

Ей вспомнились слова Лассе. В течение десяти лет он всегда говорил: “Только не сейчас”. А в Нью-Йорке вдруг решился.

В серьезности его намерений на тот момент она не сомневалась, несмотря на то что по возвращении домой все изменилось.

О произошедшем потом ей думать не хотелось. Как люди меняются, и иногда кажется, будто в каждом человеке присутствует несколько версий той же личности. Лассе был ей близок, он сам ее выбрал. Вместе с тем существовал другой Лассе, оттолкнувший ее от себя. Фундаментальная психология в чистом виде, думала она. Однако ее это все равно пугало.

– Микаэль, есть ли что-нибудь, чего ты боишься? – тихо спросила она. – Что-нибудь, что тебя особенно пугает?

Он не ответил, и она поняла, что он уснул.

Она немного полежала, размышляя о Микаэле.

Что она в нем нашла? Красивый.

Похож на Лассе.

Он заинтересовал ее, несмотря на то что производил впечатление человека заурядного. Или как раз благодаря этому.

Классическая мещанская среда. Вырос в Сальтшёбадене^[47], в окружении папы, мамы и младшей сестры. Надежно и уютно. Никаких проблем с деньгами. Школа и футбол, а затем вперед, по папиным стопам. Сказано – сделано.

Незадолго до того, как они встретились, папа покончил с собой, и Микаэль ни за что не хотел говорить на эту тему. Каждый раз, когда она пыталась завести об этом речь, он выходил из комнаты.

Смерть папы оставалась открытой раной. Они явно были очень близки. С мамой и сестрой она встречалась лишь однажды.

Она уснула у него за спиной.

В половине четвертого утра она проснулась, обливаясь потом. Третью ночь подряд ей снилась Сьерра-Леоне, и снова заснуть после этого было невозможно. Микаэль спал рядом крепким сном, и она осторожно встала, стараясь его не разбудить.

Он не любил, когда она курила в квартире, но она включила на кухне вытяжку, села и зажгла сигарету.

Думая о Сьерра-Леоне, она взвешивала, правильно ли поступила, отказавшись проверять факты для издательства.

Это могло бы стать более умным и осторожным шагом на пути к преодолению пережитого, чем встреча с глазу на глаз с ребенком-солдатом, таким как Самуэль Баи.

Сьерра-Леоне стала для нее разочарованием во многих отношениях. Она так и не сумела сблизиться с детьми, которым предполагала помочь начать лучшую жизнь. Ей запомнились их пустые лица и отвращение к сотрудникам миссий. Она быстро осознала, что являлась для них одной из “других”. Взрослая белая чужестранка, которая, вероятно, больше пугала, чем помогала. Дети кидали ей вслед камни. Они полностью утратили доверие к взрослым. Никогда еще она не чувствовала себя настолько бессильной.

А теперь она потерпела неудачу с Самуэлем Баи.

Разочарование, подумала она. Если Сьерра-Леоне стала для нее разочарованием, то ее жизнь в данный момент, семь лет спустя, представлялась ей не менее крупным разочарованием.

Она сделала несколько бутербродов и, запивая их соком, размышляла о Лассе и Микаэле.

Лассе ее предал.

А Микаэль, он тоже стал разочарованием? Ведь у них все начиналось так хорошо.

Неужели их разносит в разные стороны еще до того, как они успели сблизиться по-настоящему?

По сути дела, нет никакой разницы между ее работой и личной жизнью. Лица стали сливаться. Лассе. Самуэль Баи. Микаэль. Тюра

Мякеля, Карл Лундстрём.

Все вокруг нее чужаки.

Ускользают от нее, выходят из-под контроля.

Она опять подсела к плите и закурила новую сигарету, глядя, как дым исчезает в вытяжке. Маленький магнитофон лежал на столе, и она потянулась за ним.

Час был уже очень поздний, и следовало бы попробовать поспать, но она не смогла устоять перед искушением и включила магнитофон.

...всегда боялся высоты, но ему так хотелось прокатиться на колесе обозрения. Если бы не он, ничего бы не случилось, а он к тому времени уже говорил на сконском диалекте, повзрослел и научился хорошо зашнуровывать ботинки. Черт, как трудно вспоминать. Но он был чертовски избалован, ему вечно требовалось добиваться своего.

София почувствовала, что расслабляется.

Когда начинаешь засыпать, мысли обретают полную свободу.

Дверь

открылась, и к нему вошла светлая женщина. Она была тоже голой, и он впервые увидел женщину без одежды. Даже мать не показывалась ему в таком виде.

Он прикрыл глаза.

Она скользнула к нему и молча лежала рядом, нюхая его волосы и бережно гладя по груди. Настоящей матерью она ему не приходилась, но она его выбрала. Просто посмотрела на него и, улыбнувшись, взяла за руку.

Прежде его никто так не ласкал, и прежде он никогда не чувствовал себя так уверенно.

Остальные всегда сомневались. Не прикасались, а щупали его. Проверяли, годится ли он.

А светлая женщина не сомневалась.

Он снова прикрыл глаза, предоставив ей делать с ним все что угодно.

матрас

после их упражнений намок. Несколько дней они не занимались ничем другим, только лежали в постели, упражнялись и спали попеременно.

Когда он не совсем понимал, чего именно она от него хочет, она заботливо показывала ему, что имела в виду. Хотя все для него было в новинку, он оказался легкообучаемым адептом, и со временем у него получалось все более ловко.

Труднее всего ему было научиться управляться с предметом, напоминающим коготь.

Часто он тянул слишком слабо, и тогда ей приходилось показывать ему, как следует ее царапать, чтобы раны начинали кровоточить.

Если он тянул слишком сильно, она стонала, но не предпринимала попыток его наказать, и он решил, что чем сильнее тянуть, тем лучше, хотя толком не понимал почему.

Возможно, потому, что она ангел и не способна чувствовать боль.

потолок

и стены, пол и матрас, скрипящий пластик под ногами и маленькая комнатка с душем и туалетом – все это принадлежало ему.

Дни заполнялись поднятием тяжестей, мучительными упражнениями для живота и бесконечным кручением педалей на велотренажере, который

она установила в углу комнаты.

В туалете имелся маленький шкафчик. Там стояло множество масел и кремов, которыми она каждый вечер его натирала. Некоторые из них сильно пахли, но они снимали боль в мышцах после тренировок. Другие пахли чудесно, и от них его кожа становилась гладкой и эластичной.

Глядя на себя в зеркало, он напрягал мышцы и улыбался.

комната

походила на страну, из которой он приехал. Тихая, надежная и чистая.

Он помнил, что говорил великий китайский философ о способности человека обретать знания.

Я слышу и забываю, я вижу и запоминаю, я делаю и понимаю.

Слова излишни.

Надо только смотреть на нее и запоминать, каких действий она от него хочет. Потом он будет делать и понимать.

Комната была тихой.

Каждый раз, когда он собирался что-нибудь сказать, женщина прикладывала ему ко рту руку и шикала, а сама общалась с ним, что-то глухо буркая в нужный момент или используя язык глухонемых. Вскоре он уже не произносил ни единого слова.

Он видел по ее глазам, как она им довольна. Когда он клал голову ей на колени и она гладила его по коротеньким волосам, он ощущал спокойствие, кратким хмыканьем показывая ей, как ему приятно.

Комната была надежной.

Он наблюдал за женщиной и учился, задалбливал, чего именно она от него ждет, и со временем, перестав мыслить словами и предложениями, стал соотносить приобретенный опыт с собственным телом. Счастье выражалось теплом в животе, беспокойство – напряжением мускулов затылка.

Комната была чистой.

Он только делал и понимал. Чистые ощущения.

Он не произносил ни слова. Думал образами.

Ему предстояло стать телом, и только.

Слова бессмысленны. Они не должны присутствовать в мыслях.

Однако они оттуда не уходили, и он ничего не мог с этим поделать.

Гао, думал он. Меня зовут Гао Лянь.

Квартал Крунуберг

Закончив разговор с Софией Цеттерлунд, Жанетт Чильберг пребывала в подавленном настроении. Она знала, что получить санкцию прокурора будет нелегко. Фон Квист обязательно упрется – в этом она не сомневалась.

И еще эта София Цеттерлунд.

Ее холодность Жанетт не понравилась. Слишком рациональна и бессердечна. Ведь речь идет о двух убитых молодых людях, и раз у нее есть возможность помочь, почему же она не хочет? Неужели все дело в профессиональной гордости и обязанности соблюдать конфиденциальность?

Жанетт чувствовала, что все застопорилось.

Утром они с Хуртигом тщетно пытались связаться с Ульрикой Вендин – девушкой, которая семь лет назад заявила на Карла Лундстрёма, обвинив его в побоях и изнасиловании. Полученный в справочной номер телефона больше не функционировал, а когда они поехали по ее адресу в Хаммарбюхёйден, им никто не открыл. Жанетт надеялась, что, увидев оставленную в почтовом ящике записку, девушка позвонит им, как только придет домой. Но пока телефон молчал.

Не расследование, а мучительное преодоление препятствий.

Она чувствовала, что ей необходимы перемены. Новые задачи.

Если ей хочется продвинуться в полицейской иерархии, это будет означать сидение в офисе и административные обязанности.

Но разве этого ей хочется?

Пока она изучала служебную записку с информацией о трехнедельных курсах повышения квалификации в допросах детей, в дверь постучали.

Вошел Хуртиг в сопровождении Олунда.

– Мы собираемся выпить пива. Пойдешь с нами?

Она посмотрела на часы. Половина пятого. Оке готовит ужин. Тушеные макароны с фрикадельками перед телевизором. Молчание, отдающее тем, что общей у них теперь осталась только скука.

Перемены, подумала Жанетт.

Скомкав служебную записку, она бросила ее в корзину для бумаг. Три недели за партой.

– Нет, не могу. Как-нибудь в другой раз, – ответила она, вспомнив, что обещала себе согласиться.

– Конечно, увидимся завтра, – с улыбкой кивнул Хуртиг. – Смотри не

уработайся вконец. – Он закрыл за собой дверь.

Перед тем как собрать вещи, чтобы идти домой, Жанетт приняла решение.

Первым делом она наскоро пообщалась с Юханом, и они договорились, что тот узнает, нельзя ли ему переночевать у Давида, затем позвонила в кинотеатр и забронировала два билета на ранний сеанс. Перемена, конечно, не кардинальная, но все-таки маленькая попытка встряхнуть их серые будни. Сперва кино, потом ужин. Возможно, бокал пива.

Оке ответил на звонок раздраженно.

– Чем ты занимаешься? – спросила она.

– Тем, чем обычно занимаюсь в это время. А что делаешь ты?

– Собираюсь домой, но мне подумалось, что мы могли бы вместо этого встретиться в городе.

– Вот как, есть важный повод?

– Нет, просто я подумала, что мы с тобой давно не делали ничего приятного.

– Юхан идет домой, и я стою...

– Юхан переночует у Давида, – перебила она.

– Ну тогда ладно. Где встретимся?

– Перед “Сёдерхалларна”^[48]. В четверть седьмого.

Закончив разговор, Жанетт сунула телефон в карман куртки. Она надеялась, что муж обрадуется, но он откликнулся скорее холодно. С другой стороны, это ведь только поход в кино. Впрочем, он мог бы проявить хоть немного энтузиазма, думала она, выключая компьютер.

Пройдя мимо памятника Анне Линд^[49], Жанетт увидела Оке. Он стоял с мрачным видом, она остановилась и стала его разглядывать. Двадцать лет вместе. Два десятилетия.

Она подошла к нему.

– Примерно семь тысяч, – улыбаясь, сказала она.

– Что? – удивился Оке.

– Вероятно, немного дольше. У меня ведь неважно с математикой.

– Ты о чем?

– Мы провели вместе около семи тысяч дней. Представляешь? Двадцать лет.

– Мм...

“Индира”

“Уникальное исследование человеческого унижения” – первый в мире полнометражный фильм, снятый мобильным телефоном, был, возможно, не лучшим из виденных Жанетт фильмов, но уж точно не таким плохим, как считал Оке.

– Лучше бы ты послушалась меня, – прошептал Оке ей на ухо, – и мы сходили бы на “Индиану Джонса”. А так просто выбросили двести крон.

Жанетт отстранилась и встала с кресла.

Они молча вышли из кинотеатра и через площадь Медборгарплатсен двинулись к Гётгатан.

– Ты голоден? – спросила Жанетт, повернувшись к Оке. – Или просто зайдем куда-нибудь выпить пива?

– Пожалуй, немного голоден, – ответил Оке, глядя прямо перед собой. – Чего тебе хочется?

Жанетт чувствовала, что начинает раздражаться.

Она приглашает его в кино, предлагает пиво или где-нибудь перекусить, а он только все отвергает и не проявляет никакого интереса.

– Не знаю. Может, лучше поехать домой, ты ведь наверняка вымотан после тяжелого дня, – язвительно сказала она.

– Да, так и есть, – отозвался он. – Я действительно безумно устал.

Жанетт остановилась и взяла его за куртку.

– Прекрати. Я просто пошутила. Конечно, пойдем есть. Давай дойдем до “Индиры” на Бундегатан.

– Ладно, ладно. – Он посмотрел на нее. – Небольшой перекус, конечно, не повредит.

Жанетт показалось, что это прозвучало так, словно он приносит жертву. Будто необходимость провести в ее обществе еще пару часов вынуждала его делать над собой усилие.

Индийский ресторан был переполнен, и им пришлось десять минут подождать, пока освободится столик, что, похоже, еще больше рассердило Оке. Когда они наконец уселись за доставшийся им столик в глубине подвального этажа, Оке заметно помрачнел.

Жанетт попыталась вспомнить, когда они в последний раз ели индийскую еду. Пять лет назад? А вообще ходили в ресторан? Пожалуй, года два назад. В годы до рождения Юхана, в середине девяностых, когда в центре города один за другим открывались индийские рестораны, они с

Оке какое-то время посещали их минимум раз в неделю.

Они заказали каждый по бокалу “Кингфишера”, и вскоре им подали еду. Жанетт не мудрствуя взяла палач панир, а Оке выбрал блюдо из цыпленка, сильно приправленное перцем чили. Быстрое обслуживание, похоже, подняло ему настроение. Или так подействовало пиво. Он уже приступил ко второму бокалу.

– Вкусно, – проглотив очередную порцию шпината, заметила Жанетт. – Правда, я трусиха...

– Да, ты вечно выбираешь то же самое.

Вечно то же самое? Жанетт знала, что он не менее предсказуем. Всегда выбирает самые острые блюда, объясняя ей, почему следует есть острую пищу, а к концу трапезы ему делается плохо, и он требует немедленно ехать домой.

– Ты и раньше всегда ела это же, – продолжил он. – Почему ты не пробуешь ничего нового?

– Наверное, я трусиха. А как тебе твоё блюдо?

– Острое, – ухмыльнулся Оке. – Хочешь попробовать?

– С удовольствием.

Жанетт взяла пол-ложки, и этого оказалось более чем достаточно. Ей пришлось заливать съеденное не только пивом, но и водой.

– Как ты можешь это есть? – засмеялась она. – Кроме остроты, ничего не чувствуется. – Из глаз у нее потекли слезы, и ей пришлось вытираться салфеткой.

Его последующие слова вызвали у нее ощущение дежавю.

– Во-первых, это полезно. Острота убивает желудочные бактерии и вызывает потоотделение. Включается охлаждающая система тела. Поэтому в жарких странах всегда едят острое. Во-вторых, от этого ловишь чертовский кайф. В мозгу начинают носиться эндорфины, и ты просто балдеешь.

– А в-третьих, это чертовски круто, – добавила она, зная, что он ухмыльнется и согласится.

– Полезно и круто, – улыбнулся он.

Она посмотрела на тарелку. Он уже почти доел. Скоро ему станет плохо. Он называл это сскомой чили”.

Они заказали еще по бокалу пива, и она заметила, что он начинает пьянеть. От острой еды у него покраснелось лицо и выступил пот. Но он не успокоится, пока тарелка не опустеет.

Оке позаботился о том, чтобы довести до сведения персонала, что блюдо ему понравилось, но он предпочел бы, чтобы оно было еще острее.

Потом повторил им то, что уже говорил жене по поводу острой пищи. Официант согласно кивал.

Жанетт почувствовала, что муж ей надоел. Она попыталась сменить тему, но он не проявил никакого интереса, и она поняла, что, вероятно, тоже ему надоела.

Через час Жанетт констатировала, что разговаривали они только о еде, причем это было не более чем повтором разговора, который они вели уже раз десять, пятнадцать лет тому назад.

Застой, подумала она, глядя на Оке.

Перед ним уже стоял новый бокал пива, и последние пятнадцать минут он был поглощен мобильным телефоном. Каждую вторую минуту он отпивал несколько больших глотков, а каждую пятую смотрел на часы. Его телефон периодически вибрировал.

– Кому ты пишешь?

– Ну... тут есть один новый художественный проект. Новый контакт.

Жанетт заинтересовалась. Неужели дело наконец сдвинулось с мертвой точки?

– Что? Расскажи.

– Подожди... – Он отпил еще глоток пива. – Я только отправлю сообщение.

Снова молчание. Она заметила, что Оке бледнеет на глазах. Он отложил телефон на стол, прикрыл рот рукой и рыгнул. Глаза у него блестели.

– У тебя нет самарина?^[50]

– Изжога?

– Ну, после чили требуется что-нибудь основное. – Он попробовал улыбнуться, но у него не получилось.

– К сожалению, нет, – сказала Жанетт. – Но можно спросить у персонала. В крайнем случае тебе, наверное, могут принести ложку соды.

Она намеревалась пошутить, но он явно этого не уловил.

– Наплевать, я пойду в туалет. Ты пока расплатись, чтобы мы смогли сразу уйти.

Он встал и скрылся в туалете. Жанетт знала, что он просидит там довольно долго, а потом предложит ехать домой на такси. Она заплатила за еду и стала ждать.

Новый художественный проект, думала она. Интересно, что за контакт у него появился?

Минут через двадцать он вернулся к столику, с покрасневшими от слез глазами и с жалким выражением лица. Взял со стула куртку, даже не

присев.

– Ты расплатилась?

– Конечно. Как ты себя чувствуешь?

Он, не отвечая, стал натягивать куртку.

– Ты вызвала такси?

– Нет, я подумала, что мы могли бы поехать на метро.

– Забудь. Мне надо домой, как можно скорее. У меня что-то с животом. “Кома чили” поставила на вечере точку.

Выйдя из ресторана, Жанетт снова спросила о художественном проекте. Оке ответил уклончиво, пробормотав, что из этого, наверное, ничего не получится.

– Ты говорил, что очень устал сегодня. – Жанетт остановила такси, и оно подъехало к тротуару. – Ты рисовал?

Он вздохнул. Казалось, его сейчас стошнит. Четыре больших бокала пива за час, подумала Жанетт. И еще эта еда. Не хватает только, чтобы его вырвало в такси.

– Нет, – в конце концов ответил он. – Я откопал кое-какие старые вещицы и собираюсь довести их до ума.

Шофер такси деликатно погудел, напоминая им, что таксометр включен.

– Ну что ж, хорошо... – Жанетт помнила случаи, когда Оке собирался довести старые картины до ума. Это всегда кончалось тем, что он решал, будто они стали хуже, или просто уничтожал их.

– Гамла Эншеде. Сколько вы возьмете? – спросил Оке, открывая дверцу машины.

– Я работаю по таксометру, – ответил шофер. – Выйдет две-три сотни.

Жанетт села на переднее сиденье. Она понимала, что вечер выльется ей в кругленькую сумму. “И чего ради?” – подумала она, когда Оке плюхнулся на заднее сиденье.

– Вы ведь знаете дорогу? Когда будем подъезжать, я покажу, куда дальше, – обратилась она к шоферу.

Он посмотрел на нее, наморщив лоб:

– Мне кажется, мы где-то встречались.

Жанетт обладала хорошей памятью на лица и через несколько секунд сообразила, откуда его знает. Лицо принадлежало ее однокласснику. Глаза почти не изменились, рот в целом сохранил очертания, но губы уже не такие пухлые. Казалось, будто перед ней лицо ребенка, спрятанное под многочисленными слоями жира и обвислой кожи, и она не смогла сдержать смеха.

– Господи... Магнус? Это ты?

Он рассмеялся в ответ и провел рукой по почти лысой голове, словно желая скрыть следы возраста. Жанетт помнила, что у него были длинные вьющиеся волосы, причем рыжевато-каштановые. Теперь же то немногое, что от них осталось, было в лучшем случае мышиного цвета.

– Неттан?

Она кивнула. Давненько ее никто так не называл.

– Ради старой дружбы возьму сто пятьдесят, – сказал он, выключая таксометр. Потом улыбнулся ей и выехал на улицу.

Ради старой дружбы, подумала она. Он считался у них в классе главным хулиганом и однажды побил ее. На уроке физкультуры, в седьмом классе. Он был из тех, кого вообще-то следовало избегать, а Жанетт не стала.

Посмотрев на него, она поняла, что он думает о том же самом.

– Ну... – заговорил он, когда они вывернули на Кольцевую дорогу, – что ты поделываешь?

– Работаю в полиции.

– Вот черт, может, лучше снова включить эту штуку? – засмеялся он, постучав по таксометру.

– Не волнуйся.

Они остановились перед светофором. Магнус протянул руку назад и поздоровался с Оке, которому, казалось, стало уже совсем плохо.

– Вы женаты? – Вопрос был адресован им обоим, но Оке отвернулся и скрючился на заднем сиденье.

– Да, – ответила Жанетт. Зажегся зеленый, и машина двинулась дальше. – А ты?

– Холостяк. Вожу такси... – Он повернул на мост. – Должен сказать, меня не удивляет, что ты стала полицейским.

– Это почему же?

– Это совершенно естественно. – Он посмотрел на нее многозначительно. – Ты уже тогда была полицейским нашего класса. С собственным мнением по любому поводу. Оглядываясь сейчас назад, я считаю, что ты была довольно крутой.

Крутой? Жанетт даже не могла сосчитать, сколько раз плакала в детстве. Школа, в которую они ходили, приютила многих любителей поиздеваться, он был одним из них, и хоть сама она разбиралась с ними довольно успешно, мысль о том, что пришлось пережить некоторым другим, причиняла боль.

– Я хочу сказать, – продолжил он, – кое-кто из нас ведь поступал

довольно гадко. Помнишь того парня с очками? И молчаливую девчонку?

– Конечно. Фредрик и Анн-Кристин.

Она помнила их более чем хорошо.

– Именно. Мы делали им всякие пакости, а ты нам чертовски мешала. Все время нас доставала... Еще б ты не стала полицейским! Твой папаша ведь тоже служил в полиции? – Он снова рассмеялся.

– Ты едешь слишком быстро, – заметила Жанетт с непроницаемым видом.

Он сбавил скорость, и улыбка сошла с его лица.

– Извините. Я немного отвлекся.

Жанетт подумала обо всех тех эпизодах, когда ей приходилось вмешиваться. Тогда они только потешались над ней, говорили гадости.

Теперь же он сразу подчинился.

Остаток вечера Оке провел, бегая между постелью и туалетом. Около полуночи он, похоже, уснул. Жанетт сидела в кресле, в гостиной, и смотрела плохой фильм про американских полицейских, охотившихся за террористами. Ей стало очень скучно, и она открыла бутылку вина.

Как предсказуемо, думала она, отчасти имея в виду фильм, а отчасти их с Оке отношения.

Неужели она тоже предсказуема? Вероятно.

Палак панир.

Главный коп класса уже в средней школе.

ПРОШЛОЕ

Она – единственная девчонка в компании, устроившейся летом на эту работу. Пятнадцать подстрекающих друг друга парней, а лаборатория совсем небольшая, особенно когда все время идет дождь и у них нет возможности сидеть на улице. Они обычно дуются в карты на то, кто отправится с Девочкой-вороной в другую комнату.

В середине августа в Упсалу на неделю приехал передвижной луна-парк. Большая зеленая равнина позади старой казармы заполнена каруселями, аттракционами и торговыми палатками.

Ей предстоит показать все это Мартину, пока его родители будут ужинать в центре города.

Мартин – само обаяние, и она замечает, что он особенно рад тому, что остался с ней вдвоем. После проведенных вместе нескольких летних каникул она стала его лучшим другом, и, если надо поговорить о чем-то важном, он всегда приходит к ней. Если ему грустно или хочется сделать что-нибудь интересное, но запрещенное.

Весной она так скучала по нему, что по несколько раз в неделю ездила на автобусе к ним на виллу, в пригородный район, чтобы навестить его.

Ей не хватало их совместных летних игр, их тайн. При родителях получалось совсем не то, поскольку они все время норовили вмешиваться и командовать, не обладая то ли знаниями, то ли достаточной сообразительностью, чтобы понять, чего на самом деле хочется и не хватает Мартину.

Она предполагает, что это последнее лето, которое они проведут вместе, поскольку папе Мартина предложили новую, хорошо оплачиваемую работу в Сконе, на юге страны. Семья должна переехать туда в начале сентября, и мама Мартина говорила, что они уже якобы подыскивали аккуратную и ответственную няню.

Виктория пообещала его родителям встретиться с ними в восемь часов возле колеса обозрения, где Мартин сможет закончить вечер прекрасным видом на Упсальскую равнину. Оттуда наверняка можно даже разглядеть их дом.

Мартин весь вечер с большим энтузиазмом ждал катания в вышине. В каком бы месте луна-парка они ни находились, отовсюду было видно колесо обозрения с гондолами, летящими над землей на высоте почти тридцать метров.

Сама она никакой радости по поводу предстоящего катания не испытывала, поскольку оно должно было не только стать завершением вечера, но, возможно, вообще поставить точку на их общении.

Больше ничего уже не будет.

Ей не хотелось, чтобы при этом присутствовали взрослые. Поэтому она предложила проехаться на колесе прямо сейчас, чтобы потом, когда придут папа с мамой, прокатиться еще раз. Тогда он сможет показывать им разные места еще до того, как они успеют обнаружить их сами.

Мартину идея очень понравилась, и прежде чем пойти и встать в очередь, они купили по бутылочке лимонада. Когда они оказываются прямо под колесом и смотрят вверх, у них начинает кружиться голова. Ужасно высоко! Она кладет руку ему на плечо и спрашивает, не страшно ли ему.

– Чуть-чуть, – отвечает он, но она видит, что он лукавит.

Она взъерошивает ему волосы и смотрит прямо в глаза.

– Не бойся, Мартин, – говорит она как можно убедительнее. – Ведь я с тобой, а значит, ничего страшного случиться не может.

Когда они занимают места в одной из гондол, он улыбается ей, судорожно сжимая ее руку. По мере того как рассаживаются новые пассажиры, а они постепенно поднимаются выше и выше, Мартин все крепче держит ее под руку. Когда гондола наклоняется и, пока внизу заполняется последняя кабинка, они ненадолго повисают почти на самом верху, он говорит, что больше не хочет кататься.

– Я хочу спуститься вниз.

– Но, Мартин, – возражает она, – раз уж мы забрались так высоко, мы можем увидеть всю дорогу до твоего дома, тебе ведь интересно на нее посмотреть? – Она показывает ему окружающий ландшафт, указывая пальцем на разные места, как в свое время указывала в лесу. – Посмотри туда, – говорит она, – вон купальные мостки, а там фабрика.

Но Мартин отказывается смотреть.

– Ну пожалуйста... давай поедem обратно вниз, – просит он с отчаянием в голосе.

Она не понимает. Ему ведь понравилась ее идея, и он совсем замучил ее этим колесом. А теперь вдруг не хочет.

У нее возникает желание взять и как следует встряхнуть его, но, увидев выступившие слезы, она сдерживается.

Когда колесо вновь приходит в движение, он смотрит на нее и вытирает слезы рукавом футболки. На третьем обороте его страх, похоже, как ветром сдуло, и у него просыпается любопытство к открывающимся перед ними видам.

– Ты лучше всех на свете, – шепчет она ему на ухо, и они со смехом обнимаются.

С колеса обозрения они видят много знакомых мест. Видят игровую площадку и холмы, где часто катались зимой на санках. Правда, дом Мартина им рассмотреть не удастся, поскольку его заслоняет лес. Позади зданий казармы виднеются река Фюрисон, мост Кунгсэнгсбрун и очистные сооружения.

Вдоль реки за деревьями мелькают плавучие домики. Возле одного из мостков купаются ребяташки, и их смех долетает даже до гондолы.

– Я тоже хочу купаться, – заявляет Мартин.

До встречи с его родителями остается почти сорок пять минут, а до речки совсем недалеко. Однако уже похолодало, и у них нет купальных

принадлежностей. К тому же она знает, как там неприятно пахнет, если ветер дует не с той стороны, принося с собой с расположенных поодаль очистных сооружений сладковатый, удушающий запах грязи и испражнений.

Но он уперся. Хочет только купаться. И поскольку этот вечер для них особый, она уступает, не слишком сильно протестуя.

Ее снова охватывает ощущение, что вечер не получается таким идеальным, как ей хотелось.

Когда катание на колесе обозрения заканчивается, он сразу же рвется на речку.

Они выбирают из толпы на территории луна-парка, огибают здания казармы и устремляются по тропинке, ведущей по напоминающему ущелье спуску к Фюрисон.

Мостки, возле которых совсем недавно купались дети, пусты, только на одном из столбов осталась забытая купальная простыня. На черной речной воде покачиваются темные, пустые плавучие домики.

Она решительно выходит на мостки, наклоняется и щупает воду.

Позже ей так и не удастся понять, как она могла потерять его.

Он просто вдруг взял и пропал.

Она зовет его. Отчаянно ищет в кустах и прибрежном тростнике. Падает и ранится до крови об острый камень. Но Мартина нигде нет.

Она выбегает обратно на мостки, но видит, что вода совершенно спокойная. Ничего.

Ни единого движения.

Такое ощущение, будто она находится в мутном пузыре, отсекающем все внешние звуки и впечатления.

Поняв, что ей его не найти, она бежит на подкашивающихся ногах обратно к луна-парку и бесцельно блуждает среди торгующих пивом палаток и каруселей, пока наконец не оседает посреди одной из оживленных дорожек.

Ноги идущих мимо людей и удушающий запах попкорна. Мигающие разноцветные огни.

Она чувствует, что кто-то причинил Мартину вред. И тут прорываются слезы.

Когда ее находят родители Мартина, общаться с ней невозможно. Она безутешно рыдает и уже успела описаться.

– Мартин пропал, – повторяет она.

Она слышит, как где-то на заднем плане папа Мартина вызывает санитаров, и чувствует, как ее закутывают в плед. Кто-то берет ее за плечи и

укладывает в устойчивое безопасное положение.

Поначалу они не слишком волнуются за Мартина, поскольку территория невелика и здесь достаточно народу, способного позаботиться об одиноком ребенке.

Однако после получасовых поисков беспокойство начинает закрадываться. На территории парка Мартина нет, и еще через полчаса папа звонит в полицию. Начинают более систематично обыскивать прилегающую к парку местность.

Но в тот вечер Мартина не находят. Только на следующий день, начав обследовать дно реки, обнаруживают его тело.

Судя по травмам, он утонул, возможно, ударившись головой о камень. Примечательно, однако, что тело, по всей видимости, вечером или ночью получило сильные повреждения. Эксперты пришли к заключению, что их нанес винт моторной лодки.

Викторию на несколько дней кладут в Академическую больницу для наблюдения. В первые сутки она не произносит ни слова, и врачи определяют, что она находится в глубоком шоке.

Только на второй день ее разрешают допросить, и с ней случается истерика, продолжающаяся не менее двадцати минут.

Ведущему допрос полицейскому она объясняет, что Мартин исчез после катания на колесе обозрения и что, не сумев его отыскать, она впала в панику.

На третьи сутки пребывания в больнице Виктория просыпается посреди ночи. Она чувствует, что за ней наблюдают и что в комнате воняет. Когда глаза привыкают к темноте, она видит, что вокруг никого нет, но не может отделаться от ощущения, будто на нее кто-то смотрит. И еще этот удушающий запах, точно от испражнений.

Она осторожно выбирается из постели и выходит в коридор. Там горит свет, но тихо.

Виктория озирается в поисках источника своего беспокойства. И видит его – мигающую красную лампочку. Осознание жестокости ударяет ей под дых.

– Выключите! – кричит она. – Черт возьми, вы не имеете права меня снимать!

Слышатся быстро приближающиеся со всех сторон шаги. Она так и думала. Они сидели и караулили ее, проследили и задокументировали каждое ее движение, тщательно записали каждое сказанное ею слово.

Возможно, за всю жизнь.

Как она могла быть такой дурой, что не заподозрила этого раньше?

Одновременно возникают трое ночных дежурных.

– В чем дело? – спрашивает один, а двое других хватают ее за руки.

– Идите к черту! – кричит она. – Отпустите меня и прекратите свои записи! Я ничего не сделала!

Санитары не отпускают, а когда она оказывает сопротивление, только крепче обхватывают ее.

– Ну-ну, угомонись! – пытается успокоить один.

Ей слышно, как они разговаривают у нее за спиной и о чем-то сговариваются. Заговор столь очевиден, что это просто смешно.

– Кончайте разговаривать своими чертовыми кодами и прекратите шептаться! – ожесточенно требует она. – Объясните, что происходит. И не пытайтесь, я ничего не сделала, это не я размазала какашки по окну.

– Да, мы знаем, что не ты, – говорит один.

Они пытаются ее успокоить. Лгут ей прямо в лицо, а ей некого позвать, никто ей не поможет. Она в их власти.

– Прекратите! – кричит она, увидев, что один из них готовит шприц. – Отпустите мои руки!

Затем она погружается в глубокий сон. Отдых.

Утром к ней приходит психиатр. Он спрашивает, как она себя чувствует.

– Что вы имеете в виду? – удивляется она. – Со мной все в порядке.

Психиатр объясняет Виктории, что чувство вины за смерть Мартина спровоцировало у нее галлюцинации. Психоз, паранойю, посттравматический стресс.

Виктория молча и спокойно выслушивает его, но внутри у нее поднимается немое и решительное сопротивление, точно надвигающаяся буря.

Кухня

была обставлена как примитивная лаборатория для вскрытия. На полках в кладовке вместо обычных консервных банок и продуктов питания теперь стояли бутылочки с глицерином, ацетатом калия и множеством других химикалий.

На стерильном столе возле мойки лежали различные обыкновенные инструменты: топор, пила, плоскогубцы, кусачки и большие клещи.

На полотенце лежали инструменты поменьше: скальпель, пинцет, иголки и нитки, а также продолговатый инструмент с крючком на одном конце.

Закончив работу, она завернула тело в чистую белую простыню. Банку с отрезанными гениталиями она поставила в кухонный шкаф вместе с другими сосудами.

Немного припудрила ему лицо, аккуратно подвела карандашом глаза и покрасила губы светлой помадой.

В завершение она сбрила весь имеющийся на теле легкий пушок, поскольку обнаружила, что под воздействием формалина тело немного сжимается, а кожа разбухает. А теперь волоски втянутся вовнутрь, и кожа будет более гладкой.

Когда все было закончено, мальчик выглядел почти как живой.

Будто он спит.

Данвикстуль – Данвикская таможня ^[51]

Третьего мальчика обнаружили возле площадки для игры в петанк, неподалеку от Данвикской таможни, и, по мнению знатоков, он являл собой хороший пример удачного бальзамирования.

Жанетт Чильберг пребывала в отвратительном настроении. Не только потому, что они проиграли матч против команды “Грёндаль”, но и поскольку она, вместо того чтобы поехать домой и принять душ, направлялась осматривать еще одно место убийства.

Прибыла она туда потной и по-прежнему в спортивном костюме. Поздоровалась со Шварцем и Олундом, а затем направилась к курившему возле заграждения Хуртигу.

– Как прошел матч? – поинтересовался Олунд.

– Продули, два – три. Неправильный штрафной, автогол и порванная крестообразная связка у нашего вратаря.

– Ну-ну. Я всегда говорю, что девушкам не надо играть в футбол, – с ухмылкой вставил Шварц. – У вас вечно возникают проблемы с коленками. Вы просто-напросто не созданы для этого.

Жанетт разозлилась, но у нее не было сил снова ввязываться в спор. Как только речь заходила о ее игре в футбол, коллеги неизменно отпускали тот же комментарий. Правда, ей казалось странным, что у такого молодого парня, как Шварц, такие замшелые, устаревшие взгляды.

– Это я уже знаю. А как дела тут? Уже известно, кто он?

– Пока нет, – ответил Хуртиг. – Но меня беспокоит, что это уж больно напоминает наши предыдущие случаи. Парень забальзамирован и выглядит совершенно живым, только чуть бледноватым. Кто-то положил его на плед, так что создавалось впечатление, будто он лежит и загорает.

Олунд указал на рощу рядом с площадкой для петанка.

– Что-нибудь еще?

– По мнению Андрича, тело теоретически могло пролежать здесь пару дней, – сообщил Хуртиг. – Самому мне это представляется невероятным. Ведь он все-таки лежит на открытом месте. Лично мне показалось бы довольно странным, если бы я увидел, что кто-то лежит на пледе среди ночи.

– Возможно, прошлой ночью тут никто не проходил.

– Да, конечно, но все-таки...

Жанетт Чильберг сделала все, что от нее ожидалось, и затем

попросила Иво Андрича позвонить, как только он подготовит отчет. Ей хотелось обсудить с ним все детали устно, поэтому она разрешила ему звонить в любое время суток.

Олунд и Шварц получили приказ остаться и дожидаться первого отчета криминалистов.

Через два часа после прибытия на место преступления Жанетт снова села в машину, чтобы ехать домой, и только тут почувствовала боль в мышцах после футбола.

Миновав транспортную развязку в Сикле, она позвонила Деннису Биллингу.

– Здравствуйте, это Жанетт. Вы заняты?

– Направляюсь домой, – ответил начальник запыхавшимся голосом. – Какую картину ты там обнаружила?

Она свернула к мосту, ведущему в Хаммарбюхёйден.

– Ну, еще один мертвый мальчик. Как продвигается дело с Лундстрёмом и фон Квистом?

– Фон Квист, к сожалению, против того, чтобы выпускать Лундстрёма для допроса. В данный момент я ничего поделать не могу.

– Мда, но почему он так чертовски сопротивляется? Он что, играет с Лундстрёмом в гольф?

– Осторожно, Жанетт. Мы оба знаем, что фон Квист талантливый...

– Ерунда!

– Во всяком случае, дело обстоит именно так. Я должен заканчивать. Поговорим завтра.

Деннис Биллинг положил трубку.

Когда она свернула направо, на Эншедевеген, и остановилась перед светофором после круглой развязки, у нее зазвонил телефон.

– Жанетт Чильберг.

– Да... здравствуйте, меня зовут Ульрика. Вы меня искали.

Голос звучал робко. Жанетт поняла, что это Ульрика Вендин.

– Ульрика? Как хорошо, что ты позвонила.

– А-а, что вас интересует?

– Карл Лундстрём.

В трубке замолчали.

– О'кей, – произнесла девушка немного погодя. – Зачем?

– Мне бы хотелось поговорить о том, как он с тобой обошелся, и я надеюсь, что ты сможешь мне помочь.

– Черт... – вздохнула Ульрика. – Не знаю, в силах ли я снова к этому возвращаться.

– Я понимаю, что тебе трудно. Но это ради благого дела. Ты можешь помочь другим, рассказав все, что знаешь. Если его посадят за то, в чем его сейчас обвиняют, ты сможешь добиться справедливости.

– В чем его обвиняют?

– Если у тебя завтра есть возможность встретиться со мной, я тебе все расскажу. Не возражаешь, если я подъеду к тебе домой?

В трубке опять замолчали, и Жанетт несколько секунд слушала тяжелое дыхание девушки.

– Ну хорошо... Когда вы приедете?

Патологоанатомическое отделение

Было уже за полночь, когда тело доставили в помещение для вскрытия, и Иво Андрич решил, что ему потребуется помощь. Уже по тому, что он отметил на месте преступления, он понял, что это дело рук специалиста.

По случайному совпадению оказалось, что один из ночных уборщиков – украинец, учившийся на врача в Харьковском университете. Едва увидев труп, уборщик сразу сказал, что это напоминает Ленина. Иво Андрич попросил его развить свою мысль, и уборщик припомнил, как читал о том, что бальзамирование Ленина в двадцатых годах было поручено некоему профессору Воробьеву.

Иво Андрич прошел в отведенный ему кабинет, подключил ноутбук к сети и нашел требуемую информацию.

Через неделю после смерти Ленина на его теле появились признаки разложения. Кожа стала желтеть и темнеть, возникли пятна и грибковые образования. Попытаться сохранить тело действительно поручили Воробьеву, профессору кафедры анатомии Харьковского университета.

Иво Андрич с восхищением читал, как они действовали. Сперва удалили внутренние органы, промыли тело уксусной кислотой и затем шприцами ввели в мягкие ткани раствор формальдегида. После нескольких дней интенсивной работы Ленина положили в стеклянную ванну и залили тело смесью воды с различными химикалиями, в частности с глицерином и ацетатом калия.

Иво Андрич вернулся в операционную и почти сразу понял, что бальзамировавший мальчика человек вполне мог воспользоваться записями Воробьева. Предположив, что бальзамирование осуществлял специалист, он, пожалуй, поторопился.

Теперь достаточно иметь доступ к интернету.

А поскольку речь, скорее всего, шла о том же преступнике, что и в предыдущих случаях, и данное лицо имело в своем распоряжении множество обезболивающих препаратов, ему, вероятно, не составило труда раздобыть и химикалии для бальзамирования.

Мальчику было от двенадцати до пятнадцати лет. Повреждения оказались идентичны обнаруженным у двух других мальчиков: сотни синяков, следы от уколов иглой и раны на спине. Как и ожидал Иво, у этого мальчика тоже отсутствовали гениталии. Их отсекли таким же острым ножом и с той же тщательностью.

Иво Андрич решил сделать гипсовый слепок зубов мальчика, которые, к его удивлению, оказались нетронутыми, и отправить для идентификации к судебным одонтологам.

Было уже полтретьего, и он сомневался, стоит ли звонить Жанетт Чильберг, чтобы рассказать о своих выводах. Но ведь она настоятельно просила. Кто-то уже совершил три убийства и, вероятно, этим не удовлетворится.

Набирая ее номер, он чувствовал, что его знобит.

Гамла Эншеде

После разговора с Иво Андричем Жанетт Чильберг никак не могла снова заснуть. Храп Оке ситуацию не облегчал, но с ним она справляться научилась. Она потолкала мужа, и тот, бормоча, перевернулся на бок.

В половине пятого Жанетт почувствовала, что больше не в силах вертеться с боку на бок, тихо прошла на кухню и включила кофеварку.

Пока кофеварка пыхтела, Жанетт спустилась в подвал и загрузила стиральную машину. Сделав несколько бутербродов и взяв чашку кофе, она вышла в сад.

Перед тем как усесться, она прошла по гравиевой дорожке к почтовому ящику и забрала газету.

Главной новостью, естественно, был мальчик возле Данвикской таможни, и у Жанетт возникло ощущение, будто ее преследуют.

На другой стороне улицы, возле почтового ящика соседей, стояла брошенная детская коляска.

Сквозь кусты Жанетт слепило утреннее солнце, и, защищаясь от него, она приставила ко лбу руку, чтобы посмотреть, что там происходит.

Какое-то шевеление у кустов. На улицу выскочил молодой человек, на ходу застегивая брюки, и она поняла, что парень только что мочился в ее живую изгородь.

Он подошел к коляске, взял газету и сунул в почтовый ящик соседей. Затем направился к следующему дому.

Детская коляска, подумала она, и ей в голову пришла идея.

Квартал Крунуберг

Придя на работу Жанетт Чильберг первым делом позвонила в службу доставки газет.

– Здравствуйте, меня зовут Жанетт Чильберг, я звоню из стокгольмской полиции. Мне нужны от вас сведения о том, кто работал в районе Педагогического института утром девятого мая.

Телефонистка явно занервничала.

– Да... это, пожалуй, можно устроить. А в связи с чем?

– С убийством.

Ожидая, пока ей перезвонят из службы доставки, Жанетт вызвала к себе Хуртига.

– Ты знаешь, что некоторые разносчики газет вместо велосипеда с тележкой используют детские коляски? – спросила она, когда Хуртиг пришел и уселся напротив нее.

– Нет, не знал. Что ты хочешь этим сказать? – Он смотрел на нее с удивлением.

– Помнишь, на Турильдсплан обнаружили следы детской коляски?

– Да, конечно.

– А кто перемещается по улицам рано утром?

– Разносчики газет... – с улыбкой кивнул Хуртиг.

– Скоро позвонит телефон. Если хочешь, можешь взять трубку.

Не успели они просидеть молча и минуты, как телефон зазвонил, и Жанетт включила громкую связь.

– Йенс Хуртиг, стокгольмская полиция.

Девушка из службы доставки газет представилась.

– Я только что разговаривала с женщиной-полицейским, которая хотела узнать, кто работал в западной части Кунгсхольмена девятого мая?

– Да, верно.

Жанетт видела, что Хуртиг уже уловил ее мысль.

– Его зовут Мартин Телии, но он у нас больше не работает.

– У вас есть телефон, по которому мы могли бы с ним связаться?

– Да, есть номер мобильного телефона.

Хуртиг записал телефон и спросил телефонистку, нет ли у нее еще какой-нибудь информации о разносчике газет.

– Да, есть его личные данные. Они вам нужны?

– Да, спасибо.

Хуртиг записал персональный идентификационный номер Мартина Телина и закончил разговор.

– Ну и что ты думаешь? – спросила Жанетт. – Подозреваемый?

– Либо так, либо свидетель. Ведь перевезти труп в детской коляске вполне реально?

– Или же Мартин Телии обнаружил труп на Турильдсплан, когда разносил газеты. И позвонил 112.

Она позвонила Олунду и, снабдив его номером телефона, попросила разыскать Телина.

– Теперь надо действовать быстро, – продолжила она потом. – Скажи, кто тебе кажется важнее?

– Карл Лундстрём, – не колеблясь, ответил Хуртиг.

– Вот как, почему же?

Ситуация, похоже, забавляла Хуртига.

– Педофил. Знает, как покупают детей из третьего мира. Считает кастрацию полезной. Имеет через жену-дантиста доступ к обезболивающим препаратам.

– Согласна. Значит, бросаем все силы на него. Я получила утром материалы предварительного следствия по делу Ульрики Вендин, поэтому предлагаю ознакомиться с ними, прежде чем ехать к ней.

Хаммарбюхёйден

Дверь им открыла маленькая, худенькая девушка, которой на вид было никак не больше восемнадцати лет.

– Здравствуй, я Жанетт Чильберг, а это мой коллега Иене Хуртиг.

Девушка отвела взгляд, кивнула и провела их в маленькую кухню.

– Хотите кофе? – спросила она, садясь за кухонный стол. Жанетт отметила, что девушка нервничает.

– Нет, спасибо. Это очень любезно с твоей стороны, но мы ненадолго.

Жанетт села напротив девушки, а Хуртиг остался стоять в дверях.

– На дверях значится другое имя, – сказала Жанетт.

– Да, я снимаю квартиру через третьи или четвертые руки.

– Да, я знаю, каково это. Стокгольм безнадежен. Найти нормальное жилье совершенно невозможно, если ты, конечно, не миллионер, – улыбнулась Жанетт.

Девушка, похоже, перестала бояться и даже позволила себе криво усмехнуться в ответ.

– Ульрика, я перейду прямо к делу, чтобы избавить тебя от нашего присутствия как можно скорее.

Ульрика Вендин кивнула, нервно теребя пальцами скатерть.

Жанетт кратко рассказала, в чем обвиняется Карл Лундстрём, и девушка, казалось, немного расслабилась, поняв, что доказательства против педофила настолько веские, что ему, скорее всего, вынесут обвинительный приговор.

– Семь лет назад ты выдвигала против него обвинение в изнасиловании. Твое дело можно рассмотреть заново, и думаю, у тебя хорошие шансы выиграть.

– Выиграть? – Ульрика Вендин пожала плечами. – Я не хочу снова начинать это...

– Ты можешь рассказать, что произошло?

Девушка молчала, уставившись в скатерть, а Жанетт тем временем изучала ее лицо.

Она видела на нем только страх и растерянность.

– Не знаю, с чего начать...

– Начни сначала, – предложила Жанетт.

– Мы... – попыталась Ульрика. – Мы с подругой ответили на объявление в сети... – Она замолчала и бросила взгляд на Хуртига.

Жанетт сообразила, что его присутствие смущает Ульрику, и жестом дала коллеге понять, что ему лучше покинуть комнату.

– Поначалу мы просто развлекались, – продолжила девушка, когда Хуртиг удалился в прихожую. – Но вскоре мы поняли, что можем подзаработать. Человек, вывесивший объявление, хотел переспать с двумя девушками сразу. Нам пообещали пять тысяч...

Жанетт заметила, как ей трудно рассказывать.

– Ладно. Что произошло потом?

– Я была в то время довольно бесшабашной... – Ульрика Вендин по-прежнему не отрывала глаз от стола. – Мы напились и назначили ему встречу, он заехал за нами на машине.

– Карл Лунд стрём?

– Да.

– О'кей. Продолжай.

– Мы поехали в какой-то ресторан. Он предложил нам выпить, и моя подруга сбежала. Он сперва рассердился, но я пообещала поехать с ним за полцены...

Жанетт видела, что девушке стыдно.

– Я не знаю, почему так вышло... – Голос стал тоньше. – У меня все поплыло перед глазами, и он отвел меня обратно в машину. Потом полный провал в памяти. В следующий раз я очнулась уже в гостиничном номере.

Жанетт поняла, что девушку накачали наркотиками.

– И ты не знаешь, в какой гостинице?

Тут Ульрика Вендин впервые посмотрела ей в глаза:

– Нет.

Поначалу девушка робела и перескакивала с одного на другое, а теперь заговорила более откровенно и по-деловому. Она рассказала, что ее принуждали к сексу с тремя мужчинами, а Карл Лундстрём стоял рядом и снимал на камеру. Под конец он сам тоже изнасиловал ее.

– Откуда ты знаешь, что это был Карл Лундстрём?

– Я не знала, кто он, пока случайно не увидела его фотографию в газете.

– И тогда ты заявила на него?

– Да.

– И ты смогла указать на него во время процедуры опознания?

– Да, – ответила Ульрика Вендин с усталым видом. – Но у него имелось алиби.

– А ошибиться ты не могла?

В глазах девушки сверкнуло презрение.

– Да вы с ума сошли! Это был он.

Ульрика Вендин вздохнула и с отсутствующим видом уставилась в стол.

– Я тебе верю, – кивнула Жанетт.

Когда Жанетт с Хуртигом, покинув квартиру, шли по парковке, Хуртиг впервые со времени их приезда открыл рот.

– Ну, что ты думаешь? – спросил он.

Жанетт открыла пультom машину и распахнула дверцу.

– Что фон Квисту придется снова открыть ее дело. Любое другое решение было бы служебным преступлением.

– А применительно к нашему делу?

– Пожалуй, немного сомнительно.

Они уселись, и Жанетт выехала с парковки.

– Сомнительно? – засмеялся Хуртиг.

– Черт, Йенс, прошло семь лет. – Она покачала головой. – Девчонку напоили и накачали наркотиками. Да и общего с тем, что мы сейчас расследуем, не слишком много.

Как раз когда она притормозила перед перекрестком, у нее зазвонил мобильный телефон. “Кого, черт возьми, принесло?” – подумала она.

Это оказался Олунд.

– Вы где? – спросил он.

– В Хаммарбюхёйдене, направляемся в город, – ответила Жанетт.

– Тогда поворачивайте обратно. Разносчик газет Мартин Телии живет в Черрторпе.

Бывший разносчик газет Мартин Телин открыл им дверь в черных тренировочных штанах и расстегнутой рубашке. Он, похоже, пребывал в состоянии похмелья: небритый, волосы дыбом, а его дыхание вполне могло сразить слона.

– В чем, собственно, дело? – спросил Мартин Телин, откашливаясь, и Жанетт, опасаясь, что его сейчас стошнит, отступила на шаг назад.

– Можно нам войти? – Хуртиг, предъявив полицейское удостоверение, указал вглубь квартиры.

– Да, конечно, но у меня немного неприбрано. – Мартин Телин пожал плечами и впустил их.

Жанетт поразило, что он ведет себя так, будто их присутствие его совершенно не волнует, но она предположила, что он понимал: рано или поздно они его все равно найдут.

В квартире воняло пролитым пивом и старыми помоями, и Жанетт

старалась дышать только ртом. Телин провел их в гостиную, уселся в кресло и жестом показал, что они могут сесть на диван.

– Можно я открою окно? – Жанетт огляделась и, когда мучающийся тяжелым похмельем мужчина утвердительно кивнул, подошла к окну и распахнула его, а потом села рядом с Хуртигом.

– Расскажите, что произошло на Турильдсплан, – попросила Жанетт, доставая блокнот. – Да, нам известно, что вы там были.

– Не торопитесь, – уточнил Хуртиг. – Нам бы хотелось, чтобы вы рассказывали как можно подробнее.

Мартин Телии раскачивался взад и вперед, и Жанетт поняла, что он копается в своей пропитой, фрагментарной памяти.

– Значит, так, в то утро я был не совсем трезв, – начал он, потянулся к пачке сигарет и вытряхнул оттуда одну штуку. – Накануне я пил весь вечер и даже несколько позже...

– Но на работу вы тем не менее вышли? – спросила Жанетт, делая пометы в блокноте.

– Точно. А когда все закончил, остановился возле метро, чтобы отлить, и тут увидел пластиковый мешок.

Несмотря на нетрезвое состояние, рассказывал он подробно, без провалов в памяти. Он зашел в кусты, слева от спуска в метро, пописал, а затем обнаружил черный мешок для мусора. А когда открыл, оторопел от увиденного.

В полном смятении он попятился обратно на дорожку, схватил коляску, в которой перевозил газеты, и быстро рванул через парк в сторону улицы Роламбсвэген.

От небоскреба “Дагенс нюхетер” он позвонил в 112.

Вот и все.

Больше он ничего не видел.

– Вообще-то, мы можем забрать вас, поскольку вы не связались с нами, – сказал Хуртиг, пристально разглядывая мужчину. – Но если вы приедете в отделение и сдадите на анализ слюну, мы посмотрим на это сквозь пальцы.

– Это еще зачем?

– Ну, чтобы исключить вашу ДНК с места преступления, – пояснила Жанетт. – Ведь на пластиковом мешке присутствует ваша моча.

Пластикат

скрипел, когда другой мальчик переворачивался во сне. Спал он долго. Гао насчитал почти двенадцать часов, поскольку усвоил, что доносящиеся издалека слабые удары колокола звучат один раз в час.

Тут колокол как раз снова пробил, и Гао заинтересовало, принадлежит ли он церкви.

Думал он, сам того не желая, словами.

Мария, подумал он. Петр, Яков, Магдалина.

Гао Лянь. Из города Ухань.

Он услышал, что второй мальчик проснулся.

темнота

усиливала звуки, доносившиеся от второго мальчика. Плач, скрежет – когда тот дергал за цепь, – стоны и жалобные незнакомые слова.

У Гао цепей не было. Он мог делать со вторым мальчиком все что угодно. А вдруг, если он с ним что-нибудь сделает, она вернется? Гао тосковал по ней и не понимал, почему она не приходит.

Он заметил, что второй мальчик все время шарит вокруг, будто что-то ищет. А иногда еще выкрикивает на странном языке какое-то слово вроде “что, что, что?”.

Ему хотелось, чтобы мальчик исчез. Он его ненавидел, и его присутствие в комнате вызывало у Гао чувство одиночества.

Наконец она пришла.

Он так долго пробыл в темноте, что от ворвавшегося в комнату света заболели глаза. Второй мальчик принялся кричать, плакать и пинать все вокруг. Увидев Гао на свету, он успокоился и уставился на него с ненавистью. Может, мальчик просто завидовал тому, что Гао обходится без цепей?

Светлая женщина вошла в комнату и направилась прямо к Гао с миской в руках. Она поставила дымящийся суп на пол, поцеловала Гао в лоб и провела рукой по его волосам. Он тут же вспомнил, как ему нравятся ее прикосновения.

Вскоре она вернулась с еще одной миской и дала ее другому мальчику. Тот начал жадно есть, а Гао выжидал, пока она закроет дверь и в комнате вновь станет темно. Ему не хотелось, чтобы женщина видела, насколько он голоден.

Уже через час она опять вошла в комнату с сумкой через плечо и каким-то черным предметом, напоминавшим большого жука, в руке.

потолок

осветился яркими молниями, когда второй мальчик умер. Гао больше не чувствовал себя одиноким, он мог свободно передвигаться по комнате, не прячась от второго мальчика. Женщина теперь приходила к нему чаще, и это тоже было хорошо.

Не нравилось ему только одно.

У него начали болеть ноги. Ногти сильно отросли, загнулись вниз и внутрь, и ему стало трудно ходить, не причиняя себе боли.

Однажды ночью, когда он спал, она вошла к нему так, что он не заметил. А когда проснулся, то не смог вынуть рук из-за спины и обнаружил, что ноги у него связаны. Женщина сидела на нем верхом, и ему была видна тень от ее спины.

Он сразу понял, что она собирается делать. Прежде такое с ним проделывал только один человек – в детском доме под Уханем, где он вырос. Там за ним несколько раз гонялся по коридорам старик со шрамом. Он всегда попадался, и тогда старик доставал нож. Он так крепко держал Гао за ноги, что тот начинал плакать, а старик, достав нож из маленького деревянного футляра, принимался хохотать, обнажая беззубый рот.

Ведь он ее очень любит, как же она может так поступать с ним – это нехорошо.

Потом она ослабила веревки и принесла ему поесть и попить. Он отказался прикоснуться к еде, и когда она, устав гладить его по лбу, ушла из комнаты, он долго лежал с открытыми глазами, думая о том, что она совершила.

В тот момент он ненавидел ее и не хотел больше оставаться у нее. Почему она причинила ему боль, когда он так ясно показывал ей, что не хочет этого? Прежде она никогда так не поступала, и ему это не понравилось.

Но чуть позже, когда она опять пришла к нему и он заметил, что она плакала, он почувствовал, что ноги больше не болят и не кровоточат, как всегда кровоточили, когда их резал старик.

Тут он впервые заговорил с ней.

– Гао, – сказал он. – Гао Лянь...

Гамла Эншеде

Солнце уже несколько часов как взошло и успело высушить утреннюю росу на газоне.

Жанетт Чильберг посмотрела в окно кухни и поняла, что день будет жарким. Безветрие и тепловые волны на черепичных крышах по другую сторону дороги.

Разносчик газет с детской коляской проследовал мимо около семи часов.

Мартин Телин, подумала она. Как и в случае с Джимми Фюрюгордом, алиби Телина трудно поставить под сомнение. В то время когда Фюрюгорд выполнял секретное задание в Судане, разносчик газет находился на лечении – шесть месяцев в Хельсингланде^[53]. Хуртиг дважды проверил даты, когда его ненадолго отпускали из лечебницы. Мартин Телин явно не замешан.

Часы показывали половину восьмого, и Жанетт завтракала на кухне в полном одиночестве.

Юхан все еще валялся в постели, а где находится Оке, она не знала. Накануне он провел вечер в ресторане с каким-то приятелем. Ночевать домой не явился и не ответил, когда она звонила ему полчаса назад.

“Как, черт возьми, он может шляться по ресторанам, когда у нас нет денег?” – думала она.

Из полученных от отца пяти тысяч две она дала Оке. Кореша угощают, сказал он, уходя. Конечно. Она прекрасно знала, как он ведет себя после нескольких рюмок. Аттракцион невиданной щедрости: угощаю всех! Щедрый кореш Оке. Их деньги. Нет, ее деньги, которые она заняла у отца и которых должно хватить на Юхана тоже.

Они с Оке почти не виделись несколько дней, и ей вспомнился неудавшийся вечер с посещением кинотеатра и ресторана.

Какими они стали разными.

Перемена произошла не за один день, а подкрадывалась медленно, и назвать точную дату невозможно. Пять лет назад, два года назад, полгода назад? Теперь и не скажешь.

Она знала лишь, что ей не хватает их прежнего общения. Несмотря на разные взгляды по целому ряду вопросов, они разговаривали, спорили, проявляли любопытство, удивляли друг друга. Постепенно диалог превратился в два молчаливых монолога. Главными темами разговоров

стали работа и материальное положение, но даже тут им не удавалось вести диалог, хоть это, казалось бы, просто.

Общение сошло на нет.

Она чувствовала себя сварливой, он раздражался и отвечал полным безразличием.

Жанетт допила кофе и убрала со стола. Потом пошла в ванную, почистила зубы и встала под душ.

Общение, думала она. Где же оно у нее есть?

С девчонками из футбольной команды – безусловно. Не всегда, но достаточно часто для того, чтобы она скучала по ним, если перерывы между матчами и тренировками оказывались слишком долгими.

С ними она могла общаться. И не только вербально, но и физически. Игра, взаимодействие на поле, когда, чтобы понять друг друга, достаточно взгляда или жеста. Инстинктивное общение благодаря коллективным, физическим движениям.

Когда это срабатывало, получалось потрясающе. Все выходило так легко. Вербальность отпадала сама собой.

Десять-пятнадцать разных индивидуальностей, с разными взглядами, предпочтениями и исходными данными образуют единство. Естественно, не обходится без разногласий, но можно открыто разговаривать друг с другом почти обо всем. Смеяться, шутить или ссориться – не имеет значения.

Два игрока, хорошо взаимодействующие на поле, могли стать друзьями, невзирая на то, что они совершенно разные по характеру.

Тем не менее за пределами стадиона она ни с кем из них не общается. Они знакомы уже несколько лет, встречаются на праздниках, иногда ходят в рестораны или просто выпить пива. Но домой она никогда никого из них не приглашала.

Она знала, с чем это связано. У нее просто не хватало энергии. Энергия требовалась ей для работы, и она понимала, что пока занимается тем, чем занимается, это суровая необходимость.

Жанетт вылезла из-под душа, вытерлась и начала одеваться. Взглянув на часы, она сообразила, что рискует опоздать.

Она вышла из ванной, приоткрыла дверь в комнату Юхана и увидела, что тот по-прежнему крепко спит. Потом зашла на кухню и написала ему коротенькую записку: “Доброе утро. Буду поздно. Ужин в морозилке. Только разогреть. Хорошего тебе дня. Целую. Мама”.

На солнце было около тридцати градусов, и она предпочла бы сейчас лежать где-нибудь на пляже вместе с Юханом. Но ясно, что об отпуске речь

пойдет еще очень не скоро.

Однако окажется, что отнюдь не так не скоро, как ей думалось.

Квартал Крунуберг

Полчаса спустя Жанетт уже сидела на работе и проводила краткое, безотрадное совещание с Хуртигом, Шварцем и Олундом.

Чуть позже она узнала, что ей разрешают продолжать расследование лишь потому, что было бы некрасиво закрыть дело так быстро.

Говоря открытым текстом, эти три мальчика никого не волновали. Между строк ясно читалось, что в настоящий момент единственной целью ее работы является сбор информации, которая сможет пригодиться в случае, если вдруг обнаружится мертвый мальчик, о пропаже которого кто-нибудь заявит.

Истерзанный, мертвый шведский мальчик, имеющий родственников, которые смогут обратиться в прессу и обвинить полицию в недостаточной активности.

Жанетт не думала, что это станет актуальным, поскольку была убеждена в том, что преступник выбирает жертвы целенаправленно.

Жестокость и методы настолько совпадали, что речь явно шла об одном и том же преступнике. Хотя полной уверенности у нее не было. Иногда к делу примешиваются случайности, затемняющие общую картину.

Она отбросила обычные убийства, когда ревнивый муж душит жену или когда убийством заканчивается пьяная драка и тому подобное. Они интереса не представляют. Обычные мужчины, которые сгоряча лишают кого-то жизни, в психологический портрет преступника не вписывались. Здесь речь шла о пытках и изощренно растянутом истязании, причем преступник обладал доступом к обезболивающим препаратам и навыками их использования. Жертвами являются мальчики, которым к тому же удаляют гениталии. Если и существуют нормальные убийства, то это – нечто противоположное.

В дверь робко постучали, и вошел Хуртиг. Он с расстроенным видом уселся на стул для посетителей.

– Ну? Что будем делать? – спросил он.

– Честно говоря, не знаю, – ответила она, чувствуя, что его апатия передается и ей.

– Сколько нам дали времени? Полагаю, наше дело едва ли считается приоритетным.

– Несколько недель, точный срок не указан, но если мы вскоре ничего не найдем, нам придется отложить это в сторону.

– Ладно. Я предлагаю еще раз связаться с Интерполом, а потом снова проверить лагеря для беженцев. Если это ничего не даст, надо опять съездить к Вентральному мосту. Я отказываюсь верить, что дети могут исчезать просто так, без того, чтобы кто-нибудь их хватился.

– Согласна, но ведь у нас, по сути дела, ситуация прямо противоположная, – сказала Жанетт, глядя Хуртигу в глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, эти дети ведь скорее появились, а не исчезли.

В половине третьего позвонил Оке. Поначалу она не понимала, что он говорит, так сильно он был возбужден, но когда ему удалось немного успокоиться, она сумела уяснить, что, собственно, произошло.

– Понимаешь? У меня будет выставка. Она уже продала три моих картины, да и галерея просто классная.

“Кто она?” – подумала Жанетт.

– Самый центр, Эстермальм!^[54] Черт, прямо не верится, что это правда.

– Оке, угомонись. Почему ты мне ничего не рассказывал?

Правда, за ужином после кино он намекал, что у него что-то наклевывается, но в то же время она думала о том, как он почти двадцать лет сидел дома, как она содержала и всячески поддерживала его самого и его искусство. А теперь он отнес картины в галерею, ни слова ей не сказав.

В трубке слышалось его дыхание, но он молчал.

– Оке?

Еще через несколько секунд он очнулся.

– Ну... не знаю. Просто поддался импульсу. Прочел статью в журнале “Перспективы искусства” и решил сходить туда, поговорить с ней. Все вроде бы оказалось именно так, как она писала в статье. Поначалу я боялся, но, пожалуй, все время понимал, что действую правильно. Просто-напросто пришло время.

Значит, вот почему он не вернулся домой вчера вечером, подумала Жанетт.

Он объяснил, что женщина, представляющая одну из крупнейших художественных галерей Стокгольма, пришла в полный восторг от его работ. Благодаря ее контактам он еще до открытия выставки продал несколько картин почти за сорок пять тысяч.

Хозяйка галереи рассчитывает, что сумма увеличится как минимум в четыре раза, и уже пообещала ему еще одну выставку, в своем копенгагенском филиале.

– Почти в “Луизиане”^[55], – засмеялся Оке. – Хотя это всего лишь маленькая галерея в центре города.

У Жанетт потеплело на душе, но, радуясь тому, что у него дело наконец сдвинулось с мертвой точки, она нутром чувствовала: что-то не так.

Разве его искусство принадлежит только ему? Сколько ночей они просидели, обсуждая его картины. Кончалось это чаще всего тем, что он плакал оттого, что у него ничего не получается, и ей приходилось утешать его и уговаривать продолжать идти проторенным путем. Она верила в него.

Она знала, что он талантлив, хоть и не была авторитетом в данной области.

– Оке, ты меня все время удивляешь. Но это просто из ряда вон.

Жанетт не смогла сдержать смеха, хотя на самом деле ей хотелось спросить его, почему он предпринял этот шаг втайне, без нее. Они ведь так долго об этом говорили.

– Наверное, я боялся, что у меня ничего не выйдет, – сказал он под конец. – Ты же всегда поддерживала меня. Черт, ты ведь платила за меня, чтобы я мог продолжать. Как меценат. Я очень ценю все, что ты для меня сделала.

Жанетт не знала, что и сказать. Меценат? Значит, вот как он ее рассматривает? Как личный банкомат?

– И знаешь что? Знаешь, кто будет выставляться в Копенгагене одновременно со мной? В том же месте! Д-и-з-е-л-ь-Ф-р-а-н-к, – громко смеясь, произнес он по буквам. – Адам Дизель-Франк! Ну, я должен заканчивать. Встречаюсь с Александрой, чтобы обсудить некоторые детали. Увидимся вечером!

Значит, ее зовут Александра.

Они положили трубки. Жанетт так и осталась молча сидеть за письменным столом. В течение двадцати лет он ничего не предпринимал для того, чтобы продать хоть что-то. А сейчас вдруг продает все сразу. Господи, ведь он неоднократно отказывался, когда она находила ему контакты. К ним должен был приехать галерист из Гётеборга. Оке отменил приглашение, потому что “был не в силах”. В другой раз он “плохо себя чувствовал”, в третий – это не имело смысла, поскольку он такой “никудашный”.

Гамла Эншеде

Когда Жанетт свернула к дому, ей пришлось резко затормозить, чтобы не въехать в припаркованную возле гаража чужую машину. Регистрационный номер красной спортивной машины указывал, кто ее владелец. “Ковальска” – так называлась галерея, в которую обратился Оке, и Жанетт вычислила, что владельцем машины, должно быть, является Александра Ковальска.

Она открыла дверь и вошла в дом.

– Ау!

Никто не отозвался, и она поднялась на второй этаж. Услышав голоса и смех, доносившиеся из ателье Оке, она постучалась.

Внутри все стихло, и Жанетт открыла дверь. На полу лежало несколько картин Оке, а за столом сидел он сам и поразительно красивая светловолосая женщина лет сорока в черном облегающем платье и с легким макияжем. Очевидно, это и есть Александра, подумала Жанетт.

– Хочешь отметить вместе с нами? – спросил Оке, указывая на стоящую на столе бутылку вина. – Только тебе придется принести еще один бокал, – добавил он, заметив, что у них нет для нее бокала.

“Черт возьми, что тут происходит?” – подумала Жанетт, глядя на выставленные на стол хлеб, сыр и оливки.

Александра засмеялась и посмотрела на нее. Смех женщины Жанетт не понравился. Показался наигранным.

– Может, мы познакомимся? – Александра многозначительно подняла брови и встала. Она оказалась высокой, чуть выше Жанетт. Она подошла к Жанетт и протянула руку.

– Алекс Ковальска, – представилась она, и Жанетт поняла по акценту, что она не из Швеции.

– Жанетт... Сейчас принесу бокал.

Александра, или Алекс, как она предпочитала чтобы ее называли, просидела у них почти до полуночи, а потом вызвала такси. Оке уснул на диване в гостиной, а Жанетт осталась в одиночестве сидеть на кухне со стаканом виски.

Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы догадаться, что Алекс Ковальска человек коварный. Речь тут, похоже, шла не только о картинах Оке. Алекс весь вечер прямо у нее на глазах беззастенчиво бросала на него долгие взгляды и отпускала ему комплименты.

Несколько раз Жанетт намекала Алекс, не выходя за рамки приличий, что той пора бы отправляться домой. Но она, улыбаясь, продолжала сидеть и просила Оке принести еще бутылку дорогого вина, которое привезла с собой.

В течение вечера Алекс пообещала Оке еще одну выставку – в Кракове. Она была оттуда родом, и у нее там имелись влиятельные знакомые. Очень многое в ее разговорах о грядущем шумном успехе Жанетт сочла откровенно провокационным. Преувеличенное восхищение искусством Оке и потрясающие перспективы – еще куда ни шло. Но комплименты! Алекс описывала Оке как уникально компанейского человека, а как художника она считала его безумно талантливым и интересным. Его глаза назывались искренними, пронизательными, мудрыми и так далее. Александра даже сказала, что у него красивые запястья, а когда Оке, улыбаясь, принялся их разглядывать, провела пальцем по венам на тыльной стороне ладони, назвав их линиями художника. Жанетт сочла большую часть сказанного Александрой за вечер откровенной патетикой, но Оке явно пребывал в восторге от такого множества комплиментов.

Эта женщина – змея, думала Жанетт, уже предчувствуя разочарование, которое испытает Оке, когда его надежды оправдаются не полностью.

Погасив на кухне свет, она пошла в гостиную, чтобы разбудить храпевшего Оке. Но привести его в чувство оказалось невозможно, и ей пришлось улечься в постель в одиночестве.

Спала Жанетт плохо, ее мучили кошмары, и, проснувшись, она чувствовала себя подавленной. Одеяло намокло от пота, и вставать совершенно не хотелось, но остаться в постели было нельзя.

Хорошо бы иметь нормальную работу, думала она. Работу, куда можно позвонить и, сославшись на нездоровье, спокойно взять выходной. Рабочее место, где тебя могут заменить, и дела, с которыми за день или два ничего не произойдет.

Она потянулась, вздрогнула и откинула одеяло в сторону. Сама не зная, как это произошло, она вдруг оказалась на ногах. Тело рефлекторно приняло решение за нее. Бери ответственность на себя, сказал оно. Выполняй свой долг и не сдавайся.

Приняв душ, она оделась и спустилась на кухню, где как раз завтракал Юхан. Ощущение недовольства жизнью отступило, и она почувствовала себя готовой к новому рабочему дню.

– Ты уже встал? Ведь только восемь часов. – Она заправила кофеварку.

– Да, мне не спалось. У нас сегодня вечером матч, – ответил он, перелистывая утреннюю газету, и, отыскав спортивный раздел, начал читать.

– Важный матч? – Жанетт достала чашку и тарелку, поставила их на стол, открыла холодильник и вынула молоко и простоквашу.

Юхан не ответил.

Жанетт принесла кофе, налила себе и, сев напротив сына, повторила вопрос.

– Матч на кубок, – пробормотал он, не отрывая глаз от газеты.

Жанетт опять ощутила бессилие от того, что ничего не знает. Не имеет представления о том, как выглядит обычный день собственного ребенка. Она припомнила, что за весь семестр даже ни разу не была у него в школе, да, только на празднике по случаю окончания учебного года.

– С кем вы встречаетесь и что за кубок?

– Перестань! – Он сложил газету и встал. – Тебя ведь это все равно не интересует.

– Юхан, ты неправ, конечно интересуется, но ты же знаешь, что я должна много работать и... – Она сбилась с мысли и задумалась. Неужели ей нечего сказать, кроме жалких оправданий? Ей стало стыдно.

– Мы встречаемся с “Юргорденом”. – Он взял свою тарелку и отнес ее в мойку. – Сегодня финал, и папа вроде собирался прийти посмотреть. – Он вышел в прихожую.

– Тогда мы победим! – крикнула она ему вслед. – “Юргорден” вам и в подметки не годится.

Он не ответил, прошел к себе в комнату и закрыл дверь.

Уже собираясь уходить, Жанетт услышала, что Оке шевелится на диване, и заглянула в гостиную. Еще не до конца проснувшийся муж сидел, потирая лицо. Волосы дыбом, глаза воспаленные.

– Я ухожу, – сказала она. – Когда приду домой, не знаю. Возможно, поздно.

– Да, да. – Он посмотрел на нее, и по его усталому взгляду Жанетт поняла, что в данный момент его совершенно не волнует, придет она домой или нет.

– Не забудь, у Юхана вечером матч. Он хочет, чтобы ты пришел.

– Посмотрим. – Он встал. – Схожу, если успею, но не уверен. Я должен встретиться с Алекс и составить каталог выставки, а это требует времени. Но тогда ведь можешь пойти ты? – Он иронически усмехнулся.

– Прекрати. Ты же знаешь, что не могу. – Она развернулась и прошла через прихожую к входной двери. Туфли и сапоги вперемешку с гравием и

большими клочками пыли.

Неполноценна, подумала она. Бесполезна и эгоцентрична.

– Я потом позвоню и узнаю результат.

Прежде чем он успел ответить, она вышла на крыльцо и закрыла за собой дверь.

Квартал Крунуберг

В сторону города транспорт, как обычно, двигался еле-еле, но после площади Гульмарсплан дело пошло лучше, и когда Жанетт парковала машину, часы показывали начало десятого. Рабочий день она решила начать с длинной прогулки вокруг острова Кунгсхольмен, чтобы вытряхнуть из головы личные размышления и освободить место для профессиональных.

Когда Жанетт вошла к себе в кабинет, за ее столом сидел Хуртиг и ждал ее.

– Начальство задерживается, – ухмыльнулся он.

– Почему ты сидишь здесь? – Она подошла и жестом изгнала его на стул для посетителей.

– Жанетт, поправь меня, если я ошибаюсь, – начал он. – Но в данный момент наши дела совсем плохи, так?

– К чему ты клонишь? – кивнув, спросила Жанетт.

– Я взял на себя смелость немного покопаться в старых делах, где встречается особо жестокое насилие...

– Ясно, и?.. – Она вдруг оживилась, поскольку знала, что Хуртиг не стал бы ее беспокоить, не будь у него веских аргументов.

– По чистой случайности я обнаружил вот это. – Он бросил на стол коричневую бумажную папку. На обложке значилось: “Бенгт Бергман. Расследование закончено”.

Открыв папку, Жанетт увидела, что там содержится около двадцати машинописных листов.

– Лучше расскажи, что тебе о нем известно, и если это покажется интересным, я потом все прочту, – сказала она, закрывая папку.

– Насчет интереса – это как посмотреть. Бенгт Бергман за прошедшие годы побывал здесь на допросах семь раз, в последний раз в прошлый понедельник.

– В прошлый понедельник? В какой связи?

– Некая Татьяна Ахатова обвинила его в изнасиловании. Она проститутка и... – Хуртиг запнулся. – Плевать на нее, меня насторожил не сам факт, а жестокость. И когда я сравнил с другими заявлениями, то обнаружил там то же самое.

– Избиение?

– Да. Девушек жестоко избивали, некоторых ремнем, и всех

насиловали анально при помощи какого-то предмета, вероятно бутылки.

– Полагаю, осужден он ни разу не был, поскольку не значится в регистре.

– Именно. Доказательства оказались слишком слабыми, а большинство жертв были проститутками. Получалось слово против слова, и если я правильно прочел, то алиби ему во всех случаях составляла жена.

– Значит, ты считаешь, что нам стоит его допросить?

Хуртиг улыбнулся, и Жанетт поняла, что главное он приберег под конец.

– Два заявления касаются полового принуждения несовершеннолетних, девочки и мальчика. Брата и сестры, родом из Эритреи. Там тоже не обошлось без избиения...

Жанетт сразу схватила папку и принялась листать материалы.

– Черт, Хуртиг, я рада, что работаю с тобой. Сейчас посмотрим... вот оно!

Она достала небольшой документ и пробежала его глазами.

– Июнь 1999 года. Девочке было двенадцать, мальчику десять. Жестокое избиение, следы ударов плетью, половое принуждение, дети иностранного происхождения. Дело закрыто по причине того... Что тут написано? Показания детей сочли недостоверными, поскольку их свидетельства не совпадали. Здесь тоже алиби предоставила жена. Привязать его к нашим делам будет трудно. Нам нужно что-то еще.

Хуртиг уже об этом подумал.

– Можно попытаться, – сказал он. – В бумагах Бергмана я нашел имя его дочери. Мы, например, могли бы позвонить ей.

– Я что-то не понимаю? Чем, ты думаешь, она сможет нам помочь?

– Как знать, а вдруг она, в отличие от жены, не выразит готовности составить отцу алиби. Конечно, это всего лишь попытка, но подобное иногда срабатывает. Что скажешь?

– Ладно, но звонить будешь ты. – Жанетт протянула ему телефон. – Ее номер у тебя есть?

– Разумеется, – ответил Хуртиг, залихватским жестом открывая блокнот и набирая номер. – Мобильный номер, адреса, к сожалению, нет.

– Значит, ты знал, что я соглашусь? – засмеялась Жанетт.

Хуртиг молча улыбнулся ей, ожидая ответа.

– Да, здравствуйте... Мне нужна Виктория Бергман. Я правильно позвонил? – У Хуртига сделался удивленный вид. – Алло? – Он наморщил лоб. – Она положила трубку.

Они посмотрели друг на друга.

– Давай немного подождем, а потом попробую я. – Жанетт встала. – Может, разговаривать с женщиной ей понравится больше. Мне все равно необходима чашка кофе.

Они вышли в коридор и направились к кофейному автомату.

В тот момент, когда Жанетт вынимала из автомата горячую пластиковую чашку, к ним подбежал Шварц, за которым по пятам следовал Олунд.

– Вы слышали? – Шварц поправил кобуру.

– Слышали что? – Жанетт покачала головой.

– Об ограблении фургона с ценным грузом на Фольккунгагатан.

Жанетт показалось, что Шварц улыбнулся.

– Биллинг хочет, чтобы мы поехали туда и немного помогли. Там явно маловато народу.

– Да-да. Раз он так сказал, лучше отправляйтесь. – Жанетт пожала плечами.

Двое коллег, кивнув, умчались по коридору.

– Пиф и Паф, – улыбнулся Хуртиг. – Честно говоря, по-моему, Шварцу больше нравится ловить грабителей, чем сидеть тут и читать старые рапорты.

– А кому нет?

Десятью минутами позже Хуртиг еще раз набрал номер и передал трубку Жанетт, которая бросила взгляд на часы. “10:22, – записала она, – звонок ДОЧЕРИ БЕНГТА БЕРГМАНА”.

После трех сигналов в трубке послышался женский голос.

– Бергман. – Голос был низким, почти мужским.

– Виктория Бергман? Дочь Бенгта Бергмана?

– Да, все верно.

– Здравствуйте, меня зовут Жанетт Чильберг, я из стокгольмской полиции.

– Вот как, и чем я могу быть вам полезна?

– Ну... Ваш телефон дал мне адвокат вашего отца, который интересуется, не согласитесь ли вы выступить в предстоящем судебном заседании в качестве свидетеля и охарактеризовать моральный облик отца.

Хуртиг кивнул и одобрительно улыбнулся ее лжи.

– Ловко, – прошептал он.

– Вот как, и поэтому вы мне звоните, – немного помолчав, ответила женщина.

– Я понимаю, если вам это кажется неприятным, но мне сказали, что вы можете рассказать вещи, которые будут свидетельствовать в его пользу.

Вам ведь известно, в чем он обвиняется?

– Ты с ума сошла! – покачал головой Хуртиг.

Жанетт отмахнулась от него и услышала, как женщина вздохнула.

– Нет, сожалею, но я уже более десяти лет ни с ним, ни с матерью не общаюсь, и, откровенно говоря, меня удивляет, что он думает, будто я вообще захочу иметь с ним дело.

Ответ женщины заставил Жанетт задуматься, не прав ли был Хуртиг.

– Надо же, это не вполне соответствует тому, что я слышала, – продолжила она лгать.

– Да, ничего не поделаешь. Зато, если это вас интересует, я могу с полной уверенностью утверждать, что он виновен. Особенно если речь идет о том, что болтается у него между ног. То, что там висит, он навязывал мне с тех пор, как мне было три или четыре года.

Прямота в ответе женщины лишила Жанетт дара речи, и ей пришлось откашляться.

– Если то, что вы говорите, правда, то меня интересует, почему вы на него никогда не заявляли.

“Черт возьми, это еще что такое?” – подумала она, а Хуртиг с торжествующей улыбкой поднял вверх большой палец.

– Я сохраняю это при себе. Вы не имеете никакого права звонить сюда и спрашивать о нем. Он для меня умер.

– Да, понимаю. Я вас больше не побеспокою. Раздался щелчок, и Жанетт положила трубку.

Что это такое?

Чего бы она ни ожидала, звоня дочери Бенгта Бергмана, она оказалась совершенно не готова к тому, что услышала.

Хуртиг сидел молча и ждал, пока она что-нибудь скажет.

– Мы вызовем его, – в конце концов проговорила она.

– Иес! – Хуртиг встал. – Хочешь допросить его сама? Или предоставишь мне?

– Я возьму его на себя, но если хочешь, можешь присутствовать.

Когда Хуртиг закрыл за собой дверь, зазвонил телефон, и Жанетт увидела, что это ее начальник.

– Где тебя, черт возьми, носит? – возмущенно спросил Биллинг.

– Я у себя в кабинете, а что?

– Мы ждем тебя уже почти пятнадцать минут. Ты что, проморгала, что у нас сейчас совещание руководителей групп?

Жанетт хлопнула себя по лбу.

– Нет, отнюдь. Сейчас буду.

Положив трубку, она бросилась со всех ног по коридору и по пути в конференц-зал поняла, что день будет долгим.

Гамла Эншеде

На следующий день, когда Жанетт за завтраком открыла газету и увидела фотографию, ей во второй раз за короткое время стало стыдно.

На спортивной странице утренней газеты была фотография команды Юхана.

Команда “Хаммарбю” победила в финале “Юргорден” со счетом 4:1, и два гола забил Юхан.

Жанетт устыдилась, как нашкодившая собачонка, из-за того, что накануне вечером забыла позвонить и узнать, как прошел матч, хоть сын и говорил, что это финал и все такое.

Из-за обстоятельности Биллинга совещание руководителей групп очень затянулось, а потом остаток дня ушел на поиски Бенгта Бергмана и расспросы заявившей на него проститутки. Девушка отвечала очень кратко, лишь повторяя сказанное при подаче заявления. Здание полиции Жанетт покинула только в восемь часов вечера. Она уснула перед телевизором еще до возвращения домой Оке и Юхана, а когда проснулась после полуночи, они уже легли спать.

Сейчас расспрашивать уже поздно. Промах совершен, и исправить его невозможно.

Жанетт сознавала, что уделяет мертвым мальчикам больше внимания, чем собственному живому сыну, но не могла ничего с этим поделать. Пусть он сегодня недоволен и справедливо считает, что она пренебрегает им, хочется надеяться, что в один прекрасный день он поймет, осознает, что ему жилось довольно-таки хорошо. Крыша над головой, еда на столе и родители, которые, несмотря на собственную занятость, любят его больше всего на свете.

А что, если он, став взрослым, не будет воспринимать это так, а запомнит лишь то, что казалось ему плохим?

Она услышала, что Юхан вышел из своей комнаты и направился в ванную, а по лестнице спускается Оке. Жанетт встала и принесла на стол еще две тарелки и две кружки.

– Доброе утро, – сказал Оке, вынул из холодильника сок и выпил несколько глотков прямо из пакета. – Ты с ним уже разговаривала?

Он выдвинул стул, сел и посмотрел в окно. Солнце сияло, на небе ни облачка. Над газоном пронеслось несколько ласточек, и Жанетт решила предложить позавтракать всем вместе в саду.

– Нет, он только что проснулся и принимает душ.

– Он очень разочарован в нас.

– В нас? – Жанетт попыталась перехватить взгляд мужа, но тот продолжал неотрывно смотреть в окно. – Я думала, он разозлился только на меня.

– Нет. – Оке обернулся.

– Что же ты сделал такого, что он на тебя злится?

Оке поставил кружку с кофе, хлопнув ею о стол, отодвинул стул и резко вскочил.

– Злится? – Он наклонился над столом. – Так ты что, думаешь, Юхан на нас злится?

От его внезапного выпада Жанетт оторопела.

– Но...

– Он не злится и не возмущается. Он огорчен и разочарован. Считает, что мы плюем на него, да еще все время ругаемся.

– Разве ты не был вчера на матче?

– Нет, я не успел.

– Что значит “не успел”?

Жанетт сознавала, что собирается возложить вину за собственные промахи на Оке. Вместе с тем она считала, что следить за нормальной жизнью дома – его обязанность. Она работает на износ, а когда этого оказывается недостаточно, звонить родителям и просить у них деньги опять-таки приходится ей. От него требуется лишь убирать грязную посуду, иногда стирать и следить за тем, чтобы Юхан готовил уроки.

– Да, я не успел! Только и всего.

Жанетт видела, что он не на шутку разошелся.

– У меня тоже есть жизнь за пределами этих стен, – продолжил он, разведя над столом руками. – Черт, я больше не могу здесь дышать. Мне кажется, я задыхаюсь.

Жанетт почувствовала, что тоже начинает выходить из себя.

– Так сделай что-нибудь! – крикнула она. – Найди себе настоящую работу, вместо того чтобы слоняться по дому без дела.

– Из-за чего вы ругаетесь? – донесся из дверей голос Юхана. Он был уже одет, но волосы еще не высохли. Жанетт видела, что он расстроен.

– Мы не ругаемся. – Оке встал и пошел к кофеварке. – Мы с мамой просто разговариваем.

– Что-то непохоже. – Юхан развернулся, собираясь уйти обратно к себе в комнату.

– Юхан, пойдی сюда, сядь. – Жанетт тяжело вздохнула и покосилась на

наручные часы.

– Мы с папой очень огорчены, что пропустили вчерашний матч. Я вижу, что вы выиграли. Поздравляю. – Жанетт подняла газету, указывая на фотографию.

– Эх, – вздохнул Юхан, усаживаясь за стол.

– Ты же знаешь, – попыталась объяснить Жанетт, – мы с папой оба сейчас очень заняты, на работе и... – Она принялась намазывать бутерброд, тщетно пытаясь подыскать слова. Они обманули его ожидания, и какие тут могут быть оправдания?

Она положила бутерброд перед Юханом, но тот посмотрел на него с отвращением.

– Но все остальные родители там были, а у них ведь тоже есть работа.

Жанетт посмотрела на Оке в поисках поддержки, но он по-прежнему стоял уставившись в окно.

Безоглядная любовь, подумала она. Ее носителем должна была быть она, а она, сама того не заметив, переложила эту задачу на плечи сына.

– Но ты же знаешь, – умоляюще глядя на Юхана, проговорила она, – мама ловит преступников, чтобы ты, твои приятели и их родители могли по ночам спать спокойно.

Юхан посмотрел на нее в упор, и в его глазах сверкнула злоба, какой Жанетт никогда прежде не видела.

– Ты говоришь мне это с тех пор, как мне было пять лет! – крикнул он, вставая из-за стола. – Я уже больше не какой-нибудь проклятый сосунок!

Дверь в комнату Юхана с шумом захлопнулась.

Жанетт осталась сидеть с чашкой кофе в руках.

Чашка была теплой.

Кроме нее, в этот миг больше ничего теплого не существовало.

– Как же мы дошли до такого?

Оке обернулся и задумчиво посмотрел на нее.

– Не могу припомнить, чтобы было иначе, – произнес он. – Пойду загружу стиральную машину.

Он развернулся и вышел.

Жанетт закрыла лицо руками. Слезы жгли под веками. Она чувствовала, как почва уходит из-под ног. Все, что она принимала как данность, пошатнулось в своей основе. Кто она без них такая?

Она взяла себя в руки, вышла в прихожую, перекинула куртку через руку и ушла, не попрощавшись. Она им тут не нужна.

Жанетт села в машину и отправилась туда, где по-прежнему оставалась ее жизнь.

Квартал Крунуберг

В ожидании, пока фон Квист окажется доступен, Жанетт читала все, что ей попадалось, об обезболивающих препаратах вообще и о ксилокаине в частности.

В половине одиннадцатого ей наконец удалось дозвониться до прокурора.

– Почему ты так упорствуешь? – начал он. – Насколько мне известно, ты не имеешь к этому делу никакого отношения. Им занимается Миккельсен. Или я ошибаюсь?

Жанетт рассердил его начальственный тон.

– Да, это так, но есть кое-какие моменты, в которые мне хотелось бы внести ясность. Меня интересует кое-что из сказанного им на допросах.

– Вот как, и что же именно?

– Прежде всего его утверждение, будто он знает, как можно купить ребенка. Ребенка, которого никто не станет разыскивать и которого за плату можно устранить. Потом я хотела бы выяснить у него еще пару вещей.

– И что конкретно?

– Убитых мальчиков кастрировали, и их тела содержат болеутоляющий препарат, используемый дантистами. Карл Лундстрём имеет довольно радикальные взгляды по поводу кастрации, и вам наверняка известно, что его жена зубной врач. Короче говоря, он представляет интерес для моего расследования.

– Извини, конечно... – Фон Квист откашлялся. – Но, на мой взгляд, это звучит очень туманно. Ничего конкретного. Кроме того, тебе неизвестно одно обстоятельство. – Он умолк.

– Вот как, и чего же я не знаю?

– Что он во время допросов находился под воздействием сильных препаратов.

– Да, но это ведь не оправдывает...

– Милочка, – перебил ее прокурор, – ты же не знаешь, о каких препаратах идет речь.

От его снисходительного тона Жанетт буквально закипела от ярости, но поняла, что необходимо сдержаться.

– Да, верно. О каких же препаратах идет речь?

– Тебе что-нибудь говорит название “ксанор”? Жанетт задумалась:

– Нет, пожалуй, я не могу...

– Я это понял. Иначе ты не стала бы принимать высказывания Лундстрёма всерьез.

– Что вы имеете в виду?

– Ксанор – это препарат, который заставил Томаса Квика^[56] признаться почти во всех когда-либо совершенных и нераскрытых убийствах. Если бы его спросили, он, вероятно, взял бы на себя также убийства Улофа Пальме и Джона Кеннеди. Или даже геноцид в Руанде. – Фон Квист захихикал над собственной шуткой.

– Значит, вы полагаете, что...

– Что тебе нет смысла продолжать в этом копать, – перебил он. – Вернее, я запрещаю тебе продолжать копать.

– У вас есть на это право?

– Безусловно, и я уже поговорил с Биллингом. Жанетт трясло от злости. Если бы не надменный тон прокурора, она, возможно, смирилась бы с его решением, но теперь его тон лишь укрепил ее решимость действовать вопреки. Пусть Лундстрём был накачан какими угодно препаратами, сказанное им слишком интересно, чтобы это отбрасывать.

Она не сдастся.

Мыльный дворец

Мрачный грозовой дождь барабанил по медной крыше “Мюнхенской пивоварни”^[57], и яркие молнии периодически освещали залив Риддарфьерден.

Во время обеда София Цеттерлунд решила, что лучший способ очистить мысли – прогулка по кварталам вокруг площади Мариаторгет. Кроме того, у нее начинала болеть голова.

Воздух был теплым, и после утреннего ливня над залитой солнцем площадью поднимался пар.

Слева от бронзовой статуи рыбакащего бога Тора несколько пожилых мужчин собрались сыграть партию в петанк, а на газоне кое-где лежали люди на пледах. Выхлопные газы от машин с улицы Хурнсгатан смешивались с пылью гравиевых дорожек, отчего дышать было трудно.

Она свернула за угол и поднялась к церкви Мариачюркан.

Двадцать минут спустя она вернулась к себе в приемную.

Головная боль усилилась, и София пошла в туалет, сполоснула лицо и приняла две таблетки тройчатки, надеясь, что этого хватит, чтобы вновь обрести силы.

Она отперла сейф под письменным столом, достала документы о Карле Лундстрёме и принялась их перечитывать, чтобы освежить память.

Из ее заключения следовало, что во время бесед в целом не проявилось ничего такого, что могло бы обусловить необходимость принудительного психиатрического лечения. Свою позицию она мотивировала тем, что высказывания Карла Лундстрёма основываются на идеологических убеждениях, и поэтому рекомендовала для него тюремное заключение.

Однако к ней едва ли прислушаются.

Все указывало на то, что суд первой инстанции постановит поместить Карла Лундстрёма в лечебницу. Считалось, что, поскольку во время допросов и обследования в Худдинге он находился под воздействием ксанора, ее заключение не может быть положено в основу судебного решения.

Иными словами, ее беседу с ним признали недействительной.

Суд видел в нем только жалкого, растерянного человека, а София пришла к выводу, что сказанное Карлом Лундстрёмом не было выдуманно под воздействием препаратов.

Позиция Лундстрёма заключалась в том, что истина известна только ему. Он был убежден в праве сильного – и, соответственно, в собственной привилегии – совершать насильственные действия в отношении более слабого индивида. Он высоко почитал свои качества, гордился ими.

Она помнила, что он говорил.

Его высказывания представляли собой единую долгую защитительную речь.

“Я не считаю, что поступал неправильно, – говорил он. – Всему виной современное общество. Мораль осквернена. Влечение существовало испокон веков. В словах Господа не содержится запретов против инцеста. У всех мужчин присутствует то же желание, что у меня, извечное желание, связанное с их полом. Об этом говорили еще пентаметром. Я создан Богом и действую по его поручению”.

Морально-философские и квазирелигиозные отговорки.

Она могла лишь констатировать, что убежденность Карла Лундстрёма в собственном величии делает его очень опасным человеком.

Человек, считающий себя высокоинтеллектуальным.

Демонстрирует сильный дефицит эмпатии.

Способность Карла Лундстрёма к манипулированию, скорее всего, приведет к тому, что после некоторого времени пребывания в одном из лечебных заведений ему предоставят краткосрочный отпуск, а каждая проведенная им на воле секунда будет означать опасность для других людей.

Она решила позвонить комиссару криминальной полиции Жанетт Чильберг.

В сложившейся ситуации она чувствовала, что ее долг – наплевать на юридические нормы.

Жанетт Чильберг явно, мягко говоря, удивилась, когда София представилась и попросила записать ее на прием, чтобы она смогла рассказать, что ей известно о Карле Лундстрёме.

– Почему вы изменили свое решение?

– Я не знаю, имеет ли это отношение к вашему делу, но думаю, что Лундстрём может быть замешан в чем-то крупном. Миккельсен проверил историю Лундстрёма об Андерсе Викстрёме и видеофильмах?

– Насколько я понимаю, они как раз этим занимаются. Но Миккельсен полагает, что Андерс Викстрём является плодом фантазии Лундстрёма и что они ничего не найдут. Я знаю, что вы его обследовали. Он, похоже, совершенно ненормальный.

– Да, но не настолько, чтобы избежать ответственности за свои деяния.

– Да? Но ведь существуют некая градация болезненного состояния?

– Да, градация наказаний.

– И это означает, что человек с пагубными взглядами может понести за них наказание? – вставила Жанетт.

– Именно. Правда, наказание должно соответствовать преступнику, и в данном случае я рекомендовала тюремное заключение. Я убеждена, что психиатрическое лечение Лундстрёму не поможет.

– Согласна, – поддержала Жанетт. – А что вы скажете насчет того, что он находился под воздействием препаратов?

– Судя по тому, что я прочла, – улыбнулась София, – дозы были недостаточно велики, чтобы иметь решающее значение. Речь идет об очень небольших дозах ксанора.

– Того же препарата, что получал Томас Квик.

– Да-да. Но Квику его давали в совершенно других количествах.

– Значит, вы считаете, что я могу не обращать на это внимания?

– Именно. Я считаю, что стоит допросить Лундстрёма по поводу убитых мальчиков. Дуновение из одной открытой двери ведь может приоткрыть другую.

Жанетт засмеялась.

– Дуновение из открытой двери?

– Да, если его утверждения относительно покупки ребенка содержат хоть крупицу правды, не исключено, что вам удастся добиться от него большего.

– Понимаю. Спасибо, что позвонили.

– Не за что. Когда с вами можно встретиться?

– Я позвоню вам завтра утром, и мы вместе пообедаем. Подходит?

– Договорились.

Они положили трубки, и София посмотрела в окно. На улице светило солнце.

Монумент

Вечером пошел дождь, и все вдруг стало казаться каким-то грязным. София Цеттерлунд собрала вещи и вышла с работы.

Если погода не оправдала ее ожиданий, то с ужином получилось не лучше. София приложила максимум усилий, поскольку это был их последний ужин перед продолжительной разлукой. Микаэля попросили поработать в главном офисе в Германии, и он уезжал месяца на два. Но после вялой беседы он уснул на диване, едва доев десерт, с которым София возилась почти полтора часа, – морковную запеканку со свежим сыром и изюмом. Стоя возле раковины и отмывая бокалы под аккомпанемент доносящегося из гостиной храпа, София чувствовала себя скверно.

На работе не клеилось. Она сердилась на всех, кто имел отношение к обследованию Лундстрёма, – на социальных кураторов, психологов и судебных психиатров. Сердилась на собственных пациентов. От Каролины Гланц она, правда, на некоторое время освободилась, та отменила последние встречи, и благодаря вечерним газетам София знала, что она теперь зарабатывает, снимаясь в эротических фильмах.

Виктория Бергман тоже больше не приходила, к сожалению. Дни заполнялись инструктажем разных начальников по проблемам руководства подчиненными и чтением лекций. В большинстве случаев все шло автоматически, не требовало почти никакой подготовки и в конечном итоге так ей наскучило, что она уже взвешивала, стоит ли игра свеч.

Она решила наплевать на оставшуюся посуду, взяла чашку кофе, пошла в кабинет и включила компьютер. Достала из сумочки маленький магнитофон и положила на стол.

Виктория Бергман боролась с маленькой девочкой – судя по всему, с самой собой в детстве.

Может, решающим был какой-то отдельный момент?

Виктория постоянно возвращалась к какому-то событию в первый год обучения в гимназии, но о чем именно шла речь, София не знала, поскольку, рассказывая, Виктория неслась вперед со страшной скоростью.

Возможно, дело в чем-то большем, чем отдельный случай. В продолжавшейся длительное время беззащитности, скажем, все детство и юность.

В ощущении, что ты пария, слабая?

София склонялась к мысли, что Виктория действительно ненавидит

слабость.

Она долистала блокнот до чистой страницы и решила, слушая записи бесед, впредь держать его перед собой.

Взглянув на футляр кассеты, она увидела, что беседа происходила чуть меньше месяца назад.

Сухой голос Виктории:

...а потом однажды оказаться со связанными за спиной руками, предоставляя рукам других полную свободу делать все, что им заблагорассудится, хоть у меня и не было никакого желания. Плакать не хотелось., поскольку они не плакали, иначе это выглядело бы очень неловко, особенно коль скоро они проделывали такой длинный путь, чтобы спать со мной, а не с женами. Тем явно очень нравилось уклоняться от расплаты за возможность сидеть дома и целыми днями заниматься ерундой, вместо того чтобы вкалывать, зарабатывая раны на руках и ногах...

София потянулась к чашке с кофе и услышала, что Микаэль проснулся и прибирает в гостиной.

Она чувствовала себя растерянной, усталой и всем недовольной.

Лопотание телевизора.

Физическая усталость, как от тренировки.

И этот немилосердно монотонный голос.

Стук дождя в окно. Микаэль.

Может, перестать слушать?

...мужикам ведь нравилось уходить утром и возвращаться домой к еде, всегда полезной, питательной и сытной, хоть она и отдавала половыми органами, а не специями...

София услышала, как Виктория заплакала, и удивилась тому, что не помнит этого момента.

Когда никто не видел, можно было поплевать в кастрюлю, добавив туда кое-чего, что следовало бы спустить в туалет. А потом я осталась жить у бабушки с дедушкой. Это было здорово, поскольку я тем самым избавилась от ссор с отцом, и без него стало легче засыпать без вина или таблеток, которые всегда удавалось стащить, если хотелось приятного ощущения в голове. Лишь бы заглушить голос, пристававший снова и снова и спрашивавший, решусь ли я сегодня...

В половине первого София проснулась перед компьютером с неприятными ощущениями во всем теле.

Она закрыла документ и направилась на кухню, чтобы взять стакан воды, но передумала, прошла в прихожую и вынула из кармана пальто пачку сигарет.

Покуривая под кухонной вытяжкой, она размышляла над рассказами Виктории.

Все вроде бы складывалось, и хотя поначалу казалось бессвязным, какие-либо пробелы отсутствовали. Одно долгое событие. Час, растянувшийся на целую жизнь, точно резиновая лента.

“Насколько же ее можно растянуть, чтобы она не порвалась?” – думала София, опуская дымящуюся сигарету в пепельницу.

Она вернулась в кабинет и посмотрела свои записи. Там значилось: БАНЯ, ПТЕНЦЫ, ТРЯПИЧНАЯ СОБАЧКА, БАБУШКА, ЩЕЛЬ, СКОТЧ, РОДОС, КОПЕНГАГЕН. Слова были написаны ее почерком, хоть и более неровным и неряшливым, чем обычно.

Интересно, подумала София и, прихватив магнитофончик с собой, вернулась на кухню. Там она пододвинула к плите стул.

Прокручивая пленку назад, она взяла из пепельницы сигарету. Потом остановила пленку на середине и нажала на пуск. Первым делом раздался ее собственный голос:

“Куда вы ездили, когда уехали так далеко?”

Ей живо вспомнилось, как Виктория поменяла позу и поправила поднявшуюся на бедрах юбку.

“Ну, мне тогда было не так уж много лет, но думаю, мы ездили в Доротею и Вильгельмину^[58], в Южную Лапландию. А может быть, еще дальше. Мне впервые разрешили сесть на переднее сиденье, и я чувствовала себя взрослой. Он рассказывал массу разных вещей, а потом допрашивал меня, чтобы проверить, все ли я запомнила. Однажды он положил на руль справочник и гонял меня по столицам мира. В справочнике столицей Филиппин значился город Кесон-Сити, но я принялась утверждать, что столицей там является Манила. Он рассердился, и мы заключили пари на новые слаломные ботинки. Когда оказалось, что я права, он на блошином рынке купил мне ношенные кожаные ботинки, которыми я никогда не пользовалась”.

“Сколько времени вы отсутствовали? И ездила ли с вами мама?”

Слушая сейчас их беседу, София подумала, что слишком форсировала. Она прикурила от окурка новую сигарету и загасила его в пепельнице.

Услышала, как Виктория засмеялась.

“Не-ет, что ты, она никогда с нами не ездила”.

Они с минуту помолчали, а потом София услышала, как вновь возвращается к тому, что Виктория говорила что-то о голосе.

“Что это за голос? Ты слышишь какие-то голоса?”

София рассердилась на себя за повторы.

“Да, в детстве такое случалось, – ответила Виктория. – Но поначалу это больше походило на интенсивный звук, который постепенно увеличивал громкость и менял тональность. Будто нарастающее хмыканье”.

“Ты по-прежнему это слышишь?”

“Нет, это было давно. Но когда мне исполнилось шестнадцать или семнадцать, монотонный звук перешел в настоящий голос”.

“И что этот голос говорил?”

“В основном интересовался, отважусь ли я сегодня. Решишься? Решишься? Может, решишься сегодня? Да, временами он здорово утомлял”.

“Что, по-твоему, голос имел в виду, спрашивая, отважится ли ты?”

“Покончить с собой, только и всего! Черт, если б ты только знала, как я с этим голосом боролась. А когда я это сделала, он сразу прекратил”.

“Хочешь сказать, ты попробовала совершить самоубийство?”

“Да, мне тогда было семнадцать, и мы с подругами отправились путешествовать. Мы потеряли друг друга, думаю, где-то во Франции, и когда я добралась до Копенгагена, я была совершенно сломлена и пыталась повеситься в гостиничном номере”.

“Ты пыталась повеситься?”

Когда София услышала собственный голос, ей показалось, что он звучит неуверенно.

“Да... Я очнулась на полу в туалете с ремнем вокруг шеи. Крюк на потолке вырвался, и я ударилась ртом и носом о кафель. Повсюду была кровь, и у меня откололся кусок переднего зуба”.

Она открыла рот и продемонстрировала Софии заплатку на правом переднем зубе, немного отличающуюся по цвету от левого.

“Значит, тогда голос умолк?”

“Да, похоже на то. Я доказала, что могу осмелиться, а значит, больше не было смысла приставать”. Виктория засмеялась.

София слышала, как они молча сидят и дышат, минимум две минуты. Потом звук, когда Виктория отодвинула стул, взяла пальто и вышла из комнаты.

София загасила третью сигарету, выключила вытяжку и пошла спать. Было уже почти три часа ночи, и дождь прекратился.

Что она сделала такого, что заставило Викторию прервать курс терапии? Ведь они уже вместе что-то нащупали.

Она поняла, что ей не хватает бесед с Викторией Бергман.

Дорога

извивавшаяся по острову Свартшёландет, долго пустовала, но под конец она нашла мальчика.

Один на краю канавы со сломанным велосипедом. Нуждался в попутке.

Доверял всем.

Еще не научился распознавать людей, испытавших предательство.

комната

освещалась лампочкой под потолком, и она наблюдала за представлением со стула в углу.

В стену напротив потайной двери в гостиную она вмонтировала железную петлю, предназначенную для швартовки лодок.

Они раздели мальчика, нацепили ему на шею удавку и крепко пристегнули его к петле двухметровой цепью.

Мальчик имел возможность перемещаться на четырех квадратных метрах, но до ее стула достать не мог.

На полу рядом с ней лежал электрический шнур, а на коленях – электрический пистолет, из которого при необходимости можно было выпустить два стальных патрона. Когда стрелы вонзятся в тело, через мальчика в течение пяти секунд пойдет напряжение в пять тысяч вольт. Мышцы сведет судорога, и он будет полностью обезврежен.

Она подала Гао знак, означавший, что представление может начинаться.

Утро он посвятил очищению и, медитируя, час за часом медленно сводил мыслительную деятельность к минимуму. Задача заключалась в том, чтобы полностью избавиться от логики, способной отвлечь его от того, на что он был натренирован.

В последние секунды перед началом представления ему следовало уничтожить самые последние остатки мыслей.

Он должен стать телом, имеющим лишь четыре необходимые для поддержания жизни потребности. Кислород. Вода. Еда. Сон.

Больше ничего.

Он – машина, думала она.

пластик

на полу заскрипел, когда посаженный на цепь мальчик зашевелился. Он был по-прежнему растерян, еще не пришел в себя после бессознательного состояния и неуверенно озирался. Неловко подергал за цепь на шее, но, осознав невозможность высвободиться, осторожно отполз назад, поднялся на ноги и встал спиной к стене.

Гао двигался взад и вперед перед голым беспомощным мальчиком.

Ударом ногой под дых он вынудил мальчика опуститься, задыхаясь, на колени. Затем он сильно ударил мальчика ногой в ухо, и тот, жалобно скуля, рухнул на пол.

Что-то лопнуло, и у мальчика пошла носом кровь. Она тотчас сообразила, что борьба слишком неравная, и ослабила цепи плачущего мальчика.

лампочка

на потолке слегка покачивалась, и по спине ползающего мальчика бегали тени. Гао был подготовлен и незамедлительно уловил, что от него требуется. А второй мальчик думал, что мольбы и ползание в ногах спасут его, и поэтому так и не осознал серьезности ситуации.

Лежа на полу, он сучил ногами, как покорный щенок.

Она задумалась, не связано ли это с тем, что он впервые ощущает физическую боль и поэтому у него не срабатывают необходимые для выживания инстинкты. Может, его приучили верить в природную доброту человека? Это заблуждение не позволяет ему дать себе честный шанс защититься.

Гао обрушил на него удары и пинки.

В конце концов она попыталась уровнять шансы, дав мальчику нож, но тот испуганно завыл и отбросил нож в сторону.

Она встала со стула и дала Гао бутылку воды с амфетамином. Он вспотел, мышцы верхней части туловища напряглись от глубокого дыхания.

Она и он станут чем-то совершенным и целостным.

Их тени составляют одно целое.

Просто отверстия и затычки.

Кровь и боль. Электрические импульсы.

Она медленно начала стегать мальчика по спине электрическим шнуром, ускоряя такт и усиливая удары.

Спина мальчика сильно кровоточила.

Она взяла один из шприцев, но, когда собиралась ввести ему в шею обезболивающее, заметила, что он уже мертв. Кончено.

Квартал Крунуберг

Единственным интересным именем в списке подозреваемых на настоящий момент было имя Карла Лундстрёма. Звонок Софии Цеттерлунд удивил Жанетт, но вместе с тем вызвал чувство благодарности. Может, их встреча добавит расследованию что-нибудь новое?

Хорошо бы, а то они зашли в полный тупик.

Телин и Фюрюгорд давно отпали, а допрос подозреваемого насильника Бенгта Бергмана ничего не дал.

Жанетт сочла Бергмана человеком откровенно неприятным – эмоционально непредсказуемым, но вместе с тем хладнокровно расчетливым. Он неоднократно говорил о своем незаурядном умении сопереживать, демонстрируя примеры обратного.

Она не могла не отметить много общего с тем, что прочла о Карле Лундстрёме.

Во всех случаях, когда Бергман подозревался в каком-то преступлении, алиби ему предоставляла жена, на что Жанетт сердито указывала фон Квисту, предлагая снова побеседовать с ней. Указывала она и на сходство с Карлом Лундстрёмом и его женой Аннет, принимавшей его сторону, даже когда речь шла о посягательствах на их общую дочь.

Прокурор, как обычно, был непреклонен, и Жанетт призналась себе, что, попытавшись поговорить с Бенгтом Бергманом, она действовала на свой страх и риск.

Попытка, из которой ничего не вышло.

Правда, во время короткого телефонного разговора с его дочерью Жанетт поняла, что совесть Бенгта Бергмана далеко не чиста.

Без причины люди не отказываются злиться со своими родителями.

Жанетт лаконично констатировала, что прокурор, вероятнее всего, закроет дело о жестоком изнасиловании проститутки Татьяны Ахатовой.

Что может проститутка средних лет с несколькими судимостями за распространение наркотиков противопоставить высокопоставленному чиновнику такой организации, как СИДА? Слово против слова. Любой может просчитать, кому поверит прокурор фон Квист.

Нет, у Татьяны Ахатовой нет никаких шансов, думала Жанетт, откладывая в сторону папку с материалами о Бенгте Бергмане.

Она вновь ощутила усталость, и ей больше всего захотелось в отпуск, чтобы наслаждаться летом и теплом. Но Оке уехал с Александрой

Ковальской в Краков, а Юхан отправился к приятелям в Даларна. Возьми она сейчас отпуск, она бы только чувствовала себя одинокой.

– К тебе посетитель, – заходя в кабинет, сказал Хуртиг. – В вестибюле сидит Ульрика Вендин. Подниматься наверх отказывается, но говорит, что хочет встретиться с тобой.

Молодая женщина стояла на улице перед зданием и курила. Несмотря на жару, она была в черной толстовке, черных джинсах и грубых ботинках армейского типа. Из-под натянутого на голову капюшона торчали большие черные солнцезащитные очки. Жанетт подошла к ней.

– Я хочу, чтобы мое дело снова открыли, – сказала Ульрика и загасила сигарету.

– О'кей... Пойдем куда-нибудь, поговорим. Я могу угостить тебя кофе.

– Конечно. Но у меня сейчас нет денег.

– Я же сказала, угощаю. Идем.

Они молча двинулись по Хантверкаргатан, и, пока дошли до кафе, Ульрика успела выкурить еще одну сигарету. Заказав по чашке кофе и бутерброду, они сели за столик на улице.

Ульрика сняла большие солнцезащитные очки, и Жанетт поняла, почему она в них ходит. Ее правый глаз заплыл и был темно-лиловым. Синяк размером с кулак и, судя по расцветке, получен не больше двух дней назад.

– Что это, черт возьми, такое? – воскликнула Жанетт. – Кто это тебя так?

– Ничего страшного. Один знакомый тип. Вообще-то он клевый. То есть когда не пьет. – Она стыдливо улыбнулась. – Я сама выставила водку, а потом мы поругались, когда я захотела убавить громкость проигрывателя.

– Господи, Ульрика. Это же, черт возьми, не твоя вина. С кем ты общаешься? Парень, который бьет тебя за то, что ты не хочешь заводить музыку так громко, чтобы соседи пожаловались?

Ульрика Вендин пожала плечами, и Жанетт поняла, что продолжать не следует.

– Итак, – сменила она тему, – если ты хочешь добиться пересмотра дела против Лундстрёма, с юридической стороной я тебе помогу. – Она предполагала, что фон Квист вряд ли возьмет инициативу на себя. – Что заставило тебя решиться?

– Ну, после разговора у меня дома, – начала Ульрика, – я поняла, что не покончила с этим. Я хочу рассказать все.

– Все?

– Да, тогда было так трудно. Я стыдилась...

Жанетт внимательно посмотрела на молодую женщину, и ее поразило, насколько хрупкой та кажется.

– Стыдилась? Почему же?

Ульрика заерзала на стуле.

– Они ведь не только насиловали меня.

Жанетт не хотела прерывать ее, но молчание Ульрики показывало, что та ждет следующего вопроса.

– О чем же ты умолчала?

– Это было так унижительно, – в конце концов проговорила Ульрика. – Они сделали что-то, от чего я потеряла чувствительность, примерно от талии вниз, и когда они насиловали меня, то... – Она снова замолчала.

Жанетт содрогнулась.

– То – что?

Ульрика загасила сигарету и закурила новую.

– Из меня просто текло. Испражнения... Как из какого-то проклятого младенца.

Жанетт видела, что Ульрика вот-вот расплачется. Глаза заблестели, голос дрожал.

– Это был какой-то ритуал. Они наслаждались. Это было так чертовски унижительно, и я ничего не рассказала полиции.

Ульрика вытерла рукавом глаза, и Жанетт охватила нежность к девушке.

– Ты хочешь сказать, что тебя накачали каким-то обезболивающим препаратом?

– Да, вроде того.

Она посмотрела на Ульрикин синяк. От правого глаза к уху расходились почти черные кровоизлияния.

Только что избита так называемым бойфрендом.

Семь лет назад изнасилована и унижена четырьмя мужчинами, одного из которых звали Карл Лундстрём.

– Давай поднимемся ко мне, и дашь полные показания.

Ульрика Вендин кивнула.

“Обезболивающее?” – подумала Жанетт. Сведения о том, что тела убитых мальчиков содержали обезболивающие препараты, сугубо конфиденциальные. Это не может быть простым совпадением.

Жанетт почувствовала, как у нее учащается пульс.

Мыльный дворец

Когда зазвонил телефон, София Цеттерлунд была глубоко погружена в размышления и от резкого звука чуть не пролила кофе. Думала она о Лассе.

Подняв трубку и услышав извинения Анн-Бритт, она продолжала думать о нем, сознавая, что, невзирая на то, как он с ней обошелся, она по нему скучает.

– На линии некая Жанетт Чильберг из полиции, – сообщила Анн-Бритт.

– Хорошо, соедините.

Раздался щелчок.

– София Цеттерлунд.

– Это Жанетт Чильберг. Вы можете уйти на обед пораньше, чтобы у нас было побольше времени? Я прихвачу по дороге китайской еды, и мы встретимся на стадионе “Цинкенсдамм”. Кстати, вам нравится китайская еда?

Два вопроса и потенциальное решение на одном дыхании. Жанетт Чильберг слов понапрасну не тратила.

– Да, ведь Олимпиада в этом году будет в Пекине, и я уже натренировалась, – пошутила София.

Жанетт засмеялась.

Они попрощались, и София положила трубку.

Она пребывала в рассеянном состоянии. Ее мысли по-прежнему занимал Лассе.

Открыв ящик стола, София достала фотографию.

Высокий, темноволосый, с ярко-голубыми глазами. Однако отчетливее всего ей помнились его руки. Хотя он работал в офисе, казалось, сама природа снабдила его грубыми, мозолистыми руками ремесленника.

Вместе с тем она благодарила Бога за то, что сумела вытеснить тоску, заменив ее равнодушием. Тоски он не заслуживал.

Она помнила, что сказала ему во время поездки в Нью-Йорк, в гостиничном номере в Верхнем Вест-Сайде, перед тем как все рухнуло.

Я веряю себя тебе, Лассе. Целиком и полностью, без остатка, и полагаюсь на то, что ты обо мне позаботишься.

Какой наивной она была! Больше такого не повторится. Так близко она никого к себе не подпустит.

София взяла пиджак и вышла.

Стадион “Цинкенсдамм”

– Ну вот, голос наконец-то обрел лицо, – сказала Жанетт Чильберг, протягивая руку.

Улыбнись.

– Именно, – с улыбкой ответила София Цеттерлунд. Женщине было лет сорок, и она оказалась значительно ниже, чем представляла себе София.

Жанетт развернулась и твердым и уверенным шагом пошла вперед, София двинулась следом. Они уселись на большой, только что построенной трибуне стадиона и посмотрели на искусственный газон.

– Несколько необычное место для обеда, – заметила София.

– “Цинкен” – это классика, – улыбнулась в ответ Жанетт. – Приятнее места не сыщешь. Разве что “Канальплан”.

– “Канальплан”?

– Да, там когда-то играла “Накка”. А теперь играет женская команда “Байен”. Простите мое лирическое отступление, лучше давайте перейдем к делу. Вы, наверное, ограничены временем?

– Ничего страшного. Если потребуется, мы можем просидеть тут весь день.

Жанетт сосредоточилась на крылышке цыпленка.

– Отлично, кое-какое время нам наверняка понадобится. Разобраться в Лундстрёме не так-то просто. Кроме того, имеются некоторые неясности, связанные с открывшимися фактами.

София отложила пакет на соседнее сиденье.

– Вы нашли этого Андерса Викстрёма, друга Лундстрёма из Онге?

– Нет, я утром разговаривала с Миккельсеном. В Онге действительно существует Андерс Викстрём. Или, вернее, Андерс Эфраим Викстрём. Но ему за восемьдесят, и он уже почти пять лет живет в доме престарелых под Тимро. Ни о каком Карле Лундстрёме он никогда не слышал и едва ли имеет к этому отношение.

Услышанное Софию не удивило. Это совпадало с тем, что она все время думала сама. Андерс Викстрём является плодом фантазии Карла Лундстрёма.

– О’кей. Вам удалось узнать что-нибудь еще?

Жанетт запихнула остатки еды в пакет.

– У Лундстрёма на совести есть еще кое-что. Вчера вечером одна

девушка дала показания, которые могут иметь значение для моего дела. Сейчас я больше сказать не могу, но там налицо связь с убийствами, которые я расследую.

Жанетт закурила и закашлялась.

– Черт, мне надо бросать... Кстати, хотите?

– С удовольствием...

Жанетт протянула ей зажигалку.

– Вы спрашивали его жену, знает ли она о фильмах?

– Когда Миккельсен спросил ее об этом, она лишь путалась в объяснениях, – немного помолчав, ответила Жанетт. – Она не знает, не помнит, уезжала и тому подобное. В общем, лжет, чтобы его защитить. Что до рассказов Карла Лундстрёма, мне трудно свести их воедино. Эту болтовню об Андерсе Викстрёме и русской мафии. Миккельсен считает, что он откровенно врет.

– Я не уверена, что Карл Лундстрём только лжет, – сказала София, глубоко затягиваясь. – Поэтому, в частности, я вам и позвонила.

– Что вы имеете в виду?

– Мне думается, тут дело обстоит сложнее.

– Вот как? В каком смысле?

– Я считаю, нельзя исключить того, что иногда он говорит правду, а потом его захлестывают фантазии. Или, точнее, вымысел, самообман. Он совершил нечто запретное: посягнул на собственную дочь.

– И поэтому вы считаете, что ему требуется найти способ справиться со своей виной?

– Да. Он начинает настолько презирать себя, что чувствует себя виновным в ряде других насильственных действий, которые на самом деле не совершал.

София выпустила несколько колец дыма.

– Во время нашей беседы он несколько раз возвращался к проблеме “правильного и неправильного” применительно к влечению мужчин к маленьким девочкам, и совершенно очевидно, что он считает это влечение более или менее естественным. Чтобы окончательно убедить себя, он выдумывает такие из ряда вон выходящие поступки, чтобы от них было невозможно отмахнуться.

София загасила сигарету.

– А как дела с Линнеей?

– Помимо обнаруженного в компьютере у Лундстрёма, в подвале нашли еще несколько старых видеокассет, – проговорила Жанетт с задумчивым видом.

– То есть у них дома?

– Да, и на кассетах, кроме отпечатков пальцев Лундстрёма, обнаружены отпечатки пальцев Линнеи.

– Значит, она смотрела фильмы вместе с ним? – с дрожью в голосе спросила София.

– Да, мы предполагаем, что так. Анализ показал, что фильмы представляют собой то, что называется, прошу прощения, классической детской порнографией. Сняты они, по нашим сведениям, в Бразилии, в конце восьмидесятых годов. Они долго циркулировали в кругах педофилов и считаются у коллекционеров, опять-таки прошу прощения, легендарными...

– Значит, с русской мафией они никак не связаны?

– Нет, русская мафия, равно как и выдуманный Лундстрёмом Андерс Викстрём, в этом случае совершенно невиновны. Зато содержание фильмов совпадает с тем, что он рассказывал вам во время беседы, с той существенной разницей, что они, как я сказала, сняты в Бразилии двадцать лет назад.

– Звучит вполне логично. Значит, на ложь об Андерсе Викстрёме его вдохновили реально существующие порнофильмы. Это объясняет, почему он лгал с таким количеством подробностей.

– В ящике письменного стола Лундстрёма обнаружили локон и трусы, принадлежащие дочери. Вы можете объяснить мне, о чем это говорит?

– Да, такое поведение мне знакомо. Он собирает трофеи, – ответила София. – Целью является обретение власти над жертвой. С помощью этих предметов он может в фантазиях возвращаться к насильственным действиям и вновь переживать их.

Они немного помолчали. Возможно, потому что все это было столь ужасно.

София думала о Линнее Лундстрём и о том, что той довелось пережить. Ее мысли вернулись к Виктории Бергман. Интересно, как справляется со своим опытом Линнея. Виктория научилась выплескивать впечатления. А как обстоит дело с Линнеей?

– Как девочка чувствует себя сейчас?

Жанетт в нерешительности развела руками.

– Миккельсен говорит, что ее реакция знакома ему по другим детям. Они озлоблены, чувствуют, что их жестоко предали. Никому не доверяют. Когда она не плачет, то кричит, что ненавидит отца, но в то же время, несомненно, по нему тоскует.

София опять подумала о Виктории Бергман. Взрослая женщина, по-

прежнему остающаяся ребенком.

– Понимаю, – сказала она.

Жанетт посмотрела на искусственный газон.

– У вас есть дети? – спросила она, закуривая новую сигарету.

Вопрос удивил Софию.

– Нет... Как-то пока не сложилось. А у вас?

– Да, парень. – София отметила, что у Жанетт сделался задумчивый вид. – Он... – Жанетт посерьезнела. – Он ровесник Линнеи. В этом возрасте они чертовски ранимы, если вы меня понимаете...

– Я знаю.

– Да, по словам Миккельсена, вы как раз на этом специализируетесь. Травмированные дети... – Жанетт развела руками и добавила: – Честно говоря, мне трудно понять таких преступников. Что, черт возьми, ими движет?

Вопрос был прямым, и София чувствовала, что от нее ожидается столь же прямой ответ, но поначалу не знала, что сказать. Энергия Жанетт и само ее присутствие вызывали у Софии интерес, но и мешали ей.

– Ответить иногда бывает сложно, – немного помолчав, проговорила она. – Кстати, кое-что у Лундстрёма показалось мне несколько необычным.

– Что же?

– Не знаю, имеет ли это значение, но он часто возвращался к кастрациям. Один раз он спросил меня, известно ли мне, как кастрируют самца оленя, и рассказал, что яички у них просто отгрызают. В другой раз он зашел так далеко, что утверждал, будто всех мужчин следует лишать половых органов сразу после рождения.

Жанетт несколько секунд молчала.

– Все, о чем мы тут говорим, должно остаться между нами. Но ваши слова, безусловно, подтверждают мои подозрения. Дело в том, что все три мальчика, которых мы нашли мертвыми, были кастрированы.

– Вот...

Жанетт посмотрела на Софию с укоризной:

– Жаль, что вы не сказали мне об этом при нашем первом разговоре.

– Когда вы в первый раз позвонили мне, я не видела причин отходить от соблюдения профессиональной тайны. Мне было трудно уловить прямую связь с вашим делом.

Жанетт извиняющимся жестом развела руки.

София поняла, что Жанетт обладает горячим темпераментом, и, к своему удивлению, обнаружила, что ей это нравится.

Лицо Жанетт Чильберг чувств не скрывало, и София видела, как

обвиняющий взгляд потух и перешел в грусть.

– Ладно. Что теперь говорить. У вас есть еще что-нибудь полезное?

– Ксилокаин и адреналин, – сказала София.

Жанетт поперхнулась дымом и закашлялась.

Софию такая бурная реакция поразила, и она поначалу не знала, как продолжить, но Жанетт, кашляя, опередила ее.

– Что вы, черт возьми, хотите сказать?

– Ну... Карл Лундстрём говорил, что Андерс Викстрём имел обыкновение вводить жертвам ксилокаин адреналин. Правда, именно этот препарат мне незнаком. Я не знаю, можно ли с его помощью добиться наркотического опьянения.

Жанетт покачала головой и глубоко вздохнула.

– Наркоманы его не используют, – подавленно проговорила она. – Это обезболивающее средство. Тот же обезболивающий препарат, что мы обнаружили в трупах мальчиков. Ксилокаин адреналин используют дантисты, а Аннет Лундстрём как раз зубной врач. Надо ли продолжать?

Снова воцарилось молчание.

– Ой, должна сказать, это усугубляет дело, – немного погодя заметила София.

Их прервал звонок мобильного телефона Жанетт, она извинилась и ответила.

София не могла слышать того, что говорили на другом конце, но, судя по всему, Жанетт это очень взволновало.

– Дьявол. Ага... и дальше?

Жанетт встала и принялась расхаживать между рядами трибуны.

– Да, понимаю. Но как, черт возьми, это могло произойти?

Она снова села.

– О'кей. Я сейчас туда приеду... – Потом она сложила мобильный телефон и подавленно вздохнула. – Проклятье.

– Что случилось?

– Мы тут сидим и разговариваем о нем...

– Что вы хотите сказать?

Жанетт Чильберг откинулась на спинку и тихо ругалась между затылками. Ее лицо читалось как открытая книга. Разочарование. Злость. Отчаяние.

София не знала, что говорить.

– Побеседовать с Лундстрёмом больше не удастся, – пробормотала Жанетт Чильберг. – Он повесился в следственном изоляторе. Что вы на это скажете?

ПРОШЛОЕ

Из-за сильной метели на восточном побережье Америки рейс 4592 вместо аэропорта Джона Кеннеди отправляют на посадку в аэропорт Торонто. В качестве компенсации за опоздание их размещают в четырехзвездочном отеле и предлагают лететь дальше следующим утром.

Смыв с себя дорожную пыль, они решают остаться в номере и распить бутылку шампанского.

– Черт возьми, как приятно! Наконец в отпуске. Лассе откидывается назад и вытягивается на кровати.

София, которая стоит в одном нижнем белье и красится перед зеркалом возле кровати, берет мокрое полотенце и набрасывает его на Лассе.

– Иди сюда, давай сделаем ребенка, – внезапно говорит он по-прежнему с полотенцем на лице. – Я хочу иметь от тебя ребенка, – повторяет он, и София цепенеет.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что хочу, чтобы у нас был ребенок.

София сомневается, не шутит ли он.

– Ты это серьезно?

Иногда он способен говорить подобные вещи только для того, чтобы секундой позже взять свои слова обратно. Но что-то в его голосе звучит по-иному.

– Да, черт возьми! Тебе недалеко до сорока, а значит, скоро будет поздно. Не для меня, для тебя. А я чувствую, что у нас, может быть, получится больше, чем... Ну, ты понимаешь, что я имею в виду. – Он снимает полотенце, и она видит, что он совершенно серьезен.

– Любимый! Ты хоть понимаешь, какая это для меня радость?

Возможно, сказывается алкоголь или долгий тяжелый перелет, но она начинает плакать. Вероятно, повлияло все вместе.

– Но, дорогая, ты плачешь? – Он встает с кровати и подходит к ней. – Что-то не так?

– Нет, нет и нет. Я просто безумно обрадовалась. Разумеется, я хочу от

тебя ребенка. Ты же знаешь, я всегда хотела. – Она смотрит в глаза его зеркальному отражению.

– Ну тогда давай займемся делом! Сейчас или никогда.

Она подходит к кровати. Он обнимает ее, целует в затылок и начинает расстегивать на ней бюстгальтер.

Его глаза горят, как прежде, и ее охватывает волнение.

Потом они идут в ночной клуб на Нассау-стрит – в одно из немногих заведений на этой улице, где очередь не слишком длинная.

В клубе царит полумрак, и он состоит из нескольких комнат, отделенных друг от друга красными бархатными занавесками. В самой большой комнате имеется маленькая сцена, которая, когда они заходят, пустует.

Народу не особенно много, они усаживаются в баре и заказывают по коктейлю. Проходит пара часов, и, по мере того как она все больше пьянеет, публика прибывает, и музыка со сцены звучит все громче.

Рядом с ними садятся мужчина и женщина.

Их имен ей задним числом будет не вспомнить, но произошедшее потом она не забудет никогда.

Поначалу они обмениваются только взглядами и улыбками. Женщина делает Софии комплимент по поводу какой-то детали ее одежды.

Количество коктейлей увеличивается, и вскоре вся четверка удаляется на диван в более спокойной части клуба.

Большая комната.

Свет приглушен, музыка тоже. Диван имеет форму сердца.

Тут она понимает, в какого рода заведение ее привел Лассе.

Ведь это он предложил сходить в клуб. Не было ли у нее впечатления, что он вел ее на Нассау-стрит весьма решительным шагом?

Она чувствует себя немного глупо оттого, что так долго не понимала, где они находятся.

Дальше все получается очень быстро и легко.

И связано это не только с алкоголем, а с тем, что между ней и Лассе в присутствии этих двух посторонних людей что-то происходит.

Он представляет ее как спутницу жизни. Его жесты подчеркивают их близкие отношения, и она понимает, что этим он хочет придать ей уверенности.

В какой-то момент она покидает столик, чтобы посетить туалет, и когда возвращается, женщина сидит рядом с Лассе, а место рядом с мужчиной свободно. Она сразу ощущает нарастающее возбуждение, в

висках пульсирует кровь, и она садится.

Смотрит на Лассе и чувствует, что он понял: она осознает происходящее и ничего не имеет против.

Конечно, почему бы не разделить его с другой? Ведь она здесь и знает, что он никогда ничего не сделает без ее согласия.

Тайн больше не существует. Что бы ни случилось, они будут так же сильно любить друг друга.

У них будет общий ребенок.

Следующим утром София просыпается со страшной головной болью. Стоит зевнуть, и в глазах темнеет.

– София, просыпайся... У нас через час самолет.

Она бросает взгляд на часы на прикроватном столике:

– Черт, без четверти шесть... Сколько я проспала?

– Ну, около получаса, – смеется Лассе. – Ты бы видела себя вчера.

– Вчера?

Она улыбается ему, хотя из-за головной боли улыбка дается ей с трудом.

– Ты хочешь сказать, только что? Иди сюда!

Обнаженная, она скидывает одеяло, ложится на живот и подбирает под себя одну ногу.

– Давай!

– Черт, ты так хороша, когда лежишь вот так... – снова смеется Лассе. – Но ты не забыла, что у нас гости?

Она слышит, как в ванной комнате льется вода из душа. Обернувшись, чтобы поцеловать его, она видит через приоткрытую дверь обнаженные тела.

– Разве это помеха?

Правильно ли они поступили? Во всяком случае, ей это доставляет удовольствие, и он тоже вроде бы счастлив.

– Тогда давай по-быстрому, – шепчет он. – Самолеты психов не ждут.

Головная боль кажется теперь лишь приятным головокружением.

Гостиницу они покидают на такси, в страшной спешке, чтобы успеть на самолет. Мужчина и женщина со смехом машут им на прощание руками, адресами или телефонами они не обмениваются.

Во время полета ей удастся задремать, во многом благодаря трем маленьким бутылочкам водки, которые они распили на завтрак.

Просыпается она от того, что он осторожно пихает ее в бок.

– София? Ты должна на это посмотреть. Картина почти футуристическая...

Она уснула у него на плече и с трудом распрямляется, чтобы посмотреть в окно. Там оказывается белый от снега Нью-Йорк по обеим сторонам реки Гудзон, черной линией наискосок рассекающей картину под ними. Улицы Бронкса и Бергена кажутся узенькими полосками на белой бумаге. Тени от небоскребов напоминают диаграммы.

Рядом с Лассе она чувствует себя уверенно.

Когда они приезжают в гостиницу, расположенную в Верхнем Вест-Сайде на Манхэттене, в безоблачном голубом небе сияет солнце. София не впервые в Нью-Йорке, но в последний раз была там почти десять лет назад и забыла, как он красив.

Они с Лассе стоят обнявшись у окна гостиничного номера, и с пятнадцатого этажа им открывается потрясающий вид на Центральный парк, укутанный выпавшим за ночь снежным покрывалом.

– Ты не жалеешь о вчерашнем? – спрашивает он, смахивая ей со лба волосы.

Она оборачивается и целует его в губы.

– Лассе... я давно не чувствовала... Мы так сблизились.

– Хочешь с ними снова встретиться?

– С кем? – спрашивает она, глядя на него с наигранным удивлением.

Они смеются, и она в шутку щелкает его указательным пальцем по носу. Потом она становится серьезной.

– Лассе, это не имеет значения, то была всего лишь одна ночь и... она была особенной. Она заставила меня почувствовать то, что я чувствовала, когда мы только встретились.

Она делает паузу и гладит его по щеке.

– Но они тут ни при чем. Что-то произошло между тобой и мной. Все было как прежде... только лучше. Я ощутила в тебе нечто новое. Теперь я полагаюсь на тебя... ну, я не хочу сказать, что не полагалась раньше, но теперь я чувствую... – Она не находит подходящих слов.

– Что? – спрашивает он с заинтересованным, но чуть погрузневшим видом.

– Я чувствую, что отдаюсь тебе, Лассе. Целиком и полностью, без остатка, и верю, что ты позаботишься обо мне.

Она смотрит ему прямо в глаза, и ей кажется, что он опечален.

– Я... – Он замолкает и крепко прижимает ее к себе. У нее возникает ощущение, что он собирается ей что-то рассказать.

– Я тоже люблю тебя, – говорит он чуть погодя, но ей думается, что изначально он собирался сказать что-то другое.

В висящем в комнате зеркале ей видно окно, лицом к которому он стоит. Его лицо отражается в стекле, и ей кажется, будто он плачет. Она думает о собственных чувствах всего несколько недель назад. Словно другой мир. Теперь он хочет общего ребенка, и все будет по-другому.

Он выпускает ее из объятий и снова смотрит на нее. Да, он действительно плакал. А сейчас улыбается во весь рот.

– Знаешь, что я предлагаю сегодня сделать?

– Нет... Чем мы займемся? Ты же был здесь сотню раз и должен бы знать, – говорит она, тоже смеясь.

– Первым делом мы пораньше пообедаем в гостиничном ресторане. Еда здесь исключительная, по крайней мере была такой в прошлом году, когда я тут останавливался. Потом несколько часиков отдохнем, а затем я тебя кое-куда отвезу. В очень специфическое место в такое время года.

– В такое время года?

– Да, это не секс-клуб. Там интересно по другим причинам. Вот увидишь. Это будет сюрприз.

Они переодеваются и спускаются на лифте в ресторан.

Пока они добираются до десерта, ей удается убедить его отменить сиесту и сразу перейти к сюрпризу. В глазах у него появляется нечто лукавое, он извиняется и исчезает из ресторана. Через десять минут он возвращается, но идет не к их столику, а к бару, наклоняется через прилавок и что-то протягивает мужчине по другую сторону. Они тихо переговариваются, и затем он с улыбкой подходит к ней.

Внезапно из усилителей доносятся звуки гитары и барабанная дробь. Ресторан почти пуст, и София сразу понимает, что музыка адресована ей. Она незамедлительно узнает песню, но поначалу не может сообразить, где ее слышала.

Она откладывает ложку и смотрит на Лассе, тот молча улыбается.

– Черт, Лассе! Это ведь моя любимая... откуда ты узнал?

И тут она вспоминает, где слышала эту мелодию раньше.

Примерно год назад. Она ходила в кино смотреть азиатский фильм, тайский или вьетнамский, и там звучала эта песня. Фильм ей вообще-то не понравился, был слишком странным, но она не могла забыть мелодию, которая повторялась вновь и вновь, когда пара в фильме, потягиваясь, пробуждалась, курила сигареты на утреннем солнце или занималась любовью.

Придя домой из кинотеатра, название фильма она уже успела забыть,

но помнит, что сказала Лассе, что там была песня, которая ей очень понравилась. Когда она попыталась напеть ему мелодию, он ее высмеял, но, очевидно, понял, что она имела в виду.

Но почему он ничего не сказал об этом раньше?

Он по-прежнему молчит, и у Софии кончается терпение.

– Кто это поет? Это же из того фильма... но ты ведь его даже не видел?

– Да, но я слышал, как ты пела эту песню. Давай выпьем, и я тебе расскажу.

– Девушка в песне родом из того места, куда мы собираемся, – продолжает он, наполнив бокалы. – А пластинка, чтоб ты знала, простояла в шкафчике под проигрывателем верных десять лет, но в те редкие разы, когда ты позволяла мне ее ставить, ты никогда не дослушивала ее до конца, обычно говоря, что она старикинская. Эта песня там идет последней.

Они пьют, но Лассе больше ничего не говорит. Она набирается терпения, задумывается и вслушивается в текст. И вскоре все понимает.

And the straightest dude I ever knew was standing right for me all the time... Oh, my Coney Island baby now. I'm a Coney Island baby, now.

Она вздыхает и, улыбаясь, откидывается на спинку стула.

– Кони-Айленд? Мы поедem на Кони-Айленд? Посреди зимы?

В ее представлении Кони-Айленд – полуостров, расположенный за Манхэттенom, в выходящей к океану части Бруклина, – это песчаные пляжи и запущенные парки аттракционов двадцатых годов. Летом туда еще можно съездить, но не в конце ноября.

– Лассе, ты сумасшедший.

– Поверь мне, там потрясающе, – говорит он с серьезным видом. – Тебе очень понравится.

– Пляжи, карусели, снежная слякоть, ветер и полная пустота? Наркоманы и бесхозные собаки? – Она гладит его по тыльной стороне ладони. – Неужели мне это понравится? И что за идиот поет эту песню?

Они долго целуются, и он объясняет, что поет Лу Рид^[59].

– Лу Рид? У нас ведь вроде нет пластинки Лу Рида... – удивляется она.

– Разве ты не помнишь обложку? – улыбается он. – Лу Рид в костюме с бабочкой, лицо наполовину скрыто черной шляпой.

– Лассе, ты надо мной издеваешься, – смеется она. – Я говорю, что такой пластинки у нас дома нет. Я периодически прибираю в шкафчике, в отличие от некоторых других.

У него делается растерянный вид.

– Ну конечно у нас есть эта пластинка, или я ошибаюсь?

Его сомнения забавляют ее.

– Я совершенно уверена, что у нас ее нет и ты никогда мне ее не заводил. Но какая разница. То, что ты сейчас проделал, компенсирует твою забывчивость.

– То, что я проделал?

– Да, поставил эту песню, дурачок. – Она опять смеется. – Ты вспомнил, что она мне нравилась.

Он явно испытывает облегчение, и неуверенность исчезает с его лица.

– Тогда ладно... Давай допьем!

Они снова поднимают бокалы, и она думает о том, как сильно его любит.

Когда она после кино пела ему эту песню, он притворился, будто не знает ее. А на самом деле он упорно ждал подходящего случая, чтобы ей ее проиграть.

Приберегал ее на этот случай целый год, ждал и помнил. Это всего лишь деталь, но деталь, которой она придает большое значение. Он думает о ней, хотя не говорит этого прямо, выражает по-своему.

Последний день они посвящают покупкам и отдыху в гостинице.

Кони-Айленд оказался великолепен, в точности как он говорил.

Луна-парк возле Бруклина был закрыт на зиму, но они до поздней ночи ходили по уютным барам.

Людей на побережье не было, и когда они после полуночи гуляли по полуострову, компанию им составляли только морские птицы.

В самолете по пути домой София думает о том, как давно им не представлялось возможности так спокойно пообщаться. Она чувствует, что вновь обрела того Лассе, о существовании которого она все время помнила, но которого не видела уже несколько лет.

И вот внезапно он опять вернулся, тот Лассе, в которого она когда-то влюбилась.

По возвращении в Стокгольм все, однако, поблекло. Проведя всего несколько недель дома, София понимает, что, как бы ей ни хотелось обратного, он всегда будет выбивать у нее почву из-под ног.

Он исчезает с той же внезапностью, с какой вернулся к ней.

Они сидят за завтраком и читают газету.

– Лассе?

– Мм... – Он поглощен тем, что читает.

– Тест на беременность...

Он даже не отрывает глаз от газеты.

– Оказался отрицательным.

Тут он смотрит на нее с удивлением.

– Что такое?

– Лассе, я не беременна.

Несколько секунд он сидит молча.

– Извини, я забыл... – Он стыдливо улыбается и возвращается к газете.

Забывчивость ему больше не идет.

– Забыл? Ты забыл, о чем мы говорили в Нью-Йорке?

– Нет, конечно, – откликается он с усталым видом. – Просто много всего навалилось на работе. Я едва помню, какой сегодня день.

Шуршание газеты.

Он неотрывно смотрит в нее, но София видит, что он не читает. Глаза неподвижны, взгляд не сфокусирован. Он вздыхает и кажется еще более усталым.

Дни в Нью-Йорке начинают превращаться в туманные воспоминания о мечте. Его близость, доверительность между ними, день, проведенный на Кони-Айленде, – все исчезло.

Мечта сменилась серыми, предсказуемыми буднями, в которых они с Лассе только ходят мимо друг друга, словно тени.

Она думает о том, насколько откровенно он воспринимает ее как данность. Он даже забыл о том, что они собираются завести ребенка. Ей этого не понять.

Она чувствует, что скоро взорвется.

– Да, София, я хотел тебе кое-что сказать, – произносит он, наконец откладывая газету. – Нам звонили из Гамбурга и сообщили, что у них возникли большие проблемы. Им необходима моя помощь, и отказаться было нельзя.

Он тянется за соком, нерешительно поглядывая на нее, и наливает сперва ей, потом себе.

– Ты же знаешь, немцы никогда не отдыхают. Даже на Рождество и Новый год.

Тут она не выдерживает.

– Черт возьми, и тебе, конечно, опять придется подставиться! – кричит она, кидая в него газетой. – На празднике середины лета ты отсутствовал. На день Люсии тоже. А теперь еще Рождество и Новый год! Так больше продолжаться не может. Ты же, черт подери, шеф и должен уметь передавать свою работу в праздники другим!

– София, дорогая, успокойся.

Он разводит руками и качает головой.

Ей кажется, что он ухмыляется. Не принимает ее всерьез, даже когда она выходит из себя.

– Это не так легко, как ты думаешь. Если я повернусь к ним спиной, позади меня все рухнет. Немцы, конечно, толковые, но не особенно самостоятельные. Ты же знаешь, они любят закон и порядок и маршировать ровными шеренгами.

Он усмехается и пытается с улыбкой приблизиться к ней. Но она по-прежнему вне себя от ярости.

– Возможно, во время твоего отсутствия кое-что рухнет за твоей спиной не только в Германии.

– Что такое? Что ты имеешь в виду?

У него вдруг делается испуганный вид.

– Что ты имеешь в виду, говоря “рухнет”? Что-нибудь случилось?

Он реагирует не так, как она ожидает, и ее злость сходит на нет.

– Нет, я не знаю, что имела в виду, я просто безумно рассердилась и огорчилась оттого, что снова придется справлять праздники в одиночестве.

– Понимаю, но ничего не могу поделать, – говорит он, встает, поворачивается к ней спиной и начинает убирать продукты в холодильник. Внезапно возникает ощущение, что он бесконечно далек от нее.

Позже, когда он принимает душ, она делает то, чего никогда не делала за десять лет, что они вместе.

Она идет в прихожую и вынимает из кармана его пиджака рабочий телефон. Тот, в котором, находясь дома и в отпуске, он всегда отключает звуковой сигнал. Она снимает блокировку и добирается до исходящих звонков.

Первые четыре – немецкие номера, но пятый оказывается номером в стокгольмском регионе.

Еще несколько немецких номеров и опять тот же стокгольмский номер.

Она прокручивает дальше: регулярно встречается тот же номер. По датам ей видно, что он звонит кому-то в Стокгольме по несколько раз в день.

Судя по звукам в ванной, Лассе закончил принимать душ, и она сует телефон обратно в пиджак.

Он что-то скрывает.

Она чувствует, как возвращается злость.

Из прихожей ей слышно, как он открывает кран в раковине, собираясь бриться. Обычно это занимает у него около пяти минут.

Она снова достает телефон, находит тот незнакомый номер и нажимает на вызов, косясь на дверь ванной комнаты.

Ей отвечает мягкий женский голос:

– Привет, дорогой! Ты же говорил, что будешь занят... София холодеет.

– Алло... Ты здесь? – Голос звучит радостно.

Она нажимает “отбой”.

Садится за кухонный стол.

“За моей спиной? – думает она. – За моей спиной все рушится”.

Лассе выходит с полотенцем вокруг талии и, улыбнувшись ей, идет в спальню одеваться. Она знает, что, закончив туалет, он обязательно поставит кофе.

Открыв холодильник, она достает пакет с молоком и выливает содержимое в раковину. Потом запикивает пустую упаковку в мусорное ведро.

Он приходит на кухню.

– Если хочешь кофе, тебе придется пойти и купить молока. Оно закончилось.

– Как это закончилось? Ведь я вчера купил новый пакет.

– Откуда мне знать, я молоко не пью. В любом случае его нет.

Он со вздохом открывает холодильник, чтобы убедиться, что она говорит правду.

– Если я пойду за молоком, тебе придется пока поставить кофе.

Услышав, что дверь захлопнулась, она выходит в прихожую и видит, что он просто надел свитер. Пиджак остался висеть на месте.

Она достает телефон и видит два пропущенных звонка.

Вероятно, звонила незнакомая женщина, но посмотреть она не решается, поскольку тогда звонки исчезнут с дисплея.

Она доходит до папки с сообщениями и открывает принятые эс-эм-эс.

Прочтя около тридцати сообщений, которыми обменялись за несколько месяцев Лассе и неизвестная женщина, она чувствует, что силы покидают ее.

Квартал Крунуберг

Подземный туннель, именуемый “коридором вздохов”, соединяет здание Управления стокгольмской полиции со зданием суда и является для арестованных промежуточным этапом перед судебным разбирательством. Он имеет под землей множество ответвлений и, как говорят, не раз становился местом самоубийства.

Карл Лундстрём пытался повеситься в камере следственного изолятора и теперь лежал в коме.

Жанетт Чильберг знала: это означает, что расследование его преступлений, вероятно, никогда не удастся довести до конца.

В тот же вечер, когда произошла попытка самоубийства, о ней сообщили в телевизионных новостях, и несколько профессиональных болтунов уже посетовали на отсутствие должной безопасности в пенитенциарной системе. Досталось даже психологам, поскольку те дали ошибочное заключение, что Лундстрём не склонен к самоубийству.

Жанетт откинулась на спинку потертого офисного кресла и посмотрела в окно.

Во всяком случае, она сделала все, что могла.

Ей пришлось позвонить Ульрике Вендин и рассказать об изменении обстоятельств.

Девушка, похоже, не удивилась, когда Жанетт сообщила ей о случившемся и объяснила, что, пока Карл Лундстрём лежит в коме, речь о новом процессе, естественно, идти не может.

Олунд и Шварц получили задание узнать, не мог ли синий автомобиль “вольво” Карла Лундстрёма быть той машиной, которая задела дерево на острове Свартшёландет, но предварительный анализ положительного результата не дал.

Не соответствовал цвет лака. Разные оттенки синего.

Карл Лундстрём, думала она.

За окном припекало вечернее солнце.

Зазвонивший телефон принес сообщение о новом труп.

Приблизительно в то же время, когда Карл Лундстрём в следственном изоляторе завязал вокруг шеи простыню, на чердаке в районе Сёдермалм обнаружили мертвого мальчика.

Монумент

Изначально Иво Андрич не должен был заниматься четвертым убитым мальчиком. Но получилось так, что судмедэксперту Рюдену, которому предстояло обследовать тело, потребовался ассистент, поскольку его обычный помощник находился в отпуске, и когда обратились к Иво, он согласился помочь.

По сути дела, за то, что мальчик, обнаруженный на чердаке в квартале Монумент, побывал в руках того же преступника, что и предыдущие жертвы, говорило не многое, если бы не одно обстоятельство: лицо мальчика было полностью уничтожено.

Две пустые дыры указывали, где именно прежде находились глаза, а о том, что когда-то представляло собой нос и рот, оставалось лишь догадываться. Все лицо было покрыто большими, наполненными жидкостью пузырями, а от волос сохранились только отдельные клочья.

Тяжелая железная дверь на чердак открылась, и вошла комиссар криминальной полиции Жанетт Чильберг.

– Привет, Рюден. Надеюсь, все под контролем? – сказала она, а затем повернулась к Иво Андричу: – А-а, ты тоже сюда угодил.

– В основном по чистой случайности. Кто-то в отпуске, и пришлось приехать мне. – Иво Андрич почесал голову.

На первый взгляд непрофессионалу могло показаться, что это похоже на ожог, но поскольку тело осталось неповрежденным и на одежде отсутствовали следы золы или сажи, естественно, напрашивался другой вывод.

– Похоже на кислоту, – предположил Иво Андрич, и Рюден согласно кивнул.

Пол под мальчиком, а также стены были чем-то забрызганы, и Рюден, взяв обмотанную ваткой палочку, обмакнул ее в одну из желтых лужиц. Потом с озадаченным видом понюхал палочку.

– Так, с ходу, думается, что это соляная кислота, причем, похоже, концентрированная, принимая во внимание то, какое она произвела воздействие, попав ему на лицо. Интересно, понимал ли совершивший это, насколько он рискует? Вероятность того, что он мог пострадать сам, достаточно велика.

– Эта стенка выглядит новой. – Иво Андрич, потеряв шею, указал на левую стену. – Каменщики обычно используют какой-то вид кислоты.

Кажется, они обмывают старые кирпичи, чтобы схватывался раствор.

– Звучит разумно, – согласился Рюдэн.

– Уже известно, кто он? – обратилась к ним Жанетт.

– Я полагал, что выяснять подобные вещи твоя работа, – ответил Рюдэн. – Мы с Иво должны только определить как. А не кто и уж точно не почему. Но на парне было чертовски редкое ожерелье. Мы сфотографировали его и удалили. Я, конечно, не большой знаток этнологии, но ожерелье явно африканское.

– Кто его обнаружил? – спросила Жанетт.

– Проживающий в этом доме наркоман, он сказал, что поднялся сюда, чтобы забрать коробку с пластинками, которые собирался кому-то загнать. Однако, учитывая, что несколько кладовок дальше по коридору взломано, легко предположить, что он занимался именно этим, когда увидел висящего под потолком парня. Зрелище наверняка было не из приятных, если хочешь знать мое мнение.

Жанетт Чильберг подошла к Шварцу и Олунду, беседовавшим в другом конце чердака.

– Значит, Пиф и Паф уже на месте? – ухмыльнулась она.

Олунд засмеялся и подтвердил, что обнаружившего мальчика мужчину уже везут для допроса в полицию. Ничто не указывает на его причастность к преступлению, но исключить этого нельзя.

В течение ближайших часов место преступления изучили, множество предметов поместили в пакеты и пометили цифрами. Петля представляла собой обычную веревку для белья и была завязана бабьим узлом. На шее у мальчика имелся типичный след от веревки, напоминавший перевернутую латинскую букву VJ верхушка которой находилась возле узла, который почти на сантиметр вонзился в кожу. Красновато-бурый след уже успел зарубцеваться. Возле края раны Иво Андрич приметил мелкие, едва различимые кровоизлияния.

На полу, в том месте, над которым висело тело, разлилась лужа мочи и испражнений.

– Что он не лишил себя жизни сам, сомнений, вероятно, ни у кого не вызывает. – Рюдэн указал на то, что когда-то было лицом мальчика.

– Разве только он сперва прикрепил веревку к потолку, накинул на шею петлю и под конец плеснул себе в лицо ведро соляной кислоты, что представляется мне чересчур нереалистичным. Далее, если психически неуравновешенный юноша решает покончить с собой, то, каким бы диким это ни казалось, нет никаких оснований подозревать, что совершено преступление, если только самоубийство, как в данном случае, не

оказывается невозможным физически.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Жанетт.

– Веревка, на которой висел мальчик, слишком коротка, по меньшей мере на десять сантиметров.

– Слишком коротка?

– Именно. Веревка недостаточно длинная для того, чтобы он мог, стоя на этих козлах, прикрепить ее к потолку. Элементарно, дорогой Ватсон. – Рюден указал на потолок.

– Кроме того, его повесили живьем. Он опорожнил кишечник, и если мы поищем повнимательнее, то, весьма вероятно, обнаружим, что у него еще произошло семяизвержение.

– Ты хочешь сказать, что, выпуская дух, он кончил? – спросил Рюдена Шварц, и Жанетт показалось, что он сейчас рассмеется.

– Да. Обычно именно так и бывает. Но продолжим. Кто-то подвесил его к потолку, наверное, с помощью вон той стремянки. – Рюден указал на стремянку, прислоненную к стене чуть поодаль. – Потом подставили козлы, чтобы выглядело так, будто он стоял на них, и в заключение плеснули ему в лицо кислотой, но зачем?

– Хороший вопрос...

– Первое, что приходит мне в голову: чтобы скрыть его личность. – Иво обернулся к Жанетт. – Но выяснять это не наша работа. И наконец, маленькая специфическая деталь, что веревка слишком короткая. По крайней мере, какая-то зацепка.

– Любопытно, но я вижу такое уже во второй раз за относительно недолгое время, – заметил Рюден с необъяснимо довольным видом.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, не кислоту, а то, что веревка слишком короткая.

– То есть как? – заинтересовалась Жанетт.

– Да, тогда было то же самое. Покойником был мужчина средних лет, который обманывал свою сожительницу, живя с двумя семьями одновременно. Нас озадачила только деталь с короткой веревкой, а так все указывало на самоубийство.

– И у вас не возникло никаких сомнений?

– Нет, сожительница рассказала, что нашла его, вернувшись из поездки. Она же вызвала полицию. Под стулом лежала пачка телефонных каталогов.

– Значит, вы подумали, что он положил телефонные каталоги на стул и взобрался на них, чтобы достать до петли?

– Да, мы пришли именно к такому выводу. Сожительница рассказала,

что, будучи в шоковом состоянии, скинула каталоги, когда снимала его, и у нас не было оснований подвергать ее слова сомнению. Там, кстати, не имелось никаких следов присутствия других лиц, а у нее, насколько мне помнится, было алиби. Ее рассказ подтвердили охранник с парковки и проводник поезда.

– Вы брали у него кровь на анализ?

Жанетт не покидало ощущение, будто она не видит чего-то, что находится у нее перед глазами, какую-то связь, которую ей никак не уловить.

– Насколько мне известно, нет. До этого не дошло. Дело прекратили, посчитав самоубийством.

– Значит, ты не усматриваешь никакой связи вот с этим?

– Ты просто надумываешь, Жанетт, – сказал Рюден. – Это два совершенно разных случая.

– Ладно, вполне возможно. Но отвезите парня в Сольну, и пусть химики проверят, нет ли там остатков обезболивающих препаратов.

У Рюдена сделался озадаченный вид. Иво Андрич, сразу уловивший мысль Жанетт, пояснил коллеге:

– У нас в лаборатории уже есть три трупа. Да, убитые мальчишки, которые, как мы полагаем, угодили в руки одному и тому же преступнику. Правда, этого парня многое от них отличает. Те трое были жестоко избиты и к тому же кастрированы. Кроме того, им вводили обезболивающее, и мы обнаружили у них в крови следы наркотиков. Если проверим этого парня, то... – Он жестом передал слово Жанетт.

– Ну, даже не знаю. Это просто на уровне ощущения. – Она благодарно улыбнулась Иво.

Патологоанатомическое отделение

У мальчика во внутреннем кармане нашли вызов в социальную службу Хессельбю. Внезапно они обрели его имя. Шварц и Олунд сразу съездили и привезли его родителей в Сольну для опознания.

Украшение, висевшее у мальчика на шее, оказалось семейной реликвией, которая из поколения в поколение переходила по наследству.

Уничтоженное лицо, конечно, не позволяло точно установить его личность, но, увидев татуировку мальчика, родители уже не сомневались в том, что это их сын. Процарапанные на груди буквы ОРФ были не самым обычным украшением для Стокгольма, и в одиннадцать двадцать родители подписали бумагу, вернувшую мертвому мальчику его лицо.

В отношении кислоты Рюден оказался прав: девяностопятипроцентная соляная кислота.

Анализы крови показали, что перед повешением мальчик получил сильную дозу амфетамина.

Получил ли он также ксилокаин адреналин, пока еще не установили.

Обнаженный мальчик лежал на столе для вскрытия разрезанным от шеи до пениса, и Иво Андрич заметил на его левой груди несколько маленьких пятнышек. Следов инъекций не наблюдалось – видимо, препараты ему давали с едой или питьем.

Через три часа, закончив отчет, Иво позвонил Жанетт Чильберг и кратко рассказал о своих выводах.

– Много напоминает остальных мальчиков, – начал он. – Пока мы обнаружили только следы амфетамина, но в этом случае инъекции не делались.

– Нет?

– Нет, он получил препарат каким-то иным образом. Зато я нашел у него на груди два маленьких пятнышка.

– Что еще за пятнышки?

– Похоже на следы электрического пистолета, но я не совсем уверен.

– А ты совершенно уверен, что на других мальчиках нет подобных отметин?

– Нет, поскольку они довольно сильно истерзаны. Но, пожалуй, придется снова достать их и еще раз обследовать. Я позвоню.

Они закончили разговор.

Электрический пистолет, думала Жанетт Чильберг. На этот раз кто-то

себе изменил.

Квартал Крунуберг

Мальчика, найденного повешенным на чердаке в квартале Монумент, звали Самуэль Баи. Ему было шестнадцать лет, он сбежал из дома, и имелось заявление о его исчезновении. Социальная служба Хессельбю приложила сведения о злоупотреблении наркотиками, кражах и драках.

Родители бежали от войны в Сьерра-Леоне и неоднократно оказывались под следствием. Главной проблемой семьи являлся старший сын Самуэль, который демонстрировал явные симптомы психической травмы, полученной во время войны, и периодически проходил курсы лечения в детской психиатрической клинике, а также у частного психотерапевта по имени София Цеттерлунд.

Жанетт содрогнулась. Снова София. Сперва Лундстрём, а теперь Самуэль Баи. Если мир тесен, то Стокгольм еще теснее.

Странно, что эта женщина все время оказывается замешанной, думала Жанетт. А может, и нет. Экспертизу преступлений против половой неприкосновенности детей в Швеции проводят в общей сложности пять полицейских. Сколько же психологов специализируется на детях, получивших психическую травму?

Вероятно, два или три человека.

Она подняла трубку и набрала номер Софии Цеттерлунд.

– Здравствуйте, София. Это опять Жанетт Чильберг, на этот раз по поводу Самуэля Баи из Сьерра-Леоне. Он проходил у вас лечение. Мы нашли его мертвым.

– Мертвым?

– Да. Убитым. Мы могли бы встретиться во второй половине дня?

– Приезжайте прямо сейчас. Я собиралась уходить домой, но могу подождать.

– О'кей, так и договоримся. Я буду у вас через пятнадцать минут.

Мыльный дворец

Жанетт пришлось дважды объехать прилегающие к Мариаторгет кварталы, прежде чем она нашла свободное место для парковки.

Когда она поднялась на лифте, в фойе ее встретила женщина – секретарь Софии, представившаяся как Анн-Бритт.

Жанетт объяснила ей свое дело и, когда женщина удалилась за Софией, стала рассматривать помещение. Изысканный интерьер, с подлинниками произведений искусства и несомненно дорогой мебелью, вызвал у нее ощущение, что, если хочешь делать большие деньги, работать надо именно здесь, а не вкалывать, как она, на Кунгсхольмене.

Секретарь вернулась вместе с Софией, сразу спросившей, не хочет ли Жанетт кофе или чаю.

– Нет, спасибо. Я не хочу понапрасну отнимать у вас время, думаю, нам лучше сразу приступить к делу.

– Ничего страшного, – отозвалась София, – я только рада, если могу помочь. Всегда приятно, если можешь оказаться кому-то полезной.

Жанетт посмотрела на Софию и инстинктивно почувствовала, что та ей нравится. Во время их прошлого разговора между ними сохранялась дистанция, а сейчас, буквально через минуту, Жанетт уловила во взгляде Софии искреннее дружелюбие.

– Постараюсь избежать фрейдистских оговорок, – пошутила Жанетт.

– Как мило с вашей стороны, – улыбнулась в ответ София.

Жанетт не поняла, что произошло, откуда взялся этот интимный тон, но он, несомненно, чувствовался. Она приняла его, даже немного понаслаждалась им.

Они расположились с двух сторон от письменного стола, с любопытством присматриваясь друг к другу.

– Что вы хотите узнать? – спросила София.

– Это касается Самуэля Баи и, ну... он мертв. Его обнаружили повешенным на чердаке.

– Самоубийство? – уточнила София.

– Нет, отнюдь. Его убили и...

– Но вы ведь сказали...

– Да. Но повесил его кто-то другой. Возможно, неудачная попытка представить это как самоубийство, хотя... нет, это даже нельзя назвать попыткой скрыть факт убийства.

– Я уже ничего не понимаю. Либо это самоубийство, либо нет. – София в недоумении покачала головой и закурила.

– Думаю, детали мы опустим. Самуэля убили, и все. Возможно, нам еще представится случай поговорить об этом подробнее, а сейчас мне необходимо побольше узнать о нем. Меня интересует любая информация, которая позволила бы мне составить о нем представление.

– Хорошо. Но более конкретно, что именно вы хотите узнать?

Она слышала в голосе Софии разочарование, но на объяснение всех деталей не было времени.

– Для начала почему вы с ним встречались?

– Вообще-то я не являюсь специалистом по детской психологии, но я работала в Сьерра-Леоне, и поэтому мы сделали исключение.

– Ой, звучит сурово, – посочувствовала Жанетт. – Вы сказали “мы”? Решение принималось не только вами?

– Да, ко мне обратились из социальной службы Хессельбю с вопросом, не возьмусь ли я за лечение Самуэля. Он ведь из Сьерра-Леоне, но это вам, вероятно, уже известно?

– Да, конечно. – Прежде чем продолжить, Жанетт ненадолго задумалась. – Что вы знаете о его жизни в...

– Во Фритауне, – подсказала София. – Он рассказывал, в частности, что общался с криминальной компанией и зарабатывал на жизнь разбоем и ограблениями домов. Кроме того, какой-то местный мафиозный босс периодически поручал ему запугивать людей. – София тяжело вздохнула. – Не знаю, понятно ли вам, но в Сьерра-Леоне царит хаос. Военизированные группировки используют детей для совершения поступков, на которые не способны взрослые. Детьми легко манипулировать, и...

Жанетт заметила, что Софии тяжело говорить на эту тему. Но что поделаешь? Как бы ни хотелось пощадить Софию, ей необходимо знать больше.

– Сколько Самуэлю тогда было лет?

– Он сказал, что впервые убил человека в семь лет. К десяти годам он уже потерял счет совершенным убийствам и изнасилованиям. Всегда под воздействием гашиша или алкоголя.

– Черт возьми, какая мерзость. Чем у нас занимается человечество?

– Не человечество. Только мужчины... остальных можете вычеркнуть.

Они помолчали, и Жанетт задумалась над тем, что, вероятно, довелось пережить самой Софии во время пребывания в Африке. Трудно было представить ее там. Эти туфельки, волосы.

Она такая чистенькая.

– Можно я возьму штучку? – Жанетт указала на лежащую возле телефона пачку сигарет.

София, неотрывно глядя Жанетт в глаза, медленным движением пододвинула пачку. Пепельницу она поставила между ними.

– Для Самуэля переход к шведскому обществу оказался невероятно труден, у него с первого дня возникли колоссальные проблемы с адаптацией.

– Да, у кого бы они не возникли? – Жанетт подумала о Юхане, у которого был период трудностей с концентрацией. Хотя его ситуация даже близко не лежала к тому, что довелось пережить Самуэлю.

– Именно, – кивнула София. – В школе ему было трудно усидеть на месте. Он громко высказывался, мешая одноклассникам. Несколько раз, почувствовав себя униженным или неправильно понятым, он злился и становился агрессивным.

– Что вы знаете о его свободном времени? То есть вне школы или дома? Не возникло ли у вас ощущения, что он кого-то боялся?

– Неугомонность Самуэля в сочетании с его огромным опытом применения насилия приводила к тому, что он часто вступал в конфликт с полицией и властями. Не далее как весной его самого сильно избили и ограбили. – София потянулась к пепельнице.

– Как вы думаете, почему он сбежал из дома?

– Перед самым его исчезновением они с семьей узнали, что осенью его собираются поместить в воспитательный дом для молодежи, и, думаю, скорее всего, поэтому он и предпочел сбежать. – София встала. – Мне, во всяком случае, необходима чашка кофе. Принести вам тоже?

– Да, пожалуйста.

София пошла в приемную, и оттуда послышалось жужжание кофейной машины.

Жанетт думала о том, какая странная сложилась ситуация.

Две совершенно нормальные, умные взрослые женщины сидят и обсуждают убийство агрессивного, неадекватного молодого человека.

Они не имеют абсолютно ничего общего с миром этого мальчика и тем не менее сидят тут.

Что же от них ожидается? Что они отыщут несуществующую правду? Поймут что-то, не поддающееся пониманию?

София вернулась с двумя дымящимися чашками черного кофе и поставила их на стол.

– Я сожалею, что мало чем могу помочь, но если вы дадите мне несколько дней, чтобы полистать мои бумаги, мы могли бы, возможно,

снова встретиться?

Удивительная женщина, подумала Жанетт. Казалось, будто она способна читать ее мысли. Это восхищало и – хотя Жанетт толком не могла понять почему – пугало.

– У вас есть желание? Я была бы страшно признательна. – Она улыбнулась, чувствуя, что все больше и больше проникается к Софии доверием. – Если не возражаете, мы могли бы соединить приятное с полезным и вместе поужинать.

Жанетт с удивлением слушала собственный голос. Откуда она взяла ужин? Такая открытость ей совсем не свойственна. Она ведь не приглашала домой даже девчонок из футбольной команды, хоть и знала их очень давно.

Вместо отказа София наклонилась вперед и посмотрела ей в глаза.

– Мне кажется, это замечательная идея. Я давным-давно не ужинала ни с кем, кроме самой себя. – Перед тем как продолжить, София сделала паузу, по-прежнему не спуская глаз с Жанетт. – Вообще-то я сейчас ремонтирую кухню, но если вас удовлетворит покупная еда, то я с удовольствием пригласила бы вас к себе.

Жанетт кивнула.

– Тогда, может, договоримся на пятницу?

Мыльный дворец

Проводив Жанетт Чильберг до лифта, София вернулась к себе в кабинет. Она пребывала в приподнятом настроении, чувствуя себя почти счастливой, и думала о том, что взяла и пригласила Жанетт домой на ужин. Так ли это на самом деле умно?

Ведь если она почувствовала что-то к Жанетт, это еще не означает, что ее чувства нашли отклик. Как бы то ни было, им теперь предстоит встретиться в домашней обстановке, и что из этого может получиться, покажет время.

Она достала кассеты с Викторией Бергман, сунула одну из них в магнитофон и нажала на пуск. Услышав голос Виктории, она взяла блокнот, положила его на колени, откинулась на спинку и закрыла глаза.

...конечно, она всегда знала, трусливая корова, хотя притворялась, будто нет ничего странного в том, что она просыпается в одиночестве и находит его у меня, а на полу валяются его трусы с желтыми вонючими пятнами.

София пыталась отделаться от навязчивых картин, которые нес с собой голос Виктории. Я должна быть профессионалом, думала она, нельзя принимать все близко к сердцу. Но тем не менее в сознании возникал образ отца, который крадется в комнату дочери.

Ложится рядом с ней.

София представила себе запах плоти, ей стало трудно дышать, ее начало подташнивать.

Повсюду тошнотворное, такое, от чего не отмоешься.

...а ругаться-то я не могла, поскольку тогда получала подзатыльник и начинала плакать под радиопрограмму “Концерт по заявкам”. Огурец на печеночном паштете был достаточно соленым и без моих слез, поэтому я предпочитала молчать, подпевать и отвечать на вопросы. Здорово, что мы сюда приехали, да, я хочу навестить кузину, которая живет в Эстерсунде, Боргхольме или где угодно. Отец говорил, что существует так много дураков, хватило бы и половины, и я всегда соглашалась. Я продолжала напевать, сидя с покрышимся пенкой какао, а его рука снова оказывалась там, как только мать отворачивалась...

София чувствовала, что больше не в силах слушать, но что-то не давало ей выключить магнитофон.

...и можно было бежать еще дальше и быстрее, но этого всегда

оказывалось недостаточно для получения приза, который могли бы поставить на книжную полку рядом с фотографией мальчика, не захотевшего плыть после того, как посмотрел на вид...

Голос делался интенсивнее, выше, но сохранял прежнюю монотонность.

Диапазон и тембр менялись.

Вначале бас.

...а хотел только обниматься, но он уже нашел себе новую, которая могла сопровождать в отпуск...

Затем альт.

...и возиться с ним, раз ее возьмут с собой аж в Падъеланту... [\[60\]](#)

Меццо-сопрано, сопрано, тоньше и тоньше.

...и бродить по двадцать километров в день, и нюхать золотой корень – единственное, что казалось интересным, поскольку под ним было нечто не противное...

По-прежнему не открывая глаз, она пошарила по столу, нащупала магнитофон и спихнула его на пол. Тишина.

София открыла глаза и посмотрела в блокнот.

Три слова.

ПАДЪЕЛАНТА, ЗОЛОТОЙ КОРЕНЬ.

О чем же Виктория рассказывала?

О чувстве бесправия, когда тебя без всякого предупреждения выдергивают из привычной жизни?

О поисках защиты в неприкосновенности, когда ты недостижима?

София ощущала полную растерянность. Ей хотелось понять, но казалось, будто Виктория полностью растворяется. Куда бы Виктория ни посмотрела, она оказывалась лицом к лицу с самой собой, а пытаясь найти себя, она находила лишь незнакомого человека.

София закрыла блокнот и приготовилась идти домой. Посмотрела на часы – без двадцати десять, значит, она проспала почти пять часов.

Тогда понятно, почему у нее разболелась голова.

Гамла Эншеде

После встречи с Софией Цеттерлунд Жанетт было трудно сосредоточиться на работе. Встреча взволновала ее, но чем именно, она объяснить не могла. Ей хотелось снова увидаться с Софией. Да, она просто с нетерпением ждала пятницы.

Сворачивая с Нюнесвэген, она чуть не столкнулась с выехавшей слева маленькой красной спортивной машиной, которая, в соответствии с правилом помехи справа, обязана была ее пропустить. Сердито нажав на гудок, Жанетт увидела, что это Александра Ковальска.

Проклятая дура, подумала она, но радостно помахала рукой. Александра помахала в ответ и, извиняясь, покачала головой.

Припарковав машину у дома и войдя в дверь, она обнаружила, что Оке жарит на кухне фрикадельки и прямо светится от радости.

Жанетт села за накрытый стол.

– Представляешь? – сразу же начал он. – Заезжала Алекс и рассказала, что выставка в Копенгагене развешана и я уже продал две картины. Вот, смотри! – Он вытащил из кармана какую-то бумагу и бросил на стол. Жанетт увидела, что это чек на восемь тысяч шведских крон.

– Это только начало, – засмеялся он, помешивая в сковородке, а потом подошел к холодильнику и достал две бутылки пива.

Жанетт сидела молча и размышляла. Значит, вот как бывает, когда все меняется кардинальным образом. Утром она волновалась, хватит ли им денег до конца месяца, а сейчас, несколько часов спустя, она сидит с чеком на больше чем два месячных оклада.

– Ну что опять не так? – Оке стоял перед ней, протягивая откупоренную бутылку пива. – Тебя не радует, что я наконец стал немного зарабатывать на том, что ты все годы считала моим хобби?

Она услышала в его голосе разочарование.

– Оке, ну почему ты так говоришь? Ты же знаешь, что я всегда в тебя верила. – Она собиралась погладить его по руке, но он уклонился и отошел обратно к плите.

– Да, так ты говоришь теперь. Но всего пару недель назад ты ныла, утверждая, что я безответственный.

Он обернулся и улыбнулся ей. Но не своей обычной улыбкой, а скорее надменной.

Видя его самодовольство, она почувствовала, что начинает злиться.

Разве они не вместе проделали этот путь? Неужели он закрывает глаза на то, что в течение всех лет их совместной жизни наличие еды на столе и красок на его палитре обеспечивала она?

Оке подошел к ней и обнял.

– Извини меня. Я наговорил глупостей, – сказал он, но ей показалось, что его слова прозвучали неискренне. – Алекс говорит, что в воскресенье “Дагенс нюхетер” опубликует рецензию, а потом они еще хотят взять у меня интервью для субботнего приложения. Черт, я действительно это заслужил!

Он вскинул руки так, словно забил гол.

Белые горы

– Трудно было найти? – спросила София, открыв дверь.

– Вовсе нет, – ответила Жанетт. – Моя карьера копа началась много раньше, чем изобрели GPS.

София фыркнула и пригласила Жанетт войти.

– В кухне, как я говорила, сейчас обстановка нежилая, поэтому нам придется обосноваться в гостиной.

Жанетт вошла и почувствовала раздражающий обоняние незнакомый запах. Если дома в атмосфере доминировали терпентин и старая спортивная форма, то здесь атмосферу отличал запах почти стерильной чистоты, смешанный со слабым цветочным ароматом и духами Софии. Жанетт это понравилось, или же она просто оценила разницу.

Она давно не ходила ни к кому в гости и впервые за очень долгое время чувствовала, что ей рады.

– Некоторые живут на широкую ногу, – сказала Жанетт, оглядевшись в просторной, не перегруженной мебелью гостиной. – Я имею в виду в центре города, да еще в одиночестве.

София попросила ее сесть на диван, а сама повесила ее плащ.

Жанетт уселась, издав глубокий, облегченный вздох.

– Иногда я готова отдать все что угодно, лишь бы прийти домой и просто посидеть. – Она откинула голову на спинку дивана и посмотрела на Софию. – Никаких нетерпеливых взглядов, никаких крадущихся шагов, планирований ужина, вымученных разговоров перед телевизором – мечта!

– Возможно, – многозначительно улыбаясь, проговорила вошедшая в комнату София, – правда, бывает и довольно одиноко. Иногда мне хочется просто продать квартиру и переехать. – Она достала из горки два бокала, наполнила их вином и села рядом с Жанетт.

– Вы очень хотите есть или можем немного подождать? Я купила разной итальянской еды.

– Я спокойно могу подождать.

Они посмотрели друг на друга. София подняла бокал и предложила перейти на “ты”. Жанетт с удовольствием присоединилась к тосту.

– А куда бы тебе хотелось переехать? – возобновила тему Жанетт.

– Ну, если бы я знала, то продала бы квартиру прямо завтра, но я не имею понятия. Возможно, за границу.

– Звучит увлекательно, но вряд ли излечит от одиночества.

– Наверное, я поверила мифу о замкнутости шведов, – засмеялась София, – и полагаю, что, стоит переселиться в континентальную Европу, как все вокруг сразу станет душевным и приятным.

Жанетт рассмеялась в ответ, но уловила в этом утверждении серьезность. Холод. Можно подумать, она сама его не ощущает.

– Меня скорее привлекает мысль о возможности не понимать того, что говорят люди.

Улыбка сошла с лица Софии.

– Серьезно? Ты действительно так думаешь?

– Вообще-то нет, но иногда приятно было бы оправдывать языковым барьером то, что ты не понимаешь чьих-то слов...

Жанетт почувствовала, что, возможно, слишком открылась. Однако что-то в Софии располагало ее к тому, чтобы не цензурировать, как обычно, свои мысли, прежде чем облечь их в слова и высказать.

– А если бы у тебя появилась возможность выбрать любое место в мире, куда бы ты переехала? – спросила она, чтобы сгладить сказанное.

София задумалась:

– Меня всегда привлекал Амстердам, но, если честно, понятия не имею. Возможно, это немного отдает клише, но мне хочется уехать к чему-то, а не от чего-то, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Что все, о чем мечтаешь, на поверку оказывается клише? – задиристо уточнила Жанетт, и София рассмеялась.

– Мне знакомо это чувство, и если сказать откровенно, а ведь говорить надо именно так, то...

Жанетт выдержала паузу и начала заново:

– Ну, мы с тобой пока еще не очень хорошо друг друга знаем. – Она внимательно посмотрела Софии в глаза и пригубила вина. – Ты умеешь хранить тайну?

Она незамедлительно пожалела о том, что, выразившись таким образом, придала разговору драматизм. Будто они подростки, совместными усилиями познающие мир, будто слова являются единственной гарантией, которая требуется для того, чтобы чувствовать себя защищенным.

С таким же успехом она могла спросить: хочешь быть моей лучшей подругой? То же наивное желание пытаться контролировать хаотическую действительность словами, вместо того чтобы предоставить реальным обстоятельствам решать, что следует говорить, а что нет.

Слова прежде действия.

Слова вместо защищенности.

– Это зависит от того, не идет ли речь о чем-то преступном. Впрочем,

тебе же известно, что я обязана соблюдать профессиональную тайну. – София улыбнулась.

Жанетт испытала благодарность за то, как София обошлась с ее пубертальным вопросом.

София смотрела на нее так, будто хотела увидеть. Слушала так, будто хотела понять.

– Будь ты христианским демократом, ты, вероятно, сочла бы это преступным.

София расхохоталась, запрокинув голову. Шея у нее была длинной и жилистой, будто бы хрупкой и сильной одновременно.

Жанетт тоже захихикала, придвинулась чуть ближе и подтянула на диван колени. Она чувствовала себя как дома и задумалась: неужели все именно так просто, как ей казалось, и друзей с годами стало меньше только из-за того, что она всегда ставила на первое место работу?

Здесь же явно нечто иное.

Нечто само собой разумеющееся.

– Я замужем за Оке уже двадцать лет, и все начинает казаться знакомым. – Она повернулась так, чтобы снова сидеть лицом к лицу с Софией. – Иногда мне чертовски надоедает заранее знать, что он скажет и как отреагирует.

– Некоторые назвали бы это надежностью, – произнесла София, профессионально придавая своим словам оттенок сомнения.

– В принципе оно так. Но самое печальное, что ему это как раз очень нравится. “Какое единодушие, Жанетт”, – говорит он, когда нам случается одновременно сказать то же самое. И я отвечаю: “Думаю, да. Единодушие”. Эти постоянные попытки найти объяснение тому, что мы живем вместе. Он видит сходство там, где его на самом деле нет, и возводит его в нечто, имеющее значение. Так, по крайней мере, было раньше, сейчас я даже не знаю. Иногда я задаюсь вопросом, не наскучило ли ему это тоже.

София молчала, и Жанетт видела, что она погружена в серьезные размышления.

– Конечно, иметь кого-то в непосредственной близости надежно, но в то же время... Это как жить с собственным братом. Ох, я не знаю, что такое близость... Ведь это же не может быть чисто географический вопрос. Черт, я чувствую себя такой занудой.

Жанетт в отчаянии всплеснула руками, хоть и понимала, что София не станет ее осуждать.

– Все в порядке. – София осторожно улыбнулась, и Жанетт улыбнулась в ответ. – Я с удовольствием послушаю, только если тебе хочется, чтобы я

выслушала тебя как друг.

– Разумеется. У меня бы не хватило денег нанять такого специалиста, как ты. Я же нищий полицейский. Ты, наверное, берешь по тысяче в час?

– Да, и это еще без НДС.

Они засмеялись, и София наполнила пустые бокалы.

– Ну, я, конечно, люблю Оке, но не уверена, что хочу с ним жить. Или нет, я знаю, что не хочу. Меня удерживает только Юхан, сын. Ему тринадцать. Он уже достаточно взрослый, чтобы понимать, что происходит.

– А Оке знает, что у тебя такой настрой?

– Думаю, подозревает, что я больше не на все сто верю в наши отношения.

– Но вы никогда об этом не говорили?

– Нет, прямо, пожалуй, нет. Это скорее висит в воздухе. Я занимаюсь своими делами, он своими. Или своими... – Жанетт провела пальцем по краю бокала. – Вообще-то я толком не знаю, чем он занимается. У него нет времени на стирку, нет времени на уборку, а теперь, похоже, больше нет времени даже на Юхана.

– Постоянно присутствует, но постоянно отсутствует? – саркастически произнесла София.

– Кроме того, я думаю, что у него связь с хозяйкой галереи, – услышала Жанетт собственные слова.

Неужели рассказывать об этом оказалось так легко, потому что София психолог?

– Чтобы ощущать надежность, вероятно, необходимо также, чтобы тебя видели? – София отпила глоток вина. – Между тем это основной недостаток в большинстве человеческих взаимоотношений. Люди перестают видеть друг друга, ценить то, что делает другой, поскольку единственным достойным внимания путем является собственный путь. На первом плане всегда оказываются собственные интересы. Это отнюдь не странно, хоть и печально. Я виню в этом индивидуализм. Он превратился в некую религию. На самом деле чертовски странно, что в мире, полном войн и страданий, люди пренебрегают надежностью и верностью. Надо быть сильным, но непременно в одиночку, иначе ты по определению слабак. Колоссальный идиотский парадокс!

Жанетт видела, что в Софии произошла какая-то перемена – ее голос стал ниже и тверже, и не совсем понимала причину такого внезапного изменения настроения.

– Извини, я не хотела тебя разволновать.

– Ничего страшного, просто я на собственном опыте испытала, каково

это, когда тебя принимают как данность. – София встала. – Ладно, как тымотришь на то, чтобы немного поесть?

– С удовольствием, иначе вино может ударить в голову.

Жанетт с беспокойством проводила Софию взглядом, когда та поднялась и пошла на кухню. Обратн она вернулась с подносом в руках и поставила его на стол.

– Прошу прощения, – извинилась она. – Говорить ведь собиралась ты, я только хочу сказать, что иногда мне очень надоедают люди, не понимающие, какую причиняют друг другу боль лишь тем, что сближаются с кем-то другим.

Жанетт еще отчетливее уловила, насколько более глубоким и менее мелодичным стал голос Софии. Она поняла, что разбредила глубокую рану.

– Я считаю, – поспешно продолжила София, – раз тебе хочется кайфа, если нужны сильные ощущения и адреналин, поезжай в Африку и сделай что-нибудь полезное. Так нет, вместо этого они прыгают с парашютом, или лезут на гору, или обманывают жену, или предают ту, которой обещали поддержку, и смеются, когда она падает, лишившись опоры.

София расставила тарелки и села. Они принялись накладывать себе еду.

Жанетт чувствовала, что причинила боль, и хотела смягчить последствия, но поняла, что забыла, как это делается, если вообще когда-нибудь знала. Она сунула в рот немного салата-пасты.

– Думаю, я понимаю, что ты имеешь в виду, – осторожно начала она чуть позже, – но ты действительно считаешь, что все дело в примитивной погоне за сильными ощущениями? В самой по себе перемене ведь нет ничего плохого, иногда пуститься в свободное плавание бывает неврдно.

– Безусловно, но человек должен играть в открытую и стараться не ранить больше необходимого.

София вновь обрела нормальный голос и тоже взялась за еду.

Некоторое время они ели молча. Жанетт заметила, что София успокоилась.

– Конечно, все не так просто, – сказала она немного погодя, пытаясь подстроиться к рассуждениям Софии. – Оке хороший муж. Он добр ко мне и боготворит Юхана. Правда, он неисправимый романтик, думающий хорошо обо всех и вся, а с полицейскими дело в этом отношении обстоит строго наоборот. Я всегда проявляю подозрительность. В финансовом отношении он ходячая катастрофа, и я не могу перестать рассматривать это как проявление если не злого умысла, то, по крайней мере, полного

отсутствия сочувствия.

София наполнила бокалы.

– Ты рассказывала ему о своем восприятии ситуации? Финансовый стресс является одной из самых обычных причин супружеских ссор.

– Разумеется, стычки у нас случаются, правда... не знаю, но иногда мне кажется, будто он не в силах представить себе, что я испытываю, когда не могу оплатить счета и вынуждена звонить родителям, чтобы занять у них денег. Как будто это только моя ответственность.

София посмотрела на нее серьезно.

– Для меня это звучит так, словно ему никогда не требовалось брать ответственность на себя. У него, похоже, всегда имелся кто-то, готовый обо всем для него позаботиться.

Жанетт молча кивнула. Казалось, все встало на свои места.

– Ладно, давай оставим это, – произнесла она, положив руку Софии на плечо. – Мы ведь собирались встретиться для разговора о Самуэле, не так ли?

– Это от нас не уйдет, даже если сегодня и не получится.

– Знаешь, – прошептала Жанетт. – Я страшно рада, что встретилась с тобой. Ты мне нравишься.

София пододвинулась поближе и положила руку на колено Жанетт. Когда та посмотрела Софии в глаза, у нее зашумело в голове.

Промелькнула мысль: в этих глазах она, пожалуй, сможет найти все, что когда-либо искала.

Жанетт наклонилась вперед и увидела, что София откликнулась на ее движение. Их губы встретились, нежно и сердечно.

В тот же миг она услышала, как кто-то из соседей вешает картину.

Кто-то вбивал гвоздь.

ПРОШЛОЕ

Оглядываясь назад, можно иногда определить точку отсчета нового времени, хотя в тот момент и казалось, будто один день, как обычно, сменяет другой.

Для Софии Цеттерлунд оно началось после поездки в Нью-Йорк. Потом она взяла больничный и пролежала две недели в постели, размышляя о ситуации как с работой, так и с личной жизнью. С наступлением рождественских праздников мысли о личной жизни стали

занимать в ее сознании все больше места.

В первый день после праздников она решает позвонить в налоговое управление, чтобы получить подробные сведения о мужчине, о котором полагала, что знает все.

Для того чтобы выслать ей домой все имеющееся у них о Ларсе Магнусе Петтерссоне, налоговому управлению достаточно персонального идентификационного номера.

Конечно, ей придется несколько дней подождать, но какая, собственно, разница? Ведь факты все время находились у нее перед носом.

Почему она ждала?

Не хотела посмотреть правде в глаза?

Неужели она ничего не понимала?

Когда она спрашивает о Ларсе Петтерссоне в фармакологической фирме, там поначалу не понимают, о ком она говорит, но после настоятельных просьб все-таки соединяют ее с отделом продаж.

Секретарша оказывается очень любезной и делает все, чтобы помочь Софии. После обстоятельных поисков она находит некого Магнуса Петтерссона, но тот уволился более восьми лет назад, проработав очень недолгое время в их немецком офисе в Гамбурге.

Согласно последнему указанному им адресу, он проживает в пригороде Сальтшёбаден.

Улица Польнесвэген.

София кладет трубку, даже не попрощавшись, и достает бумажку, где записала обнаруженный у Лассе в телефоне незнакомый номер. Согласно домашней страничке справочного бюро “Эниро”, абонентом является некая Мия Петтерссон, проживающая в Сальтшёбадене на Польнесвэген. Под ее адресом значится еще один номер – телефон магазина “Цветы Петтерссонов” в пригороде Фисксэтра, и хотя София начинает понимать, что делит своего мужчину с другой, ей хочется верить, что все это не что иное, как колоссальное недоразумение.

Только не Лассе.

Ей кажется, будто она стоит в коридоре, где перед ней одна за другой открываются двери. За долю секунды все двери оказываются открытыми, и она видит, что коридор длиной в бесконечность, а в самом конце просматривается истина.

В тот же миг она все видит, понимает, и все становится предельно ясным. Понимает, почему стоит там, где стоит. Почему Лассе находится там, где находится. Все становится таким отчетливым, и вместе с тем ее

охватывает настолько сильное ощущение невероятности, что ей делается трудно дышать.

Значит, Лассе все время имел две полноценных семьи. Одну в Сальтшёбадене, а вторую – с ней, в стокгольмской квартире.

Конечно, ей следовало догадаться намного раньше.

Его мозолистые руки, свидетельствовавшие о физическом труде, хотя он утверждал, что работает в офисе. Большая вилла, вероятно, требует тяжелого труда, и, очевидно, поэтому ему нравилось каждую вторую неделю просто сидеть на диване и смотреть телевизор. Неделя с женой, неделя с ней – должно быть, идеальный расклад.

Она мучается от неуверенности и ревности, замечая, что утратила способность мыслить логически. Неужели только она не понимала, как обстоит дело?

Ей вспоминается их разговор на кухне сразу после возвращения из Нью-Йорка, когда он вдруг, казалось, так перепугался. Может, подумал, что она о чем-то догадалась?

Сразу все становится ясным.

Ему потребуется помощь, думает она. Но не от нее.

Она не в силах спасти такого, как он, если спасение вообще возможно.

София встает, идет в кабинет и начинает искать в ящиках письменного стола – в его ящиках. Не потому, что знает, что именно надеется найти, но ведь должно же там быть что-то, способное пролить дополнительный свет на то, кем на самом деле является мужчина, с которым она жила?

Если все так, как она подозревает, то с годами он, вероятно, стал менее осторожен. Ведь обычно так и бывает? Даже существуют личности, которые хотят, чтобы их разоблачили и поэтому сознательно настолько расширяют рамки допустимого, что в конце концов полностью выдают себя.

Под несколькими брошюрами с логотипом фармакологической фирмы она находит конверт из больницы, извлекает из него лист и читает.

Датированное десятью годами раньше направление, из которого следует, что Ларе Магнус Петтерссон получил номерок к урологу для вазэктомии.

Сперва она ничего не понимает, но затем осознает, что Лассе прошел стерилизацию. Десять лет назад.

Значит, все эти годы он не мог дать ей ребенка, о котором она так мечтала. Его слова в Нью-Йорке о том, что он хочет ребенка, были не просто ложью, он знал, что это невозможно.

Слой счищается за слоем, и вскоре не остается уже почти ничего,

кроме того, в чем она может быть совершенно уверена.

Что же это?

Что ее зовут София, да, это она знает.

А дальше?

Может ли она полагаться на свои воспоминания? Автоматически – нет. Воспоминания способны с годами меняться и идеализировать или драматизировать события. Она ведь, черт подери, психолог.

У нее такое чувство, будто кто-то стягивает ей грудную клетку веревкой, медленно сжимая все сильнее, и, похоже, она вот-вот потеряет сознание. Опыт общения с пациентами, страдающими паническим неврозом, подсказывает ей, что именно в таком состоянии она сейчас и находится.

Но как бы рационально она на себя ни смотрела, она не в силах отделаться от страха.

Последняя ее мысль, перед тем как в глазах темнеет: я сейчас умру?

В пятницу двадцать восьмого числа она едет в Фисксэтру. Идет дождь со снегом, и термометр на здании по дороге показывает чуть выше нуля.

Она оставляет машину возле лодочной станции и идет в центр пешком. Там она сразу видит маленький цветочный магазин, но сомневается, хватит ли у нее решимости войти. Не потому что думает, будто ей стоит там чего-то опасаться, просто не уверена, как поведет себя, оказавшись лицом к лицу с женщиной, с которой в течение десяти лет делила мужа.

Если та, другая женщина не знает о двойной жизни Лассе, то обвинять ее или призывать к ответу нельзя. Тогда что она, черт возьми, здесь делает?

Что хочет узнать такого, чего бы еще не знала?

Вероятно, ей просто-напросто хочется, чтобы незнакомая женщина обрела конкретное лицо.

Впрочем, стоя в одиночестве на площади, она уже больше ни в чем не уверена. Она колеблется, но понимает, что если вернется домой, не закончив дело, то будет только продолжать терзаться.

Она решительно входит в магазин, но с разочарованием обнаруживает, что за кассой стоит девушка лет двадцати – двадцати пяти.

– Здравствуйте, приятного вам продолжения праздников. – Девушка выходит из-за прилавка и подходит к Софии. – У вас есть какие-то особые пожелания?

София колеблется и уже разворачивается, чтобы уйти, но в этот момент открывается дверь складского помещения, и в магазин выходит

красивая темноволосая женщина лет пятидесяти. На груди у нее с левой стороны приколот бейдж с именем “Мия”.

Женщина почти одного роста с Софией, и у нее большие темные глаза. София не может оторвать взгляда от этих двух поразительно похожих женщин.

Мать и дочь.

В молодой женщине ей отчетливо видны черты Лассе. Его чуть скошенный нос.

Овальное лицо.

– Извините, вас интересует что-нибудь особенное? – нарушает странную тишину молодая женщина, и София поворачивается к ней.

– Букет для моего... – София сглатывает. – Для моих родителей. Да, они сегодня отмечают день свадьбы.

Женщина подходит к витрине со срезанными цветами.

– Тогда думаю, вам подойдет букет вот таких.

Пятью минутами позже София заходит в магазинчик по соседству с “Цветами Петтерссонов” и покупает большой стакан кофе и булочку с корицей. Она садится на скамейку, с которой хорошо просматривается площадь, и медленно пьет кофе.

Все вышло совсем не так, как она себе представляла.

Молодая женщина принялась собирать букет, а Мня тем временем вернулась обратно в складское помещение. И на том все. София предполагает, что расплатилась, но не уверена. Вероятно, да, поскольку за ней никто не выбежал. Она помнит звук маленького колокольчика на двери и шорох снега. Кто-то посыпал площадь мелким гравием.

Стакан с кофе обжигает руку, и София приходит в себя. Людей на улице почти не видно, несмотря на то, что это второй будний день после Рождества, и она предполагает, что те, кто не сидит дома, наслаждаясь рождественскими каникулами, отправились в Сити на предновогоднюю распродажу^[61].

Букет она кладет на скамейку рядом с собой. В нем красные, розовые и оранжевые розы плотно связаны с лилиями и орхидеями. Она смотрит на бумажку, которую судорожно сжимает в руке.

Чек. Да, она все-таки расплатилась.

Она думает о Лассе, и чем больше думает о нем, тем более нереальным он ей кажется.

София мнет букет и засовывает его в урну рядом со скамейкой. Кофе отправляется туда же – он все равно безвкусный и даже не согревает.

Подступают проклятые слезы, и ей с трудом удается их сдерживать. Она закрывает лицо руками, пытаясь думать о чем-нибудь другом, кроме Лассе и Мни. Но ничего не получается.

Ведь Мня все это время занималась с ним любовью. А девушка – вероятно, дочь Лассе? Его ребенок. От нее же он ребенка не хотел. Всего того, что Лассе имел вместе с Мией, он не хотел иметь с ней – с другой. Она видит собственное мрачное, измученное лицо рядом с улыбающимся лицом Мни.

Ей вспоминается пластинка с Лу Ридом, которую он поставил для нее в гостиничном баре в Нью-Йорке. До нее доходит, что эта пластинка, естественно, имеется в его собрании в Сальтшёбадене и что слушал он ее вместе с Мией.

Она тут же припоминает еще несколько подобных ситуаций. Неуверенность, казавшаяся ей очаровательной чертой его характера, на самом деле является результатом ведения двойной жизни.

София чувствует, что от холодной деревянной скамейки у нее начинает мерзнуть спина. Она запрокидывает голову, словно в попытке не дать слезам вытечь на щеки.

Ей ясно, что с Лассе необходимо порвать. И точка. Никаких мыслей, тягостных раздумий, ничего. Пусть разбирается со своими делами как угодно, для нее он должен умереть. Елавное – решиться, иначе будет только труднее и труднее.

Она не станет устраивать скандалов или кричать, даже пробовать добиваться справедливости. Некоторые вещи необходимо просто вырезать из своей жизни – если хочешь выжить сам. Она уже через это проходила.

Но прежде надо сделать одну вещь, какую бы боль это ни причинило.

Ей необходимо увидеть их вместе – Лассе, Мию и их дочь.

Она знает, что должна это увидеть, иначе никогда не сможет перестать о них думать. Картина счастливой семьи в сборе будет, вне всякого сомнения, преследовать ее. Надо с ней столкнуться.

В оставшиеся до Нового года дни София Цеттерлунд почти ничего не делает. С Лассе она разговаривает лишь однажды, и разговор продолжается не более полуминуты, в течение которых она, изображая стресс и отчаяние, рассказывает о сложном положении на работе.

Под Новый год, в одиннадцать часов вечера, София садится в машину и едет в Сальтшёбаден. Найти улицу Польнесвэген оказывается очень легко.

Она паркует машину метрах в ста от большого дома и возвращается к

подъездной дороге пешком. Перед ней желтая двухэтажная вилла с белыми фронтонными планками и большим ухоженным садом. Слева каменная лестница ведет к выходящей на другую сторону террасе.

Перед навесом стоит машина Лассе.

София огибает гараж и подходит к дому сзади. Под защитой нескольких деревьев она получает прекрасный обзор через большое панорамное окно. Желтый свет распространяет тепло и уют.

Она видит, как Лассе входит в гостиную с бутылкой шампанского, что-то крича вглубь дома.

Из кухни появляется темноволосая красивая женщина из цветочного магазина, в руках у нее поднос с бокалами для шампанского. Из соседней комнаты выходит дочка вместе с парнем, похожим на Лассе.

У него есть еще и сын? Двое детей? Правда, уже взрослых.

Они усаживаются на большой диван, Лассе наливает им шампанского, и они, улыбаясь, поднимают бокалы.

В течение тридцати минут София стоит как парализованная, наблюдая за этим смехотворным спектаклем.

Реальным и в то же время таким фальшивым.

Она вспоминает, как ей однажды показывали Китайский театр^[62]. Названия спектакля она не запомнила, но вид декораций сзади ее совершенно обескуражил.

Со стороны зрительного зала это был бар или ресторан, а за окном – море и солнечный закат. Потертая мебель и звуковые эффекты – крики чаек и плеск волн, все выглядело подлинным.

Когда же она потом зашла за кулисы, все стало таким жалким. Интерьер оказался построенным из ДСП и держался на месте при помощи серебристого скотча и зажимов. Повсюду валялись мотки проводов от создававших иллюзию заката ламп и усилителей со звуковыми эффектами.

Контраст с теплой комнатой, которую она видела из зала, был так велик, что она почувствовала себя почти обманутой.

Сейчас она наблюдала такую же сцену. Привлекательную внешне, но фальшивую изнутри.

Перед двенадцатым ударом часов, увидев, как счастливая компания поднимается, чтобы снова поднять бокалы, София вынимает мобильный телефон и набирает его номер. Она видит, как он вздрагивает, и понимает, что телефон у него переключен на режим вибрации.

Он что-то говорит и идет на второй этаж. Ей видно, как в окне зажигается свет, и через несколько секунд у нее звонит телефон.

– Привет, дорогая! С Новым годом! Чем ты занимаешься? – Она

слышит, как он напрягается, чтобы создать впечатление страшной занятости. Он же все-таки в офисе, в Германии, и вынужден работать, несмотря на Новый год.

Прежде чем она успевает что-нибудь сказать, ей приходится отодвинуть трубку в сторону и наклониться – ее тошнит прямо в куст.

– Алло, что ты делаешь? Я тебя очень плохо слышу. Можно я перезвоню попозже? Вокруг меня сейчас небольшая суматоха.

Ей слышно, как он открывает кран в раковине, чтобы семья на нижнем этаже не могла разобрать его слов.

Плотина дает трещину, и наружу вырывается поток отвратительного предательства. София не намерена мириться с ролью “второй”.

Она прерывает разговор и идет обратно к машине.

Всю дорогу до дома она плачет, и бьющий по ветровому стеклу дождь со снегом словно бы вторит ее слезам. Она ощущает во рту горький вкус туши для ресниц.

Сведения из налогового управления лишь подтвердят то, что ей уже известно.

Заполняют несколько пробелов. Польнесвэген. Детали.

Его отсутствие и его холодность.

Цветы, которые не покупались в аэропорту, а брались в магазине “Ц, веты Петтерссонов”, в Фисксэтре.

Жена и двое взрослых детей.

В течение десяти лет она играла в мяч сама с собой, а когда думала, что он тоже участвует и сделает ответный пас, он просто стоял, вытянув руки по швам.

“Как ты думаешь, Лассе, не позволить ли нам себе летом четырехнедельный отпуск и не снять ли домик в Италии?” “Послушай, Лассе, что бы ты сказал, если бы я перестала принимать противозачаточные таблетки?”

“Не пришло ли нам время переехать за город?”

“Я подумала...”

“Мне бы хотелось...”

Десять лет предложений и идей, когда она раскрывала свои чувства и мечты. Столько же лет колебаний и отговорок.

“Даже не знаю...”

“Сейчас на работе так много дел...”

“Мне необходимо уехать...”

“В данный момент нет, но скоро...”

Ее желание иметь ребенка было только ее желанием. Не его. У него

ведь уже есть двое, и больше ему не надо. Ее желание обзавестись домом было только ее желанием. Не его. У него ведь один дом уже есть, и больше ему не требуется.

Одним неторопливым махом он лишает ее всего.

Она ощущает полную апатию. Часами бесцельно ездит на машине и возвращается к действительности, только когда зажигается лампочка, сигнализирующая о том, что у нее заканчивается бензин. Она останавливается и заглушает мотор.

Все, что еще несколько дней назад было правдой и реальностью, оказалось иллюзией, наваждением.

Что же ей делать? Пассивно наблюдать, как разваливают ее жизнь?

Мимо с гудением проносится грузовик, всего сантиметрах в десяти, и она включает аварийный сигнал. Если уж умирать, то пусть это хотя бы произойдет красиво, а не в сточной канаве промышленного района Вестберга.

Виктория Бергман, ее новая пациентка, никогда бы не допустила, чтобы с ней обошлись как с чем-то, чем можно попользоваться и выбросить, когда наскучит, думает она.

Хотя они пока встречались не так много раз, София поняла, что Виктория обладает силой, о какой она сама может только мечтать. Виктория, несмотря ни на что, выжила и научилась использовать свой опыт.

Поддавшись внезапному порыву, София решает позвонить Виктории. В телефоне она видит пропущенное сообщение от Лассе: “Дорогая. Я вылетаю домой. Нам надо поговорить”. Она закрывает сообщение, набирает номер Виктории и ждет сигналов соединения. К ее разочарованию, телефон занят. Сообразив, что собиралась сделать, София смеется. Виктория Бергман? Ведь это Виктория является ее пациенткой, а не наоборот.

Она думает о сообщении Лассе. Домой? Что он считает домом? И потом, самолет? Ведь он просто приедет на машине из Сальтшёбадена, и ничего больше. Возможно, он догадывается, что она все знает. Что-то же должно было заставить его вот так, очертя голову, покинуть свою настоящую семью. Ведь все-таки новогодняя ночь.

Без всякого предупреждения вновь подступает тошнота, и София едва успевает распахнуть дверцу машины, чтобы ее вырвало в серое снежное месиво.

Она заводит машину, включает на полную мощность подогрев и едет в сторону Ошты, спускается в туннель и продолжает путь к Хаммарбю

Шёстад.

На бензоколонке “Статойл” она останавливается, чтобы заправиться, и, покончив с этим, заходит в магазинчик. Она бродит между полками, размышляя, куда бы ей податься, и проклиная себя за то, что позволила до такой степени себя изолировать, что сейчас она до смешного одинока.

Оказавшись перед кассой, она смотрит в корзинку и обнаруживает, что взяла дворники, автомобильный ароматизатор и шесть пачек печенья “Балерина”.

Она расплачивается и направляется к выходу, но возле дверей останавливается перед стойкой с дешевыми очками для чтения. Машинально примеряет несколько штук с наименьшим количеством диоптрий. Под конец она находит очки с черной оправой, от которых ее лицо выглядит более узким, строгим и чуть постарше. Увидев, что продавец стоит к ней спиной, София быстро сует очки в карман. Что происходит? Она раньше никогда не воровала.

Когда она снова садится в машину, то достает мобильный телефон, находит последнее сообщение от Лассе и нажимает на “Ответить”.

“О’кей. До встречи дома. Если меня не будет, подожди”.

Потом она едет в Сити, оставляет машину на подземной стоянке на улице Утофа Пальме и с помощью кредитной карты оплачивает парковку в течение суток.

Этого будет вполне достаточно.

Чек она, однако, не кладет на приборный щиток, а засовывает в бумажник.

Уже наступило новогоднее утро, часы показывают половину шестого. Дойдя до Центрального вокзала, она заходит в зал отправления и останавливается перед большим табло с расписанием поездов. Вестерос, Гётеборг, Сундсвалль, Упсала и так далее. Она идет к билетным автоматам, снова достает банковскую карточку и покупает билет до Гётеборга и обратно на поезд, отправляющийся в восемь часов.

Она покупает в киоске две пачки сигарет, а потом в ожидании поезда садится в кафе.

“Гётеборг?” – думает она.

Внезапно до нее доходит, что она собирается сделать.

Гамла Эншеде

Воскресное утро выдалось великолепным, и Жанетт проснулась рано. Впервые за долгое время она чувствовала себя по-настоящему отдохнувшей.

Выходные не слишком сильно ее напрягли. К ним в гости приехали родители Оке, но все прошло на удивление безболезненно, хотя его мама и высказала, что свиное филе получилось чуть суховатым, а картофельный салат не следует покупать в дешевом супермаркете.

В целом они провели время приятно. Смотрели телевизор и играли в игры.

Свекор со свекровью намеревались уехать около полудня, и остаток дня она сможет провести по собственному усмотрению. Жанетт лежала в кровати и планировала, как использует свободное время.

Никакой работы.

Разобраться с мелкими домашними делами, немного почитать и, возможно, совершить долгую прогулку.

Она услышала, что Оке просыпается. Он тяжело задышал и заворочался.

– Все уже встали? – усталым голосом спросил он, натягивая одеяло на голову.

– Думаю, нет. Только половина восьмого, так что можно еще немного полежать. Когда твоя мама начнет возиться на кухне, мы услышим.

Оке встал с постели и начал одеваться.

Ну и ступай, все равно ничего уже не осталось, подумала она, видя перед собой светлое лицо Софии.

– Когда у них поезд?

– Без нескольких минут двенадцать. Хочешь, чтобы я их отвезла? – пытаюсь говорить равнодушным тоном, отозвалась Жанетт.

– Мы ведь можем поехать вместе, – ответил он, явно стараясь, чтобы это прозвучало дружелюбно.

Через полчаса Жанетт спустилась на кухню и села завтракать вместе с остальными. Когда все поели и убрали со стола, она взяла кружку с кофе и вышла в сад.

Настроение у нее, несмотря ни на что, было приподнятым.

Встреча с Софией вопреки ее ожиданиям вылилась в нечто совершенно иное, и она надеялась, что София чувствует то же самое. Они

целовались, и она впервые испытала к женщине чувства, которые раньше испытывала только к мужчинам.

“Может, сексуальность не обязательно привязана к полу человека?” – думала она в растерянности. Возможно, все куда банальнее и главным является конкретная личность. А мужчина это или женщина, не имеет значения.

Так просто и вместе с тем так сложно.

Она допила кофе и вернулась в дом.

Оке с отцом сидели перед телевизором и смотрели какую-то передачу о природе, а Юхан помогал бабушке на кухне мыть посуду.

Когда настало время ехать на вокзал, Жанетт вынесла дорожные сумки к машине, не желая путаться под ногами, пока свекор со свекровью упаковывают последние вещи и сентиментально прощаются с Юханом.

Жанетт подъехала к вокзалу и припарковалась между двумя такси. Они совместными усилиями вытащили сумки из машины и после еще одного слезливого прощания на перроне наконец расстались, и Жанетт сразу почувствовала, что ей стало легче дышать. Она взяла Оке за руку и медленно двинулась обратно к машине.

Тягостные мысли, мучившие ее утром, как ветром сдуло. Невзирая ни на что, она тесно связана с Оке, а он с ней.

Что может София дать ей такого, чего она не может получить от Оке? – думала она.

Трепет и любопытство – это еще не все.

Надо просто стиснуть зубы.

На обратном пути они остановились у киоска и купили газету “Дагенс нюхетер”. Там ожидалась рецензия на выставку Оке. Он предпочел бы купить газету до завтрака, но поскольку ему не хотелось, чтобы родители прочитали о его возможном провале, он решил повременить.

Вернувшись домой, они вместе уселись за кухонный стол и раскрыли газету. Жанетт видела, что он волнуется, как никогда.

Он смеялся и преувеличенно изображал равнодушие.

– Вот она, – сказал он, согнул газету пополам и положил ее между ними.

Они читали молча, каждый про себя. Когда Жанетт осознала, что описывают не кого-нибудь, а ее Оке, у нее голова пошла кругом.

Рецензент-мужчина писал в исключительно лирических тонах. По его словам, живопись Оке Чильберга явилась важнейшим событием в шведском искусстве за последнее десятилетие, и Оке предсказывалось блестящее будущее. Ему, без сомнения, предстояло стать следующим

представителем шведской культуры международного масштаба, и по сравнению с ним его коллеги-художники Эрнст Билльгрэн и Макс Бук^[63] представляли просто банальными эпилгонами.

– Я должен позвонить Алекс. – Оке встал и пошел в прихожую за телефоном. – А потом мне надо обратно в город. Ты сможешь меня подбросить?

Жанетт сидела на месте, не зная, какие чувства должна испытывать.

Это было как сон.

– Да, конечно, – ответила она, сознавая, что с этого момента все изменится.

Она даже не представляла себе, насколько права, хотя все изменится совсем не так, как ей думалось.

Улица Всех Святых

Шум транспорта на Дальсландсгатан тонул в знакомых звуках гармонии. Из открытого окна гремела “Баллада о бриге “Синяя птица” из Халла”^[64]. София Цеттерлунд остановилась и послушала, прежде чем двинуться дальше, к Мариаторгет.

Некоторые прохожие улыбались, кивая, а одна женщина начала подпевать грустному тексту о юнге, которого привязали к мачте и потом забыли, когда корабль затонул.

Музыка неожиданно нарушала привычный ритм и играла роль вербального катализатора в стране, где никто ни с кем не разговаривает без повода. Эверта Тоба знают все, поскольку впитали его с селедкой и материнским молоком.

После вечера с Жанетт София пребывала в растерянности. То, что первоначально задумывалось как встреча, связанная с ее работой, вылилось в нечто очень личное. Жанетт воздействовала на нее эмоционально, и физически София ощутила трепет, какого прежде не испытывала. Жанетт заставила ее почувствовать себя привлекательной таким образом, каким этого не удавалось даже Лассе.

В то же время ее пугало, что какой-то человек способен настолько явно влиять на ее самочувствие и тем самым обрести над ней контроль. Когда они были вместе с Микаэлем, ему никогда не удавалось проникнуть в нее так глубоко, как сумела Жанетт, и ей это понравилось.

Наслаждаясь этим, она полностью отдалась ей.

Но сейчас она уже не была больше так уверена в правильности своих действий.

Связь с Жанетт может все очень сильно усложнить.

Выйдя на улицу Всех Святых, она остановилась, достала из сумочки маленький диктофон и надела наушники. На футляре кассеты она прочла, что запись сделана четыре месяца назад.

София нажала на пуск и пошла дальше.

...и я поехала на пароме в Данию с Ханной и Йессикой – лицемерными девицами, с которыми познакомилась в Сигтуне, а им приспичило отправиться на фестиваль в Роскилле и бросить меня в палатке одну с четырьмя омерзительными немецкими парнями, которые всю ночь ковырялись, лапали, прижимались и стонали, а я слушала доносившееся издали пение Sonic Youth и Iggy Popa и не могла пошевелиться, поскольку

они поочередно держали меня...

Полностью отключившись, София брела точно во сне, не слыша и не замечая людей вокруг.

...знала, что мои так называемые подруги стояли возле самой сцены и им было глубоко наплевать на то, что я вырубилась от их сладкого десертного вина, и меня насиловали, и что потом я не захотела рассказывать, отчего расстроена, и рвалась только уехать оттуда...

Магнус-Ладулосгатан. Все шло само собой. Тиммермансгатан. Слова превращались в картины, ею прежде не виденные, но тем не менее хорошо знакомые.

...и добраться до Берлина, где я полностью выпотрошила их рюкзаки, соврав, что нас обокрали, пока я спала, а они ходили купить еще вина, как будто мы уже и так не выпили слишком много. Но они пользовались отсутствием своих благородных родителей, оставшихся дома, в Дандерюде, и зарабатывавших деньги, которые присылались нам в Германию, чтобы мы могли двигаться дальше...

Тут она понимает, о чем Виктория будет рассказывать, и вспоминает, что уже неоднократно прослушивала эту кассету. Она, наверное, раз десять слушала рассказ Виктории о путешествии по Европе.

...в Грецию и застрять на таможне, чтобы наши вещи обыскивали собаки, и нас подвергали личному досмотру похотливые мужики в форме, которые пялились на грудь так, будто никогда прежде груди не видели, и считали уместным использовать пластиковые перчатки, когда совали в тебя пальцы. Потом все плохое закончилось, когда мы начали пить водку, и у нас образовался провал в памяти почти на всю Италию и Францию, и мы очнулись где-то в Голландии. Тут обе эти предательницы посчитали, что с них, черт возьми, довольно, и заявили, что едут домой, тогда я оставила их на парижском Северном вокзале и отправилась в Амстердам к одному типу, который тоже стал давать волю рукам и поэтому получил цветочным горшком по голове. Было по меньшей мере справедливо стащить у него бумажник, и денег с лихвой хватило на гостиничный номер в Копенгагене, где все должно было закончиться, я собиралась навсегда заткнуть этот голос и показать, что могу решиться. Но ремень оборвался, и я оказалась на полу, лишившись зуба, и...

Вдруг она чувствует, как кто-то берет ее под руку, и вздрагивает.

Шатается, делает шаг в сторону.

Кто-то срывает с нее наушники, и на секунду воцаряется полная тишина.

Она перестает существовать, и приходит спокойствие.

Будто всплываешь на поверхность после того, как слишком глубоко нырнул, и наконец получаешь возможность наполнить легкие свежим воздухом.

Затем она слышит машины и крики и растерянно озирается.

– С вами все в порядке?

Она оборачивается, видит стену людей на тротуаре и обнаруживает, что сама стоит посреди улицы Хурнsgатан.

Устремленные на нее глаза критически ее рассматривают. Рядом с ней машина. Водитель яростно сигналист, грозит ей кулаком и срывается с места.

– Вам нужна помощь?

Голос она слышит, но не может определить, кому из людской массы он принадлежит.

Сконцентрироваться трудно.

Она поспешно идет обратно на тротуар и направляется к Мариаторгет.

Берется за диктофон, чтобы вынуть пленку и положить обратно в футляр. Нажимает на “извлечь”.

С удивлением смотрит на пустое отделение для кассеты.

Раньше, Боргместаргатан

Mambaa manyani... Mamani manyimi...

София Цеттерлунд просыпается с дикой головной болью.

Ей приснилось, что она гуляет в горах с каким-то пожилым мужчиной. Они что-то искали, но она не может вспомнить, что именно. Мужчина показал ей маленький невзрачный цветок и велел выкопать его. Земля была каменистой, руки болели. Когда ей удалось вытащить цветок целиком, мужчина велел ей понюхать корень.

Он благоухал, как целый букет роз.

Золотой корень, думает она, направляясь на кухню.

В последнее время голова у нее периодически болела, но примерно через час проходила, теперь же София чувствует, что головная боль стала перманентной.

Ее неотъемлемой частью.

Пока кофе заваривается, София перелистывает блокнот с записями из бесед с Викторией Бергман.

Она читает: БАНЯ, ПТЕНЦЫ, ТРЯПИЧНАЯ СОБАЧКА, БАБУШКА, ЩЕЛЬ, СКОТЧ, РОДОС, КОПЕНГАГЕН, ПАДЬЕЛАНТА, ЗОЛОТОЙ КОРЕНЬ.

Почему она записала именно эти слова?

Вероятно, потому что они отражали детали, показавшиеся ей важными для Виктории.

Она закуривает сигарету и листает дальше. Видит на предпоследней странице несколько новых заметок, правда, они записаны вверх ногами, как будто она начала писать с другой стороны блокнота: СЖЕЧЬ, ПОРОТЬ, ИСКАТЬ ДОБРОТЫ В ПЛОТИ...

Поначалу она не узнает почерк – неровный, детский и почти нечитабельный. Она достает из сумочки ручку и пробует написать слова другой рукой.

Понимает, что записала слова в блокнот сама, только левой рукой.

Сжечь? Пороть? Искать доброты?

София чувствует себя не в своей тарелке и сквозь головную боль слышит в голове слабое хмыканье. Она обдумывает, не пойти ли ей прогуляться. Возможно, свежий воздух поможет мыслям проясниться.

Хмыканье усиливается, и ей трудно сконцентрироваться.

С улицы сквозь оконные стекла пробиваются детские крики, и ей в нос ударяет едкий запах – запах ее собственного пота.

Она встает, чтобы включить кофеварку, но, увидев, что та уже включена, приносит из шкафа кружку, наполняет ее и возвращается к кухонному столу.

На столе уже стоят четыре чашки.

Одна из них пуста, а остальные три наполнены до краев.

София чувствует, что у нее возникают проблемы с памятью.

Она словно бы повторяет свои действия, заиклившись на одном и том же движении. Сколько же времени она уже не спит? А вообще спать ложилась?

Она пытается собраться, подумать, но ее память как будто раздваивается.

Сперва прошлое и то, что связано с Лассе и их поездкой в Нью-Йорк. А что произошло после их возвращения домой?

Воспоминания из Сьерра-Леоне столь же отчетливы, как беседы с Самуэлем, но что происходило потом?

С улицы доносится шум, и София начинает нервно расхаживать по кухне взад и вперед.

Вторая часть памяти больше напоминает застывшие картины или ощущения. Места, которые она посещала. Люди, с которыми встречалась.

Но никаких видов или лиц. Одни беглые эпизоды. Луна, похожая на лампочку, или наоборот?

София выходит в прихожую, надевает плащ и смотрится в зеркало. Синяки от рук Самуэля начали бледнеть. Она лишний раз обматывает шарф вокруг шеи, чтобы скрыть оставшиеся следы.

Время приближается к десяти, а на улице уже настоящая летняя жара, но София будто не замечает этого. Ее взгляд устремлен в себя, она пытается понять, что с ней происходит.

Одна за другой возникают незнакомые ей мысли.

Слова Виктории Бергман об ощущениях, когда твое тело насилуют. Ее мысли о том, кто решает, когда фантазии, влечение и похоть отдельного человека достигают предела социально допустимого и становятся деструктивными.

Разговоры Виктории о добре и зле, где зло, в точности как раковая опухоль, живет и разрастается в здоровом на вид организме. Или это говорил Карл Лунд стрём?

Дойдя до парка, она садится на скамейку. Хмыканье становится оглушительным, и она не знает, сможет ли добраться до дома.

И вновь монотонный голос Виктории.

Ты решишься? Ты решишься? Может, решишься сегодня, трусливая мерзавка?

Нет, надо идти домой и лечь в постель. Принять таблетку и немного поспать. Наверное, она просто переработала, ей хочется уединиться в темноте у себя в квартире.

Когда она в последний раз ела? Она не помнит.

Вероятно, все дело в недостатке питания. Несмотря на полное отсутствие аппетита, надо заставить себя поесть, а потом сделать все, чтобы не стошнило.

В тот момент, когда она встает, мимо проносятся несколько полицейских машин с включенными сиренами. Следом за ними появляются три больших внедорожника с черными тонированными стеклами и синими проблесковыми маячками. София понимает: явно что-то произошло.

В “Макдональдсе” на Медборгарплатсен она покупает два пакета еды и из взволнованных разговоров других посетителей узнает, что на Фолькунгагатан произошло ограбление фургона с ценным грузом. Кто-то говорит о выстрелах, кто-то о нескольких пострадавших.

София забирает еду и уходит.

Выйдя на улицу и двинувшись в сторону дома, она не замечает Самуэля Баи.

Но он ее видит и идет следом.

Она проходит мимо полицейского ограждения, сворачивает направо на Эстгётагатан, минует Клоксгатан и, повернув налево, продолжает путь по Осёгатан.

Возле маленького парка Самуэль догоняет ее и хлопает по спине.

Она вздрагивает и оборачивается.

Он быстро обходит вокруг нее, и, чтобы увидеть, кто это, ей приходится прокрутиться полный оборот.

– *Hi! Long time no seen, ma'am!* – Улыбаясь своей ослепительно белозубой улыбкой, Самуэль отступает на шаг назад. – *Hav'em burgers enuff or mef Saw'u a goin'donall for two*^[65].

Ей кажется, что у нее перехватывает дыхание.

Спокойствие, думает она. Спокойствие.

Рука инстинктивно нащупывает горло. Спокойствие.

Она узнает английский Фрэнкли Самуэля и понимает, что он некоторое время наблюдал за ней. *Улыбнись.*

Она улыбается, говорит, что еды на него хватит, и предлагает поесть вместе у нее дома.

Он улыбается в ответ.

Странно, но страх исчезает так же внезапно, как возник.

Внезапно она понимает, что следует делать.

Самуэль берет у нее пакет, и они вместе идут вперед, а затем сворачивают на Боргместаргатан.

Она кладет пакет с гамбургерами на стол в гостиной. Самуэль спрашивает, нельзя ли ему воспользоваться душем, чтобы немного ополоснуться перед едой, и она достает ему чистое полотенце.

Он закрывает за собой дверь.

Что же происходит?

Баня, птенцы, щель, скотч, голос, Копенгаген, Падъеланта, золотой корень, сжечь, пороть.

В трубах шумит вода.

– София, София, спокойствие, София, – шепчет она себе, пытаясь дышать спокойно и глубоко.

Птенцы, щель, скотч.

Немного подождав, она возвращается в гостиную. От гамбургеров пахнет затхлым, подгорелым мясом.

Сжечь, пороть.

Ее начинает подташнивать, она тяжело опускается на диван и закрывает руками лицо. *Баня.*

В душе льется вода, а у нее голове гудит голос Виктории. Он словно бы въедается в Софию, вгрызается в кору головного мозга.

Голос, который она слушает всю жизнь, но так и не свыклась с ним.

Ты решишься, а сегодня решишься?

Она встает и на ватных ногах идет на кухню, чтобы взять стакан воды. Соберись, думает она, ты должна успокоиться.

В прихожей она наталкивается на свое отражение в зеркале и констатирует, что у нее усталый вид. До мозга костей усталый.

На кухне она открывает кран, но вода словно бы не желает становиться достаточно холодной, и каким-то внутренним взором София видит, как вода забирается из первичной породы, глубоко под ней, оттуда, где жарко, как в аду.

Она обжигается о струю, будто та состоит из магмы и горит прямо перед глазами.

Дети перед лагерным костром.

Mamba manyani... Mamani manyimi...

Софию трясет при воспоминании о той детской песенке.

Она выходит в прихожую и роется в сумочке в поисках таблеток пароксетина.

Пытается набрать слюны, чтобы проглотить таблетку. Внутри все высохло, но она все-таки сует лекарство в рот. Возникает ощущение страшной горечи, а когда София пытается проглотить эту малюсенькую таблетку, та застревает у нее в горле. Она снова и снова сглатывает, чувствуя, как таблетка постепенно спускается вниз.

Может, решишься сегодня? Ты решишься?

– Нет, я не решусь, – тихо бормочет она, сползая вниз по стенке прихожей. – Я смертельно боюсь.

Она сворачивается в комочек, ждет, пока лекарство подействует, пытается убаюкать себя, успокоить.

Ожидание. Шум в ушах, от которого не отделаться.

Баня, птенцы, тряпичная собачка.

Она цепляется за мысль о тряпичной собачке, спокойствию. Тряпичная собачка, тряпичная собачка, повторяет она про себя, чтобы заставить замолчать голос и вновь обрести контроль над собственными мыслями.

Внезапно в прихожей раздается звонок мобильного телефона, но кажется, будто звук доносится из какого-то другого мира.

Из мира, который ей больше недоступен.

С большим трудом она поднимается, чтобы ответить на звонок, который случайность подбрасывает ей в момент, когда она уже начинает терять сознание. Телефонный разговор – это путь обратно, связующее звено между ней и действительностью.

Если только она сумеет ответить, то сможет снова обрести почву под ногами, вернуться к жизни. Она знает, что так и есть, и эта убежденность дает ей силы ответить.

– Алло, – бормочет она, снова сползая по стенке. Сумела. Ей удалось ухватиться за спасительный трос.

– Алло? Вы меня слышите?

– Да, я слушаю, – отвечает София Е[^]ттерлунд, понимая, что вернулась к жизни, что она в безопасности.

– Здравствуйте... Мне нужна Виктория Бергман. Я правильно звоню?

Она кладет трубку и разражается смехом.

Mamba manyani... Mamani manyimi...

Внезапно она узнает голос Виктории, встает и оглядывается.

Думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься, проклятая слабачка?

София идет на звук в гостиную, но комната пуста.

Она чувствует, что ей необходимо закурить, и тянется за пачкой

сигарет. Изрядно помучившись, наконец достает сигарету, сует ее дрожащей рукой в рот, закуривает и глубоко затягивается в ожидании, пока Виктория снова проявится.

Она слышит, как Самуэль возится в ванной комнате.

Значит, сегодня ты куришь не под кухонной вытяжкой?

София вздрагивает. Откуда, черт возьми, Виктории известно, что обычно она курит под вытяжкой? Сколько же времени та здесь пробыла? Нет, пытается она успокоить себя. Это невозможно.

Что, собственно, у тебя происходит на кухне?

– Виктория, что ты хочешь этим сказать? – София напрягается, чтобы вновь вернуться к своей профессиональной роли. Что бы ни происходило, ей нельзя показывать, что она боится, необходимо держаться спокойно, вновь обрести контроль.

Дверь в ванную комнату открывается.

– *Talkin to ya'self?*^[66]

София оборачивается и видит в дверях обнаженного Самуэля. Пока он разглядывает ее, с него капает вода. Он улыбается.

– *Who you talking to?* – Он осматривает помещение. – *Nobody here.* – Самуэль делает несколько шагов в прихожую и подходит к порогу. – *Who's there?*^[67]

– *Forget about her,* – говорит София. – *We're playing hide and seek*^[68]. – Она берет Самуэля под руку.

Он смотрит на нее удивленно и подносит руку к ее лицу.

– *What's happened to ya'face, ma'am? Look strange...*^[69]

– Одевайся и давай поскорей есть, пока не остыло.

Она открывает ящик комода и протягивает ему еще одно полотенце. Он заворачивается в него и идет обратно в ванную.

Закрыв за ним дверь, София достает из сумочки коробочку с пентобарбиталом и вытряхивает ее содержимое в стакан с кока-колой.

Его ты тоже собираешься запереть?

– Виктория, дорогая, – умоляющим тоном произносит София, – я не понимаю, о чем ты. Что ты имеешь в виду?

У тебя в квартире уже заперт один маленький мальчик. В комнате за стеллажом.

София ничего не понимает, ей становится все более не по себе.

Тут она вспоминает содержание песенки, которую впервые услышала, сидя связанной в яме посреди джунглей.

Mambaa manyani... Mamani manyimi...

Огородное пугало трахает детишек... У нее, должно быть, грязная п...а...

Ах ты, мерзкая жирная шлюха. Резать руки лезвием тебе показалось мало?

София думает о том, как она, сидя позади дома тети Эльсы, кромсала себе руки.

Прятала кровавые раны под длинными рукавами футболок.

Теперь ты вместо этого покупаешь слишком тесные туфли. Только чтобы напомнить себе о боли.

София смотрит себе на ноги. На пятках у нее кровавые мозоли от многолетних самоистязаний. На руках светлые шрамы от бритвенных лезвий, кусков стекла и ножей.

Внезапно у нее открывается вторая часть памяти, и то, что прежде было неотчетливыми статичными картинками, превращается в целые фрагменты.

Прошлое становится настоящим, и все встает на свои места.

Руки отца и осуждающие взгляды матери. Мартин на колесе обозрения, мостки на Фюрисон и стыд за то, что она его потеряла. Академическая больница в Упсале, лекарства и терапия.

Воспоминание из Сигтуны и окружившие ее девочки в масках. Унижение.

Насилующие ее парни в Роскилле, бегство в Копенгаген и неудавшаяся попытка самоубийства.

Сьерра-Леоне и дети, ненавидящие, сами не зная что.

Яма в темноте, мягкая земля у ног и луна сквозь материю.

Сарай для инструментов в Сигтуне, утоптаный земляной пол и лампочка сквозь повязку на глазах.

Та же картинка.

София копалась в душе Виктории и иногда видела то, что сама Виктория всю жизнь пыталась забыть. Теперь Виктория разгуливает у нее дома, в ее частной сфере. Она присутствует всюду и нигде.

А магнитофон, с которым ты часами сидела и говорила, говорила, говорила. Ничего удивительного, что Лассе тебя бросил. Он, вероятно, просто не выдержал бесконечной болтовни о твоём паршивом детстве. Ведь это тебе хотелось пойти в Торонто в секс-клуб, тебе хотелось группового секса. Чего удивляться, что он не захотел иметь с тобой детей.

София пытается протестовать, но не может издать ни звука. Он ведь стерилизовался, думает она.

Ты же извращенка. Ты пыталась украсть его ребенка. Ведь Микаэль сын Лассе! Ты что, забыла?!

Голос звучит так громко, что она отступает назад и падает на диван. Ей кажется, что у нее сейчас лопнут барабанные перепонки.

Микаэль? Сын Лассе? Этого не может быть...

Ты просто кукушка!

Возникает картинка счастливой семьи в новогодний вечер в Сальтшёбадене. София видит, как Лассе пьет вместе с Микаэлем.

Убив Лассе, ты подцепила Микаэля. Ты что, не помнишь? Телефонные каталоги, которые ты разбросала по полу, чтобы выдать это за самоубийство. Веревка оказалась слишком короткой, разве не так?

Откуда-то издали слышно, как Самуэль возвращается из ванной, и София смутно видит, что он садится возле журнального столика. Он открывает пакет с едой и начинает есть, а она молча наблюдает за ним.

Самуэль жадно пьет колу.

– *Who u a talking to, lady?*^[70] – Он качает головой.

София встает и выходит в прихожую.

– *Eat and shut up*^[71], – шипит она ему, но не может определить, расслышал ли он ее слова, поскольку он не реагирует.

Висящем над столом в прихожей зеркале она видит собственное лицо. Такое впечатление, будто одну сторону парализовало. София не узнает себя – настолько старой она выглядит.

– Какого черта, – бормочет она зеркальному отражению, приближается на шаг и улыбается, подносит палец ко рту и проводит им по переднему зубу, который сломался, когда она двадцать лет назад пыталась повеситься в номере гостиницы в Копенгагене.

Мимесис^[72].

Связь между ней самой и тем, что она видит, не вызывает сомнений.

Теперь она вспоминает все.

Тут снова звонит мобильный телефон.

Она смотрит на дисплей.

10:22.

– Бергман, – отвечает она.

– Виктория Бергман? Дочь Бенгта Бергмана?

Она заглядывает в гостиную. Снотворное уложило Самуэля на диван. Его глаза медленно двигаются в бессознательном состоянии.

– Да, все верно.

Мой отец Бенгт Бергман, думает София Цеттерлунд.

Я Виктория, София и все, что есть в промежутке.

Голос, задающий вопросы о ее отце, кажется ей знакомым, и она механически отвечает, но, положив трубку, совсем не помнит, что говорила.

Судорожно сжимая в руке телефон, она рассматривает Самуэля. У него так много на совести, и тем не менее он выглядит таким невинным, думает она, подходит к стеллажу и откидывает удерживающий его на месте крючок. Когда она открывает потайную дверь, в лицо ей ударяет спертый, затхлый воздух.

Гао сидит в углу, обхватив руками колени. Он щурится на врывающийся в дверь свет. Все под контролем. Она выходит, устанавливает на место стеллаж и начинает раздеваться. Наскоро приняв душ, она заматывается в большое красное полотенце и на несколько минут устраивает сквозняк, чтобы проветрить квартиру. Затем зажигает фимиам, наливает себе бокал вина и садится на диван рядом с Самуэлем. Он глубоко и размеренно дышит, она начинает осторожно гладить его по голове.

Он не виноват ни в одной из совершенных им мерзостей в бытность мальчиком-солдатом в Сьерра-Леоне, думает она. Он просто жертва, поскольку не имеет представления о том, что творил.

Его намерения были чистыми, без примеси ненависти или зависти.

Те же чувства двигали и ею.

Солнце начинает садиться, за окном смеркается, и комнату окутывает тусклый сероватый свет. Самуэль шевелится, зевает и садится. Он смотрит на нее и улыбается своей ослепительной улыбкой. Она немного ослабляет полотенце и перемещается так, чтобы оказаться напротив него. Его взгляд устремляется вверх по ее икрам и под полотенце.

Тебе предоставлен свободный выбор, думает она. Либо ты поддашься своим инстинктам, либо станешь с ними бороться.

Выбор за тобой.

Она отвечает на его улыбку.

– Что это? – спрашивает она, показывая на его ожерелье. – Откуда оно у тебя?

Он с сияющим лицом снимает украшение и держит перед собой:

– *Evidence of big stuff*^[73].

Она изображает восхищение и, когда наклоняется вперед, чтобы рассмотреть ожерелье поближе, замечает, что он смотрит на ее грудь.

– И что же ты сделал, чтобы заслужить такую замечательную вещь?

Она отклоняется назад, еще больше подтягивая полотенце так, чтобы он видел, что на ней нет трусов. Он сглатывает и придвигается поближе.

– *Killed a monkey*^[74].

Он улыбается и кладет руку на ее обнаженное бедро.

Поскольку его взгляд прикован к другому, он не видит, как она достает молоток, который все время держала спрятанным под подушкой.

“Можно ли быть злым, если не чувствуешь вины?” – думает она, со всей силы ударяя Самуэля молотком в правый глаз.

Или чувство вины является предпосылкой злобы?

Квартал Крунуберг

София Цеттерлунд кладет трубку задаваясь вопросом: что же произошло?

Жанетт сказала, что им надо поговорить. Ее голос звучал оживленно, она сообщила, что в деле Самуэля Баи появились новые факты.

О чем это Жанетт надо с ней поговорить? Может, она что-нибудь узнала?

София волнуется.

Чувствует себя зажатой в угол.

Неужели кто-нибудь видел ее вместе с Самуэлем?

София заходит в гостиную и видит, что стеллаж стоит на своем месте. В темной комнате теперь остался только Гао, а с ним никаких проблем.

Вернувшись в прихожую, она проверяет макияж, берет сумочку и выходит на улицу. Фолькунгагатан, четыре квартала и уже метро. Слишком короткая прогулка, чтобы успеть все взвесить.

Чтобы передумать.

К голосу Виктории она уже привыкла, а головная боль кажется по-прежнему новой, скребущейся о лоб изнутри.

Чем ближе она подходит к зданию полиции, тем неувереннее себя чувствует, но Виктория будто бы подталкивает ее вперед. Говорит ей, что она должна делать.

По одной ноге за раз. Одну перед другой. Повтори движение. Переход. Остановись. Посмотри налево, направо и снова налево.

В здании полиции София Цеттерлунд отмечается у дежурного, и после небольшой проверки ее пропускают к лифтам.

Открой дверь. Иди прямо.

После нескольких минут ожидания перед ней возникает сияющая Жанетт.

– Как хорошо, что ты смогла прийти так скоро, – говорит она, когда они вдвоем едут на лифте. Она гладит Софию по плечу. – Я много думала о тебе и обрадовалась, когда у меня появился повод тебе позвонить.

София испытывает неуверенность, не знает, как ей реагировать.

В голове два голоса борются за ее внимание. Один говорит ей, что надо обнять Жанетт и рассказать, кто она на самом деле такая. Сдайся, подсказывает голос. Покончи с этим. Считай встречу с Жанетт знаком.

Нет, нет, нет! Еще не время. Тебе нельзя на нее полагаться. Она

такая же, как другие, и предаст тебя, как только ты проявишь слабость.

– Тут столько всего... – Жанетт смотрит на Софию. – На нас давят со всех сторон, а история с Самуэлем делается все более странной. Но об этом позже. Хочешь кофе?

Они берут из автомата по чашке кофе, идут дальше по длинному коридору и наконец оказываются перед нужной дверью.

– Ну вот тебе моя каморка, – говорит Жанетт.

Комната тесная, заполненная папками и кипами бумаг. На подоконнике узкого окна стоит засохший цветок, нависающий над фотографией мужчины с мальчиком. София понимает, что это Оке и Юхан.

– О чем ты хотела со мной поговорить? – Во рту у Софии пересохло, и она слышит, что ее голос звучит более хрипло и низко, чем обычно.

Жанетт склоняется над письменным столом.

– Мы получили результаты анализа ДНК и теперь точно знаем, что на чердаке висел именно Самуэль.

Жанетт поднимает с письменного стола лист бумаги.

– Ты не помнишь, не рассказывал ли Самуэль, что его сильно избили? Примерно год назад.

Она пристально смотрит на Софию, пытаясь что-то уловить.

Вспоминай детали, София.

София задумывается.

– Да, он рассказывал, что на него напали неподалеку от Эландсгатан...

– Около Монумента, – добавляет Жанетт. – Его избили возле квартала Монумент. В том же месте, где потом нашли повешенным.

– Разве? Да, пожалуй, так. Я припоминаю, он вроде говорил, что у одного из напавших на него были на руках татуировки змей.

– Не змей. Паутины. – Жанетт бросает пустую пластиковую чашку в корзину для бумаг. – Парень был юным неонацистом, а в их кругах считается престижным иметь на локтях паутину. Это должно означать, что человек кого-то убил, правда, в его случае я в этом сильно сомневаюсь. Но это к делу не относится.

Жанетт встает и открывает окно.

Слышно, как в парке играют дети.

София видит перед собой, как Гао беспощадно избивает Самуэля, который слишком тяжело ранен, чтобы оказывать сопротивление. Самуэль, покачиваясь, бродит взад и вперед и предпринимает неуклюжие попытки защититься от пинков и ударов Гао.

София смотрит в окно и думает о том, как потеря крови из выбитого глаза Самуэля в конечном счете привела к тому, что он потерял сознание.

Он, вероятно, понимал, что это равнозначно смерти.

В тот же миг, как он лишится чувств, находящийся перед ним безумный зверь должен наброситься на него и разорвать на части. Ему уже доводилось видеть подобное дома, в Сьерра-Леоне, и он знал, что это игра в кошки-мышки с заранее предрешенным исходом.

На письменном столе звонит телефон, Жанетт извиняется и берет трубку.

– Да, конечно, она сидит рядом со мной, мы подойдем, как только сможем.

Жанетт кладет трубку и испытующе смотрит на Софию.

– Парня с татуировками паутины зовут Петтер Кристофферссон, и он здесь, в здании. Его задержали за избиение, и ему взбрело в голову, что он сможет откупиться, если что-нибудь расскажет. Вероятно, насмотрелся плохих американских фильмов и думает, что здесь те же порядки.

София чувствует, что начинает покрываться потом, в голове гудит.

– Мне подумалось, ты могла бы пойти со мной его послушать. Он говорит, что у него есть какие-то сведения о Самуэле. Он якобы видел парня накануне того дня, когда его нашли мертвым. Перед “Макдональдсом” на Медборгагплатсен, в компании какой-то женщины. Он, похоже, знает, кто она, и... – Жанетт умолкла. – Ну, сама понимаешь.

София думает о том, с какой легкостью Гао расчленил маленького мальчика, которого они нашли на обочине дороги на острове Экерё. Пока Жанетт была у нее в гостях, Гао разбивал молотком череп. Позже они выбросили осколки костей в мусорный бак вместе с остатками жареного цыпленка.

Ври. Придумывай. Действуй наступательно.

– Ну, я не знаю, удобно ли это. Я не уверена, что такое разрешается... Но конечно, я пойду с тобой.

София видит, что Жанетт внимательно наблюдает за ее реакцией. Словно бы проверяет ее.

– Ты права. Это не разрешено. Но ты могла бы посидеть снаружи и посмотреть. Послушать, что он может рассказать.

Они встают и выходят в коридор.

Комната для допросов находится этажом ниже, а Софию Жанетт заводит в маленькое соседнее помещение. Через окошко видна комната для допросов, где, откинувшись на спинку стула, сидит Петтер Кристофферссон, внешне совершенно спокойный. Она разглядывает его татуировки и вспоминает.

Это он.

Когда она его видела в последний раз, на нем была футболка с двумя шведскими флагами на груди. Он привозил строительный материал для комнаты, которую она оборудовала за стеллажом. Пенопласт, доски, гвозди, клей, брезент и серебристый скотч.

Как она могла угодить в такое дьявольское совпадение? Она чувствует, как по спине бежит пот.

– Зеркальное стекло. – Жанетт указывает на окошко. – Ты можешь его видеть, а он тебя нет.

София роется в кармане плаща и находит бумажную салфетку, вытирает ею влажные руки. Ей становится плохо.

Туфли жмут, в горле вырастает ком.

– София, как ты себя чувствуешь? – Жанетт смотрит на нее.

– Мне вдруг стало очень нехорошо. Такое чувство, будто меня сейчас вырвет.

– Хочешь пойти обратно в мой кабинет? – озабоченно спрашивает Жанетт.

София кивает.

– Наверное, не стоило тебя сюда приводить. Я вернусь через полчаса.

София снова выходит в коридор.

Вернувшись в кабинет Жанетт, она подходит к стеллажу и почти сразу обнаруживает толстую папку, помеченную: **ТУРИЛЬДСПЛАН – НЕИЗВЕСТНЫЙ**. Еще немного поискав, она находит остальные: **СВАРТШЁЛАНДЕТ – ЮРИЙ КРЫЛОВ** и **ДАНВИКСКАЯ ТАМОЖНЯ – НЕИЗВЕСТНЫЙ**.

Она оборачивается и смотрит на заваленный письменный стол. Рядом с телефоном находится куча CD-дисков, и, взяв пачку дисков в руки, София видит, что это записи допросов.

Она немного рассеянно перебирает диски, даже не читая написанного на футлярах, но, дойдя до последнего диска, внезапно цепенеет.

Сначала она думает, что неверно прочла, но, снова покопавшись в куче, находит диск, помеченный: **ВИКТОРИЯ БЕРГМАН**.

Она начинает быстро искать пластмассовую коробку с пустыми дисками, которая, по ее мнению, обязательно должна где-то присутствовать, и находит ее на верхней полке рядом со стеклянной банкой с резинками и скрепками.

Обойдя вокруг стола, она садится перед компьютером, вставляет оригинал и чистый диск и, получив вопрос, скопировать ли диск, нажимает на “yes”.

Секунды тянутся медленно, и она думает о том, как они с Гао отвозили

труп Самуэля к дому Микаэля в квартале Монумент.

Как они заносили его на чердак и как работа спланивала их, когда они вместе подвешивали тело к потолку.

Не проходит и двух минут, как компьютер выплевывает оба диска, и она кладет оригинал обратно на место. Копию же сует в сумочку.

София усаживается и берет в руки журнал.

Кислоту обнаружил Гао, он же выплеснул целое ведро на лицо Самуэля.

Вернувшаяся десять минут спустя Жанетт застаёт Софию за чтением старого номера журнала “Шведская полиция”.

– Там есть что-нибудь увлекательное? – с задумчивым видом спрашивает она.

Софии кажется, будто Жанетт рассматривает ее исходя из новых знаний, и к ней возвращается неуверенность.

– Увлекательным мог бы быть кроссворд, – отвечает София, – но я ни одного не нашла, поэтому просто смотрю фотографии. Как прошло с человеком-пауком? Узнала что-нибудь интересное?

Вид у Жанетт по-прежнему озадаченный.

– Как давно ты живешь на Боргместаргатан? – внезапно спрашивает она, и София вздрагивает.

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Ну, меня интересует, как давно ты живешь на Боргместаргатан.

София чувствует себя припертой к стенке.

– С девяносто пятого... Я живу там тринадцать лет. Черт, как быстро летит время.

– Ты не замечала ничего странного, пока там живешь? Особенно в последние полгода?

Такое впечатление, будто это допрос и ее в чем-то подозревают.

– Что ты имеешь в виду под странным? – София сглатывает. – Это ведь Стокгольм и район Сёдермальм со всеми вытекающими отсюда последствиями, с пьяницами, драками, затворниками, разговаривающими сами с собой, с разбитыми машинами и...

– Исчезнувшими мальчиками...

– И с этим тоже. И с мертвыми мальчиками на чердаках. Но, чтобы я смогла помочь какой-то полезной информацией, тебе придется немного пояснить.

София чувствует, как Виктория перехватывает инициативу. Ложь льется сама собой, ей даже не приходится задумываться. Все это напоминает пьесу, роль в которой она знает наизусть.

– Дело в том, что Петтер Кристофферссон зимой работал практикантом в строительном супермаркете “Фределльс”. Он говорит, что помнит, как сразу после Нового года отвозил целый воз каких-то изолирующих материалов в квартиру в Сёдермальме. Где именно она находилась, он не помнит, но знает, что где-то в той части, которую в народе сейчас именуют Софо. Он уверенно утверждает, что принимала у него стройматериалы та же женщина, которую он видел вместе с Самуэлем за день до того, как его нашли мертвым.

София откашливается.

– Ты можешь полагаться на то, что он говорит правду, а не просто пытается вас заинтересовать? Ты ведь раньше говорила, что он рассчитывает откупиться?

Жанетт скрещивает руки на груди и раскачивается на стуле, не спуская глаз с Софии.

– Меня это тоже интересует. Но в его рассказе есть что-то убедительное. Некоторые детали делают его достоверным.

Она склоняется вперед и немного понижает голос:

– Описание он, конечно, дает весьма расплывчатое. Женщина была светловолосой, чуть выше среднего роста и с голубыми глазами. Он сказал, что она показалась ему красивой, даже сверх нормы, как он выразился. Но в остальном это могло бы подойти ко многим. Да, под его описание могла бы подойти даже ты.

Улыбайся.

София смеется и всем своим видом показывает, каким глупым ей кажется это утверждение.

– Я вижу, что ты себя плохо чувствуешь, – говорит Жанетт. – Пожалуй, тебе лучше поехать домой.

– Да... Думаю, ты права.

– Отдохни немного. Я могу заехать к тебе после работы.

– Тебе этого хочется?

– Безусловно. Отправляйся домой и ложись в постель. Я прихвачу вина. Хорошо?

Жанетт ласково гладит Софию по щеке.

Белые горы

Метро от станции “Родхусет” до Центрального вокзала, пересадка на зеленую линию в сторону Медборгарплатсен. Потом та же прогулка, что и пару часов назад, правда, в другую сторону. Фолькунгагатан, четыре квартала, и она дома. Сто двенадцать ступенек по лестнице.

Придя домой, она вставляет в лэптоп скопированный диск.

“Первый допрос Бенгта Бергмана. Тринадцать часов двенадцать минут. Допрос ведет Жанетт Чильберг, ассистирует Пенс Хуртиг. Бенгт, вы подозреваетесь в нескольких преступлениях, но этот допрос в первую очередь касается изнасилований либо изнасилований при отягчающих обстоятельствах, а также нанесения побоев либо умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, что означает минимум два года тюремного заключения. Начнем?”

“Мм...”

“В дальнейшем я хочу, чтобы вы говорили отчетливо и вон в тот микрофон. Если вы киваете, на пленке этого не слышно. Нам надо, чтобы вы выражались максимально ясно. Хорошо. Тогда приступим”.

Возникает пауза, и София слышит, как кто-то пьет, а затем ставит стакан на стол.

“Бенгт, как вы к этому относитесь?”

“Во-первых, меня интересует, какое у вас официальное образование?”

Она сразу узнает голос своего отца.

“Почему вас сочли подходящей для того, чтобы расспрашивать меня? Я, по крайней мере, получил восьмилетнее высшее образование и имею степень кандидата философии, а кроме того, самостоятельно изучал психологию. Вам знакома Алис Миллер?”^[75]

Его голос заставляет Софию вздрогнуть, она рефлекторно пятится, поднимая руки, чтобы защититься.

Даже в зрелом возрасте ее тело хранит такой прочный отпечаток, что реагирует инстинктивно. Адреналин пульсирует, тело готовится к бегству.

“Так, Бенгт, вы должны понять, что допросом руковожу я, а не вы. Вам ясно?”

“Я даже толком не знаю...”

Жанетт Чильберг сразу перебивает его: “Я спросила, вам ясно?”

“Да”.

София понимает: его непокорность вызвана тем, что он по-прежнему

привык руководить и командовать и не может свыкнуться с ролью преступника.

“Я спросила: как вы к этому относитесь?”

“Ну а вы как думаете? Как бы вам понравилось сидеть тут и быть безвинно обвиненной в массе мерзостей?” “Вероятно, я сочла бы это ужасным и сделала бы все, что в моих силах, чтобы попытаться все прояснить. У вас такое же отношение? И вы готовы рассказать нам, за что вас арестовали?”

“Как вам наверняка уже известно, полиция остановила меня к югу от города, когда я направлялся домой в Грисслинге. Мы там живем, на острове Вермдё. Я к тому времени подобрал женщину, которая стояла на обочине дороги и была вся в крови. Моим единственным намерением было помочь ей и довезти ее до Южной больницы, чтобы она смогла получить соответствующее лечение. Это ведь не может преследоваться законом?”

Его голос, манера произносить слова, надменность, пристрастие к паузам и наигранное спокойствие заново возвращают ее к десятилетнему возрасту.

“Значит, вы утверждаете, что невиновны в нанесении потерпевшей Татьяне Ахатовой увечий, перечисленных в документе, с которым вы уже ознакомлены?” “Это полнейший абсурд!”

“Не хотели бы вы прочесть написанное в документе?” “Дело в том, что я ненавижу насилие. Я никогда не смотрю по телевизору ничего, кроме новостей, а если все-таки решаю посмотреть фильм или сходить в кино, то выбираю высококачественные фильмы. Я просто-напросто не желаю соприкасаться со злом, которое тут расписано...”

Ощущение засыпанной хвоей тропинки к озеру. Как она уже в шестилетнем возрасте научилась, как надо обращаться с его членом, чтобы его задобрить, и ей вспоминается сладкий вкус карамелек тети Эльсы. Холодная колодезная вода и жесткая щетка на коже.

Жанетт Чильберг снова прерывает его: “Вы прочтете сами или хотите, чтобы читала я?”

“Да, я бы предпочел, чтобы читали вы, как я уже сказал, я не желаю...”

“Согласно врачу, осматривавшему Татьяну Ахатову, она поступила в Южную больницу в прошлое воскресенье вечером, около девятнадцати часов, и у нее обнаружены следующие повреждения: сильные разрывы в заднем проходе, а также...”

Такое чувство, будто говорят о ней, и ей вспоминается боль.

Как больно ей становилось, хотя он говорил, что это приятно.

В какую растерянность она пришла, когда поняла, что то, что он с ней

делает, неправильно.

София не в силах больше слушать и выключает запись.

Его омерзительные деяния, очевидно, настигли его, думает она. Но покарают его не за то, что он творил со мной. Это несправедливо. Я вынуждена выживать со своими рубцами, а он может просто продолжать в том же духе.

София ложится на пол и неотрывно смотрит в потолок. Ей хочется только спать. Но как же тут заснешь?

Ее имя Виктория Бергман, и Он по-прежнему существует.

Бенгт Бергман. Ее отец. Он все еще живет на этом свете.

В каких-то двадцати минутах от нее.

Когда они обнимаются, София чувствует, что Жанетт недавно приняла душ и от нее пахнет не теми духами, что прежде. Они заходят в гостиную, и Жанетт ставит на журнальный столик вино в картонной коробке.

– Садись, я принесу бокалы. Тебе ведь, наверное, хочется вина.

– Да, выпью с удовольствием. У меня выдалась кошмарная неделя.

Возьми графин. Перелей вино. Наполни бокал.

София наливает немного вина.

Прощупай ситуацию. Задай какой-нибудь личный вопрос.

София замечает, насколько у Жанетт влажные глаза, и понимает, что дело не только в усталости.

– Как ты себя чувствуешь? У тебя расстроенный вид.

Смотри в глаза. Изобрази сочувствие. Пожалуй, стоит слегка улыбнуться.

Она смотрит Жанетт в глаза, понимающе улыбаясь.

Жанетт опускает взгляд.

– Чертов Оке, – внезапно произносит она. – Думаю, он влюблен в хозяйку галереи. Есть ли вообще предел человеческой глупости?

Возьми ее за руку. Погладь руку.

София берет Жанетт за руку. Она чувствует, что Жанетт напряжена, но вскоре та расслабляется и сжимает руку Софии.

– Честно говоря, даже не знаю, волнует ли меня это. Он мне надоел. – Жанетт прерывается и переводит дух. – Послушай-ка, а чем это пахнет?

София думает о стеклянных банках на кухне и о Гао за стеллажом, сразу улавливая распространившийся по всей квартире отвратительный кисловатый запах химикатов.

– Это что-то с канализацией. Соседи перестраивают туалет.

Жанетт смотрит скептически, но, похоже, удовлетворяется

объяснением.

Переведи разговор на что-нибудь другое.

– У вас есть какие-нибудь новости о Лунд стрёме? Или он по-прежнему пребывает в коме?

– Да, он все еще в коме, но это, собственно, ничего не меняет. Прокурор заикнулся на препаратах и все такое... Да, ты же знаешь...

– Вы проверили то, о чем говорил человек-паук?

– Ты имеешь в виду Петтера Кристофферссона? Нет, мы пока еще ничего в этом направлении не предприняли. Даже не знаю, что и думать. Если честно, его, кажется, больше всего интересовала моя грудь. – Она заразительно расхохоталась.

София испытала облегчение.

– Но ты составила о нем какое-то представление?

– Да, похоже, ничего необычного. Закомплексованный, неуверенный, заикнулся на сексе, – начала Жанетт. – По всей видимости, агрессивный, во всяком случае, когда дело касается того, что он считает для себя важным. Я имею в виду все, что происходит вопреки его желанию или ставит под сомнение его идеологию. Он далеко не глуп, но его ум деструктивен и оказывает разрушительное воздействие на его личность.

– Ты говоришь, как психолог. – София отпивает глоток вина. – И должна признаться, поставленный тобой этому молодому человеку диагноз вызывает у меня некоторое любопытство...

– Допустим, – немного помолчав, продолжает Жанетт с наигранной серьезностью, – Петтер Кристофферссон окажется перед выбором при истолковании какой-нибудь ситуации, скажем... неверности. Предположим, что его девушка заночевала у какого-то приятеля. Он расценит это как предательство и всегда будет избирать ту альтернативу, которую сочтет наиболее негативной для самого себя и всех участников...

– Но на самом деле она спала одна на диване приятеля, – вставляет София.

– И... – добавляет Жанетт, – заночевать у приятеля будет для него означать трахаться с этим приятелем, причем во всех доступных его воображению позах...

Жанетт прерывается, предоставляя Софии закончить.

– А потом они обсудят, какой он дурак, поскольку сидит дома и ни черта не понимает.

Они начинают хохотать, и, когда Жанетт откидывается на диван, София видит на светлой ткани коричневатое-красное пятно. Она поспешно хватает подушку и бросает ее в Жанетт, та отбивает подушку, подхватывает

ее и кладет рядом с собой, невольно скрывая пятно от крови Самуэля.

– Черт, ты рассуждаешь прямо как коллега. Ты точно не получала психологического образования? – София наклоняется вперед и накрывает рукой руку Жанетт, поднимая другой рукой бокал и поднося его ко рту.

Жанетт выглядит почти смущенной.

– А что ты думаешь о той женщине, которую он утверждает, что видел?

– Думаю, он видел красивую блондинку вместе с Самуэлем. Даже пялился на ее задницу. Он молод, и у него в голове постоянно вертится секс. Отметить, уставиться, отметить, уставиться, пофантазировать, а потом заняться онанизмом. – Жанетт смеется. – Однако я не думаю, чтобы он доставлял стройматериалы к той же самой женщине.

Изобрази заинтересованность.

– Это почему же?

– Он из тех парней, кто замечает у женщин только грудь и задницу. Для него все женщины на одно лицо.

– Меня, пожалуй, удивляет, что он не говорит, будто женщина с ним флиртowała, или нечто подобное. Это больше соответствовало бы его правде или толкованию ситуации, если ты понимаешь, что я имею в виду. И показалось бы, наверное, даже более достоверным.

– Значит, тот факт, что он не лжет, делает его рассказ чуть менее достоверным? – качая головой, снова смеется Жанетт. – Если это и есть психология, то я понимаю, почему ты ею занимаешься. Вероятно, каждый день преподносит тебе неожиданности... – Она проглатывает последние капли вина и наливает третий бокал.

Некоторое время они молча смотрят друг на друга. Софии нравятся глаза Жанетт. Взгляд у нее решительный и пытливый. В глазах виден ум, и не только. В них есть что-то еще. Смелость, характер. Трудно сказать, что именно.

София сознает, что все больше очаровывается ею. За десять минут у Жанетт в глазах отражаются все ее чувства и качества. Смешливость. Уверенность в себе. Ум. Печаль. Разочарование. Сомнение. Раздражение.

В другое время, в другом месте, думает она.

Ей только надо следить за тем, чтобы Жанетт не увидела ее тьму.

Необходимо скрывать ее, когда они видятся, чтобы Жанетт никогда не встретила с Викторией Бергман.

Но они с Викторией связаны, как сиамские близнецы, и поэтому зависимы друг от друга.

У них одно сердце, и в их жилах течет та же самая кровь. Правда,

когда Виктория презирает ее слабость, она восхищается Викторией за ее силу, как покорный всегда восхищается сильным.

Она помнит, как замыкалась в себе, когда ее дразнили. Как она послушно все доедала и позволяла Ему себя ощупывать.

Она приспособилась, чего никогда не смогла бы сделать Виктория.

Виктория спряталась глубоко внутри.

Виктория терпеливо ждет своего часа. Выжидает мгновения, когда Софии придется выпустить ее на волю, чтобы не погибнуть самой.

Поиски она в себе, она, возможно, нашла бы силу. А она вместо этого пыталась стереть Викторию из памяти. На протяжении почти сорока лет Виктория пыталась привлечь внимание Софии к тому, что штурманом является она, а не София, и иногда София действительно прислушивалась к ней.

Например, когда заставляла замолчать ноющего у реки мальчика.

Или когда разбиралась с Лассе.

София чувствует, как головная боль отступает, словно резинка, представляющая собой ее совесть, растягивается настолько, что вот-вот лопнет. У нее возникает желание рассказать все Жанетт. Рассказать, как ее насиловал отец. Описать ночи, когда она боялась уснуть, опасаясь, что он к ней придет, и школьные дни, когда ей не удавалось держать глаза открытыми.

Она хотела рассказать Жанетт о том, каково это – запихивать в себя еду, чтобы тебя потом вырвало. О наслаждении от боли, причиняемой бритвенным лезвием.

Ей хотелось рассказать все.

Тут внезапно вернулся голос Виктории.

– Извини, пожалуйста, но вино дает о себе знать, и мне надо сходить в туалет.

София встает, чувствуя, как от алкоголя шумит в голове, хихикает и опирается о Жанетт, которая в ответ накрывает ее руку своей.

– Знаешь... – Жанетт смотрит на нее снизу вверх. – Я страшно рада, что встретила тебя. Это лучшее, что произошло со мной за... даже не знаю, за сколько времени.

София останавливается, пораженная таким подтверждением нежности.

– Что будет с нами, когда у нас отпадет необходимость встречаться? То есть по работе.

Улыбнись. Отвечай откровенно.

– Думаю, мы все равно будем встречаться, – улыбаясь, говорит София.

– Еще мне хочется, чтобы ты познакомилась с Юханом, – продолжает Жанетт. – Он тебе понравится.

София цепенеет. Юхан?

Она совершенно забыла о том, что в жизни Жанетт есть другие люди.

– Ему тринадцать? – спрашивает она.

– Точно. Он осенью пойдет в седьмой класс.

Мартину в этом году исполнилось бы тридцать.

Если бы его родители случайно не увидели объявление о том, что в Дала-Флуда сдается дом.

Если бы он не пожелал прокатиться на колесе обозрения.

Если бы он не передумал и не захотел купаться.

Если бы вода не показалась ему слишком холодной.

Если бы он не упал в воду.

София думает о том, как Мартин исчез после катания на колесе обозрения.

Она пристально смотрит в глаза Жанетт, слыша в голове голос Виктории.

– Что ты скажешь, если мы в какие-нибудь выходные отправимся вместе с Юханом в “Грёна Лунд”?^[76]

София наблюдает за реакцией Жанетт.

– Чудесно, какая отличная идея, – улыбаясь, говорит та. – Ты его наверняка полюбишь.

Белые горы

Жанетт закуривает сигарету. Кто же София Цеттерлунд на самом деле? Человек вроде близкий, но в то же время такой непостижимый. Иногда она невероятно участлива, а потом вдруг без всякого предупреждения становится какой-то другой.

Возможно, поэтому-то она и пленилась ею. Ее способностью удивлять, отсутствием предсказуемости.

Разве ее собственный голос иногда не меняет тембра?

Когда София закрывает за собой дверь туалета, Жанетт встает и подходит к стеллажу с книгами. Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты, думает она. Клише, конечно, но Жанетт любопытно, и она рассматривает корешки книг с большим интересом.

Несколько толстых томов по психологии, психоаналитической диагностике и когнитивному развитию ребенка. Масса философии, социологии, биографической и художественной литературы. “Вздохи из глубин”^[77], “но дней Содомы” и “Предательство американского человека”^[78] бок о бок с политическими романами Яна Гийю^[79] и детективной трилогией Стига Ларссона.

С левого края стоит книга, название которой ее заинтересовало. “Завтра я иду убивать. Воспоминания мальчика-солдата”. Взяв книгу со стеллажа, она замечает с внешней стороны крючок. Странная мысль – иметь запирающее устройство на стеллаже, думает она в тот самый миг, когда в комнату входит София.

– Стеллаж настолько тяжел, что тебе приходится прицеплять его к стене? – Жанетт ощупывает крючок, улыбаясь Софии.

– Да, он однажды опрокинулся, когда сосед прибавал картину, – смеется София. – Просто мера предосторожности.

Жанетт смерила ее взглядом. Смех кажется ей натянутым.

– Значит, тебе нравится Стиг Ларссон? – спрашивает она.

– Который из них?^[80] Плохой или хороший?

Жанетт со смехом показывает Софии обложку: Стиг Ларссон, “Новый год”.

– Плохой, вероятно? Я вижу, у тебя есть два издания “Манифеста Общества уничтожения мужчин” Валери Соланас^[81].

– Да, тогда я была молодой и озлобленной. Сейчас книга кажется мне чисто развлекательной. Теперь я смеюсь над тем, что тогда воспринимала

всерьез.

– Я не настолько в курсе, хоть и читала ее, – Жанетт ставит книгу Соланас на место, – тоже будучи молодой, думаю, еще совсем зеленой. Что ты находишь в ней развлекательным?

– Она радикальная, а в радикальном всегда есть что-то забавное. Книга проникнута ненавистью к мужчинам, причем настолько последовательно, когда речь идет об их плохих сторонах, что мужчина как таковой предстает просто смехотворным существом, и я не могу удержаться от смеха. В первый раз я прочла ее, когда мне было десять, а тогда я все принимала за чистую монету. Буквально все. Теперь меня веселят детали и созданный образ в целом, что куда лучше.

– Ты говоришь, тебе было десять? – уточняет Жанетт, допивая вино. – Меня в аналогичном возрасте мой папаша-романтик заставлял читать “Властелина колец”. Что тебе досталось за воспитание, если ты читала такие книги почти ребенком?

– Вообще-то я читала это по собственной инициативе.

София стоит молча и глубоко дышит.

Жанетт, видя, что София сильно взволнована, спрашивает, в чем дело.

– Эта книга, которую ты держала в руках, когда я вошла, – отвечает София. – Она произвела на меня сильное впечатление.

– Ты имеешь в виду эту? – Жанетт достает книгу о мальчике-солдате и смотрит на обложку. На ней мальчик с ружьем наперевес.

– Именно. Самуэль Баи был мальчиком-солдатом в Сьерра-Леоне. У написавшего книгу очень похожее имя. Ишмаэль Бих. Меня просили проверить в книге факты, но я, к сожалению, струсил.

Жанетт пробегает глазами текст на обороте обложки.

– Прочти вслух, – просит София. – Подчеркнутое на странице двести семьдесят шесть.

Жанетт открывает книгу и читает.

– *Как-то раз один охотник отправился в джунгли, чтобы подстрелить обезьяну. Подойдя достаточно близко, он укрылся за деревом, поднял ружье и прицелился. Как раз когда он собирался нажать на курок, обезьяна проговорила: “Если ты убьешь меня, умрет твоя мать, а если ты не станешь стрелять, умрет твой отец”. Обезьяна уселась поудобнее, смакуя еду и удовлетворенно почесываясь. Что бы ты сделал на месте охотника?*

Жанетт переводит взгляд на Софию и откладывает книгу в сторону.

– Я бы не стала стрелять, – произносит София.

Грисслинге

София Цеттерлунд едет на метро до Гульмарсплан, где она еще накануне припарковала машину, поскольку не хочет, чтобы ее зафиксировали камеры, которые в будние дни – между половиной седьмого утра и половиной седьмого вечера – ведут наблюдение за въезжающими в центральную часть Стокгольма и выезжающими оттуда.

Лес пригорода Ошта окрашивает вид с моста в темно-зеленые оттенки. Внизу, возле пристани для яхт, царит лихорадочная активность, а в уличном кафе около старой мельницы уже нет свободных мест.

После нескольких месяцев отсутствия аппетита София уже не в силах различать виды боли. Физическое недомогание, из-за которого ее по несколько раз в день тошнит, слилось с психической болью. Тесные туфли натирают ноги. Все, что причиняет боль, объединилось в единое целое, а внутренняя тьма еще больше сгустилась.

Ей становилось все труднее ценить вещи, которые она раньше находила интересными, а вещи, прежде нравившиеся, вдруг начали действовать ей на нервы.

Сколько бы она ни мылась, ей все время кажется, будто от нее пахнет потом и что ноги начинают вонять всего через час после того, как она приняла душ. Она пристально всматривается в свое окружение в поисках признаков того, что другие замечают запахи ее тела. Ничего не обнаружив, она предполагает, что запахи не дают покоя только ей самой.

Таблетки пароксетина закончились, а у нее нет сил, чтобы связаться с кем-нибудь и обзавестись новыми.

Она больше не в силах даже пользоваться магнитофоном.

После каждого сеанса у психотерапевта она оказывалась совершенно изможденной, и чтобы снова прийти в себя, ей иногда требовалось несколько часов.

Поначалу казалось приятным, что тебя кто-то выслушивает, но под конец говорить было уже нечего.

Никакого анализа ей не требуется. Это время миновало.

Ей нужно действие.

София достает ключи от машины, открывает дверцу и садится на водительское место. Она нехотя берется за рычаг коробки передач, чтобы включить нейтральную скорость. Ей не по себе, начинает кружиться голова. Накатывают отчетливые воспоминания о рулоне туалетной бумаги

возле рычага коробки передач и Его дыхании. Ей было десять, когда Он сворачивал с шоссе на подъезде к Блосте по пути в Дала-Флуда.

Она ощущает ладонью холодную кожу рычага коробки передач. Рифленая поверхность щекочет ей линию жизни, и она крепко сжимает рукоятку.

Она решилась.

Не осталось никаких колебаний.

Никаких сомнений.

Она решительно включает первую скорость, резко срывается с места и едет по Хаммарбювэген в направлении шоссе Вермдёледен. Когда она проезжает Урминге, начинает моросить дождь. Воздух влажно-холодный, и каждый вздох дается с трудом.

Ей опять тяжело дышать...

С ожиданием покончено, думает она и направляет машину в сумерки.

Уличное освещение указывает ей путь.

В машине постепенно становится теплее, но Софию все равно до мозга костей пронизывает ледяной холод, тепло лишь покрывает ее потной пленкой, не проникая внутрь.

Не достигая ледяюще-отчетливой убежденности.

Ничто не может ее смягчить. Она подобна острию ножа.

Через четверть часа она доезжает до супермаркета “Виллис” в Густавсберге^[82], сворачивает с шоссе и ставит машину на парковке для покупателей. Тут память чиста – в те времена здесь ничего не было. У нее кружится голова от сознания, что какие-то вещи могут так радикально меняться всего в паре сотен метров оттуда, где время не двигается с места. Где не двигалась с места ее жизнь.

Раньше здесь была роща, где, как утверждалось, встречались нехорошие дядьки и алкаши. Впрочем, от чужих она видела лишь добро. Настоящий вред ей могли причинять только самые близкие.

Лес был местом безопасным.

Она помнит поляну возле хутора. Ту, что так и не смогла потом снова отыскать. Сверкание солнца в листве, оттенки белого мха, уничтожавшего все жесткое и острое.

На заднем сиденье у нее лежит спортивная куртка, которая ей слишком велика. Она озирается, нацепляет куртку и запирает машину. Она заранее решила, что последний отрезок пройдет пешком.

Этот отрезок требует мобилизации.

Требуется обдумывания, а обдумывание может породить прощение, но

путь от Гульмарсплан до Вермдё лишь укрепил решимость Софии Цеттерлунд, и она не намерена одумываться. Она отбрасывает любые мысли о примирении.

Он сделал свой выбор.

Теперь пришла ее очередь действовать.

Каждый камень мостовой обрамлен воспоминаниями, и все, что она видит, напоминает ей о жизни, от которой она сбежала.

София знает: то, что она собирается сделать, бесповоротно. Все должно решиться сейчас. Никакого потом не существует.

Она достигла точки, в которой начатое Им движение должно прекратиться. Альтернативы никогда не существовало.

Что посеешь, то и пожнешь, думает она.

Натянув капюшон, она направляется по Шергордсвэген в сторону Грисслинге и, проходя мимо пляжа, видит вытащенные на берег в преддверии зимы лодки.

Ей вспоминается, как она сама лежала в лодке в Дала-Флуда в то лето, когда познакомилась с Мартином.

Мимо проезжает автобус из города, ей видно, как он останавливается на остановке метрах в пятидесяти впереди нее. Она сворачивает налево, поднимается на горку и возле пиццерии снова берет влево.

Поскольку ей нужно остаться незамеченной, она быстро устремляется к подъездной дороге. Слышит, как ее преследует постукивание деревянных башмаков из детства, их звук эхом отдается между домами.

Она думает о том, как много раз бегала туда-сюда по этой улице в период, которому положено было быть беззаботным.

Ребенок, которым она когда-то была, стремится помешать ей выполнить задуманное. Не хочет исчезать.

Но ребенка необходимо стереть из памяти.

Родительский дом представляет собой трехэтажную виллу в стиле модерн. Сейчас он кажется меньше, чем прежде, но все так же угрожающе устремлен в небо. Дом смотрит на нее своими занавешенными окнами, а вдоль стекол ползут ухоженные цветы, словно бы мечтающие оттуда выбраться.

Возле виллы стоит белая “вольво” – они явно дома.

Слева от себя она видит рябину, посаженную родителями в день, когда она родилась. С последнего раза дерево подросло. В семилетнем возрасте она пыталась его сжечь, но дерево гореть не пожелало.

Высокий забор, построенный отцом с целью максимально скрыть происходящее на участке от соседей, становится ей идеальной защитой, и

она тихонько проскальзывает вдоль стены дома, поднимается на террасу и заглядывает в маленькое подвальное окошко.

Она оказалась права. Их привычки до смешного неизменны – каждую среду они непременно моются вечером в бане.

За окошком видна их одежда, аккуратно сложенная на скамейке. У нее вызывает тошноту мысль о запахе Его брюк, звуке расстегивающейся на ширинке молнии, приливах кислого пота, когда брюки падают на землю.

Она осторожно открывает входную дверь и заходит в прихожую. Ее сразу встречает удушающий аромат мяты. Здесь пахнет болезнью, думает она. Болезнью, которая въелась в стены. Немного поколебавшись, она снимает тенниски, чувствуя, как от нее воняет. От нее пахнет страхом и злостью.

Ее тапочки теперь опять стоят рядом с Его обувью.

На мгновение ее охватывает ощущение, будто все как прежде. Будто она только что вернулась после обычного школьного дня и по-прежнему принадлежит этой жизни.

Она стряхивает с себя это ощущение, пока оно не успело укорениться.

Я не имею с этим миром ничего общего, уговаривает она себя.

Мы свой выбор сделали.

Она прокрадывается в гостиную и осматривается. Все как обычно. Каждая вещь стоит там, где стояла всегда.

Большая комната обставлена с простотой, всегда казавшейся ей жалким убожеством, и она вспоминает, как избегала приводить домой друзей, потому что стыдилась.

На белых стенах висит несколько картин с фольклорными сюжетами, и среди них репродукция картины Карла Ларссона^[83], которой они всегда почему-то невероятно гордились. Вот и теперь она висит тут, все такая же жалкая.

София насквозь видит всю их ложь и заблуждения.

Столовый гарнитур Он за большие деньги купил на аукционе в Бударна. Мебель нуждалась в глобальной реставрации, и обойщик из Фалуна заменил протертую обивочную ткань дивана на материал, почти идентичный оригиналу. Внешне все выглядело идеально, но теперь время наложило свой отпечаток и на новую ткань.

От жизни, прошедшей в застое, исходит слабый запах разложения.

На столе стоят керосиновая лампа и хрустальная сахарница. Она проводит по сахарнице пальцем, и его отпечаток остается на липкой пленке из смеси кухонного жира и пыли, похоже затянувшей все в доме.

В одном из углов стоит выкрашенная в красный цвет прялка, с которой

она обычно играла, а на стене над прялкой висит несколько старых инструментов. Скрипка, мандолина и цитра.

Он ненавидит изменения и хочет, чтобы все было привычным. Терпеть не может, когда мама переставляет мебель.

Такое впечатление, будто Он в какое-то особое мгновение посчитал, что все идеально, а потом застыло и само время.

Он жил в иллюзии, что идеальное – это вечное состояние, не требующее поддержания.

Он не замечает упадка, думает она, поношенности, окружающей его жизнь, которая ей сейчас так отчетливо видна. Грязь.

Затхлые запахи.

Возле лестницы на второй этаж висит ее диплом, вставленный в рамку. Он скрывает пустое место от когда-то висевшей здесь навсегда исчезнувшей африканской маски.

Она тихо поднимается наверх, поворачивает налево и открывает дверь в свою старую девичью комнату.

У нее перехватывает дыхание.

Комната выглядит точно так же, как в тот день, когда она в порыве ярости покинула ее, думая, что никогда не вернется. Вот стоит кровать, застеленная и нетронутая. Вот письменный стол со стулом. На окне погибший цветок. Еще одно застывшее мгновение, констатирует она.

Они законсервировали память о ней, закрыли дверь за ее когда-то теплившейся здесь жизнью и никогда больше не открывали.

София открывает дверцу шкафа, где по-прежнему висит ее одежда. В глубине, на гвоздике, висит ключ, которым она не пользовалась более двадцати лет. На полу стоит маленький красный деревянный сундучок, расписанный тыквами, который тетя Эльса подарила ей в то лето, когда она познакомилась с Мартином.

Она водит пальцами по узору на крышке, пытаясь справиться с духом перед тем, как ее открыть.

Ведь неизвестно, что она там найдет.

Вернее, она точно знает, что именно найдет, но неизвестно, как это на нее подействует.

В сундучке лежат конверт, фотоальбом и потрепанная мягкая игрушка. Поверх конверта лежит видеокассета, которую она когда-то послала самой себе.

Ее взгляд обращается к лежащей на столе картонной подкладке для письма, где она когда-то нарисовала множество разных сердечек и написала множество имен. Она водит пальцами по выдавленным буквам, пытаясь

представить лица, стоявшие за этими именами. Но ни одного вспомнить не может.

Единственное существенное имя – Мартин.

Когда они познакомились во время ее недельных “каникул” на хуторе, ей было десять, а ему три.

Она помнит, как смотрели на нее его маленькие глазки, более открытого взгляда ей никогда потом видеть не доводилось. В них не было ничего из того, другого. Никакого стыда, никакой вины.

Никакой злобы.

Впервые вложив свою ручку ей в руку, он действовал чистосердечно, не подразумевая ничего большего.

Ему хотелось лишь прикоснуться к ее руке.

София кладет руку на имя Мартина на подкладке для письма, чувствуя, как из груди, подобно древесному соку, поднимается скорбь. Он был в ее власти, повиновался ее малейшему знаку. Был так преисполнен любви. Так преисполнен доверия.

Она видит перед собой себя.

В десять лет.

Видит себя рядом с папой Мартина. Рядом с угрозой, которую, ей казалось, он представлял. Как она пыталась играть с ним в игру, так хорошо ею освоенную. Она постоянно ждала того мгновения, когда он поймает ее и сделает своей. Как она хотела защитить Мартина от этих взрослых рук, от взрослого тела.

Она усмехается собственным воспоминаниям и наивному представлению о том, что все мужчины одинаковы. Не увидь она, как папа Мартина прикасается к его обнаженному телу, все было бы по-другому. Но то мгновение окончательно убедило ее в том, что все мужчины необузданны и способны на все.

Впрочем, в его случае она ошибалась.

Обращаясь мыслями назад, она это понимает.

Папа Мартина был самым обычным отцом. Он мыл сына. И больше ничего.

Вина, думает она.

Бенгт и другие мужчины сделали папу Мартина виноватым. Десятилетняя Виктория видела в нем коллективную вину мужчин. В его глазах, в том, как он к ней прикасался.

Он – мужчина, этого было достаточно.

Никакого анализа не требуется.

Только выводы из собственных размышлений.

София проводит рукой по письменному столу, думая о том, как много часов провела за ним Виктория, готовя уроки. Обо всем том времени, которое она сознательно посвящала занятиям, поскольку понимала: только знания могут помочь ей выбраться отсюда. Она обычно сидела здесь, прислушиваясь к шагам на лестнице, и ощущала боль в животе, когда слышала, как они ругаются на первом этаже.

Она читает надпись на видеокассете, которую держит в руках.

“Сигтуна-84”.

По Шергордсвэген на большой скорости проносится машина, и София роняет кассету на пол. Звук кажется ей оглушительным, она замирает, но нет никаких признаков того, что в бане ее услышали.

По-прежнему тихо, и ее осеняет, что, возможно, с ее исчезновением из их жизни все прекратилось.

Может, корнем всего зла была она?

Если это так, ей нельзя следовать шаблону, полагаться на временной график. Невзирая на неуверенность, она не в силах удержаться от того, чтобы посмотреть пленку. Ей необходимо пережить все еще раз.

Освобождение, думает она.

Она садится на кровать, вставляет кассету в видеомэгнитофон и включает телевизор.

София помнит, что Виктории казалось, будто она полностью контролирует чувства и действия всех замешанных лиц, у нее было ощущение, какое, вероятно, испытывает режиссер или писатель, способный несколькими простыми строчками изменить судьбу кого-то из персонажей.

Фильм начинается очень шумно, и София убавляет громкость. Картинка отчетливая и показывает помещение, освещаемое одной-единственной голой лампочкой.

Перед рядом поросячьих масок она видит трех коленопреклоненных девушек.

Слева – она сама, Виктория, со слабой улыбкой на губах.

Старая видеокамера тарахтит.

“Свяжите их!” – шипит кто-то, заливаясь смехом.

Трем девушкам связывают руки сзади серебристым скотчем и тут же надевают им на глаза повязки. Одна из девушек в масках приносит ведро с водой.

“Тишина. Съемка! – восклицает девушка с камерой. – Добро пожаловать в Гуманитарную школу Сигтуны!” – продолжает она, и содержимое ведра выливается на головы трех девушек. Ханна

закашливается, Йессика издает вопль, сама же она, как видит София, сидит, не произнося ни звука.

Одна из девушек выходит вперед, надевает студенческую фуражку, склоняется, словно расшаркиваясь перед камерой, и поворачивается к девушкам на полу. София с восхищением смотрит, как Йессика раскачивается взад и вперед.

“Я посланница студенческого союза!”

Все остальные раздражаются громким смехом, София наклоняется вперед и еще больше убавляет громкость, а девушка тем временем продолжает свою речь: “И чтобы стать его полноценными членами, вы должны отведать приветственный дар высокочтимого ректора нашей школы”.

Смех усиливается, и София слышит, что он звучит неестественно. Будто девушки смеются не потому, что им действительно весело, а по принуждению, подстрекаемые Фредрикой Грюневальд.

Камера “наезжает”, и теперь видны только сидящие на полу Йессика, Ханна и Виктория.

Грисслинге

София Цеттерлунд сидит, онемев, перед мерцающим экраном телевизора и ощущает, как в ней закипает ярость. Они договорились о том, что им подадут шоколадный пудинг, но Фредрика Грюневальд преподнесла им настоящее собачье дерьмо, чтобы утвердить свое превосходство над младшими девушками.

Глядя на себя в фильме, София испытывает гордость. Она, несмотря ни на что, не осталась в долгу, вырвала победу, повергнув их в ответный шок.

Она сыграла свою роль до конца.

Ей было не привыкать к дерьму.

София вынимает кассету и кладет ее обратно в сундучок. В трубах шумит, в подвале включается водонагреватель. Из бани слышатся Его возмущенный голос и попытки матери Его успокоить.

Воздух кажется Софии спертым, и она осторожно открывает окно. Смотрит на по-вечернему темный сад. Внизу на дереве висят ее старые качели. Она вспоминает, что они когда-то были красными, но от краски ничего не осталось. Только сухие, серо-коричневые чешуйки.

Мир хороших мин, думает она, оглядывая комнату. На стенке висит ее собственный портрет времен, когда она училась в девятом классе. Ослепительная улыбка, полные жизни глаза. Ничто не выдает того, что на самом деле происходило у нее внутри.

Она освоила искусство игры.

София чувствует, что сейчас расплатится. Не потому, что о чем-то сожалеет, просто внезапно задумывается о Ханне и Йессике, пострадавших от игр Виктории, но так и не узнавших, что изначально это была ее идея.

Получился неудачный эксперимент. Шутка обернулась полным серьезом.

Она разыграла перед Ханной и Йессикой роль жертвы, будучи на самом деле ее противоположностью.

Это было предательством.

В течение трех лет она делила с ними позор.

В течение трех лет мысль о мести объединяла их.

Она ненавидела Фредрику Грюневальд и всех безымянных старшеклассниц из Дандерюда и Стоксунда, которые благодаря деньгам родителей могли покупать самую красивую и дорогую фирменную одежду.

Девиц, важничавших из-за своих благородных фамилий.

На четыре года старше.

На четыре года взрослее ее.

У кого сегодня больше сохранился страх? Они все забыли, вытеснили?

София садится на мягкое голубое ковровое покрытие и запрокидывает голову. Смотрит на потолок, констатируя, что трещины в штукатурке не изменились. Впрочем, с тех пор, как она была здесь в последний раз, появились и новые.

Интересно, у кого остался договор, который они составили и подписали собственной кровью?

У Ханны? У Йессики? У нее самой?

В течение трех лет они держались вместе, потом утратили связь.

В последний раз она видела их в поезде, уходящем с Северного вокзала Парижа.

Она берет потрепанный фотоальбом и открывает первую страницу. Себя на фотографиях она не узнает. На них просто какой-то ребенок, не она, возвращаясь мыслями в детство, она ничего не чувствует.

Эта девочка не я, и та, которой пять лет или восемь, тоже. Это не могу быть я, поскольку я не чувствую, как чувствовали они, не думаю, как думали они.

Они все умерли.

Она вспоминает, как восьмилетняя девочка, едва научившись смотреть на часы, лежала в постели, притворяясь, будто она – часы.

Правда, ей никогда не удавалось обмануть время. Зато время взяло ее под руку и увело оттуда.

В лежащем перед ней альбоме она взрослеет с каждой перевернутой страницей. Времена года и именинные торты сменяют друг друга.

После фотографий из Сигтуны она вклеила проездной для поездок на поезде по Европе рядом с билетом с фестиваля в Роскилле. На следующей странице один за другим идут три нечетких снимка: Ханна, Йессика и она сама. Продолжая рассматривать фотографии, она периодически прислушивается к звукам из подвала, но, похоже, Он утомился.

Они были тремя мушкетерами, хоть под конец подруги и отвернулись от нее, оказавшись из того же теста, что и все остальные. Поначалу они, конечно, все делили и вместе решали возникавшие проблемы, но когда дошло до дела, они тоже оказались предательницами. Поверхностными перевертышами, не понимавшими, что действительно дорогого стоит. Когда вопрос встал ребром и пришло время показать характер, они, точно маленькие девочки, заплакали и бросились домой к мамочке.

Тогда она посчитала, что они законченные дуры. Теперь же, глядя на их фотографии, она понимает, что они были просто неиспорченными. Думали о людях хорошо. Доверяли ей. Только и всего.

Услышав удары и крики из подвала, София вздрагивает. Дверь бани открывается, и впервые за много лет она слышит Его голос:

– Чистой тебе все равно никогда не стать, но это должно хотя бы уничтожить вонь!

Она предполагает, что Он, как обычно, схватил мать за волосы и выволок ее из бани. Собирается ошпарить ее или заставить постоять несколько минут в ледяной воде?

София закрывает глаза, обдумывая, что станет делать, если они решат закончить омовение. Она смотрит на часы. Нет, Он человек привычки, а значит, пытки продлятся еще не менее получаса.

Интересно, что мать обычно говорит знакомым? Сколько раз можно разбивать бровь о кухонный шкаф и как часто люди поскальзываются в ванне? Не следует ли ходить по лестнице немного осторожнее, если ты за последние полгода упала там четыре раза? У людей, наверное, должны возникать вопросы, думает она.

Один-единственный раз Он поднял руку на Викторию, намереваясь ударить, но когда она в ответ запустила Ему в голову кастрюлей, отступил, как хищник – всемогущий, пока не встретил достойного сопротивления.

Он сам создал себе превосходящего противника и в течение нескольких месяцев потом жаловался на головную боль.

Мать же сдачи никогда не давала, она, рыдая, приходила к Виктории и залезала к ней в постель в поисках утешения. Виктория всегда старалась изо всех сил и не засыпала, пока мать не уснет.

Во время одной из ссор мать взяла машину и на несколько дней уехала жить в гостиницу. Отец, не знавший, куда она подевалась, очень нервничал, и Виктории приходилось успокаивать его, когда Он плакал у нее на груди.

В такие дни она не ходила в школу, а часами каталась на велосипеде, но они подписывали приходившие из школы сообщения о ее отсутствии, не задавая никаких вопросов. В ссорах все-таки тоже имелись свои плюсы.

София смеется над воспоминанием: ощущение превосходства, обладание тайной.

Виктория хранила их слабости глубоко внутри. Оба знали, что она в любой момент может использовать их против них. Она никогда этого не делала. Предпочитала рассматривать их как воздух. Тот, на кого не обращают внимания, не имеет и возможности защищаться.

Она садится на кровать, берет маленькую черную собачку из

натурального кроличьего меха и утыкается в нее носом. Собачка пахнет пылью и домашней плесенью. Маленькие стеклянные желтенькие глазки смотрят на нее в упор, она всматривается в них.

В детстве она обычно прижимала собачку к себе и заглядывала ей в глаза. Через мгновение открывался маленький мирок, чаще всего какой-то берег, и она изучала этот миниатюрный мир, пока не засыпала.

Но сейчас ей спать нельзя.

Эта поездка должна навсегда освободить ее.

Надо сжечь все мосты.

Она снова обнимает собачку. Тогда казалось, что никто не сможет ее обидеть, если только она будет молчать, подыгрывать, стараться быть ловчее. Как будто она верила, что победы достигаются уничтожением других.

Это было Его логикой, когда у него случались приступы.

– Папа, папа, папа, – бормочет она себе под нос, пытаясь лишить это понятие значения.

Вот Он сидит там внизу, в бане, и никто не осмелился покинуть Его. Кроме Виктории. Единственное, что Он привил ей, это желание сбежать. Он никогда не учил ее желанию остаться.

Бегство – прежде всего, думает она. Инстинкт самосохранения шел рука об руку с деструктивностью.

Воспоминания атакуют ее изнутри. Они жгут в горле. Боль причиняет все. Она не готова к этому потоку, к тому, что картинки из времени, о котором она не думала более двадцати лет, встанут перед ней с такой отчетливостью. Она понимает, что ей тогда следовало переживать куда больше, чем она переживала, но знает, что, пренебрежительно посмеиваясь, шла от события к событию. От унижения к унижению.

Она слышит, как он звучал, тот смех. Его звук усиливается и становится оглушительным. Она ходит, покачиваясь, взад и вперед по своей девичьей комнате. Что-то тихо бормочет. Кажется, будто голос просачивается из головы сквозь плотно сжатые губы, издавая звук спускающей велосипедной камеры.

Она закрывает уши руками, пытаясь отгородиться от звука маниакальности – того, что считала счастьем.

Человек, сидящий в бане, разрушил все, что могло бы быть, отчасти своими нездоровыми садистическими наклонностями, отчасти слезливой жалостью к самому себе.

София вынимает из сундучка конверт. Он помечен буквой “М” и содержит письмо и фотографию.

Письмо датировано девятым июля 1982 года. Писать Мартину явно помогали, но свое имя он вывел сам и сообщает, что у них солнечно и тепло и он почти каждый день купается. Дальше он нарисовал цветок и что-то вроде собачки.

Внизу подписано: РАУКЕН^[84] И ЦВЕТОК-ПАУК.

На обратной стороне фотографии она читает, что снимок сделан на острове Форё летом 1982 года. На фотографии пятилетний Мартин стоит под яблоней. На руках он держит белого кролика, который, похоже, пытается вырваться. Мартин слегка склонил голову набок, улыбается и щурится на солнце.

Шнурки на ботинках у него развязаны, и он выглядит счастливым. Она легонько гладит пальцем лицо Мартина, думая о шнурках, которые он никак не мог научиться хорошо завязывать и поэтому все время спотыкался. Думает она и о его смехе, всегда вынуждавшем ее бросаться его обнимать.

София буквально растворяется в фотографии, в его глазах, его коже. Она по-прежнему помнит, как пахла его кожа после целого дня на солнце, после вечернего купания, утром, когда на щечке еще виднелись отпечатки подушки. Ей вспоминаются последние часы, проведенные вместе.

От обилия чувств ей становится дурно. Она встает с кровати и прокрадывается в прихожую, а оттуда в маленький туалет для гостей, которым родители никогда не пользуются. Осторожно повернув кран, она слышит журчание в трубах. В раковину льется ржавая вода, София складывает руки чашечкой и пьет. Теплая вода отдает железом, но дурнота проходит. В шкафчике над раковиной стоит стакан с зубными щетками, она споласкивает его, наливает себе странного цвета воды и возвращается обратно в свою комнату.

Снова садится на край кровати и закрывает глаза.

Скрещивает руки на груди, обнимая себя.

Картинки из воспоминаний становятся отчетливее, и дурнота снова дает о себе знать. София тянется за стаканом с мутной водой и отпивает большой глоток.

Возле кровати начинает шуметь в трубах вода. София рывком вскакивает на ноги и от резкого движения стакан выскальзывает из рук, падает на пол и разбивается.

Проклятье, думает она. Проклятье!

Затем она слышит на лестнице шаги.

Шаги. Эта тяжелая поступь хорошо ей знакома.

Сердце колотится с такой силой, что она почти не может дышать.

Это не я, думает она. Это ты.

Ей слышно, как Он гремит чем-то на кухне и открывает водопроводный кран. Потом кран закрывается, и шаги удаляются обратно в подвал.

У нее больше нет сил вспоминать, ей хочется только положить всему конец. Осталось лишь спуститься к ним и сделать то, ради чего она приехала.

Она выходит из комнаты и спускается на первый этаж, но перед дверью кухни останавливается. Заходит в кухню и осматривается.

Тут что-то изменилось.

Под мойкой, где раньше было пустое место, теперь стоит сверкающая посудомоечная машина. Сколько же часов она просидела там внутри, за занавеской, слушая разговоры взрослых?

Но кое-что другое, в точности как она предполагала, по-прежнему на месте.

Она подходит к холодильнику и видит изрядно пожелтевшую за почти тридцать лет газетную вырезку из “Упсала Ньюа Тиднинг”.

ТРАГИЧЕСКИЙ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ: ДЕВЯТИЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК ОБНАРУЖЕН МЕРТВЫМ В ФЮРИСОН.

София смотрит на вырезку. Текст она знает наизусть, поскольку в течение нескольких лет ежедневно вновь и вновь перечитывала эту заметку. Ее вдруг охватывает неприятное чувство, отличное от того, которое она обычно испытывала перед заметкой раньше.

Чувство напоминает не скорбь, а нечто иное.

Как и прежде, ей приносит утешение читать о том, как девятилетний Мартин необъяснимым образом утонул в реке Фюрисон и что полиция не подозревает преступного умысла, а считает это трагическим несчастным случаем.

Она ощущает, как по телу распространяется спокойствие, а чувство вины медленно уходит.

Это был несчастный случай.

Только и всего.

ПРОШЛОЕ

Выйдя на мостки, она опускает руку в воду.

– Вроде не слишком холодно, – лжет она.

Но он не хочет подходить к ней.

– Здесь так странно пахнет, – говорит он. – И я замерзаю.

Она недовольно вздыхает. Ведь добраться сюда стоило им немалых усилий, и, в конце концов, изначально идея купаться принадлежала ему.

– Может, пойдем обратно? Тут плохо пахнет, и мне холодно.

Ее раздражает его нерешительность. Сперва ему надо на колесо обозрения, потом вдруг нет. Затем давай купаться, а теперь давай не будем.

– Если тебе кажется, что плохо пахнет, зажми нос. Смотри на меня и увидишь, что совсем не холодно!

Она оглядывается, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Увидеть ее могут разве что сидящие на колесе обозрения, но ей видно, что колесо в настоящий момент пусто и не двигается.

Сняв вязаную кофту и футболку, она садится на мостки. Потом снимает брюки и носки и в одних трусиках вытягивается на мостках во всю длину. От обдувающего спину прохладного ветра по коже бегут мурашки.

– Ты же видишь, что не так уж холодно. Лапочка, иди сюда!

Он робко подходит к ней, она поворачивается на бок и развязывает ему шнурки.

– У нас ведь с собой куртки, так что мерзнуть не придется. Кстати, в воде теплее, чем на суше.

Она наклоняется вперед и поднимает со столба забытую кем-то купальную простыню.

– Смотри, у нас есть даже простыня, чтобы вытереться. Она совершенно сухая, и ты сможешь вытереться первым.

Тут от моста Кунгсэнгсбрун, расположенного возле очистных сооружений, вдруг доносится пронзительный звонок. Мартин пугается и вздрагивает. Она смеется, поскольку знает, что звонок означает лишь, что мост вскоре разведут для прохода судов. За первым звонком следует еще несколько, один за другим, а возле мостков настолько стемнело, что ритмичное мигание красного огня отражается в деревьях над ними. Но самого моста им не видно.

– Не бойся. Просто сейчас разведут мост, чтобы там смогли пройти лодки.

Он стоит с поникшим видом.

Заметив, что он по-прежнему мерзнет, она притягивает его к себе и крепко обнимает. Его волосы щекочут ей нос, и она фыркает.

– Тебе не обязательно купаться, если ты побаиваешься..

Когда призывающий остановиться звонок стихает, слышится механический скрежет, а за ним глухой грохот. Разводной мост

открывается, и вскоре мимо них уже скользит маленькая деревянная лодка с зажженными навигационными огнями, а следом – более солидная спортивная яхта с крытой кабиной.

Пока суда проходят мимо, они лежат на мостках, тесно прижавшись друг к другу. Она думает о том, как пусто станет, когда наступит осень и она его лишится. Может, ей наплевать на все и тоже переехать в Сконе? Нет, ничего не выйдет.

– Ты мой малыш.

Он долго лежит молча, свернувшись у нее в объятиях.

– О чем ты думаешь? – спрашивает она.

Он поднимает на нее взгляд, и ей видно, что он улыбается.

– Как здорово, что мы переезжаем в Сконе, – говорит он.

Она вся холодеет.

– Мой двоюродный брат живет в Хельсингборге, и мы сможем почти каждый день вместе играть. У него есть длинная автомобильная трасса, и мне дадут одну из его машин. Возможно, “пontiак фаербёрд”.

Она чувствует, как ее тело начинает словно бы распадаться на части, ее как будто парализует. Ему хочется переехать в Сконе?

Она пытается встать, но не может. Думает о его родителях. Эти... Ведь он же не один из них. Правда же нет!

У нее в голове проносится тысяча мыслей. Она думает об их беспрестанных разговорах о переезде, о том, что они отнимут его у нее, и о том, что она просто исчезнет из его жизни.

– А потом, когда опять придет лето, мы поедem в отпуск за границу. Моя новая няня тоже поедет. Мы полетим на самолете.

Она хочет что-то сказать, но не может выдать из себя ни звука. Все это не его слова, думает она.

Она смотрит на него. Он лежит рядом с ней, устремив в небо мечтательный взгляд.

На лицо ему падает тень, похожая на крыло птицы.

Ей хочется встать, но кажется, будто кто-то железной хваткой удерживает ее за руки и грудную клетку.

“Куда же мне бежать?” – думает она с ужасом. Ей хочется уничтожить все сказанное им, забрать его оттуда.

К себе домой.

Потом что-то происходит.

В глазах темнеет, и она чувствует, что ее сейчас вырвет.

Тут раздается такой звук, будто ей прямо в ухо каркает ворона.

Она с испугом поднимает взгляд и видит совсем рядом его смеющееся

лицо.

Но нет, это не он, над ней издевательски смеются глаза его отца, его влажные, мерзкие губы. Теперь ворона уже угнездилась у нее в голове и черные крылья застилают взгляд. Каждый мускул тела напрягается, и, до смерти перепуганная, она начинает защищаться.

Девочка-ворона хватает его за волосы с такой силой, что вырывает большие клочья.

Она бьет его.

По голове, по лицу, по телу. Из его ушей и носа течет кровь, а в его глазах она поначалу видит только страх, а потом и нечто иное.

В самой глубине глаз он не понимает, что происходит.

Девочка-ворона бьет и бьет, и когда он перестает шевелиться, удары постепенно ослабевают.

Плача, она склоняется над ним. Он не издает ни звука, просто лежит и неотрывно смотрит на нее. Его глаза ничего не выражают, но они двигаются и моргают. Дыхание учащенное, из горла доносятся хрипы.

Она ощущает головокружение и тяжесть во всем теле.

Словно в тумане, она встает, сходит с мостков и притаскивает с берега реки большой камень. Когда она идет с камнем обратно, перед глазами у нее все плывет.

От удара камнем по голове раздается такой звук, будто кто-то раздавил ногой яблоко.

– Это не я, – говорит она, опуская его тело в воду. – Теперь давай, плыви...

Грисслинге

София Цеттерлунд снимает газетную вырезку, аккуратно складывает ее и сует в карман.

Это не я, думает она.

Это ты.

Она открывает холодильник и констатирует, что он, как всегда, заполнен молоком. Все как обычно, как положено. Ей известно, что Он обычно пьет по два литра в день. Молоко очищает.

Она помнит, как Он вылил ей на голову целый пакет молока, когда она отказывалась ехать на хутор. Молоко стекало с головы по телу и на пол, но она все равно поехала с Ним, а потом впервые встретилась с Мартином.

Течь должны были слезы, думает она, закрывая холодильник.

Вдруг до нее доносится жужжащий звук, но не из холодильника, а из ее кармана. Телефон.

Пусть себе звонит.

Она знает, что скоро они там, внизу, все закончат, и ей надо торопиться, чтобы успеть, но она все-таки тихонько поднимается обратно к себе в комнату. Надо убедиться, что там нет ничего, что бы ей хотелось сохранить, о чем она потом будет жалеть.

Бродяга, думает она, решая спасти маленькую собачку из кроличьего меха.

Собачка не сделала ей ничего плохого, напротив, в течение многих лет она утешала ее, выслушивала ее мысли.

Нет, оставлять ее нельзя.

Она забирает собачку с кровати. На мгновение задумывается, не взять ли фотоальбом, но нет, его надо уничтожить. Это фотографии Виктории, не ее. С этой минуты она будет только Софией, даже если в будущем ей всегда придется делить свою жизнь с кем-то другим.

Перед тем как опять спуститься по лестнице, она заходит в спальню родителей. Как и в гостиной, здесь ничего не изменилось. На месте даже коричневое покрывало в цветочек, хоть оно и стало чуть более потертым и выцветшим, чем ей помнилось. В холле она останавливается и прислушивается. По доносящемуся из бани бормотанию она заключает, что они достигли фазы примирения. Снова взглянув на часы, она понимает, что на этот раз происходит одна из марафонских посиделок.

Она возвращается вниз, в гостиную, и слышит, как в подвале что-то

громыхает и кто-то выходит из бани.

Каждая банная сессия всегда обладала собственной внутренней драматургией, следовавшей заданной схеме.

Фаза один состояла из молчания и нервозности, и хотя она знала, что наступит фаза два, но не переставала надеяться, что именно этот раз станет исключением и они помоются в бане как нормальные люди. Когда Он начинал ерзать и проводить рукой по жидким волосам, это являлось переходом к следующему акту и знаком для матери. Та с годами научилась расшифровывать и понимать сигнал, призывавший ее удалиться и оставить их одних.

“Нет, для меня здесь уже слишком жарко, – обычно говорила она. – Я, пожалуй, лучше поднимусь наверх и поставлю воду для чая”.

Теперь этой жирной корове уже не сбежать.

По звукам, доносившимся из бани чуть раньше, она понимает: в фазе два теперь доминируют побои, в отличие от того, что происходило, когда оставаться там приходилось ей.

В ее время Ему требовалось около двадцати минут, чтобы войти в фазу три – в наиболее мучительную часть, когда Он плакал, стремясь добиться прощения, и если ты не разыгрывала свои карты удачно, это могло привести к необходимости еще раз пройти через фазу два.

Прежде чем спуститься к ним, она в последний раз осматривается. С этой минуты останутся только воспоминания, ничего физического, что смогло бы их подтвердить.

В гостиной она снимает со стены картину и кладет ее на пол. Осторожно надавливает ногой, разбивая стекло. Затем вытаскивает литографию из испорченной рамы и медленно рвет ее на кусочки, в последний раз всматриваясь в сюжет.

Интерьер дома в Даларна.

На переднем плане стоит она сама, голая, в высоких черных сапогах для верховой езды, доходящих ей до колен. За спиной она прячет грязную простыню. На заднем плане на полу сидит Мартин, не обращая на нее никакого внимания.

Сейчас она видит только улыбающуюся девочку и симпатичного ребенка, который играет с какой-то банкой или кубиком. Сапогами, которые ее однажды заставили надеть, когда Он ее насиловал, являются два обычных чулка, а простыней с ее кровью и Его жидкостями – чистая ночная рубашка.

Это – картина Карла Ларссона.

Только ей известно, что идиллия фальшива.

Все остальные видели декоративную картину и ничего больше.

Она тяжело дышит, чувствуя, как от затхлого запаха плесени щекочет в носу.

Она ненавидит Карла Ларссона.

Спускаясь в подвал, она привычно избегает ступенек, которые, как ей известно, могут заскрипеть, и заходит в соседнее помещение, предназначенное для хобби.

В подвале Он оборудовал гостиную с ковровым покрытием и коричневыми настенными панелями. В соседней комнате Он установил стол для пинг-понга – профессиональный стол фирмы “Стига”, с более толстыми ножками, чем у любительских. Какое-то время они играли почти ежедневно, но когда она стала играть слишком хорошо, Ему это наскучило. Один из матчей закончился тем, что Он сжульничал и она так разозлилась, что бросила в Него ракеткой. Та угодила Ему в руку и сломала большой палец. После этого они больше никогда не играли.

Она берет доску достаточной длины и идет в душевую, примыкающую к самой бане. Теперь ей отчетливо слышны их голоса. Говорит только Он:

– Черт, ты с годами не худеешь. Ты не можешь обмотаться полотенцем?

Она знает, что мать подчинится без малейших протестов. Плакать она тоже давно перестала. Смирилась с тем, что жизнь не всегда оказывается такой, как ты себе представлял.

Никакой печали.

Одно безразличие.

– Не будь мне тебя жаль, я бы давно попросил тебя отсюда убраться. И я имею в виду не только из бани, а вообще. Прочь. Но как, черт возьми, ты бы выжила, а?!

Мать молчит. Молчать мать тоже давно привыкла.

На мгновение она заколебалась. Может, умереть должен только Он?

Нет, пусть мать заплатит за свое молчание и уступчивость. Без этих ее качеств Он не смог бы продолжать. Ее молчание являлось предпосылкой.

Молчание – знак согласия.

– Но скажи хоть что-нибудь, черт побери!

Они так заняты там, внутри, что не слышат, как она приставляет доску к деревянной ручке двери бани и упирает ее в противоположную стену.

Потом вынимает зажигалку.

Квартал Крунуберг

Звонит телефон, и Жанетт видит, что это Деннис Биллинг.

– Здравствуй, Жанетт, – начинает он, и его вкрадчивый тон сразу настораживает ее.

– Здравствуйте, Деннис, друг мой, – отвечает она с иронией и, не удержавшись, добавляет: – Чему обязана такой честью?

– А-а, перестань, – фыркает он. – Тебе это не идет!

Фальшивый фасад дал трещину, и Жанетт сразу почувствовала себя увереннее.

– Два месяца я читал твои отчеты, не понимая, куда ты движешься, и вот получаю это. – Начальник полиции умолк.

– Это? – переспрашивает Жанетт, притворяясь, будто не понимает.

– Да, просто блестящий обзор жутких происшествий с мертвыми... – Он запнулся.

– Вы имеете в виду мой последний отчет о том, что мне удалось узнать по поводу убийств мальчиков?

– Именно. – Деннис Биллинг откашлялся. – Ты проделала колоссальную работу, и я рад, что она завершена. Забрось мне заявление на отпуск, и можешь отправляться на пляж уже на следующей неделе.

– Я не понимаю...

– Чего ты не понимаешь? Все указывает на вину Карла Лундстрёма. А он по-прежнему лежит в коме, и даже если очнется, привлечь его к ответственности будет нельзя. По словам врачей, у него обширное поражение мозга. Он превратится в овощ. Что касается жертв, то две из них неопознанные... и как это говорится? – Он пытается подобрать правильную формулировку.

– Может быть, дети? – предлагает Жанетт, чувствуя, что больше не в силах сдерживать злость.

– Может, и не так, но если бы они находились здесь легально, то...

– Ситуация была бы другой, – добавляет Жанетт, прежде чем продолжить. – Тогда мы выделили бы на это дело человек пятьдесят следователей, не то что сейчас. Только я и Хуртиг при небольшой помощи Шварца и Олунда. Вы это хотите сказать?

– Жанетт, дорогая, угомонись. На что это ты намекаешь?

– Я ни на что не намекаю, но понимаю, что вы звоните, чтобы сообщить мне, что дело закрыто. А как мы поступим с Самуэлем Бай?

Даже фон Квист должен бы понимать, что Лундстрём никак не мог его убить.

Биллинг делает глубокий вдох.

– Но ведь у вас нет никаких подозреваемых! – кричит он в трубку. – Там нет ни единого следа, который указывал бы в какую-нибудь сторону. Речь с таким же успехом может идти об организованном незаконном ввозе людей, и как нам тогда, по-твоему, до этого добираться?

– Ясно, – со вздохом говорит Жанетт. – Значит, вы считаете, мы должны собрать все, что имеем, и отправить фон Квисту?

– Совершенно верно, – отвечает Биллинг.

– А фон Квист прочитает наши бумаги, – продолжает Жанетт, – и закроет дела за отсутствием подозреваемых.

– Совершенно верно. Ведь воображаешь, если захочешь, – смеется начальник полиции. – А потом вы с Йенсом отправляетесь в отпуск. Все довольны и счастливы. Договорились? Материалы расследования вместе с твоим заявлением на отпуск будут у меня на столе завтра в районе обеда, да?

– Договорились, – отвечает Жанетт и кладет трубку.

Она решает, что лучше сразу сообщить Хуртигу о новых директивах, и идет к нему в кабинет.

– Я только что узнала, что мы должны прекратить работу.

Хуртиг сперва смотрит на нее с удивлением, потом подается вперед и разводит руками. Похоже, он в основном разочарован.

– Черт возьми, это же абсурд.

Жанетт тяжело садится, чувствуя страшную усталость. Ей кажется, будто тело растекается по стулу и полу.

– Разве? – произносит она в ответ. Она чувствует, что у нее нет сил изображать адвоката дьявола, но знает, что в ее задачу как начальника входит защищать решения шефа.

– Ведь уже долгое время ничего не происходит. Нет ни единого следа. Вполне возможно, что речь, как говорит Биллинг, идет о нелегальном ввозе людей, а тогда это вроде бы не наш уровень.

Хуртиг резко качает головой:

– А Карл Лунд стрём?

– Он ведь, черт подери, лежит в коме и едва ли сможет нам чем-то помочь.

– Ты плохо умеешь врать, Жанетт! Естественно, этот педофил...

– В любом случае это так. Я ничего не могу поделать.

Хуртиг закатывает глаза:

– Убийца разгуливает на свободе, а нам связывает руки какой-то идиот, считающий, что законом можно вертеть как хочешь. Только потому, что речь идет о мальчиках, которых никто не разыскивает! Проклятье! А как же с этим Бергманом? Может, нам все-таки попытаться поговорить с его дочерью? Ей, похоже, есть что сказать.

– Нет, Йенс. Исключено, ты сам прекрасно понимаешь. Думаю, нам лучше всего оставить это. По крайней мере, сейчас.

Она называет его Йенсом, только когда он ее раздражает. Но раздражение сразу проходит, когда она видит, как он разочарован. Ведь они все-таки работали над этим вместе, и он занимался расследованием с таким же энтузиазмом, как она.

Сейчас она поедет домой и поспит на диване.

– Я ухожу, – говорит она. – У меня накопилось кое-какие отгулы.

– Конечно, конечно. – Хуртиг отворачивается.

Гамла Эншеде

Все движения выполняются сами собой, поскольку каждый фрагмент она проходила уже тысячи раз.

Она проезжает Глобен.

Направо от круглой развязки возле ресторана “Сёдермальмс Брёд”. Эншедевэген.

Включать мозг не требуется.

Все идет рутинно, и когда Жанетт Чильберг сворачивает на подъездную дорогу к гаражу, она в третий раз за короткое время чуть не сталкивается с красной спортивной машиной, принадлежащей Александре Ковальской. Как и в первый вечер, машина небрежно припаркована перед гаражом, и Жанетт вынуждена резко затормозить.

– Черт! – громко кричит она, когда ремень безопасности врезается ей в плечо. В ярости она сдает назад, паркуется возле живой изгороди, выходит из машины и с силой захлопывает переднюю дверцу.

Летним вечером в Эншеде пахнет подгорелым мясом, и когда она выходит из машины, ее обдаёт чадом сотни угольных грилей. Сладковатый удушающий запах распространяется по всему району, проникая в сад, и Жанетт рассматривает это как признак семейного счастья, общности. Гриль предполагает компанию, в одиночестве никто с грилем возиться не станет.

Хрупкую тишину нарушают голоса соседей, хохот и возбужденные крики с футбольного поля. Она думает о Софии: интересно, чем та занимается?

Жанетт поднимается на крыльцо. Когда она уже собирается открыть дверь, на ручку нажимают вниз изнутри, и Жанетт приходится отскочить в сторону, чтобы не получить удар дверью.

– Пока, красавчик. – Александра Ковальска стоит в дверном проеме, спиной к ней, и машет рукой Оке, который улыбается ей из прихожей.

Когда он видит Жанетт, улыбка сходит с его губ.

Александра оборачивается.

– А-а, привет, – здоровается она с невозмутимой улыбкой. – Я как раз собираюсь уходить.

Чертова ведьма, думает Жанетт и, не отвечая, проходит в дом.

Закрывает за собой дверь и снимает куртку. Красавчик?

Она идет на кухню, где Оке машет рукой в окно. Он смотрит на нее как-то неуверенно, когда она бросает на кухонный стол сумку.

– Сядь, – резко говорит Жанетт, открывая холодильник. – Красавчик? – фыркает она. – Тебе придется, черт возьми, объясниться. Что, собственно, происходит? – Она старается не повышать голоса, но чувствует, как внутри все содрогается от ярости.

– Что ты имеешь в виду? Что ты хочешь, чтобы я объяснил?

Она решает сразу взять быка за рога, не поддаваться на его собачий взгляд, который у него всегда появляется в подобные моменты.

– Расскажи, почему ты вчера не пришел домой ночевать и даже не позвонил. – Она смотрит на него. Глаза действительно как у собаки.

Он пытается улыбнуться, но безуспешно.

– Я... или, вернее, мы. Мы ходили в ресторан, в “Операчелларен”^[85]. Я немного перебрал...

– И?..

– Ну, я заночевал в городе, и Александра подвезла меня до дома. – Оке отворачивается и смотрит в окно.

– Почему же у тебя такой пристыженный вид? Ты с ней спишь?

Молчит слишком долго, думает Жанетт.

Оке опирается локтями о стол, закрывает лицо руками и смотрит прямо перед собой пустым взглядом.

– Думаю, я в нее влюбился...

О-па, вот оно, думает Жанетт, вздыхая.

– Черт, Оке...

Не говоря ни слова, она встает, берет сумку, идет в прихожую, открывает наружную дверь и выходит из дома. Она идет по подъездной дороге, выходит на улицу, садится в машину, достает из сумки телефон и набирает номер Софии Цеттерлунд. Ей необходимо с кем-нибудь поговорить.

Телефон не отвечает.

Она успевает доехать только до Нюнесвэген, как звонит Оке и сообщает, что забирает Юхана на выходные к своим родителям и что, пожалуй, каждому из них стоит пару дней поразмыслить над ситуацией по отдельности. Ему необходимо подумать.

Жанетт понимает, что это лишь предлог.

Молчание – хорошее оружие, думает она, сворачивая к транспортной развязке на Гульмарсплан.

Дающее отсрочку.

Жизнь, которую она всего несколько месяцев назад считала само собой разумеющейся, как ветром сдуло, и сейчас она не представляет себе даже, каким будет следующий день.

Она включает радио, чтобы заглушить собственные мысли.

Уже сейчас она ощущает страх перед необходимостью просыпаться одной в пустом доме.

Хаммарбю Шёстад ^[86]

По пути домой из Грисслинге София Цеттерлунд останавливается на бензоколонке “Статойл” на подъезде к Хаммарбю Шёстад и переодевается в туалете магазинчика. Там же она запихивает в урну дорогое, но пострадавшее от пожара платье. Хихикает про себя при мысли о том, что оно стоило более четырех тысяч крон. Вернувшись в магазин, она покупает большой кусок французского козьего сыра “Шевр”, пачку печенья, банку черных оливок и упаковку клубники.

В тот момент, когда она расплачивается, у нее в кармане начинает вибрировать телефон. На этот раз она вынимает его и смотрит, кто звонит.

Пока она забирает сдачу, вибрация у нее в руке прекращается. Два пропущенных звонка, читает она на дисплее и прощается с продавщицей. Выяснив, что ей звонила Жанетт Чильберг, она сует телефон обратно в карман.

Позже, думает она.

На пути к выходу она видит стойку с очками для чтения. Ее взгляд сразу выхватывает такие же очки, как она украла в новогоднее утро чуть более полугода назад, и она останавливается.

Она поехала на Центральный вокзал и купила билет до Гётеборга. Туда и обратно. Восьмичасовой поезд отошел точно по расписанию, и она уселась с чашкой кофе в пустом вагоне-ресторане.

Сразу после отправления вошел проводник, чтобы прокомпостировать билет, она предъявила билет, а другой рукой намеренно опрокинула на стол чашку с горячим кофе. Она закричала, и проводник побежал принести что-нибудь, чем можно вытереться.

Она улыбается воспоминанию и снимает очки со стойки. Надевает их и рассматривает себя в маленьком зеркале.

Проводник принес ей салфетки, и она усиленно выпячивала грудь, наклоняясь вперед, чтобы спросить, остались ли на блузке пятна. Он, вероятно, вспомнит ее в случае, если потребуется проверять ее алиби.

Но ей даже не пришлось показывать полиции прокомпостированный билет, оплаченный ее кредитной карточкой. Они проглотили ее историю целиком и полностью.

Когда поезд остановился на станции “Сёдертелье Южная”, она быстро проскользнула в туалет, убрала волосы в строгий узел и надела украденные очки.

Перед выходом из поезда она вывернула свой черный плащ наизнанку и вдруг оказалась одетой в светло-коричневый плащ. Она села на скамейку, закурила и дождалась электрички обратно в Стокгольм, к Лассе.

Говорить было не о чем, думает она, вешая очки обратно на стойку.

Ее бы не устроило никакое объяснение.

Он предал ее.

Насрал на нее. Унизил.

Ему не было места в ее новой жизни, и все. Если бы она просто бросила его, послала бы к черту, это не принесло бы ей удовлетворения. Он бы по-прежнему где-то обитал. Возможно, со своей настоящей женой, или один, или вместе с еще одной женщиной. Не имело значения. Самое главное – он бы по-прежнему существовал.

Она выходит из магазина при бензоколонке, идет к машине и только тут чувствует, что ее волосы пахнут дымом, но по приезде домой она примет ванну.

Открывая дверцу машины, она думает о том, как обнаружила Лассе развалившимся на диване в гостиной. Почти пустая бутылка виски свидетельствовала о том, что он, вероятно, сильно пьян.

Если мужчина, которого уличили в том, что он десять лет вел двойную жизнь, напившись, кончает с собой, это едва ли можно считать удивительным.

Скорее ожидаемым.

Она заводит машину. Мотор начинает стрекотать, она включает первую скорость и выезжает с бензоколонки.

Он громко храпел с открытым ртом, и ей пришлось взять себя в руки, чтобы не поддаваться импульсу разбудить его и призвать к ответу.

Она тихонько прошла в ванную и вытащила кушак из вишневого халата Лассе, который тот украл из гостиницы в Нью-Йорке.

Она едет в сторону города.

На запад, по дороге номер двести двадцать два. За ветровым стеклом мелькают уличные фонари.

Лассе лежал на боку, спрятав лицо и оставив затылок незащищенным. Важно было, чтобы узел сразу попал на нужное место и не оставил более одного отпечатка. Она связала удавку и осторожно перекинула ему через голову.

Когда узел оказался в точности на нужном месте и оставалось только затянуть, она вдруг утратила решимость.

Засомневалась, просчитывая риски, но не обнаружила ничего, что

могло бы ее выдать.

Покончив с ним, она вернется на Центральный вокзал и дождется вечернего поезда из Гётеборга, а потом отправится забирать машину с подземной стоянки. На машине к тому времени уже будет лежать штрафная квитанция, но когда охранники увидят у нее чек, свидетельствующий об оплате парковки, им, естественно, придется перечеркнуть штраф. Тем самым они подкрепят, если не подтвердят, ее рассказ о том, что она в течение дня ездила на поезде в Гётеборг и обратно.

Она поворачивает направо, едет по мосту, а затем въезжает в туннель под гостиницей “Кларион”.

Дисциплина, думает она. Надо быть начеку, нельзя действовать импульсивно, иначе тебя могут разоблачить.

Парковочные контролеры, билет на поезд и видевший ее в вагоне-ресторане проводник – этого оказалось достаточно, чтобы снять с нее подозрение в том, что в конечном счете было признано самоубийством. Телефонные каталоги на полу под стулом стали последней деталью, довершившей картину самоубийства.

Она едет по Ренстьернасгатан, минует Сконегатан и Бундегатан и сворачивает направо на Осёгатан.

Она крепко ухватилась за кушак халата и со всей силы потянула. Лассе пытался хватать ртом воздух, но из-за опьянения его мозг не посылал соответствующих сигналов.

Он так до конца и не проснулся, и она повесила его на крюке для лампы. Подставила под него стул и, обнаружив, что ноги не достают до сиденья, заполнила пустое пространство телефонными каталогами, которые сама же потом сбросила на пол. Совершенно очевидное самоубийство.

Сканстуль – Крепостная таможня ^[87]

Перед самым мостом Юханнесховсбрун Жанетт Чильберг видит, что большие сферические часы над входом в торговый центр показывают двадцать минут десятого, и решает снова позвонить Софии.

Набрав номер и прижав телефон к уху, она слышит сирены спецтранспорта. В зеркало заднего вида она видит три быстро приближающиеся пожарные машины и сбавляет скорость.

Телефон соединяется, но никто не отвечает.

Мимо проносится первая пожарная машина. Трубку по-прежнему не берут.

Ну, пожалуйста, ответь, мысленно просит Жанетт. Мне необходимо с тобой повидаться.

Когда мимо проезжает последняя пожарная машина и движение возвращается к нормальной скорости, дослушав десятый гудок, она прерывает соединение.

Жанетт хочется оказаться где-нибудь в другом месте, в совершенно другой жизни, и ей вспоминается документальный фильм о мужчине, однажды решившем, что с него хватит.

Вместо того чтобы ехать, как обычно, на работу в Государственную больницу в Копенгагене, он разворачивается и проезжает на велосипеде до Южной Франции. Оставив в Дании жену и детей, мужчина создает себе новую жизнь, становясь кузнецом в маленькой горной деревушке. Когда к нему приезжает съемочная группа, он говорит, что не хочет иметь со старой жизнью ничего общего, и посылает всех и вся к черту.

Жанетт знает, что могла бы поступить так же, предоставив Оке разбираться со всем самому.

Единственное осложняющее обстоятельство – Юхан, но он ведь смог бы присоединиться позже. Паспорт у нее всегда в сумке, и в принципе ей ничто не мешает. Страх каким-то удивительным образом отпускает, как будто сознание того, что она на самом деле не прикована к месту, делает возможность вырваться на свободу менее притягательной.

Музыка по радио прерывается сообщением: жителей Грисслинге просят закрыть окна ввиду сильного пожара на одной из вилл.

Она бесцельно едет дальше.

В свободном падении.

Белые горы

София Цеттерлунд находит квартиру пустой: никаких следов Гао. Войдя в скрытую за стеллажом комнату, она видит, что он все вычистил и прибрал. Пахнет здесь теперь моющими средствами, хотя по-прежнему слегка отдает мочой.

Грубый плед аккуратно разложен на матрасе.

Шприцы лежат на маленьком столике рядом с бутылкой с ксилокаином, и ей становится интересно, почему ее коллега, дантист Юханссон, их так и не хватился. Случайность вновь сыграла ей на руку.

Ее возмущает своевольное поведение Гао – ведь он действовал без ее приказаний. Что же происходит?

Ее охватывает неконтролируемый страх. Вся ситуация ей непривычна. Внезапно происходят вещи, на которые она не может повлиять, и нечто неподвластное ей приходит в движение.

Не понимая, откуда что берется, она начинает истерически кричать. Слезы текут по щекам, и ей никак не перестать реветь. Так много всего одновременно рвется наружу. Она колотит в стены, пока обе руки не теряют чувствительность.

Припадок продолжается почти полчаса, и, успокоившись – в основном потому, что измотана физически, – она сворачивается на мягком полу в позу эмбриона.

От запаха дыма щекочет в носу.

Ей видятся шрамы у нее на теле.

Раны, которые, залечившись, превратились в более светлые пятна на коже.

Дыхания, вызывавшие у нее тошноту, из-за которых ей теперь трудно целоваться.

Такой опыт необходим для памяти. Что-то происходит, воспринимается и становится воспоминанием, но со временем сам процесс стирается, превращается в единое целое. Несколько событий сливаются в одно. Ей кажется, что вся ее жизнь представляет собой один большой ком, где насилие и побои объединились в одно особое происшествие, а оно, в свою очередь, стало опытом, превратившимся в знание.

Нет никакого “сначала” и, соответственно, никакого “потом”.

Что было в ней такого, чего больше не осталось?

Что могла она когда-то видеть такого, чего больше не видит? Она

искала новых возможностей для развития собственной личности. Не альтернативы или дополнения, а новой натуры. Самонадеянность, не знающая границ.

Она разрезает тонкую пленку, отделяющую ее от безумия. Ничто не началось с меня, думает она. Ничто не началось во мне. Я мертвый плод в стадии разложения.

Моя жизнь состоит из длинной череды мгновений, одного за другим, как при перечислении, непохожих друг на друга, из отдельных фактов, следующих один за другим.

Из осознания отчужденности и самопонимания.

Стокгольм

В первый раз в своей новой стране Гао Лянь из Уханя идет по Стокгольму один. Из квартиры на Боргместаргатан он доходит до Клиппгатан и спускается вниз по скользким каменным ступеням, ведущим к церкви Софии. Пересекает Фолькунгагатан и поднимается по лестнице к больнице миссионерской организации “Эшта”.

На Фьелльгатан он садится на скамейку и смотрит на Стокгольм. Прямо под ним стоят большие пассажирские паромы, а на рейде покачиваются маленькие яхты. Слева ему виден Старый город – Гамла стан – и дворец.

Ласточки, с криком пронзающие воздух в погоне за насекомыми, – те же птицы, что жили у них под крышей дома в Ухане.

Воздух тоже такой же, правда, здесь он чище.

Гао спускается к шлюзу, переходит через мост и попадает в Старый город. Он с любопытством прислушивается к чужому языку, и ему думается, что он звучит так, будто люди вокруг не говорят, а поют. Новый язык кажется дружелюбным и подходящим для создания прекрасной поэзии, и Гао становится интересно, как он звучит, когда эти люди сердятся.

Он несколько часов бродит по множеству маленьких улочек и переулков, постепенно начинает ориентироваться и уже вскоре может попадать туда, куда задумал. С наступлением сумерек у него в голове возникает четкая карта расположенного между мостами маленького городка. Сюда он обязательно вернется и сделает это отправной точкой, когда потом будет изучать другие части города.

Домой он идет по Гётгатан до перекрестка со Сконегатан, где поворачивает налево и напрямик приходит в нужную квартиру.

Светлую женщину он находит в темной, мягкой комнате. Она лежит, растянувшись на полу, и он видит по ее глазам, что она пребывает где-то далеко. Он наклоняется, целует ей ноги, а потом раздевается.

Прежде чем лечь рядом с ней, он старательно и аккуратно складывает костюм именно так, как она много раз ему показывала. Потом закрывает глаза и ждет, чтобы ангел выдал ему инструкции.

Белые горы

Когда зазвонил телефон, волосы у Софии Цеттерлунд еще не успели высохнуть.

– Это Виктория Бергман? – осведомляется незнакомый голос.

– А кто ее спрашивает? – отвечает она вопросом на вопрос с притворной подозрительностью, хотя прекрасно знает, что рано или поздно они должны с ней связаться.

– Я звоню из отделения полиции Вермдё, и мне нужна Виктория Бергман. Это вы?

– Да, я. А в чем дело? – Она изображает испуг, свойственный, по ее представлениям, людям, если им поздно вечером звонят из полиции.

– Вы дочь Бенгта и Биргитты Бергман из местечка Грисслинге на острове Вермдё?

– Да, это я... А что случилось? В чем, собственно, дело? – Она заводит себя и на несколько секунд ощущает неподдельное волнение. Как будто становится другим человеком и действительно не знает, что произошло.

– Меня зовут Йоран Андерссон, я пытался разыскать вас, но никак не могу найти вашего адреса.

– Странно. В чем же дело?

– Мне выпала печальная обязанность сообщить вам, что ваши родители, по всей вероятности, умерли. Их дом сегодня вечером сгорел, и мы предполагаем, что обнаружили именно их тела.

– Но... – выдавливает из себя она.

– Извините, пожалуйста, что я сообщаю это вам таким вот образом, но вы по-прежнему значите проживающей у родителей, и ваш телефон мне дал их адвокат...

– Что значит “умерли”? – Виктория повышает голос. – Я же разговаривала с ними всего несколько часов назад, и папа говорил, что они собираются в баню.

– Да, все верно. Мы нашли ваших родителей в бане. Судя по тому, что нам известно на настоящий момент, пожар начался в подвале. Эксперты предполагают, что загорелся агрегат и они по какой-то причине не смогли выбраться наружу. Возможно, заклинило дверь, но это пока на уровне предположений. Все покажет обстоятельное расследование. При всех условиях ясно, что произошел трагический несчастный случай.

Несчастный случай, думает она. Раз они так думают, значит, по всей

видимости, не обнаружили доску. Она правильно просчитала, что доска тоже сгорит, прежде чем кто-нибудь успеет потушить огонь.

– Вам, наверное, требуется с кем-нибудь поговорить. Я дам вам телефон дежурного психолога, которому вы сможете позвонить.

– Нет, не надо, – отвечает она. – Я сама психолог, и у меня есть свои контакты. Но спасибо за проявленную заботу.

– Вот оно что. Мы перезвоним вам завтра с более подробной информацией. Выпейте чего-нибудь крепкого и позвоните кому-нибудь из друзей. Мне искренне жаль, что пришлось оповещать вас таким образом.

– Спасибо, – говорит София Цеттерлунд и кладет трубку.

Наконец-то, думает она. Ноги болят. Но она чувствует себя полной жизни.

Все уничтожено.

Теперь ей виден конец.

Квартал Крунуберг

Закрывая дверь дома, Жанетт слышит, как по наружному подоконнику стучат первые капли дождя. Небо начало затягивать тучами, и ей кажется, что вдали слышны раскаты грома. Она садится в машину и покидает опустевший дом в Гамла Эншеде в тот самый момент, когда серо-черный Стокгольм накрывает первая в конце этого лета буря.

Оке подготовил все бумаги для развода, и Жанетт утром подписала их, ничего не говоря, хотя видела некую иронию в том, что он вдруг проявил такую дееспособность.

Приехав в здание полиции, она прибирает у себя на письменном столе, поливает цветы и, прежде чем покинуть рабочее место, заходит к Йенсу Хуртигу, чтобы пожелать ему приятного отпуска.

– Ты это видела? – спрашивает он, протягивая ей какую-то бумагу.

– Что именно?

– Пропавший мальчик. Линус Алениус, пятнадцати лет. Пропал на острове Экерё. Его велосипед лежал брошенным в канаве. Экерё. Улавливаешь связь?

– Экерё. Свартшёландет. Улавливаю. Но Линус Алениус? – Она пробегает глазами бумагу, быстро констатируя, что речь идет о совершенно обычном шведском мальчике.

Нет, не сходится, думает она. Это нарушает схему.

– Пока он считается просто пропавшим, – говорит Хуртиг, – и, следовательно, к нам не попадает.

– Вот именно. И кроме того, мы же в отпуске, – напоминает Жанетт, откладывая бумагу. – Что собираешься делать?

– Послезавтра поеду на ночном поезде в Эльвсбюн, потом на автобусе в Йоккмокк, откуда меня заберет мать. Буду просто отдыхать и немного рыбачить. Возможно, помогать папаше с домом.

– Как он себя чувствует после несчастного случая с дисковой пилой? – спрашивает она, устыдившись, что не поинтересовалась раньше.

– Со смычком, во всяком случае, управляется, хоть и играет на скрипке неважно, но трагизм ситуации в том, что матери приходится завязывать ему шнурки. – Лицо Хуртига поначалу серьезно, но затем расплывается в улыбке. – А ты? Тишина и покой?

– Едва ли. “Грёна Лунд” с Юханом и Софией. Ты знаешь, что я не слишком люблю высоту, но мне подумалось, было бы здорово познакомиться

Софию с Юханом, а она предложила именно “Грёна Лунд”, так что остается только стиснуть зубы.

Его улыбка переходит в ухмылку.

– Испробуй детские американские горки или домик с веселыми аттракционами.

Жанетт смеется и по-дружески ударяет его в живот.

– Увидимся через пару недель, – говорит она, не зная, что им суждено встретиться меньше чем через семьдесят два часа.

К тому времени ее сын уже почти сутки будет считаться пропавшим.

Белые горы

София Цеттерлунд просыпается вместе с Викторией Бергман и чувствует себя исцеленной.

Два дня она, вместе с Гао, пролежала в постели, разговаривая с Викторией.

София рассказывала обо всем, что произошло с тех пор, как они расстались более двадцати лет назад.

Виктория в основном молчала.

Они вместе снова и снова прослушивали кассеты с записями, и Виктория каждый раз засыпала. Получалось наоборот по сравнению с происходившим раньше.

Только теперь, сорок восемь часов спустя, София готова к встрече с действительностью.

На кухне она заряжает кофеварку, достает ноутбук, ставит его на кухонный стол и включает.

С чашкой кофе в руках она садится за компьютер. Как только ее оповестили о смерти родителей, она сразу зашла на домашнюю страничку похоронного бюро “Фонус” и узнала, как сможет простейшим образом предать земле то, что от них осталось. Это должно было произойти в пятницу на Лесном кладбище.

Проверяя телефон и видя, что ей неоднократно звонила Жанетт, она испытывает угрызения совести. Вспоминает, что пообещала пойти вместе с Жанетт и Юханом в “Грёна Лунд”, и сразу же звонит Жанетт.

– Где тебя черти носили? – с беспокойством спрашивает та.

– Мне немного нездоровилось, не было сил отвечать на звонки. Ну так как же с походом в “Грена Лунд”? – спрашивает София.

– Ты по-прежнему можешь в пятницу?

София думает о захоронении урны на Лесном кладбище.

– Безусловно, – отвечает она. – Где мы встретимся?

– У паромы на Юргорден в четыре часа?

– Я приду!

Следующий звонок адвокату, который должен составить опись имущества. Его зовут Вигго Дюрер, и он старый друг семьи. В детстве она несколько раз встречалась с ним, но помнит его смутно. “Олд спайс” и “О де ви”.

Остерегайся его.

Адвокат Дюрер говорит, что она как единственная наследница получает все.

– Все? – с удивлением переспрашивает она. – Дом ведь сгорел?..

Вигго Дюрер рассказывает, что помимо страховки за дом, которая оценивается примерно в четыре миллиона, у ее родителей имеются сбережения в сумме девяноста тысяч крон, а также портфель акций, которые при продаже принесут почти пять миллионов.

София поручает адвокату как можно скорее обратить акции в наличные и положить их на ее личный счет. Вигго Дюрер пытается ее отговорить, но она стоит на своем, и в конце концов он соглашается сделать, как она хочет.

Подсчитав, она понимает, что скоро в ее распоряжении окажется более десяти миллионов крон. Она стала очень богатой женщиной.

Гамла Эншеде

Жанетт кладет трубку, чувствуя, как у нее поднимается настроение. София просто немного приболела и была не в силах отвечать на звонки. Значит, она волновалась понапрасну.

Посещение “Грёна Лунда” означает, что она наконец сможет чем-то порадовать Юхана и в то же время повидаться с Софией.

Теперь, когда ее все-таки отправили в отпуск, она пару дней отдохнет, а потом подумает над будущим. Вилла для них с Юханом слишком велика, и Жанетт собиралась предложить Оке ее продать. Она думает о большой квартире Софии в районе Сёдермальм. Вот бы ей подыскать нечто подобное. Она надеется, что Юхан не слишком отрицательно отнесется к идее переезда в город.

Ее размышления прерывает звонок в дверь, и она идет открывать.

За дверью оказывается совершенно незнакомый ей полицейский в форме.

– Здравствуйте, меня зовут Йоран, – говорит он, протягивая руку. – Вы Жанетт Чильберг?

– Йоран? – переспрашивает Жанетт. – В чем собственно дело?

– Андерссон, – уточняет он. – Йоран Андерссон, я из отделения полиции Вермдё.

– Ага, и чем я могу вам помочь?

– Дело в том... – Он откашливается. – Я работаю на острове Вермдё, и несколько дней назад у нас там был сильный пожар. Два человека погибли при обстоятельствах, выглядевших как несчастный случай. Ну, они мылись в бане и...

– И?..

– Сгоревшую внутри пару звали Бенгт и Биргитта Бергман, и то, что поначалу представлялось несчастным случаем, на самом деле, похоже, несколько сложнее.

Жанетт извиняется и просит его войти.

– Давайте сядем на кухне. Кофе?

– Нет, я ненадолго.

– Итак... Почему же вы здесь? – Жанетт заходит на кухню и усаживается за стол. Полицейский следует за ней.

Он садится у окна.

– Я навел о них справки и почти сразу увидел, что вы допрашивали

Бенгта Бергмана по поводу изнасилования.

– Да, верно, – кивает Жанетт. – Но это ничего не дало. Его отпустили.

– Да... а теперь он мертв, поэтому... Когда я позвонил его дочери и рассказал о случившемся, она отреагировала... ну, как бы это сказать?

– Странно? – Жанетт думает о собственном разговоре с Викторией Бергман.

– Нет. Скорее равнодушно.

– Йоран, простите меня. – Жанетт начинает терять терпение. – Почему же вы приехали сюда?

Йоран Андерссон наклоняется над столом и улыбается:

– Ее не существует.

– Кого не существует? – У Жанетт внутри возникает неприятное ощущение.

– Что-то в этой дочери вызвало у меня любопытство, и я навел о ней справки.

– Что же вы обнаружили?

– Ничего. Ноль. Нет ни в одном регистре, ни единого банковского счета. Вот так. Более чем за двадцать лет Виктория Бергман не оставила после себя никаких следов.

Часовня Святого Креста

Вообще-то сильная осенняя буря больше подошла бы для захоронения урны с прахом Бенгта и Биргитты Бергман, однако сияет солнце и Стокгольм показывает себя с самой лучшей стороны.

Деревья в Холерном парке^[88] радуют глаз всеми мыслимыми оттенками – от золотисто-коричневого до бордового, однако красивее всего выглядят темно-зеленые листья кленов.

С Нюнесвэген она сворачивает на Суккенвэген, едет прямо, проезжает под мостом, мимо станции метро и цветочного магазина, и еще через сто метров наконец поворачивает направо и вскоре попадает прямо на стоянку возле Лесного кладбища.

Здесь стоит с десяток машин, но она знает, что ни одна из них не принадлежит кому-либо из участников церемонии. На ней присутствовать будет только она.

Она заглушает мотор, открывает дверцу и выходит. Воздух прохладный и свежий, и она с удовольствием делает несколько глубоких вдохов.

Мощеная пешеходная дорожка между высокими деревьями ведет к комплексу зданий, включающему крематорий и монументальный поминальный зал. София проходит мимо сидящей на скамейке и тихо беседующей пожилой пары. Справа от часовни стоит большой крест, отбрасывающий на газон мрачную темную тень.

Уже издали София видит пастора, серьезного, со склоненной головой.

На земле перед ним – урна для праха двоих.

Из темно-красного вишневого дерева. Тленный материал, как было написано на домашней страничке похоронного бюро.

Чуть более тысячи крон.

Пятьсот крон на человека.

Присутствовать будут только они. Она и пастор. Так она решила.

Никакого оповещения о смерти, никакого некролога. Спокойное прощание, без слез и сильных эмоций. Никакой сглаживающей речи о примирении или неуклюжей попытки вознести покойных до чего-нибудь, чем они никогда не являлись.

Никаких воспоминаний, награждающих их добродетелями, которыми они не обладали, или представляющих покойных ангелами.

Не будет никакого создания богов.

Она здороваётся с пастором и объясняет, как все должно происходить.

Поскольку от отпевания она отказалась, будут только положенные перед опусканием урны фразы.

Передача в руки Создателя и молитва о том, чтобы смерть и воскрешение Иисуса совершились в человеке, созданном Богом по своему подобию, прошли перед кремацией без присутствия Софии.

Возвратишься в землю, из которой ты взят: ибо прах ты и в прах возвратишься.

Господь воскресит тебя в Судный день.

Все должно занять не более десяти минут.

Они вместе идут мимо маленького пруда в сторону деревьев, растущих на кладбище.

Пастор – невысокий, тощий мужчина, возраст которого ей трудно определить, – несет урну. Его худосочному телу присуща медлительность стареющего человека, но во взгляде сквозит любопытство юноши.

Они не разговаривают, но ей трудно оторвать взгляд от урны. Там лежит то, что осталось от ее родителей.

Обгорелые кости опустили после кремации в сосуд для охлаждения. Несгоревшие детали типа бедренного протеза Бенгта извлекли, перед тем как с помощью мельницы для костей обратить части скелета в порошок.

Умерев, ее отец, как это ни парадоксально, стал для нее в то же время живым. Открылась какая-то дверь, будто в воздухе прорезалась дыра. Дверь стоит перед Софией распахнутой и предлагает освобождение.

Следы, думает она. Какие следы они после себя оставили? Ей вспоминается случай из далекого прошлого.

Ей четыре года, Бенгт залил новый пол в одной из комнат подвала. Соблазн прижать ладошку к блестящему вязкому цементу оказался сильнее страха перед наказанием, которое, как она знала, за этим последует. Отпечаток маленькой ручки сохранялся там до самого пожара. Наверное, он по-прежнему остался под руинами сгоревшего дома.

А что останется от Него?

То физическое, что Он оставляет после себя, вероятно, испорчено или отчуждено, развеяно по ветру. Подготовлено к продаже с аукциона. Вскоре станет анонимными предметами, принадлежащими совершенно чужому человеку. Вещами без истории.

Следы, оставленные Им внутри нее, напротив, переживут его в форме стыда и долга.

Долга, с которым ей никогда не расквитаться, как бы она ни старалась.

Он будет только продолжать расти и расти.

Что я вообще о Нем знала? – думает она.

Что скрывалось в глубине Его души и о чем Он мечтал? К чему стремился?

Им двигала постоянная неудовлетворенность, думает она. Как бы тепло Ему ни было, Он все равно дрожал от холода, и сколько бы Он ни ел, у Него все равно подводило живот от голода.

Пастор останавливается, ставит урну на землю и склоняет голову, точно в молитве. Кусок зеленой ткани с отверстием посередине растянута перед могильной плитой из темно-красного гранита.

Семь тысяч крон.

Она пытается поймать взгляд пастора, и он, когда наконец поднимает голову, смотрит на нее и кивает.

Она делает несколько шагов вперед, обходит вокруг ткани, наклоняется и берется обеими руками за веревку, прикрепленную к красной урне. Ее поражает, какая урна тяжелая, веревка режет ей руки.

Она осторожно двигается к отверстию, останавливается и медленно опускает урну в черную дыру. Немного поколебавшись, она выпускает веревку из рук, предоставляя ей упасть и улечься на крышку урны.

Ладони жжет, и, разжав руки, она видит по ярко-красному пятну на каждой ладони.

Стигматы, думает она.

Свободное падение

Самым популярным аттракционом парка “Грёна Лунд” является перестроенная наблюдательная вышка стометровой высоты, которая видна из большинства районов Стокгольма. Пассажиров медленно поднимают на высоту восьмидесяти метров, после чего они там некоторое время висят и, наконец, мчатся к земле со скоростью почти сто двадцать километров в час. Спуск занимает две с половиной секунды, и при торможении пассажиры подвергаются перегрузке в три с половиной g .

То есть при приземлении человеческое тело весит в три с лишним раза больше обычного.

Еще хуже обстоит дело с весом тела по пути вниз.

Мчащийся со скоростью сто километров в час человек весит более двенадцати тонн.

– Ты знаешь, что они прошлым летом закрывали “Свободное падение”? – со смехом спрашивает София.

– Вот как? Почему же? – Жанетт сжимает руку Юхана, и они продвигаются в очереди на несколько шагов вперед. При мысли, что София и Юхан вскоре повиснут наверху, у нее кружится голова.

– В одном из луна-парков США кому-то оторвало тросом ноги. Наши закрыли, потому что им пришлось проводить проверку безопасности.

– Черт... прекрати. Нашла время рассказывать об этом, когда вы как раз собираетесь ехать.

Юхан смеется и пихает ее в бок.

Она улыбается ему. Ей уже давно не доводилось видеть его таким оживленным.

За последние несколько часов Юхан и София уже успели опробовать “Метлу”, “Каракатицу”, “Эстрим” и “Катапульту”. Кроме того, у них есть по фотографии, где они с криком мчатся на “Ковре-самолете”.

Жанетт все время стояла внизу и наблюдала с комом в желудке.

Настает их очередь, и Жанетт отходит в сторону.

Храбрость слегка изменяет Юхану, но София поднимается на платформу, и он, нерешительно улыбаясь, следует за ней.

Служитель проверяет, на месте ли предохранительные скобы.

Затем все происходит очень быстро.

Платформа начинает подниматься, и София с Юханом нервно машут

ей руками.

В тот момент, когда Жанетт видит, что их внимание переключается на вид на город, она слышит прямо позади себя звук бьющегося стекла.

Трое мужчин устроили настоящую драку.

На то, чтобы их разнять, у Жанетт уходит двенадцать минут.

Семьсот двадцать секунд.

И все кончено.

Попкорн, пот и ацетон.

От этих запахов Софии делается не по себе. Ей трудно отличить реальные запахи от воображаемых, и когда она проходит мимо автодрома, воздух кажется удушливо наэлектризованным.

Воображаемый запах жженой резины смешивается с реальным приторным дуновением со стороны мужских туалетов.

Начало темнеть, но вечер теплый, небо прояснилось. Асфальт по-прежнему мокрый от внезапного ливня, и отражающиеся в лужах мигающие разноцветные лампочки режут глаза. Неожиданный крик со стороны американских горок заставляет ее вздрогнуть, и она отступает на шаг назад. Кто-то толкает ее сзади, и она слышит, как кто-то ругается.

— Чем ты, черт возьми, занимаешься?

Она останавливается, закрывает глаза. Пытается вытеснить из головы впечатления от голоса.

Что ты теперь собираешься делать? Усесться и заплакать?

Что ты сделала с Юханом?

София оглядывается по сторонам и обнаруживает, что она одна.

— Он действительно не боялся высоты, но когда опустили предохранительную решетку, начался дождь, и когда их заперли, она почувствовала, как он дрожит от страха, и когда вагончик начал двигаться, он сказал, что передумал и хочет вниз...

Кто-то ударяет ее по лицу. Щеку жжет, и она чувствует, что щека мокрая и соленая. Жесткий гравий царапает спину.

— Что с ней?

— Кто-нибудь может позвать медиков?

— О чем это она говорит?

— Здесь есть кто-нибудь с медицинским образованием?

— ...и он плакал и боялся, и она сперва пыталась утешать его, когда они поднимались все выше и выше и могли уже видеть всю Упсалу и все лодки на Фюрисон, и когда она сказала ему об этом, он перестал хныкать и

возразил, что это Стокгольм и видно паромы, идущие к Юргордену...

– Мне кажется, она говорит, что она из Упсалы.

– ...и на самом верху загремел гром и засверкали молнии, а потом все стихло, и люди внизу были словно точки, при желании их можно было раздавить между пальцами, как маленьких мушек...

– По-моему, она сейчас лишится чувств.

– ...и как раз в этот момент все в животе поднимается к горлу, и все несется тебе навстречу, именно так, как тебе этого хочется...

– Пропустите меня!

Она знает этот голос, но не может определить откуда.

– Подвиньтесь, я ее знаю.

Прохладная рука на горячем лбу. Знакомый запах.

– София, что случилось? Где Юхан?

Виктория Бергман закрывает глаза и вспоминает.

Благодарность

не выражаем ни единому гаду.

notes

Примечания

Гамла Эншеде – пригородный район к югу от Стокгольма. (Здесь и далее – прим. перев.)

В середине 1950-х годов правительство Китая ввело жесткую систему регистрации – “хукоу”, которая ограничивала мобильность большинства китайцев, оставляя их в деревнях на последующие десятилетия. Распределение питания и других ресурсов было привязано к месту регистрации.

Останки средневекового человека, найденные в болоте в муниципалитете Варберг в Швеции.

Крунуберг – квартал, в котором находится здание Управления полиции Стокгольма.

Сольна – пригород Стокгольма, где находится Каролинская больница.

Здание находится в Стокгольме на площади Мариаторгет и представляет собой многофункциональный комплекс с конференц-залами, ресторанами, помещениями для выставок и т. д. Свое название оно получило в связи с тем, что в XIX веке здесь размещалось мыловаренное производство.

Худдинге – пригород Стокгольма.

Ишмаэль Бих (р. 1980), будучи ребенком, в течение нескольких лет участвовал в гражданской войне в Республике Сьерра-Леоне (1991–2002). Оригинальное название опубликованной в 2007 г. книги воспоминаний – *A Long Way Gone*.

Приехали, леди! (англ.)

– Тут дорога заканчивается. Дальше проехать не могу. – Доллары? – Да, пять долларов годится! (*англ.*)

11

Нет ли у вас в багаже бензина? *(англ.)*

К сожалению, нет (*англ.*).

Удачи вам, леди, чего бы вы там ни задумали! (англ.)

Кажется, вам нужна помощь. Обождите здесь, чтобы никто не украл воду. У меня ноги пока целы, и я сбегая за помощью. – А как же твой друг? *(искаж. англ.)*

Мертвый. Он мне не друг. Никаких проблем. Но вам больно. Плохо, так что я сбегая за помощью, ладно? (*искаж. англ.*)

Никаких проблем, мэм (*англ.*).

Белые горы, или Парк белых гор, – название парка, расположенного в холмистой местности на востоке района Сёдермальм. Свое название парк получил, поскольку первоначально голые вершины двух гор имели светлый скальный грунт.

Сигтуна – небольшой древний городок неподалеку от Стокгольма, где находится широко известная в Швеции школа-интернат. В этой школе учились, например, король Карл XVI Густав, Улоф Пальме и другие известные люди.

Дандерюд – пригород Стокгольма, где проживают преимущественно состоятельные люди.

Йоккмокк и *Буден* – муниципальные центры в Лапландии, самой северной провинции Швеции.

Сёдер – разговорное название района Сёдермальм, в переводе означает “Юг”.

Васалоппет – массовая лыжная марафонская гонка в Швеции.

Архилох (до 680 – ок. 640 до н. э.) – древнегреческий поэт.

Перевод В. Вересаева.

Алкман (2-я пол. VII в. до н. э.) – древнегреческий поэт.

Следовательно (лат.).

Познание, знание (*греч.*).

Улоф Пальме (1927–1986) – видный политический деятель, премьер-министр Швеции, застреленный в центре Стокгольма. *Валленберги* – клан крупнейших шведских промышленников и финансистов.

Скоростной поезд, курсирующий между крупными городами Швеции.

Хаммарбюхёйден – район в пригороде Стокгольма.

Глобен – крупнейшее сферическое сооружение в мире, используемое для проведения концертов и спортивных мероприятий.

Эверт Тоб (1890–1976) – выдающийся шведский поэт, трубадур, писатель и художник, пользовавшийся колоссальной популярностью у современников.

Рад видеть вас, мэм (*ломаный англ.*).

Откровенно, мэм, должен вам сказать... (*ломаный англ.*)

Ну... как дела, Самуэль? (*англ.*)

Мэм, лучше не бывает... И откровенно я должен вам сказать...
(ломаный англ.)

Объединенный (англ.).

Традера (tradera.com) – один из крупнейших интернет-аукционов в Швеции.

Господи, великолепно... (англ.)

Свобода, мэм. Это свобода... Эти мотоциклы для меня что материнская грудь для младенцев (*смесь английского со шведским*).

Каких друзей? Круто тронутых или круто классных? Сам я предпочитаю круто классных! Откровенно, у меня их во Фритауне масса... начну с круто классного Коллина... (*ломаный англ.*)

Хотите ее потрогать? *(англ.)*

Нассать на тебя, сука... (*ломаный англ.*)

“Пла кат” по-тайски означает “кусающая рыба”, по-русски – “бойцовая рыбка” или “сиамский петушок”.

Harvest Home – ресторанчик типа паба в Стокгольме. Название, возможно, связано с песней канадского автора-исполнителя Нила Янга.

Тюрьма Падемба-Роуд – центральная тюрьма Фритауна.

Сальтшёбаден – живописный пригород Стокгольма.

“Сёдерхалларна” – крупный торгово-развлекательный комплекс в районе Сёдермальм.

Анна Линд (1957–2003) – министр иностранных дел Швеции, убитая в одном из центральных универмагов Стокгольма.

Самарин – природное лекарственное средство, применяемое при изжоге.

Данвикская таможня – неформальное название восточной части района Сёдермальм, где раньше находилась таможня при въезде в Стокгольм с этой стороны.

Черрторп – район в пригороде Стокгольма.

Хельсингланд – одна из северных провинций Швеции.

Эстермальм – престижный район в центре Стокгольма.

“Луизиана” – музей современного искусства в Копенгагене.

Томас Квик (настоящее имя Стуре Рагнар Бергвалль) – шведский маньяк-убийца, взявший на себя вину за двадцать убийств, совершенных на территории Скандинавии, и отбывающий пожизненное заключение. Несколько лет назад он отказался от большинства своих признаний, заявив, что сделал их под воздействием психотропных препаратов.

“Мюнхенская пивоварня” – комплекс в районе Сёдермальм, используемый в настоящее время как бизнес-центр, включающий также помещения для выставок и конференций.

Доротея и Вильгельмина – местечки в южной части Лапландии.

Лу Рид (р. 1942) – американский рок-музыкант, поэт, вокалист и гитарист.

Падьеланта – крупнейший национальный парк Швеции, расположенный в Лапландии на границе с Норвегией.

В Швеции Сочельник празднуется 24 декабря, а в дни между Рождеством и Новым годом в магазинах устраиваются распродажи.

Частный театр в Стокгольме.

Эрнст Билльгрен (р. 1957) – один из наиболее известных современных шведских художников, *Макс Микаэль Бук* (р. 1953) – известный шведский художник и музыкант.

Автор баллады – Эверт Тоб (1890–1976), шведский писатель, композитор и художник. Благодаря популярности своих песен он считается шведским национальным трубадуром.

Хай! Давно не виделись, мэм. У вас хватит на меня бургеров? Я видел, как вы покупали в дональдсе на двоих (*ломаный англ.*).

Разговариваете сами с собой? (*ломаный англ.*)

С кем вы разговариваете? Здесь никого. Кто там? (*ломаный англ.*)

Забудь о ней. Мы играем в прятки (*англ.*).

Что случилось с вашим лицом, мэм? Выглядит странно... (*ломаный
англ.*)

С кем вы разговариваете, леди? (*ломаный англ.*)

Ешь и заткнись (*англ.*).

Приблизительно: “дежавю”, от др.-греч. “подобие, воспроизведение, подражание”.

Свидетельство большого дела (англ.).

Убил обезьяну (англ.).

Алис Миллер (р. 1923) – писатель и психолог польского происхождения, известная работами о разных формах насилия над детьми.

“Грёна Лунд” – самый старый в Швеции луна-парк, расположенный в центре Стокгольма.

Так называется выпущенный в Швеции сборник произведений Томаса де Квинси (1785–1859), английского писателя, автора знаменитой книги “Исповедь англичанина, употреблявшего опиум”.

Книга *Сьюзен Фалуди* (р. 1959), известной американской журналистки, писательницы, феминистки.

Ян Гийу (р. 1944) – известный шведский писатель.

В Швеции есть два писателя Стига Ларссона, имя которых произносится одинаково, но пишется немного по-разному. Один ныне покойный известный автор детективной трилогии и борец с нацизмом, а второй всегда эпатирует публику своими книгами и выступлениями.

Валери Соланас (1936–1988) – американская радикальная феминистка, писательница и драматург.

Густавсберг – небольшой город к востоку от Стокгольма, административный центр коммуны Вермдё.

Карл Ларссон (1853–1919) – один из самых любимых шведами художников, автор идиллических полотен, акварелей и рисунков, изображающих его семью.

Имя собачки произведено от шведского термина, обозначающего естественные каменные образования, получившиеся в результате эрозии во время ледникового периода и сохранившиеся на ряде шведских островов.

“*Операчелларен*” – один из наиболее известных и дорогих ресторанов Стокгольма, расположен в здании Оперы.

Хаммарбю Шёстад – название нескольких жилых районов вокруг озера Хаммарбю в пригороде Стокгольма.

Сканстуль – часть района Сёдермальм, где в 1643–1645 гг. было возведено укрепление, часть которого вплоть до середины 1850-х годов служила таможней при въезде в Стокгольм с южной стороны.

Холерный парк – парк в районе Сёдермальм, образовавшийся вокруг старого кладбища, где хоронили жертв холерной эпидемии 1834 и 1853 годов.